Э. А. Масанов

Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ имени Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Э. А. МАСАНОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАЗАХСКОГО НАРОДА В СССР

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА 1966

Книга посвящена малоизученной и актуальной историографической проблеме. В ней рассматривается история этнографического изучения казахского народа в дореволюционный и советский периоды, т. е. начиная с появления первых этнографических известий о казахах на русском и некоторых восточных языках и до настоящего времени. Автором выявлены и описаны многие этнографические работы, показана огромная роль русских ученых в изучении этнографии казахов. В работе рассматривается также борьба прогрессивного и реакционного направлений в этнографии, становление и развитие марксистско-ленинской этнографии Советского Казахстана. Автор подводит итоги многовековой истории этнографического изучения казахского народа в России, характеризует состояние изученности различных этнографических проблем и задачи этнографии Советского Казахстана.

Книга рассчитана на научных работников, аспирантов, студентов и широкий круг читателей.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Р. Б. СУЛЕЙМЕНОВ

1-6-2
66-66м

ОТ РЕДАКТОРА

Монография «Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР» — последний труд молодого талантливого ученого-этнографа, кандидата исторических наук Эдиге Айдарбековича Масанова, трагически погибшего в экспедиции летом 1965 года.

Автор работал над книгой около десяти лет. Им было собрано и изучено огромное количество источников: книг, брошюр, статей, мемуаров, а также архивных документов и рукописных материалов, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые. Широк круг исследуемых вопросов, широки и хронологические рамки работы (XI—XX вв.).

Автор закончил «Очерк...» в январе 1965 г., затем очерк был обсужден Сектором Средней Азии Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (23.IV—1965 г.) и Отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии имени Ч. Ч. Валиханова АН Казахской ССР

(10.V—1965 г.). Участники обсуждений дали высокую оценку работе, в которой автор сумел с марксистских позиций оценить и сделать достоянием советской науки ценнейшие этнографические знания о казахском народе, накопленные в течение многих столетий.

Трудность работы состояла не только в том, что Э. А. Масанов впервые взялся исследовать большую проблему во всей полноте и объеме, но и в том, что он вполне ясно и четко поставил перед собой задачу дать такое исследование истории этнографического изучения казахского народа в СССР, в котором бы, с одной стороны, вновь пересматривалось научное наследие несправедливо забытых или «развенчанных» исследователей, с другой — создавалась цельная, объективная картина развития этнографии казахов, свободная как от нигилизма и огульного «пролеткультовского» отрицания, так и от буржуазных идей «единого потока», от «внеклассового» и «надклассового» подхода. И нужно отдать автору должное, — задача эта выполнена им блестяще.

В последние месяцы своей жизни Э. А. Масанов тщательно работал над подготовкой книги к печати, стремясь учесть полезные замечания и советы, высказанные в процессе обсуждений. Так, он полностью завершил доработку двух первых разделов монографии, значительно улучшил и упростил ее структуру. Введение и особенно последний, третий, раздел книги, в котором исследуется советский период, автор намеревался подвергнуть коренной переработке и значительно расширить. Во введении он предполагал четче и шире обосновать цели и задачи исследования, а также более подробно мотивировать периодизацию истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Однако трагическая гибель помешала ученому осуществить эти планы.

При редактировании книги мы могли учесть лишь самые общие замечания и пожелания, высказанные рецензентами по поводу введения и III раздела книги и принятые автором. Что касается редактирования книги в целом, то оно было начато еще при жизни автора и многие изменения, поправки и сокращения I и II разделов книги были согласованы с ним. Незавершенность последних частей, думается, ни в коей мере не могла отрицательно сказаться на единстве и цельности идеи и композиции этого серьезного научного труда.

Обстоятельное, глубокое исследование, содержащее исключительно богатые и ценные сведения историко-культурного, экономического, правового, географического, геологического и справочно-библиографического характера, будет, несомненно, интересно как для научных работников, так и для широкого круга читателей.

Р. Сулейменов

ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестно, что «ни одна наука не может развиваться без глубокого изучения своей истории. Такое изучение помогает лучше осваивать достигнутые результаты и двигать науку вперед»[1]. Это положение в полной мере справедливо и в отношении этнографической науки. Но если в изучении истории русской этнографии достигнуты большие успехи[2], то истории этнографического изучения казахского

[1] «Об изучении истории исторической науки». (Передовая). «Вопросы истории», 1956, № 1, стр. 3.

[2] М. О. Косвен. Материалы к истории русской этнографии. «Советская этнография», 1955, № 1; С. А. Токарев. Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии. «Советская этнография», 1951, № 2; С. П. Толстов. Сорок лет советской этнографии. «Советская этнография», 1957, № 5; С. П. Толстов, Т. А. Жданко. Пути развития и проблемы советской этнографии. «Вопросы истории», 1964, № 7; «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии». М., 1956—1964, вып. 1 и 2.

народа в СССР посвящено лишь несколько статей, из которых только одна статья И. В. Захаровой затрагивает советский период[3].

Ключ к правильной оценке научного наследия прошлого дал В. И. Ленин. Историк-марксист, говорил он, должен усвоить лучшие достижения буржуазных ученых, «к которым он обязан отнестись критически». «Пролетарская культура, — указывал Ленин, — должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»[4]. Предостерегая от неверной оценки заслуг исторических деятелей, Ленин писал: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»[5]. В новой Программе КПСС говорится: «Культура коммунизма, вбирая в себя и развивая все лучшее, что создано мировой культурой, явится новой высшей ступенью в культурном развитии человечества»[6].

Исходя из этих указаний В. И. Ленина и Коммунистической партии о значении культурного наследия прошлого, автор поставил перед собой задачу показать историю накопления и развития этнографических знаний о казахском народе с древнейших времен до наших дней. Характеризуя изучение этнографии казахов русской наукой, а также немногочисленными до Октябрьской революции казахскими учеными и краеведами и советской этнографической наукой, автор на основе марксистско-ленинской методологии стремится показать историю изучения различных проблем казахской этнографии, богатство этнографической литературы о казахах на русском языке, большую научную ценность содержащихся в ней этнографических материалов, историю усовершенствования методов этнографического исследования и сбора научных сведений, историю борьбы различных идейных направлений в области этнографического изучения казахского народа, историю становления марксистско-ленинской этнографии в Казахской республике.

В русских дореволюционных работах, посвященных казахам, как правило, историографические обзоры не дава-

---

[3] И. В. Захарова. Этнографическое изучение Казахстана за годы Советской власти. «Известия АН КазССР, серия истории», 1956, вып. 3.

[4] В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 262.

[5] В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 166.

[6] «Программа КПСС». М., 1961, стр. 130.

лись. Описательный характер большинства научных публикаций и их компилятивность приводили к тому, что ошибочные положения и оценки не подвергались критике. Лишь изредка отдельные авторы выступали против некоторых утверждений своих предшественников, например по вопросам этногенеза казахов и их самоназвания.

Труды русских революционных демократов В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, как известно, способствовали подъему уровня научной критики и развитию русской историографии. В области этнографического изучения казахского народа влияние революционных демократов в первую очередь отразилось в трудах выдающихся казахских просветителей Ч. Валиханова и И. Алтынсарина. Первый из них уже в середине XIX в. подверг критике почти всю русскую литературу, посвященную казахам. Он по достоинству оценил положительные и отрицательные стороны этой литературы. Но его критика, будучи вполне объективной, справедливой и целеустремленной, в известной степени носила эпизодический характер. Он не написал специальной историографической работы. Ценные критические высказывания Валиханова разбросаны в его многочисленных работах, которые в большинстве своем не были опубликованы до самого последнего времени.

Из других авторов, изучавших проблемы историографии казахов в середине XIX в., известны П. С. Савельев и Я. В. Ханыков. Особенно содержательной является работа Савельева «Средняя Азия» (1848).

Во второй половине XIX в. в русской историографии, с усилением борьбы демократического прогрессивного направления с реакционным, наблюдается дальнейшее развитие научной критики. Открыто реакционные высказывания о казахах стали встречать отпор со стороны все большего числа ученых. Развитию научной критики и объективному изучению казахов значительно способствовали труды Г. Н. Потанина, А. Е. Алекторова, а также некоторых политических деятелей, сосланных в Казахскую степь. В своем аннотированном «Указателе» Алекторов впервые показал огромное богатство этнографической литературы на русском языке, посвященной казахам, и сделал попытку выяснить ее основные недостатки.

Но специальные историографические работы в то время не были написаны. Лишь А. Н. Пыпин (1833—1904) в четвертой части своей книги «История русской этнографии» ставил перед собой эту задачу, но от решения ее он по существу отказался. «Этнография сибирских инородцев..., — писал он, имея в виду и казахский народ, — этот предмет так обширен и сложен, что в предположенном нами объеме невозможно

изложить всей истории этих исследований и их результатов». А. Н. Пыпин считал, что «исчисление того, что сделано до сих пор по изучению сибирских инородцев, может найти место только в библиографическом обзоре этой литературы»[7]. Поэтому он лишь перечислил имена некоторых этнографов-казаховедов, привел биографические сведения о них и сокращенные списки научных работ, не дав какой-либо оценки этим работам. Вместе с тем Пыпин впервые в русской литературе уделил особое внимание характеристике жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова.

Попытки историографического анализа литературы о казахах делались и в начале текущего столетия. Но историю научного изучения казахского народа буржуазные авторы рассматривали неразрывно с историей присоединения Казахской степи к России и продвижения царских войск в Среднюю Азию. При этом на первый план выдвигалась вторая проблема, а первая затушевывалась. Даже В. В. Бартольд не избежал влияния этой традиции, хотя и хотел вполне определенно показать достижения русской науки в области изучения казахов. В своих лекциях «История изучения Востока в Европе и в России», впервые опубликованных в 1911 г., он не привел более или менее полного списка историко-этнографической литературы о казахах, не дал ей научной оценки, уделив внимание преимущественно описанию истории военного, политического и экономического проникновения царизма в Казахскую степь. Бесперспективная буржуазная историография не могла по достоинству оценить лучшие страницы истории науки. Не по плечу ей было и полное, правильное освещение всей истории этнографических исследований о казахах, причин появления различных направлений в этнографии, их классовой сущности и исторического значения.

В первые годы Советской власти отдельные ученые пытались по достоинству оценить дореволюционную литературу о казахах, но не справились с этой задачей. Одним из первых такую, правда не совсем успешную, попытку, как отмечалось в печати 1920-х годов[8], сделал А. П. Чулошников в «Очерках по истории казах-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских народов» (1924). Неудача Чулошникова отчасти объясняется нигилистическим отношением к дореволюционной литературе, которое в те годы все более утверждалось в науке. В 1933 г. Ш. Альджанов писал: «Дореволюционным Казахстаном ин-

[7] А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. IV. СПб., 1892, стр. 378, 400.

[8] «Новый Восток», кн. I. М., 1925, стр. 354—355.

тересовались многие ученые и изучали этот богатейший край. Но изучали лишь с одной точки зрения, а именно: выполняя социальный заказ своего класса, прежние исследователи, начиная от известных ученых того времени, кончая всякими миссионерами, искали пути и способы колонизации этого края. Нащупывая слабые стороны этого народа, они пытались обосновать свои теории, теории расового шовинистического порядка — делали «научные» выводы, отрицая будущность казахской нации... Мы ни в коем случае не можем базироваться на данных прежних «научных» исследований колонизаторов. Это бесспорно»[9].

Это нигилистическое отношение к культурному наследию прошлого было не только результатом слабой подготовки научных кадров. Его можно понять и правильно объяснить лишь учитывая всю сложность классовой борьбы, происходившей в те годы в стране в целом и в Казахстане в частности. В области этнографии идеологическая борьба была не менее острой, ибо старые ученые не сразу и не все одновременно прониклись пролетарским духом, многие из них продолжали трактовать те или иные явления жизни и быта трудящихся сквозь призму идеалистических, буржуазных концепций. Нельзя забывать, что при всей своей прогрессивности даже наиболее демократическое направление русской дореволюционной этнографии стояло далеко не на марксистско-ленинских методологических позициях. Нужно было время, чтобы и самые передовые идеи этой этнографии очистить от плевел неосознанной буржуазной реакционности, идеалистичности, от наслоений, враждебных общему духу демократии, социального и национального равноправия.

Однако мы не хотим оправдывать какой бы то ни было нигилизм, тем более такой, который наносит вред развитию науки. Нигилистическое отношение к научному наследию прошлого привело к почти полному вытеснению историографических обзоров со страниц обобщающих и монографических изданий и к забвению дела подготовки кадров историографов.

В историографических экскурсах, имеющихся в монографиях и диссертациях, лишь подчеркивается, что дореволюционное наследие весьма невелико, а научная критика в них обычно сводится к указанию отдельных недостатков в ранее появившихся трудах по соответствующей проблематике. Совершенно прав был академик М. Н. Тихомиров, когда писал, что «среди молодежи (к сожалению, не без влияния

---

[9] Ш. Альджанов. Проблемы национальной культуры в Казахстане и задачи научно-исследовательского педагогического института. «Большевик Казахстана», 1933, № 6, стр. 19.

отдельных профессоров) встречается нигилистическое отношение к крупнейшим русским историкам (добавим от себя — и этнографам. — *Э. М.*) дореволюционного времени. Об их трудах новое поколение отзывается как о работах, авторы которых всегда чего-то не поняли и чего-то не осознали»[10]. Что же касается собственно Казахстана, то в научной печати неоднократно отмечалось, что историография казахского народа является одной из самых неразработанных проблем науки вообще[11].

После XX съезда КПСС наблюдается заметное оживление историографических исследований. В печати появились отдельные историографические статьи и брошюры, названные в третьем разделе настоящей работы; обзоры литературы в монографиях и диссертациях стали более содержательными, чем прежде; ученые республики вплотную взялись за разработку этнографического наследия выдающихся казахских ученых-просветителей Ч. Валиханова и И. Алтынсарина.

Большое внимание проблемам развития этнографической науки в Советском Казахстане уделило Общее собрание Отделения общественных наук АН Казахской ССР, состоявшееся в ноябре 1956 г. и посвященное обсуждению состояния и задач изучения этнографии народов Казахстана. Собрание заслушало доклад директора Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР А. Н. Нусупбекова «О состоянии и задачах изучения этнографии народов Казахстана», содоклады В. В. Вострова «О работе по составлению историко-этнографического Атласа народов Средней Азии и Казахстана» и И. В. Захаровой «Об итогах этнографических экспедиций 1955—1956 гг.», в которых глубоко и правильно вскрывались недостатки и пробелы в этнографическом исследовании Казахстана, намечались пути и формы их устранения. Заслуживает особого одобрения то обстоятельство, что докладчик и ведущие ученые республики, принявшие активное участие в обсуждении проблем развития этнографии, совершенно справедливо указывали, что богатейшее наследие дореволюционных и советских этнографов, таких, как Георги, Кирилов, Рычков, Паллас, Левшин, Мейер, Красовский, Харузин, Аристов, Радлов, Бартольд, Диваев, Чулошников и многие другие, предано забвению. Указывалось и на слабую разработанность этнографических исследований казахских просветителей-демократов — Ч. Валиханова, И. Алтынсарина и А. Кунанбаева.

---

[10] М. Н. Тихомиров. О молодых ученых и исследовательской работе. «Вестник высшей школы», 1956, № 7, стр. 14.

[11] «Вопросы истории», 1956, № 1, стр. 6—7.

Очень важными, на наш взгляд, были некоторые пункты развернутого постановления этого собрания. Например, пункт 3 гласил: «Считать необходимым издание в текущей пятилетке трудов дореволюционных этнографов А. А. Диваева, А. Е. Алекторова, Г. Н. Потанина»[12]. Было намечено укрепить Отдел этнографии кадрами, расширить научные исследования в области изучения быта и культуры народов Советского Казахстана. К сожалению, многие важные решения относительно разработки научного наследия этнографов прошлого не воплотились в жизнь до сих пор.

Размах историографических исследований как в области казахской этнографии, так и вообще советской, недостаточно еще велик. В 1963 г. центральный орган КПСС — журнал «Коммунист» отмечал: «Из других центральных проблем этнографии нуждается в значительном улучшении изучение и освещение истории этнографической науки. Наибольший пробел имеется в освещении развития этнографии советского периода, которое особенно важно для преодоления последствий культа личности в этой отрасли знания»[13].

Важное значение исследования истории этнографического изучения казахского народа определяется многими причинами. Основная из них, пожалуй, заключается в том, что не ясна степень этнографической изученности казахского народа. Вклад дореволюционной этнографии в дело изучения быта и культуры казахов не оценен по достоинству и представлен в самом общем и фрагментарном виде. Имена и биографии многих русских и казахских авторов, изучавших прежде этнографию казахов, малоизвестны, а некоторые из них и вовсе неизвестны современным исследователям и читателям.

В 1926 г. В. В. Бартольд писал: «Когда я перебираю свои воспоминания о Туркестане, я иногда не без грусти думаю о том, как основательно забыты люди, игравшие когда-то более чем заметную [научную] роль, даже при скромном служебном положении»[14]. В этом, несомненно, повинна царская Россия, которая никогда не оказывала должного уважения деятелям науки. По вине царизма были преданы забвению имена и труды многих ученых. Советская наука обязана воскресить эти имена и воздать им должное.

---

[12] Материалы общего собрания Отделения общественных наук АН КазССР «О состоянии и задачах изучения этнографии народов Казахстана». (Доклады, стенограмма выступлений и постановление). Рукописный фонд ИИЭА АН КазССР, инв. № 1846, 1956, л. 4.

[13] «Коммунист», 1963, № 5, стр. 127.

[14] В. В. Бартольд. Письмо Н. П. Остроумову от 7 ноября 1926 г. Цит. по кн.: Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958, стр. 248, прим. 18.

Русская этнография на всем своем протяжении была более прогрессивной по сравнению с западноевропейской. Ибо она была тесно связана с передовыми течениями русской общественной мысли, что в свою очередь предопределило ее известные успехи, в частности, в области изучения казахов. Русская этнография доказала, что казахи являются самостоятельной народностью, имеющей самобытную культуру и историю, этническую территорию и свой язык. Этот важный вывод был сделан в условиях, когда господствующие власти и официальная наука отрицали существование казахской народности, не видели разницы между казахами и киргизами и другими кочевниками, стремились вытравить из сознания народа даже его самоназвание, именуя казахов киргизами и неисторическими номадами и туземцами. Передовые деятели русской науки и культуры вели борьбу с реакционной историографией и способствовали пробуждению национального и классового самосознания казахского народа.

Русские ученые собрали ценные этнографические материалы и высказали немало оригинальных и интересных мыслей, имеющих важное значение для изучения с марксистско-ленинских позиций различных проблем исторической этнографии казахов. Они изучали материальную и духовную культуру казахов, их устное народное творчество и показали богатство культурного наследия казахского народа в то время, когда сами казахи, ввиду почти полного отсутствия национальных кадров научной интеллигенции, издательств и органов печати, в обстановке сплошной неграмотности народа, не могли, разумеется, столь глубоко и всесторонне исследовать быт, обычаи, традиции, уклад жизни и характер хозяйствования, черты и особенности духовного облика и социальной психики своего народа.

На поприще русской науки и благодаря русским ученым, под их непосредственным руководством и влиянием развивалась научная деятельность первых казахских этнографов и среди них таких выдающихся личностей, какими были Ч. Валиханов, И. Алтынсарин и А. Кунанбаев. Они ориентировались на передовую русскую культуру и науку, изучая прошлое и современное состояние своего народа. К сожалению, становление собственно казахской этнографии, связанное с научной деятельностью Валиханова и Алтынсарина и получившее значительный толчок для своего дальнейшего развития с образованием Оренбургского отдела РГО и Семипалатинского областного статистического комитета, в составе которых трудились этнографы казахи, в том числе А. Кунанбаев, с конца XIX в., с наступлением эпохи империализма и резким усилением колониального гнета ца-

ризма, затормозилось, а затем и почти прекратилось. Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции создались необходимые условия для развития и расцвета казахской этнографической науки.

Одним из самых сложных вопросов, стоящих перед историографами, является правильная периодизация истории науки и научных исследований. Автор еще в 1959 г. всю историю этнографического изучения казахского народа в нашей стране подразделил на следующие три периода: первый, совпадающий с эпохой феодализма в России, охватывает несколько столетий — от появления в русской литературе первых этнографических сведений о казахском народе и его предках до середины XIX в., второй, совпадающий с эпохой капитализма и его высшей стадией—империализмом в России, охватывает время от середины XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции; третий период, послереволюционный, с 1917 г. до наших дней, совпадает с эпохой построения и победы социализма и постепенного перехода к коммунизму[15]. Эта периодизация не вызвала возражений в печати и положена в основу построения данной работы[16]. Она учитывает основные особенности развития русской и советской исторической науки в эпоху последних трех социально-экономических формаций в нашей стране и особенности этнографического изучения казахского народа.

Каждый из первых двух периодов подразделен на два этапа. Рубежом между двумя этапами первого периода сочтены 1730-е годы. Если для первого этапа этого периода характерно накопление фрагментарных, эпизодических и в значительной степени случайных этнографических сведений о казахском народе, то для второго, начало которого совпадает с присоединением к России двух из трех казахских жузов (Младшего и Среднего), характерно более или менее систематическое изучение этнографии казахов, и не только накопление научных сведений, но и их некоторое исследование.

В XVIII в., когда западные и северные районы Казахской степи становятся составной частью России, утверждается мнение, что научное изучение этих районов и их населения является непосредственной и прямой задачей русской науки. В это время предпринимаются первые попытки экспедиционного изучения культуры и быта казахского народа; эт-

---

[15] Э. А. Масанов. Об этнографическом изучении Казахстана в России до 1845 года. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР»; т. VI. Алма-Ата, 1959, стр. 216.

[16] «Советская этнография», 1962, № 6, стр. 65.

нографические очерки о казахах исследователи включают в свои обобщающие труды, например: И. Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», а также в лексиконы, справочники и в труды краеведческого характера (Г. Ф. Миллера, П. М. Рычкова); появляются и специальные этнографические работы о казахском народе (И. Г. Андреева, А. И. Левшина). Трехтомный труд А. И. Левшина, собственно говоря, явился венцом научного изучения казахов в России в эпоху феодализма. Он отразил в себе все достижения и недостатки русской этнографии в этой области.

Рубежом между двумя этапами второго периода является конец XIX в., совпадающий с началом высшей стадии капитализма и ленинского этапа в истории исторической науки. Начало же второго периода нами отнесено к середине 1840-х годов по следующим причинам. Во-первых, потому, что острейший социально-экономический и идеологический кризис, разразившийся в середине XIX в. и завершившийся падением крепостного права, оказал огромное воздействие на все стороны жизни пореформенной России и, в том числе, на развитие исторической науки; во-вторых, потому, что деятельность великих русских революционных демократов В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского составила целую полосу в развитии общественной и научной жизни страны, и гуманитарные науки в середине и в третьей четверти XIX в. испытали их непосредственное и сильное влияние; в-третьих, потому, что активизация колониальной политики царизма в конце первой половины XIX в., в связи с развитием капитализма вширь, поставила перед наукой новые задачи и вызвала некоторое оживление научных исследований в Казахской степи; в-четвертых, потому, что этнографическое изучение казахского народа с середины 1840-х годов стало до некоторой степени своего рода монополией Русского географического общества и его филиалов. В деятельности же этого Общества до 1861 г. и в пореформенный период принципиальной разницы нет. По существу, середина и вторая половина XIX в. являлись временем проведения в жизнь тех задач и идей, которые были разработаны при самом основании Общества.

Как известно, в России казахов, которых до начала XVIII в. называли «казаками» и «Казачьей ордой», в последующую эпоху стали называть «киргизами», «киргиз-кайсаками» и «казак-киргизами», а их этническую территорию — «Киргизской степью». Термин «Казахстан» до 1925 г. был неизвестен в России и в русских источниках никогда не употреблялся. Ныне же этот термин широко употребляется

как историками древнеи, так и средневековой и новой истории казахского народа, хотя он и был неизвестен прежде, и этнические границы казахов много раз изменялись и до национального размежевания никогда не совпадали с современными границами Казахстана. С исторической точки зрения мы сочли более правильным употребление для дореволюционной эпохи названия «Казахская степь» по аналогии с названием «Киргизская степь», подразумевая под ним в каждом данном случае ту территорию, которую называли «Киргизской степью» соответствующие русские источники. В цитируемых же источниках сохранены оригинальные названия: «Киргизская степь», «киргизы», «киргиз-кайсаки».

Разрабатывая данную тему, автор ознакомился в библиотеках Москвы, Ленинграда и Алма-Аты с многочисленными библиографическими указателями, биографическими справочниками, энциклопедиями, периодическими изданиями Русского географического общества и его филиалов, а также ряда других обществ и учреждений. Выявленная таким образом литература по этнографии казахского народа была тщательно изучена и в той или иной степени получила соответствующую оценку в настоящей работе.

Кроме литературных материалов, автор, по возможности, широко использовал доступные ему рукописные источники, отложившиеся в архивах и в отделах рукописей библиотек Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Оренбурга и Омска. Архивные материалы, которые до сих пор почти не привлекали внимания этнографов, весьма ценны для исследования актуальных проблем казахской этнографии и значительно дополняют наше представление о работе, проделанной дореволюционными авторами в области этнографического изучения казахского народа. Большое неоценимое значение архивных материалов заключается также в том, что только в них сохранились сведения о жизни и деятельности многих ученых и краеведов, которые ныне известны лишь как авторы отдельных этнографических исследований и публикаций. Восстановление биографий лиц, изучавших этнографию казахов, автор считал одной из важных задач своей работы и уделил ее решению большое внимание[17]. Некоторые резуль-

---

[17] В подготовительных материалах рукописного наследия Э. А. Масанова, касающихся настоящего очерка, мы обнаружили, в частности, заметки автора относительно тех дополнений, которые он собирался сделать при доработке введения. Из этих заметок явствует, что он думал значительно расширить характеристику советской литературы о выдающихся русских деятелях культуры, занимавшихся исследованием Казахской степи. Так, автор хотел дать высокую оценку деятельности современных исследователей из Советской Киргизии, особенно работам Л. А. Шеймана.

таты изучения темы данной работы автор изложил в статьях и заметках, опубликованных в 1959—1965 гг.[18].

---

[18] Э. А. Масанов: Об этнографическом изучении Казахстана в России до 1845 года. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 6, 1959; Ценные труды по истории и этнографии Киргизии. «Мугалимдер газетасы», 1959, № 48; Труды Г. Н. Потанина — важный источник по этнографии казахского народа. «Известия АН КазССР, серия истории», 1960, вып. 3; Ибрай Алтынсарин как этнограф казахского народа. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 16, 1962; рецензия: Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах, т. 1. Алма-Ата, 1961. «История СССР», 1964, № 1; Некоторые новые материалы о Ч. Ч. Валиханове. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1964, вып. 1; Ш. М. Ибрагимов — друг Ч. Ч. Валиханова. «Вестник Академии наук КазССР», 1964, № 9; Из истории этнографического изучения казахского народа в России (XV—XVII). Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964; Новые сведения о В. Н. Плотникове. «Советская этнография», 1965, № 2; Ч. Ч. Валиханов как этнограф казахского народа. «Советская этнография», 1965, № 5; Геродот казахского народа (к 85-летию со дня смерти этнографа А. И. Левшина). «Казахстанская правда», 1964, № 236.

I РАЗДЕЛ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КАЗАХСКОГО НАРОДА В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

Глава 1

НАЧАЛО НАКОПЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ О КАЗАХСКОМ НАРОДЕ (XV — НАЧАЛО XVIII ВЕКА)

Славяне Восточной Европы уже в первых веках нашей эры были знакомы с культурой и бытом населения Средней Азии и Южной Сибири. Этому способствовало раннее установление разносторонних связей славян с народами Востока. Со временем связи окрепли и с VI—VII вв. приняли постоянный характер[1].

Сведения об обычаях, нравах и верованиях тюркоязычных народов встречаются в славянском устном народном творчестве, в летописях и исторических повестях. Например, в «Повести временных лет» Нестора (1113) упомянуты многие тюркские племена и указан путь по Волге в Азию, на Восток. Русский востоковед П. С. Савельев справедливо считал, что летопись Нестора «должна быть причислена к древнейшим источникам для этнографии тюркских племен, уроженцев Средней Азии»[2].

---

[1] Б. Д. Греков. Культура Киевской Руси. М., 1944, стр. 20.
[2] П. С. Савельев. Средняя Азия. СПб., 1848, стр. 262.

Появление в русских литературных источниках XVI в. первых этнографических сведений о казахском народе

С образованием казахской народности и укреплением русского централизованного государства в XV—XVI вв. возникли непосредственные казахско-русские связи. Русское правительство уже тогда интересовалось казахским народом и собирало о нем различные сведения, которые записывались и хранились в московских приказах и в царской канцелярии. Так, в сохранившейся описи царского архива 1575—1584 гг. указывается, что в 38-м ящике хранились «книги и списки казатцкие при Касыме-царе...»[3].

Принимая во внимание годы правления хана Касыма (1480 — ок. 1523), следует считать, что в этом ящике хранились документы о казахском народе, относящиеся к концу XV— началу XVI в. По-видимому, это были протоколы опроса русских купцов и путешественников, посещавших Казахскую степь, и донесения специальных агентов, послов и служилых людей. Сохранилось, например, донесение служилого человека Данилы Губина от 1535 г., позволяющее обрисовать местоположение казахских кочевий в начале XVI в.[4]

К сожалению, неизвестны русские сочинения конца XV— начала XVI в., в которых бы нашли отражение накопленные в Москве историко-этнографические сведения о казахском народе. А такие сочинения несомненно были. Известно, что австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Москве в 1516—1518 и 1526—1527 гг., в своей книге «Записки о московских делах», вышедшей в свет на латинском языке в 1549 г., при описании территории Западной Сибири и Казахской степи пользовался сведениями, полученными при расспросах в Москве, и одним русским «Дорожником», не дошедшим до нас. Эта книга в известной степени характеризует этнографические представления русских о населении Казахской степи конца XV — начала XVI в. (местонахождение казахских земель, занятия казахов, их пища, одежда, нравы, обычаи, отношения с русскими)[5].

Не менее интересен труд и другого иностранного автора, итальянского литератора Павла Иовия Новокамского «Кни-

---

[3] Акты, собранные археологической экспедицией, т. I. СПб., 1836, стр. 339, № 289.

[4] «Продолжение древней Российской вивлиофики», ч. VII. СПб., 1791, стр. 244, 276, 283, 284.

[5] С. Герберштейн. Записки о московских делах. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1908.

га о Московском посольстве» (1525). Иовий в России никогда не был, но в 1525 г. он познакомился в Риме с русским послом Дмитрием Герасимовым (род. ок. 1466), одним из образованнейших людей своего времени, и по его рассказам написал свое сочинение. В нем сообщаются сведения о расселении тюркских народностей, о их занятиях, одежде, торговле с русскими[6]. Эти сведения подтверждаются данными тюркской рукописи Лейденского университета, относящейся к 1582 г.[7]

Во второй половине XVI в., после завоевания Россией Казанского (1552) и Астраханского (1554) ханств, русско-казахские отношения укрепились и расширились. В 1569 и 1573 гг. в Казахской степи побывали русские послы Семен Мальцев и Третьяк Чебуков[8]. При этом Чебуков был одним из первых русских послов, непосредственно направленных к казахам для установления дипломатических отношений.

В 1574 г. Иван Грозный разрешил казахам торговать в русских землях беспошлинно, возможно, имея в виду установление с ними постоянных политических взаимоотношений[9]. Во всяком случае, как доносил в 1577 г. русский посол в Ногайской орде Борис Доможиров, казахи говорили ногайцам: «Царь наш Акак-Назар с царем и великим князем в миру»[10].

В XVI в. Ногайская орда занимала обширные западноказахстанские степи и территориально отделяла Россию от казахов. Это обстоятельство имело своим следствием более раннее возникновение и значительное развитие русско-ногайских связей и даже установление зависимости Ногайской орды от Москвы. А сами ногаи были тесно связаны с казахами, хотя и часто воевали с ними. Поэтому русские послы Данило Губин, Семен Мальцев, Борис Доможиров и другие свободно получали в Ногайской орде обширные сведения о казахском народе и передавали их в Москву.

Часто о казахах писали в Москву и сами ногайские князья. В 1537 г. ногайский князь Юсуф в грамоте Ивану

---

[6] Павел Иовий Новокамский. Книга о Московском посольстве. Перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1908.

[7] В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 83.

[8] Донесение Семена Мальцева. В кн.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX. СПб., 1842, стр. 50, прим. 245.

[9] Грамоту Ивана Грозного см. в кн.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX, стр. 151—152, прим. 661.

[10] «Продолжение древней российской вивлиофики», ч. XI. СПб., 1801, стр. 196.

Грозному сообщал: «А хотел есми воевати Казацкую орду, и яз ныне кочую на реке Елеке за Яиком»[11]. Некоторые сведения, поступавшие от ногайских князей в Москву, свидетельствуют об отпадении отдельных улусов от Ногайской орды и присоединении их к казахам[12].

Различные сведения о казахском народе доставляли в Москву и иностранцы, иногда посещавшие казахские земли. Один из них, англичанин Антоний Дженкинсон, совершивший путешествие в Среднюю Азию из Москвы в 1558—1559 гг., в своей книге упоминал живущих в степях, где нет ни городов, ни домов, «кассаков магометовой веры» — народ сильный и многочисленный — и на карте приблизительно указал расположение их кочевий[13].

Сколь ни отрывочны все эти сведения, они красноречиво иллюстрируют давний интерес русских людей к истории и этнографии казахского народа и имеют большое значение для исследования периода завершения образования казахской народности, тем более, что собственно казахских письменных источников для этого периода не существует.

В конце XVI в., после присоединения Западной Сибири, границы России и казахских ханств стали общими, а народы — непосредственными соседями. Это обстоятельство стимулировало дальнейшее расширение казахско-русских связей и этнографическое изучение казахского народа русскими людьми. В Москве в Посольском приказе в это время появились первые русские переводчики с казахского языка. В 1594 г. здесь было принято одно из первых казахских посольств, направленное ханом Тевеккелем (Тауеккелем), главным образом для освобождения его племянника Ураз-Мухаммеда с семьей, попавших в русский плен в 1588 г. в Сибири и увезенных в столицу России.

Приезд казахского посольства правительство прежде всего использовало для получения свежих политических и этнографических сведений о казахском народе. 20 января 1594 г. Ураз-Мухаммед (ок. 1572—1610), состоявший уже на русской службе, задал казахскому послу Кул-Мухаммеду несколько вопросов о положении казахского ханства, а царские переводчики Степан и Вельямин Степановы записали обстоятельный рассказ посла, который сохранился лишь частично[14].

---

[11] «Продолжение древней российской вивлиофики», ч. VI. СПб., 1793, стр. 29—30.

[12] Там же, ч. IX. СПб., 1795, стр. 283.

[13] См. в кн.: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.». Л., 1937, стр. 185.

[14] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 3.

В ответ на посольство Кул-Мухаммеда в марте 1595 г. из Москвы к хану Тевеккелю был направлен переводчик Вельямин Степанов. Он пересек Казахскую степь с северо-запада на юг и прибыл в ставку Тевеккеля в Сауране. Прогостив у хана два месяца, он в октябре того же года возвратился в Россию. Полные результаты поездки этого посла к казахам неизвестны[15]. Но можно не сомневаться в том, что он сообщил в Москве подробные и всесторонние сведения о казахах, ибо, как справедливо отмечает М. О. Косвен, в основу восточной политики России «в качестве важной задачи уже весьма рано было поставлено и собирание этнографических сведений»[16].

В последующие годы русские люди часто посещали казахские аулы как с торговыми, так и с дипломатическими миссиями. В результате, на основе реальных наблюдений (в основном опросных), как утверждают географы, около 1599 г. был составлен один из первых чертежей Средней Азии и Казахской степи[17], сыгравший значительную роль в дальнейшем освоении этой территории русскими людьми.

В конце XVI — начале XVII в. казах Кадыргали Хошум Жалаир, живший с 1588 г. в Москве, а с 1600 г. в г. Касимове, подвел некоторые итоги историко-этнографического изучения казахского народа в России в своей рукописи «Джами ат-таварих», законченной в 1602 г. Эта рукопись является интереснейшим историко-этнографическим сочинением на казахско-чагатайском языке, написанным, как утверждает И. Н. Березин, по просьбе Бориса Годунова. В 1825 г. она была приобретена библиотекой Казанского университета у деятеля татарского просвещения Ибрагима Хальфина и в 1840-х годах обратила внимание русского востоковеда И. Н. Березина, который опубликовал ее в 1854 г. во втором томе сборника «Библиотека восточных историков» под названием «Сборник летописей». Поскольку в ней не хватало начала и конца, издатель не установил имени автора. В то же время в статье «Татарский летописец — современник Бориса Федоровича Годунова» (1851) Березин впервые изложил некоторые верные сведения и догадки об авторе ру-

---

[15] Некоторые материалы, связанные с посольством Вельямина Степанова, находятся в 122 фонде Центрального государственного архива древних актов в Москве. Впервые они опубликованы в кн.: «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», т. I, стр. 5—14.

[16] М. О. Косвен. Материалы к истории ранней русской этнографии (XII—XVII вв.). В кн.: «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии». М., 1956, стр. 44.

[17] Ф. А. Шибанов. Большой чертеж. Первая оригинальная русская карта Московского государства. «Труды Второго Всероссийского географического съезда», т. III. М., 1959, стр. 277.

кописи[18]. В 1855 г. рукопись Жалаира, вместе с другими рукописями Казанского университета, перешла в собственность Санкт-Петербургского университета[19].

До настоящего времени эта рукопись остается малоизвестной в науке. За последние сто лет ею почти не пользовались при исследовании истории и этнографии казахского народа, хотя она и является исключительно ценной работой. Кроме того, эта рукопись считается единственным списком сочинения Кадыргали Хошум-Жалаира. Но еще в 1922 г. татарский ученый А. Ш. Абдрахимов (Али Рахим) открыл в Центральной Восточной библиотеке Казани второй список этого сочинения. В 1927 г. в статье «О новом списке татарского исторического сочинения XVII в.», оставшейся незамеченной в науке, А. Ш. Абдрахимов описал свою находку[20]. Оказалось, что эта вторая рукопись удачно восполняет целый ряд пробелов первой и, особенно, последние ее страницы. В конце же второго списка отчетливо указано время окончания рукописи и отмечено, что ее автором является Кадыргали-бий сын Хошум-бия из казахского рода жалаир, и приложена тамга в виде гребня.

До сих пор многие исследователи считают сочинение Кадыргали Хошум Жалаира лишь сокращенным татарским переводом «Сборника летописей» Рашид-ад-дина, они не принимают во внимание вторую оригинальную часть его. Другие же авторы, например А. Ш. Абдрахимов, исходя из последнего обстоятельства, называют этот труд «татарским историческим сочинением». Однако и Абдрахимов неоднократно подчеркивает, что Кадыргали Хошум Жалаир— «чужак и пришелец из азиатских степей», что язык сочинения его «почти тожествен с литературным среднеазиатским, или, как это принято называть, чагатайским языком», что оно «не дает в татарскую историю какого-нибудь значительного вклада» и «не было популярным среди татарской читающей массы». Это и не удивительно, так как сочинение написано казахом, волею случая заброшенным в г. Касимов, посвящено событиям, связанным с историей, культурой и бытом казахского народа, и по языку более понятно казахам, нежели касимовским или казанским татарам.

Кадыргали Хошум Жалаир был приближенным казахского царевича Ураз-Мухаммеда. В молодости он, как отме-

---

[18] «Москвитянин», 1851, № 23, декабрь, кн. 1.

[19] К. Залеман. Список персидским, турецко-татарским и арабским рукописям библиотеки Санкт-Петербургского университета. «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. II, вып. 3—4. СПб., 1888, стр. 241, 245.

[20] «Вестник научного общества татароведения». Казань, 1927, № 7, стр. 135, 137, 142.

чено в его сочинении, служил родителям Ураз-Мухаммеда и, следовательно, в конце XVI в. ему могло быть около пятидесяти лет. И. Н. Березин, первый исследователь этого сочинения, считал, что Кадыргали Хошум Жалаир писал свой труд, будучи уже в летах, т. е. сведущим, умудренным жизненным опытом человеком, хорошо знавшим жизнь русского общества того времени. Дата смерти Кадыргали Хошум Жалаира неизвестна. Его книга оканчивается описанием восшествия Ураз-Мухаммеда на касимовский престол весной 1600 г.

Кадыргали Хошум Жалаир хорошо владел русским, персидским, арабским и чагатайским языками, превосходно знал литературу на этих языках, жизнь русского общества и внутреннее и международное положение России. Во введении к своему сочинению он отметил, что побывал во многих странах и прочитал много книг. По некоторым данным, в конце XVI в. он с Ураз-Мухаммедом посетил Германию. Возможно, его перу принадлежат и другие труды, которые пока не обнаружены.

Свое сочинение, известное под названием «Сборник летописей», автор, по его словам, написал, «чтобы представить в должном свете правосудие и истину государя Бориса Федоровича и еще изобразить, как государь с почестию посадил на ханство Ураз-Мухаммед-хана».

«Сборник летописей» состоит из длинного предисловия, в котором автор восхваляет царя, и двух разделов. Первый из них, наиболее обширный (141 стр.), является сокращенным переложением с персидского языка на казахско-чагатайский книги Рашид-ад-дина «Джами' ат-таварих», с некоторыми добавлениями автора-переводчика и исправлениями грубых ошибок в восточной терминологии, личных и географических названиях. Советские издатели третьего тома сочинения Рашид-ад-дина подчеркивают, что при установлении чтения собственных имен в родословиях хулагуидских ханов, несмотря на имеющиеся древние списки Рашид-ад-дина, «очень много помог татарский текст «Сборника летописей», являющийся трудом Кадыргали Хошум Жалаира[21].

Труд Жалаира, написанный в России и посвященный Борису Годунову, свидетельствует о том, что русские люди уже в XVI в. были знакомы с выдающимся сочинением Рашид-ад-дина «Джами'ат-таварих». По косвенным данным, в 1590-х годах список рукописи Рашид-ад-дина был подарен русскому правительству персидским послом. Затем эта рукопись, по-видимому, перешла в распоряжение Жалаира.

---

[21] Фазлуллах Рашид-ад-дин. Джами'ат-таварих («Сборник летописей»), т. III. Баку, 1957, стр. 137.

Жалаир свыше десяти лет жил в Москве, и как раз в те годы, когда Россия вела длительные и оживленные переговоры с Персией. Вполне возможно, что он использовал в своем сочинении список Рашид-ад-дина, принадлежавший России. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением В. В. Бартольда, что если во Франции труд Рашид-ад-дина стал известен в конце XVII в., то в России — лишь в начале XIX в.[22]

Второй раздел сочинения Жалаира посвящен, как указано в предисловии, описанию «некоторых, случившихся в последующее время (т. е. после смерти Рашид-ад-дина в 1318 г. — *Э. М.*), событий... на основании собственных исследований» автора.

Впервые это сочинение было переведено на русский язык в 1740-х годах по заданию П. И. Рычкова. В «Истории Оренбургской» он упоминает «об одной переведенной здесь (т. е. в Оренбурге) татарской истории, которую сочинил во время государствования Бориса Годунова и дедитовал оному Годунову бывший тогда в России персидский посол»[23]. В отношении авторства «персидского посла» П. И. Рычков явно ошибался, тем более, что рукопись была написана не на персидском языке; он, несомненно, имел в виду труд Кадыргали Хошум Жалаира, из которого кратко выписал легендарные сведения о происхождении народов Азии.

Перевод «Сборника летописей», выполненный для П. И. Рычкова, не увидел света и остался неизвестным науке. Автором второго перевода был Н. И. Ильминский, но он также не опубликовал его. И только В. В. Вельяминов-Зернов в своей оригинальной книге «Исследование о касимовских царях и царевичах» в 1864 г. дал перевод и исследование многих разделов второй части сочинения Жалаира.

В настоящее время стало известно, что это сочинение весьма интересовало и крупнейшего казахского ученого Ч. Ч. Валиханова. Он перевел на русский язык наиболее интересные для истории казахского народа извлечения из «Сборника летописей» и широко использовал их для обоснования ряда своих положений[24]. Он же одним из первых правильно отметил историографическое значение «Сборника летописей». Ч. Ч. Валиханов писал: «Нет сомнения, что в отношении сведений о казахах самое первое место занимает (для XIV—XVI вв.) «Сборник летописей» издания Березина

---

[22] «Мир ислама», т. I. СПб., 1912, № 1, стр. 100; «Азиатский музей Русской Академии наук». Пг., 1920, стр. 89—90.

[23] «Ежемесячные сочинения», т. II. СПб., 1759, стр. 105.

[24] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах, т. 1. Алма-Ата, 1961, стр. 122—126, 142—168, 216—217.

(Казань, 1854 г.), замечательный тем более, что представляет единственные памятники прошедшей жизни казахов...»[25].

В. В. Вельяминов-Зернов, большой знаток русских и восточных источников по истории Казахской степи периода, описанного Кадыргали Хошум Жалаиром, считал его сведения верными и очень ценными, так как они, в большинстве своем новые для русской науки, «подтверждались при сопоставлении с другими источниками»[26]. Интересно отметить, что историко-этнографический материал «Сборника летописей» по существу явился для Вельяминова-Зернова той отправной точкой, исходя из которой ему удалось решить почти все вопросы, поставленные им во второй части «Исследования о касимовских царях и царевичах».

Труд Жалаира является исключительно важным источником по истории и этнографии казахского народа XIV—XVI вв. И поскольку он был написан в Москве, при поддержке и в интересах правительства, есть все основания считать, что автор широко использовал, кроме сочинения Рашид-ад-дина, и другие рукописи восточных авторов, уже известные в России, и материалы московских архивов, в частности вышеуказанного 38 ящика царского архива с «книгами и списками казатцкими при Касыме-царе...», впоследствии утраченными. Следовательно, рассматриваемый здесь «Сборник летописей», ввиду отсутствия других научных трудов, в известной степени может рассматриваться как синтез некоторых русских историко-этнографических сведений о казахском народе XIV—XVI вв.

Основное значение «Сборника летописей» для истории и этнографии казахского народа заключается прежде всего в освещении многих событий периода завершения образования казахской народности. В соответствии с уровнем исторической науки того времени, автор главное внимание уделил характеристике генеалогии казахских ханов и султанов XIV—XVI вв. и описанию их военных походов. Эти факты очень интересны для тех, кто занимается изучением истории образования казахского ханства, изменения границ этнической территории казахов, кто исследует взаимоотношения казахов с соседями, особенно с оседлыми народами среднеазиатского Междуречья, ассимиляцию казахами некоторых ногайских и узбекских родоплеменных групп и передвижение различных народов по территории современного Казахстана. «Сборник летописей» отличается замечательным реализмом. «Здесь басен менее, нежели в Абулгази и Шейбани-

---

[25] Там же, стр. 216—217.

[26] В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II. СПб., 1864, стр. 129—130.

намэ»,— писал Валиханов. В отличие от татарских хроник, в нем довольно нов «перечень племен не книжных, а сидящих в степях», с характеристикой их происхождения, мест кочевок и подразделением их «на тюрков-монголов и монголо-татаров»[27]

Некоторые сведения «Сборника летописей» характеризуют вооружение казахов в XIV—XVI вв., боевые порядки, а также феодальные нравы, право, семейные обычаи, верования. Но для этнографов «Сборник летописей» особенно интересен обилием этнографических терминов. По мнению Валиханова, в этом сочинении «слова и обороты очень замечательны, многие речи до сих пор существуют» у казахов[28]. Вот некоторые из них: «Яйлак» — летние кочевые места. «кышлак» — зимние стойбища, «юрт» — народ-эль. Но юрт имеет в казахском языке еще одно значение: места кочевания и стоянки тоже называются юрт, в этом смысле слово юрт употреблял и автор «Сборника летописей»[29]. В другом случае «слово «табунмак»— поклоняться —он употреблял в смысле поклонения единому богу, а казахи — для выражения поклонения идолам, огню, луне». Знал Кадыргали Хошум Жалаир и слово «консы» — так называли по-казахски бедняков, живших в богатых аулах[30]. В этом значении «консы» дошло и до нашего времени.

О слове «мал» Валиханов писал: «Это слово никогда не встречается в «Сборнике летописей» без добавления «туар кара»; должно полагать, что «туар» — слово древнее, заменявшее слово «жылкы». Нет сомнения, что все слова и термины кочевой жизни должны хорошо сохраняться у казахов. Под словом «мал» казахи разумеют вообще скот — в смысле богатства, который прежде составлял единственное богатство казаха, теперь же это слово употребляется в смысле вообще богатства, а один скот — простой «кара», а «туар кара» есть название табунов конских»[31].

В сочинении Жалаира встречается масса хорошо известных в наше время казахских пословиц, поговорок, степных уподоблений и других фольклорных материалов. Язык его весьма интересен для изучения языка казахской народности в период завершения ее образования.

---

[27] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах, т. 1, стр. 159.

[28] Там же.

[29] «Библиотека восточных историков», т. II. СПб., 1954, стр. 20.

[30] Там же, стр. 23; Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах, т. 1, стр. 162.

[31] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах, т. 1, стр. 163.

Дальнейшее накопление этнографических сведений в XVII в.

В течение XVII в. накопление историко-этнографических материалов о казахском народе значительно усилилось. Об этом свидетельствует огромная масса всякого рода донесений, челобитных, отчетов, отписок, росписей, доезжих записей, сказов, статейных списков, чертежей, маршрутов, карт, отложившихся в московских и сибирских архивах, представляющих в совокупности богатейший научный материал по этнографии казахского народа[32].

После присоединения Западной Сибири экономические и политические связи России со Средней Азией и Казахской степью окрепли и стали более регулярными. В течение XVII в. в Москве, Астрахани, Самаре и сибирских городах-крепостях побывало одних только среднеазиатских посольств не меньше шестнадцати, а русских в Средней Азии — девять, направленных главным образом для укрепления и расширения торговли и освобождения русских пленников.

Как русские, так и среднеазиатские посольства на своем пути посещали кочевья казахов и доставляли в Россию сведения о жизни казахского народа, что было необходимо прежде всего для обеспечения безопасности торговли. Так, в январе 1613 г. в Самаре местный воевода Д. П. Лопата-Пожарский во время допроса хивинского и бухарского послов интересовался, по указанию царя, местоположением «кочевьев Казачьей орды» и состоянием степной дороги из Самары через Яик и Эмбу в среднеазиатские ханства. Послы же отвечали, что в это время года в районе степной дороги Самара — Ургенч «казацких людей нет, и житьем не живут; а живут-де они ныне зимнею порою под Сибирью»[33].

Этими сведениями уже в 1614 г. воспользовались московские послы в Персии М. Н. Тиханов и А. Бухаров, проехавшие степью из Самары в Ургенч и далее в Персию. В 1620—1622 гг. в Бухаре побывал посол Иван Хохлов.

В XVI—XVII вв. русские послы, отправляясь в страны Востока, обычно получали от правительства особые наказы, которые назывались памятью. В них с удивительной тонкостью и знанием дела предусматривались все вопросы, которые могли быть заданы послу в чужой земле, и тут же давались на них примерные ответы. Как писал Н. И. Веселовский, «такое глубокое понимание Азии происходило

---

[32] Эти документы частью опубликованы в книге «Памятники Сибирской истории», тт. I, I—II. СПб., 1882, 1885; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», т. I.

[33] «Труды Восточного отделения Русского археологического общества», т. XXI. СПб., 1892, стр. 168, 169.

главным образом из того, что послам русским вменялось в непременную обязанность представить, по возвращении, подробный отчет о положении тех стран, которые они посещали... А кроме того, при отправлении, посланника знакомили со всем тем, что было сделано его предшественниками и что ими было достигнуто»[34].

Развитие дипломатических отношений между Россией и Средней Азией имело своим следствием дальнейшее расширение караванной торговли. В XVII в. бухарские купцы стали часто наезжать в сибирские города Тобольск и Томск и даже оставаться в них на жительство. Большой торг происходил в Сибири у озера Ямышевского. Русские отряды ежегодно поднимались на судах вверх по Иртышу к этому озеру за солью и здесь же вели торговлю с бухарскими караванами. Торговали здесь и рабами. На торг приезжали и казахи, доставлявшие к озеру свои товары: скот, скотоводческие продукты и изделия домашних промыслов.

В начале XVII в. русские люди хорошо знали земли казахов, расположение их кочевьев по рекам и озерам, караванные пути через Казахскую степь, соседние с казахами народы. Эти сведения частично отражены в «Книге Большому чертежу», написанной в 1627 г. и заключающей в себе объяснительный текст к утраченной ныне карте Московского государства[35].

На карте, как видно из «Книги Большому чертежу», была обозначена лишь часть территории Казахстана от реки Урала до реки Ишима и Сарысу, и до гор Улутау и Каратау на востоке и юго-востоке, и до г. Ташкента на юге. На этом промежутке было отмечено несколько десятков географических пунктов и указаны земли ногаев на западе, джунгаров — на востоке, а между ними — земли «Казацкой кочевой орды».

А. И. Макшеев, известный ученый-географ второй половины XIX в., тщательно изучивший в «Книге Большому чертежу» сведения о Казахской степи и среднеазиатском междуречье, писал: «Книга Большому чертежу» представляет весьма обстоятельное и точное географическое описание Зауральских степей, которое могло быть сделано на основании непосредственного и самого короткого знакомства с ними»[36].

---

[34] Н. И. Веселовский. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII—XVIII столетиях. «Журнал Министерства народного просвещения». СПб., 1884, № 7, стр. 81.

[35] «Книга Большому чертежу» издавалась в 1773, 1792, 1838, 1846 и 1950 гг.

[36] А. И. Макшеев. Географические сведения «Большого чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае. «Записки РГО по отделению этнографии», т. 6. СПб., 1880, отдел II, стр. 38—39.

Важно отметить, что сведения «Книги Большого чертежа» о расположении «Казацкой кочевой орды» подтверждаются и восточными источниками, на что указывал еще В. В. Вельяминов-Зернов[37].

После присоединения Сибири к России в сибирских городах и острогах стали создаваться архивы, в которых хранились местные летописи. В этих летописях описывались новые земли и народы как зависимые от России, так и соседние. Одной из них, написанной на основе местных материалов, является «Сибирская летопись» Саввы Есипова, датированная 1636 г. Из нее узнаем, что кочевья казахов в конце XVI — начале XVII в. простирались далеко на север, до г. Тобольска. Интересны иллюстрации «Сибирской летописи», особенно несколько рисунков, изображающих пленение воеводой Д. Чулковым «салтана — царевича Казачьи орды» и сибирского царька Сейдяка. На этих рисунках головной убор и платье одного из пленников Д. Чулкова, по-видимому, как можно судить по тексту «Сибирской летописи», «салтана — царевича Казачьи орды», напоминает старинный казахский костюм.

В Тобольске же в 1673 г. была составлена первая русская этнографическая карта Сибири, с обозначением на ней владений «Казачьи орды»[38].

Во второй половине XVII в. сбор этнографических сведений о казахском народе в большой степени был связан с русскими дипломатическими миссиями.

К 1654—1658 гг. относится посольство в Китай Федора Байкова, который одним из первых русских людей прошел по Иртышу в верховья этой реки и побывал на оз. Зайсан[39]. Он отметил, в частности, что местное население в бассейне Иртыша в то время занималось хлебопашеством. Впоследствии путь Федора Байкова неоднократно повторяли русские купцы и послы, например Иван Перфильев в 1659 г., Сеиткул Аблин в 1668 г.

В результате изучение территории и населения Северо-Восточного Казахстана русскими людьми продвинулось значительно вперед. Но все же чаще, как и прежде, в это время русские посещали западный и юго-западный Казахстан, где казахи кочевали в летнюю пору. Так, в 1670—1672 гг. из Астрахани в Хиву и Бухару через Усть-Урт прошло посольство Бориса и Семена Пазухиных.

---

[37] В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, стр. 305—307.

[38] Л. С. Берг. Русские этнографические карты. «Человек», 1928, № 1, стр. 63.

[39] Путешествие Федора Исааковича Байкова. «Сибирский вестник», ч. XI. СПб., 1820.

Неоднократно в XVII в. русские люди пересекали с севера на юг и Центральный Казахстан, встречая на пути многочисленные кочующие казахские аулы. Сведения об этом пути сохранились в описании путешествия русского посла Н. Г. Спафария-Милеску (1636—1708) «Книга, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского, лета 1783 (1675)»[40].

Н. Г. Спафарий-Милеску, грек по национальности, уроженец Молдавии, широко образованный человек, в 1672 г. приехал в Москву и был принят переводчиком в Посольский приказ. В 1675 г. его назначили главой посольства в Китай, откуда он возвратился в 1678 г.

Маршрут путешествия Спафария из Москвы проходил через Тобольск, по Енисею на Байкал, через Даурию и Маньчжурию. На территории Казахстана и казахских кочевий Спафарий не был. Но тем не менее в своей работе он обобщил на основании литературных и архивных материалов русские сведения о путях из России в среднеазиатские ханства через Казахскую степь. Особенно широко он использовал данные «Книги Большому чертежу», которые касаются западноказахстанских степей. Путь же из Тобольска на Сыр-Дарью через Центральный Казахстан был описан им, по-видимому, только по архивным и опросным материалам.

Подробное описание Спафарием своего путешествия свидетельствует о том, что русские люди в XVII в., совершая частые торговые и дипломатические поездки, уже хорошо освоили этот путь. Однако нам известно лишь одно русское посольство, отправившееся из Тобольска в казахские аулы в 1696 г., т. е. спустя 21 год после начала путешествия Спафария, в период ознаменовавшийся важными сдвигами в экономическом, политическом и культурном отношениях. Лучше известны среднеазиатские посольства в Сибирь, относящиеся в XVII в. В 1622 г. в Россию прибыло бухарское посольство Чобак Бальшова, следовавшее по маршруту Казахская степь, Тюмень, Тобольск. Этим же путем в 1640 г. Тобольск посетило другое бухарское посольство «с послом Казианом во главе, со свитой из 200 человек, с караваном из 100 верблюдов, с товарами»[41].

Накопление этнографических сведений о казахском народе в XVI—XVII вв. в большой степени способствовало ук-

---

[40] Впервые книга Н. Г. Спафария-Милеску опубликована в 1882 г. Ю. В. Арсеньевым. См.: «Записки РГО по отделению этнографии», т. X, вып. I. СПб., 1882.

[41] С. В. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. СПб., 1915, стр. 21—24.

развитие казахско-русских связей и присоединение к России приволжских ханств и Сибири. Между русскими и казахами быстро сложились тесные и оживленные сношения, которые с тех пор никогда больше не прерывались. Русские, прежде всего торговцы и служилые люди, часто выполнявшие дипломатические миссии, можно сказать, исколесили казахские земли, открыв наиболее удобные пути в казахские кочевья и среднеазиатские ханства. Исходя, главным образом, из практических интересов России, они в то же время изучали природные богатства Казахской степи, историю, культуру и быт казахского народа.

Для получения историко-этнографических сведений о казахах русские люди использовали приезжавших в Россию среднеазиатских и казахских купцов и дипломатов, которых тщательно опрашивали в Посольском приказе в Москве, а также во всех пограничных с казахами городах и крепостях. Со временем в московских и сибирских архивах отложились многочисленные историко-этнографические материалы, но часть их утрачена по тем или иным причинам. Вообще к хранению архивных материалов в России относились серьезно, но в деревянных острогах и городах Сибири нередко случались пожары и в огне гибли не только архивы. Востоковед П. С. Савельев справедливо писал: «...и до времен Петра Великого мы имели в архивах богатый запас географических и этнографических сведений, собранных на месте, обо всей полосе Средней Азии, в обширном смысле взятой, от восточных берегов Каспийского моря до берегов Китая; но при младенчестве нашей ученой деятельности в то время этими сведениями могло пользоваться одно правительство да немногие иностранные резиденты, которые явно черпали свои сведения о Сибири и восточных странах не из одних рассказов, но и из письменных источников»[42].

Насколько широко обобщались в России в XVI—XVII вв. накопленные историко-этнографические материалы о казахском народе, установить точно невозможно, так как мы не имеем полного представления о русской литературе того времени, касающейся казахов. Следует предполагать, что некоторые, возможно наиболее ценные русские труды, не дошли до нашего времени. В большинстве же известных русских литературных произведений имеются лишь политические, экономические и географические материалы, описывающие внутреннее и международное положение Казахского ханства, пути сообщения, расположение казахских кочевий, развитие торговых и дипломатических отношений казахов с

---

[42] П. С. Савельев. Средняя Азия. СПб., 1848, стр. 267.

Россией. Но и эти материалы имеют исключительно важное значение для изучения ряда этнографических проблем, в частности проблем, связанных с позднейшими этапами этногенеза казахской народности. Русские источники также вскрывают одну из интереснейших глав в истории казахского народа, историю возникновения и дальнейшего развития казахско-русских отношений и вместе с тем прогрессивного влияния русской культуры на культуру казахского народа.

Заслугой русской этнографии является и наиболее раннее распространение в Европе достоверных этнографических сведений о казахском народе. Сочинения Мухаммада Хайдара, Бабура, Хондемира, произведение неизвестного автора «Шейбани-наме» и другие восточные источники, в которых освещалась ранняя история казахов, оставались еще неизвестными в Европе, когда появились в печати труды Герберштейна и Иовия, написанные по русским источникам.

Но все же многочисленные русские историко-этнографические материалы о казахском народе, с трудом накопленные русскими людьми, в условиях царской России часто оставались под спудом, не могли стать достоянием науки, а иногда расходились в рукописных списках и исчезали. Так, часть отмеченных нами выше документов, связанных с посольствами Кул-Мухаммеда и Вельямина Степанова, была утеряна, а сохранившиеся материалы увидели свет лишь в советское время. В то же время остается неизвестным, какие источники использовал Н. Г. Спафарий-Милеску, подробно описывая торговые и дипломатические тракты в Центральном Казахстане.

Русская этнография XVI—XVII вв. характеризуется целым рядом специфических черт. Хотя сбор этнографических материалов в эту эпоху и диктовался в значительной степени практическими потребностями страны, но уже раннюю русскую этнографию отличала подлинная любознательность, настоящий этнографический интерес к соседям России, в частности к казахам, замечательный реализм, отсутствие национальной и религиозной нетерпимости, беспристрастное и объективное описание культуры и быта других народов, признание, что всякий народ, всякое племя имеет «обычаи свои и законы отец своих и преданья, кождо свой нрав»[43].

В начале XVIII в. русские читатели почти ничего не знали о жизни казахов, их занятии, культуре и быте, так как не было еще обобщающих этнографических трудов о казахском народе, а архивные материалы не публиковались. Это

[43] М. О. Косвен. Материалы к истории русской этнографии XVII века. «Советская этнография», 1955, № 1, стр. 147—149.

обстоятельство было отмечено в 1734 г. столичным академическим изданием «Примечания на ведомости»[44].

Пополнение и углубление этнографических знаний о казахах в конце XVII — начале XVIII в.

Политические и экономические интересы страны, а также этнографический интерес к соседним народам настоятельно требовали более глубокого изучения жизни этих народов, в частности народов Казахской степи и среднеазиатского Междуречья. В планах внешней политики России Казахская степь занимала особое место в силу своего выгодного стратегического положения «ключа и врат всем азиатским странам и землям»[45]. И поэтому, как говорил в 1722 г. Петр I, «киргиз-кайсацкая орда потребна под российской протекцией быть, чтоб только чрез их во всех азиатских странах комоникацею иметь и к российской стороне полезные и способные меры взять...»[46].

Эти мысли правительство России вынашивало с первых лет царствования Петра I и уже тогда естественно-географическое и историко-этнографическое изучение казахов и среднеазиатских народов было усилено.

В 1692 г. по указанию царя из Тобольска в Туркестан к казахскому хану Тауке было направлено посольство Василия Кобякова, чтобы укрепить связи России с Казахским ханством. Посольство было успешным и не только в дипломатическом отношении. В «расспросных речах» в Посольском приказе в Тобольске В. Кобяков говорил между прочим: «Ружья они, каракалпаки и Казачьей орды люди, покупают в Бухарах, а порох добрый делают у себя, а селитра у них родится у самих, а свинец и медь красная у них родится же, а берут они руду и плавят на Тобольской дороге... А хлеб у Тевкихана родится многое число, пшеница и ячмень и проса, а хлебы сеют озимые и яровые; а рогатого скота и коров у них, казахов, нет, а баранов и овец и лошадей многое число, и питаются скотом. А рыбы в реке Сыру премногое число и обыкности у них такой нет, чтоб рыбу есть и ловить, и промыслов таких нет... А хлебов у них стоялых нет и держут у себя только чем бы было пропитатца год»[47].

---

[44] «Примечания на ведомости», ч. 28. СПб., 1734, стр. 111.

[45] Разные бумаги генерал-майора Тевкелева. «Временник Московского общества истории и древностей российских». М.. 1882, кн. 13, раздел III, стр. 15.

[46] Там же. В дореволюционной России с начала XVIII в. казахов стали называть *киргиз-кайсаками* или же просто *киргизами*.

[47] Расспросные речи в Сибирском приказе казака Василия Кобякова о пребывании его в Туркестане. «Дополнения к актам историческим», т. X, 1867, стр. 385, 389—390.

Чтобы собрать сведения о казахском народе стали уделять большое внимание допросу казахских и среднеазиатских послов и купцов, посещавших русские города. Так, в 1694 г. в Тобольске царские чиновники допрашивали казахского посла Тайкомура Колтыбая Аталыкова, приехавшего от хана Тауке с предложением расширить дружеские отношения между двумя народами и с просьбой освободить из плена посла Кильдея, ранее направленного ханом в русский город.

В своей «допросной речи» Тайкомур Колтыбай, отвечая на вопросы чиновников о внутреннем и международном положении Казахского ханства, охарактеризовал также феодальные нравы, слабость ханской власти, рассказал о стремлении казахов укрепить торговлю с Россией[48].

В 1695 г. Россия снарядила к казахам, в ответ на посольство Тайкомура Колтыбая, миссию Ф. Скибина и М. Трошина, которая, отправившись в путь из Тобольска, маршрутом, описанным Спафарием еще в 1675 г., возвратилась обратно в том же году. Сохранилось несколько документов, связанных с этой миссией. В «Статейном списке пребывания в Туркестане, Хиве и Бухаре...» Федор Скибин и Матвей Трошин подробно описали свое путешествие и изложили некоторые свои наблюдения о казахском народе[49]. Интересно отметить, что в ставке Тауке-хана послы получили продовольствие «одного барана и два пуда пшеницы». Хлеб, несомненно, в конце XVII в. являлся существенной частью пищи казахов.

Более подробные этнографические сведения о казахском народе Ф. Скибин и М. Трошин изложили в своих «допросных речах» в Тобольской приказной избе. Они, в частности, рассказали, что казахи «есть варят конским калом, а привозные дрова, таль и ветельник из наволоков от Сырта реки продают в городах... А города Казачьей орды от Туркестана все в близости..., а от Сырта реки в дальнем расстоянии, а при реках в близости не живут, а деланы в городах их многие колодцы... А крепости в Туркестане и в городах валены, валы земляные, и по валу кладены стены кирпича необожженного...». И далее, «и во всех тех городах живут бухарцы, а казаков мало, а казаки все живут для пашенных земель по кочевьям, а пахоты их скудны, коней и овец много, а коров мало; кормятся мясом и молоком. А к бою удачливы, волшебству учены от донских беглецов... А бой у них лушной и копейный, а пушек нет и мелкого, длинного, огненного

[48] «Известия АН СССР, отделение общественных наук». М.—Л., 1936, № 3, стр. 527.

[49] «ДОПОЛНЕНИЕ К АКТАМ ИСТОРИЧЕСКИМ», т. X, 1867, стр. 375—380.

ружья мало... а сказывают, что берут селитру по кислым озерам и варят в котлах, а сера топится из камени..., а свинец плавят из руды в городе Карнаке..., а руду красной меди плавят на тобольской дороге»[50].

Не меньшее внимание русские послы уделяли изучению географии Казахской степи. Собранные ими географические материалы оказались настолько значительными, что правительство России, ставшее на путь активизации своей восточной политики, в 1696 г. предписало тобольскому воеводе А. Нарышкину на основании допроса «Федора Скибина с товарищами» «учинить чертеж», т. е. составить географическую карту»[51]. Это поручение было возложено на С. У. Ремезова, служившего в Тобольске. В предписании, врученном ему, говорилось: «написать степи от Тобольска до Казачьи орды и до Бухареи Большей и до Хивы, и до Еика, и до Астрахани, куды ближе и сколь далеко днями в ход пути сухим и водяным, летом и зимою, и реки числом и величиною, и корм людям и скоту бесскуден бы, и переправы переходны б, и каменные горы проходны б, и урочища ведомы, и всему учинить наличный чертеж трех аршин длины поперег двух, и на чертеже подписать именно»[52] (т. е. названия).

Семен Ульянович Ремезов (ок. 1663—ок. 1715) широко образованный человек, был известен своими чертежными и картографическими трудами. В эти годы он работал над чертежом «Тобольской земли», на котором предполагал указать Казачью орду. Будучи уже опытным картографом, зная Казахскую степь, Ремезов без промедления приступил к составлению карты, которая, как видно из врученного ему предписания, должна была иметь преимущественно характер военной карты. Следовательно, Ремезов в своей работе не мог ограничиться использованием лишь архивных и опросных данных, известных ему ранее. Старые чертежи и карты, которых было очень мало в Тобольске, тоже не могли удовлетворить его полностью. Чтобы указать на карте расстояния в верстах и во времени, проходимость дорог в разные времена года, возможность снабжения войск продовольствием и фуражом по пути следования, нужны были дополнительные и специальные сведения, и Ремезов совершает научную поездку. Он собирал сведения и у «Тобольского города и иных городов всяких чинов людей: старожилов, ведомцов, бывальцов, выходцов и полонянников, русских и ино-

---

[50] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I. Л., 1933, стр. 262—267.

[51] Сыскное дело 1697 года о дороге в Хиву. «Русский архив», 1867, год V, стр. 395.

[52] «Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым». Объяснения к листу № 20. СПб., 1882.

земцов: бухар и татар, и калмыков, и новокрещенных». По его просьбе некоторые необходимые материалы ему поставляли и другие лица, которые, по-видимому, бывали в казахских аулах.

В 1697 г. Ремезов представил правительству обе свои карты: «Чертеж Тобольской земли» и «Чертеж земли всей безводной и малопроходной каменной степи». Кочевья казахов были указаны на обеих картах. Но вторая карта более ценна для этнографии казахского народа. Она содержит этнографические данные и дает довольно полное географическое представление о Казахской степи. Дорога между Тобольском и Казачьей ордой обозначена на ней двойными красными линиями, пашни — системой пунктирных квадратов, колодцы — черными кружками. На карте отмечены также зимовки казахов, населенные пункты и каналы в бассейне р. Сыр-Дарьи.

Эта карта под № 20 в 1701 г. вошла в атлас Ремезова «Чертежная книга Сибири» (из 23 листов-карт). Над картами автор работал в течение 1698—1701 гг. вместе со своими тремя сыновьями. Все карты атласа снабжены специальными пояснительными текстами, содержащими экономические, археологические, исторические, этнографические и другие данные. Из них только 23-я карта носит преимущественно этнографический характер. В пояснительных текстах приведены также сведения о измеренных расстояниях в верстах и во времени, по дорогам и рекам, и, в частности, сведения о пути от Тобольска до Аральского моря. «Чертежная книга Сибири» впервые полностью была опубликована лишь в 1882 г.

Другой ценный чисто этнографический труд Ремезова, этого первого этнографа Сибири[53], «Описание о Сибирских народах и граней их земель», написанный в 1696—1697 гг. на основе обобщения накопленных в России материалов о народах Сибири, сохранился лишь в незначительных фрагментах.

Картами Ремезова пользовались русские люди, посещавшие Казахскую степь и Среднюю Азию. Но на этих картах кочевья «Казачьей орды», ограничены пространством между оз. Балхаш и реками Чу и Сыр-Дарья, что не совсем точно. В действительности кочевья казахов в XVI—XVII вв. распространялись далеко на север вплоть до окраин русских городов в Сибири, а на северо-востоке Казахской степи — до верховьев р. Иртыша и оз. Зайсан. Правда, в конце XVII в. некоторые земли казахов на севере и северо-востоке корот-

---

[53] М. О. Косвен. Материалы к истории русской этнографии XVII в. «Советская этнография», 1955, № 1, стр. 140.

кое время занимали джунгары, стремившиеся подчинить себе местное казахское население и собирать с него дань. Как на места своих кочевий джунгары на эти земли, по всей вероятности, не претендовали. Известно, что когда Россия в начале XVIII в. продвинулась в Западной Сибири на юг и юго-восток и построила крепости Омскую, Ямышевскую, Семипалатинскую, Усть-Каменогорскую, то на этой территории, кроме эпизодически появлявшихся джунгарских ополчений, кочующих аулов самих джунгаров не оказалось. В то же время казахи, как отмечалось выше, кочевали в окрестностях Тобольска и вновь построенных крепостей, а также в предгорьях Алтая и Тарбагатая. В 1719 г. губернатор Сибири князь М. П. Гагарин и подполковник И. Д. Бухгольц сообщали в Москву: «Казачьей орды люди в разных местах по той реке [р. Иртыш] перебираются на праву сторону выше устья Оми реки, и чинят в барабинских слободах иноземцам разорение и берут в полон. Да и в Тобольске слободы от Казачьи орды набеги и подъезды бывают частые, и многие села и деревни разоряют и берут государевых людей в полон, и скот отгоняют»[54].

Труды Ремезова, написанные на основе обобщения сравнительно обширного научного материала, как бы подводят итоги русских исследований в XVII в. в области географии и этнографии Сибири, Казахской степи и среднеазиатского Междуречья и вместе с тем они знаменуют наступление нового периода в истории русской этнографии, периода более углубленного и систематического изучения культуры и быта народов Востока.

В XVIII в. русская этнография добилась выдающихся достижений, которым в значительной степени содействовали успехи в области географического изучения и картографирования страны. Уже в первой четверти XVIII в. после работ С. У. Ремезова, было создано несколько карт Казахской степи и Средней Азии, например, появились карты Бухгольца (1715—1716 гг.), Лихарева (1717—1720 гг.), Бековича-Черкасского, Урусова и Соймонова (1714—1726 гг.), Унковского (1722—1723 гг.) и других.

В Москве в Государственном историческом музее хранится под № 3283 малоизвестная до сих пор в исторической и географической литературе рукописная карта Сибири, предположительно относящаяся к 1718 г. На ней севернее и северо-восточнее Аральского моря указана «Земля Казачьей орды»[55].

---

[54] «Памятники сибирской истории», т. II. СПб., 1885, стр. 148.

[55] М. И. Наврот. Предварительное сообщение о рукописной карте Сибири начала XVIII века. «Ежегодник Гос. исторического музея». М., 1960, стр. 136.

Русские карты Казахской степи и Средней Азии, созданные в первой четверти XVIII в., красноречиво свидетельствуют о значительном интересе России к этой территории. Карты, авторами которых были разные лица, не повторяют, а дополняют друг друга. По мнению географов, «особенности графического изображения Средней Азии (на указанной карте 1718 г. — *Э. М.*) говорят о сложном пути развития картографических (и этнографических. — *Э. М.*) представлений о Средней Азии в России и о том, что каждая русская карта является одним из неотъемлемых и новых звеньев в цепи постепенного развития этих представлений»[56].

Географическим исследованиям в России обязательно сопутствовали и этнографические, так как, согласно инструкциям, которые составлялись для геодезистов, описание этнографических сведений мыслилось в то время как часть географического описания отдельных областей России и соседних стран[57]. Но полная история их неизвестна, за исключением исследований, связанных с рядом военных экспедиций, направленных Петром I в Казахскую степь и среднеазиатское Междуречье для захвата месторождений золота, с которых в начале XVIII в. в России распространялись фантастические слухи.

Захват месторождений золота в Средней Азии должен был, по планам царского правительства, содействовать и укреплению позиций России на Востоке и занятию ею господствующего положения в торговле между Азией и Европой.

В 1714 г. по указу Петра I в Астрахани и Тобольске одновременно для проникновения в Среднюю Азию с северо-запада и с севера были подготовлены две военные экспедиции, возглавленные А. Бековичем-Черкасским и И. Д. Бухгольцем.

Экспедиция Бековича-Черкасского в 1714—1717 гг. дважды направлялась морем к каспийским берегам Средней Азии и дважды — сухим путем из Астрахани через Гурьев мимо Аральского моря по Усть-Урту в Хиву. В 1717 г. экспедиция была вероломно уничтожена хивинским ханом, что на время приостановило попытки России проникнуть в Среднюю Азию с северо-запада.

Благодаря экспедиции Бековича-Черкасского было открыто Аральское море и установлены близкие к действительности его очертания, а также и очертания Каспийского мо-

---

[56] В. Н. Федчина. К истории создания карты Средней Азии в России в первой четверти XVIII в. «История геолого-географических наук». М., 1961, стр. 274.

[57] М. О. Косвен. Научно-организационная деятельность В. Н. Татищева. «История СССР», 1961, № 3, стр. 161.

ря, открыты сухое русло Узбоя и направление течения р. Сыр-Дарьи. Кроме того, были доставлены некоторые этнографические сведения о казахском народе[58].

Не смогла продвинуться на юг и экспедиция И. Д. Бухгольца 1714—1717 гг., которая около Ямышевского озера в 1715 г. встретила упорное сопротивление джунгарского ополчения. В этом же районе, как видно из архивных материалов, экспедиция вошла в соприкосновение с «людьми Казачьей орды», отбившими у джунгаров русского офицера Маркела Трубникова.

Река Иртыш в то время являлась естественной границей между русскими владениями в Западной Сибири и казахскими землями. «С одну сторону по Иртышу городы государевой Сибирской губернии, — писали М. П. Гагарин и И. Д. Бухгольц в Сенат в 1719 г., — а по другую от них сторону Казачья орда»[59].

Другим важным результатом экспедиции Бухгольца было основание на р. Иртыш русских крепостей, в том числе Омска (1716), ставшего впоследствии политико-административным, экономическим и культурным центром Западной Сибири.

Несмотря на неудачу экспедиции, продвижение России в верховья Иртыша не приостановилось. В 1718 г. подполковник Ступин основал крепость Семипалатную, а в 1719—1720 гг. речная экспедиция майора Ивана Лихарева поднялась по Иртышу к оз. Зайсан и далее в верховья Черного Иртыша. На обратном пути И. М. Лихарев основал крепость Усть-Каменогорскую.

К этому же времени относится дальнейшее расширение русско-казахских связей. В 1716 г. в Тобольск прибыли казахские послы Бекбулат Екешев и Байдаулет Буршев, которые сообщили губернатору Сибири М. П. Гагарину, что казахи желают жить с Россией «в вечном миру» и «ездить в Тобольск для торгу», а также заключить с Россией военный союз против Джунгарии.

Одновременно с аналогичной же миссией казахское посольство посетило Казань[60].

В том же 1716 г. М. П. Гагарин, руководствуясь указом царя, снарядил к казахам ответное посольство «сына боярского Микиты Белоусова с товарыщи», возвратившееся в Тобольск спустя один год. В наказе посольству, между про-

---

[58] В. Могутов. Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в Великую Татарию экспедиции под именем посольства. СПб., 1777.

[59] «Памятники сибирской истории», т. II. СПб., 1885, стр. 143, 146—147.

[60] Там же, док. № 41, стр. 152—153.

чим, говорилось: «Да ему ж, Миките, осведомитца подлинно, кто и как в Казачьей орде имеет силу, и кому они послушны, и есть ли владельцы, кроме Хаип-хана у них, и все ли Хаип-хану оне, Казачья орда, послушны, или есть иные владельцы, которых оне могут слушать»[61].

Со своей стороны казанский губернатор П. Салтыков также направил посольство к казахам, которое возглавлял Федор Жилин. В результате обмена послами были урегулированы некоторые взаимные претензии и достигнута договоренность о соблюдении мира, развитии торговли и военном союзе против Джунгарии.

В конце 1717 г. из Тобольска в казахские аулы отправилось посольство Бориса Брянцева, чтобы выяснить взаимоотношения казахов с джунгарскими калмыками. В своих записках Брянцев подробно осветил взаимоотношения казахов с джунгарами, башкирами, русскими, а также привел факты, характеризующие феодальные нравы, вооружение казахов и способы ведения ими военных действий[62].

В 1718 г. в Тобольске побывало несколько казахских послов, доставивших губернатору М. П. Гагарину письма казахских ханов. Эти письма представляют значительный интерес для этнографа. В них звучит образная речь казахского народа, насыщенная пословицами и поговорками, яркими сравнениями и характеристиками, в них отражены нравы и обычаи казахов[63].

Интересны и ответные письма царских чиновников казахским ханам. Из них следует, что в России неплохо знали обстановку в казахских аулах и жизнь казахов. В это же время в России, как видно из русских документов, казахов впервые стали называть «киргиз-казаками»[64]. Но в XVI—XVII вв. и до 20-х годов XVIII в. русские называли коренное население Казахской степи «казаками» или «казачьей ордой», в отличие от «енисейских киргизов».

В этом отношении интересны сведения в журнале капитана И. Унковского, русского посла, направленного в 1722 г. в Джунгарию с дипломатической миссией. И. Унковский писал: «С самого начала своего владения, он, контайша (т. е. джунгарский хан Цеван-Рабтан (1697—1727). — *Э. М.),* войска содержит против *Казачьей орды* около тридцати тысяч и много оных *казаков* повоевал»[65]. (Курсив мой.— *Э. М.*).

---

[61] Там же, стр. 156.

[62] Там же, стр. 157—163.

[63] Там же, стр. 163—167; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 28—31.

[64] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», т. 1, стр. 30.

[65] Посольство к зюнгорскому хун-тайчжи Цеван-Рабтану Ивана Унковского. «Записки РГО по отделению этнографии», т. X, вып. 2, 1887, стр. 193.

И так во многих случаях И. Унковский называл казахов «казаками» и «Казачьей ордой». Знал он и енисейских киргизов, как самостоятельный народ, который, по его сведениям, в 1683—1685 гг., был покорен джунгарским Галдан Бошохту-ханом. С тех пор джунгары считали енисейских киргизов своими подданными. В беседе с Унковским Цеван-Рабтан говорил ему: «Сумнительно нам, что наши люди — киргизы, которые жили по Оби реке, ныне оттуда выгнаны и и обижены от кузнецких и красноярских, и многие к нам пеши пришли»[66].

Но почему же именно в эти годы, особенно с 1730-х годов, казахов в России стали называть «киргизами» и «киргиз-кайсаками»? В то же время русские люди уже знали правильное самоназвание казахов. Так, в 1736 г. В. Н. Татищев отмечал: «...киргис-кайсаки, которых русские просто имянуют Казачья орда»[67]. А Г. Ф. Миллер в 1750 г. подчеркивал, что казахи и киргизы разные народы. В 1795 г. другой русский автор, капитан И. Г. Андреев, в одном из столичных журналов писал: «Хотя ж киргис-кайсаками они пишутся и их так называют, но собственно на вопрос каждый киргисец просто себя именует хазак..., а слово киргис значит для них весьма поносительно»[68].

Среди дореволюционных авторов только А. И. Левшин пытался объяснить происхождение названия «киргиз-кайсаки», «киргизы» применительно к казахам. В 1832 г. он писал: «Набеги и грабежи древних, или подлинных киргизов на сибирские города и селения сделали имя их столь страшным и ненавистным, что россияне вместо брани, дали оное и *казачьим ордам,* которые после киргизов наиболее делали вреда южным областям Сибири... С другой стороны, к составлению названия *киргиз-кайсаков* побуждало, конечно, и то, что народ сей, именуясь казаками, не мог быть в разговоре удобно отличаем от новых обладателей Сибири, ибо сам Ермак, сподвижники его и потомки их были казаки»[69]. Эти соображения, высказанные А. И. Левшиным, одним из самых известных дореволюционных авторитетов в области истории и этнографии казахского народа, возможно, в какой-то степени правомерны. Но более правдоподобно звучит утверждение Ч. Валиханова, что казахи «получили название «киргиз» от русских потому, что наружностью и

---

[66] Там же, стр. 123.

[67] В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950, стр. 49.

[68] «Новые ежемесячные сочинения», ч. СХ. СПб., 1795, стр. 83.

[69] А. И. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II. СПб., 1832, стр. 21—22.

языком очень походили на киргизов»[70]. Кроме того, можно полагать, что казахов стали называть киргизами в связи с неожиданным исчезновением основной массы енисейских киргизов из районов древнего обитания и предположения русских людей, что они слились с казахами. Имело значение также и влияние иностранной литературы, считавшей казахов потомками енисейских киргизов.

Глава 2.

РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПЕРИОД ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ (ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII — СЕРЕДИНА XIX ВЕКА)

Разработка проблем казахской этнографии в трудах И. К. Кирилова, В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера (вторая четверть XVIII в.)

Во второй четверти XVIII в., в условиях продолжавшегося укрепления казахско-русских связей, русская этнография вообще и этнография казахского народа в частности достигли больших успехов. Было сделано немало интереснейших открытий. Эти достижения были обусловлены всей многовековой историей русской этнографии, накоплением ценнейших и обильных материалов, разработкой ряда теоретических проблем (открытие рода как общественной формы, признание за каждым народом самобытной истории и специфики его культуры), достоверностью этнографических сообщений. При этом развитие этнографии в России, как и вообще всей науки, происходило в тесной связи с жизнью страны. Петровские преобразования, активизация политической жизни, консолидация дворянства и укрепление его руководящей роли в государстве оказали глубокое влияние на историческую науку и создали благоприятные условия для развития дворянской историографии.

В эту эпоху государство уделяло значительное внимание развитию образования и просвещения. Была открыта Академия наук, готовились кадры геодезистов, востоковедов, переводчиков — знатоков восточных языков, всемерно оказывалась поддержка научным экспедициям. Академия наук, которая «с первых дней своего существования проявила

---

[70] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах, т. 1, стр. 355.

серьезное отношение к этнографии»[1], была учреждена в 1725 г. Одним из первых крупных ее мероприятий была организация в 1733 г. Академической экспедиции для географо-этнографического обследования страны. Это важное мероприятие совпало с принятием Младшим казахским жузом российского подданства.

В период с 1594 по 1734 г. вопрос о принятии казахским народом российского подданства поднимался неоднократно, однако практически он назрел лишь в 1720—1730 годах. Этот акт полностью соответствовал основным установкам восточной политики царизма. В 1722 г. Петр I сформулировал задачу «приведения издревле слышимых и в тогдашнее время почти неизвестных обширных киргиз-кайсацких орд в российское подданство» и собирался командировать к казахам с этой целью своего переводчика Мамета Тевкелева[2].

Смерть помешала Петру осуществить эту задачу, но и при его преемниках она не снималась с повестки дня. Царские чиновники, служившие в пограничных с Казахской степью губерниях, внимательно следили за внутриполитическим положением казахских ханств, изучали ход различных событий, жизнь народа и его взаимоотношения с соседями. Так, астраханский губернатор А. Волынский в июле 1725 г. сообщал в Коллегию иностранных дел: «А между тем велю смотреть, не будет ли оной народ (казахский. — *Э. М.*) добровольно протекции ее императорского величества желать. И буде к тому склонность покажут, то велю их там под рукою обнадежить. Токмо чтобы они сами просить о том знатных своих прислали»[3].

В это время наиболее дальновидные представители казахской феодальной верхушки, в частности хан Абулхаир, поняли необходимость принятия российского подданства как единственного средства, могущего спасти казахов от порабощения отсталой и воинственной Джунгарии[4].

В 1726—1730 годах Петербург дважды посетили послы Абулхаира с просьбой принять казахов в российское подданство. В столице их тщательно допрашивали в Коллегии иностранных дел, чиновники которой интересовались численностью казахов, местоположением их аулов, формой правления, степенью авторитетности ханской власти.

---

[1] Л. Я. Штернберг. Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев. «Природа». Л., 1925, № 7—9, стр. 45.

[2] Разные бумаги генерал-майора А. Тевкелева об Оренбургском крае и киргиз-кайсацких ордах, 1762 г. «Временник Московского общества истории и древностей Российских», кн. 13. М., 1852, стр. 15.

[3] «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 236.

[4] Там же.

Особенно большое значение для этнографии казахов имело посольство М. Тевкелева, направленное царским правительством в казахские аулы в 1731 г. для приведения казахов к присяге.

Мамет, или Муртаза (по-русски Алексей Иванович), Тевкелев был образованным человеком и служил в императорской канцелярии «поверенным переводчиком ориентальных языков». Его знал и ценил Петр I. В казахских аулах он находился вместе с геодезистами Алексеем Писаревым и Михаилом Зиновьевым около полутора лет.

В своей деятельности Тевкелев руководствовался особой инструкцией, которой его снабдила Коллегия иностранных дел. Некоторые пункты этой инструкции предусматривали изучение довольно широкого круга этнографических вопросов, и она может рассматриваться как одна из самых ранних русских программ по этнографии казахского народа[5].

Этнографические материалы в казахских аулах Тевкелев собирал как путем непосредственного и ежедневного наблюдения жизни казахов, так и посредством беседы и опроса населения. Большое внимание уделил он изучению частых в XVIII в. межродовых столкновений, барымты, а также военного снаряжения казахов, производства у них оружия, пороха. Кроме того, в журнал его занесено много фактов, характеризующих феодальные нравы, право, обычаи, отдельные социальные группы населения, хозяйство, занятия, расположение зимовок и летовок, кочевых путей, быт народа, его культуру, верования.

М. Тевкелев выполнил свою основную миссию к казахам, убедив колеблющуюся часть знати принять российское подданство и направить полномочную делегацию в столицу России.

В начале 1734 г. для принятия присяги на верность России в Петербург прибыли одновременно казахские и башкирские делегации. Они проявили живейший интерес к культурным достижениям русского народа. Делегации ознакомились с достопримечательностями столицы и, в частности, побывали в библиотеке и кунсткамере, которая уже в то время была одним из крупнейших музеев мира, посетили Петергоф, Кронштадт, верфи и осмотрели окрестности Петербурга[6].

Со своей стороны, население столицы с большим интересом отнеслось к самим делегатам, и к народам, представлен-

---

[5] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», т. I, стр. 43—44.

[6] Киргиз-кайсаки и башкиры были в императорской кунсткамере. «Санкт-Петербургские ведомости», 1734, № 27, стр. 118.

ным ими. Столичная пресса писала в то время, что «как у некоторых иностранных, так и из здешних людей» возникло «великое к тому желание... чтобы о жилище и прочих обстоятельствах недавно прибывших сюда киргизских [казахских] и башкирских народов обстоятельное и надежное известие получить»[7]

Принимая во внимание эти пожелания, академическая редакция «Санкт-Петербургских ведомостей» опубликовала о казахском и башкирском народах в «Примечаниях на ведомости» несколько заметок[8]. Но, к сожалению, автор этих заметок не использовал архивные материалы и составил их лишь на основе трудов иностранных авторов и прежде всего голландца Витзена. Последний же знал лишь енисейских киргизов и считал их предками казахов. В результате путаные положения Витзена в 1734 г. попали на страницы русской прессы и впоследствии неоднократно вводили в заблуждение многих исследователей. Однако автор заметок в «Примечаниях на ведомости» в конечном счете не поручился за точность сведений Витзена. В своем заключении он вполне резонно отметил: «Сие есть, что мы о сем народе (т. е. о казахах. — *Э. М.*) у иностранных писателей найти могли. Исследование того ныне мы оставляем, так ли все то в самой вещи находится, как они нам описали, или нет. Чего ради мы ни за их правду, ни за неправду до другого случая стоять не хотим, при котором и то объявим, что от обретающихся здесь киргизов сами о сем познать возможем»[9].

В 1734 г. Россия приступила к реализации плана И. К. Кирилова, как нельзя лучше учитывавшего колониальные интересы царизма. По этому плану предполагалось, принимая во внимание пожелания хана Абулхаира и его окружения, построить два новых русских города, один на русско-казахской границе, а другой — в устье р. Сыр-Дарьи, и превратить их в мощные опорные пункты царизма для дальнейшего распространения его политического и экономического господства на Востоке.

Реализация этого плана была поручена вновь организованной «Известной экспедиции», называвшейся также Оренбургской экспедицией, а затем Оренбургской комиссией. В 1744 г. территория, подчиненная комиссии, была выделена в Оренбургскую губернию. Во главе экспедиции был поставлен сам Кирилов.

И. К. Кирилов (1689—1737) принадлежал к замечательной плеяде государственных деятелей первой половины

---

[7] «Примечания на ведомости», ч. 28. СПб., 1734, стр. 111.
[8] Там же, ч. 28, 29, 30, 31, стр. 111—126.
[9] Там же, ч. 29, стр. 116—117.

XVIII в., внесших значительный вклад в развитие русской науки. Он рано проявил большой интерес к картографии и географии и в 1721 г. возглавил первые в России астрономо-геодезические и картографические работы, проводимые с научной целью.

В 1727 г. Кирилов составил первое географо-статистическое описание страны «Цветущее состояние Всероссийского государства...» (опубликовано лишь в 1831 г.), в котором использовал и этнографические материалы, а в последующие годы подготовил около тридцати карт для атласа России, увидевшего свет в 1734 г. На картах атласа была обозначена и Казахская степь.

И. К. Кирилов был всесторонне подготовлен для того, чтобы принять непосредственное участие в Оренбургской экспедиции, работу которой он впоследствии и возглавил. В 1735 г. в письме Э. Бирону он писал, что шестнадцать лет вынашивал идею и план организации этой экспедиции[10]. В 1725—1733 гг. Кирилов принимал активное участие в организации Первой и Второй камчатских экспедиций, помня при этом всегда, что на очереди стоит задуманная им Оренбургская экспедиция[11].

Он хорошо знал историко-этнографическую литературу и архивные материалы о народах Казахской степи и среднеазиатского Междуречья. Прекрасно понимая значение этнографии, он считал необходимым использование этнографических материалов в интересах колониальной политики царизма: нерусскими народами можно успешно управлять лишь при условии хорошего знакомства с их этнографией. Поэтому в 1734 г. он «испросил повеления о выпуске к нему из кадетского корпуса нескольких офицеров, которые обучаясь при нем азиатским языкам, и узнавая нравы и обычаи азиатцев, могли бы со временем быть начальниками Оренбургского края». Как отмечал А. И. Левшин, это была «мысль делающая честь предусмотрительному уму Кирилова, и достойная подражания»[12].

Успех посольства Тевкелева, материалы которого Кирилов тщательно изучил, позволил ему уже в начале 1734 г. представить свой план царскому правительству в виде двух проектов. В этнографическом отношении наиболее интересен второй проект Кирилова «Изъяснение о киргис-кайсацкой и кара-калпацкой ордах», в котором кратко суммирова-

---

[10] С. Е. Фель. Картография России XVIII в. М., 1960, стр. 109.

[11] Проект обер-секретаря Ивана Кирилова об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими. «Материалы по истории России». Составитель А. И. Добросмыслов, т. I. Оренбург, 1900, стр. 1.

[12] А. И. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. 2, стр. 112, прим. А.

ны русские этнографические сведения о казахском и каракалпакском народах, извлеченные автором из архивных и литературных источников[13].

В проектах Кирилова подробно охарактеризованы в историческом плане политическое положение казахских жузов и их взаимоотношения с соседями, что говорит о большой осведомленности автора проектов о жизни и истории казахского народа.

И. К. Кирилов возглавлял Оренбургскую экспедицию всего около трех лет. Восстание в Башкирии и ранняя смерть (он умер от туберкулеза в 1737 г.) не позволили ему до конца выполнить возложенную на него миссию. В 1735 г. на р. Ори он начал строительство г. Оренбурга, который через несколько лет дважды переносили на другое место и на нынешнем месте город был основан в 1743 г. С тех пор Оренбург стал административным центром обширного края и почти двести лет служил интересам колониальной политики царизма. Вместе с тем этот город сыграл выдающуюся роль в истории народов Южного Урала, Казахской степи и среднеазиатского Междуречья, превратившись в крупнейший торговый и культурный центр на Востоке России.

Именно благодаря Кирилову в Петербург из Оренбурга регулярно стала поступать информация о Казахской степи и среднеазиатском Междуречье. Частью она публиковалась в столичной прессе. Так, в 1737 г. в «Курантах» было напечатано сообщение из Оренбурга: «Здесь все благополучно и прошлого лета зачали из Кайсацких орд и из Ташкента приезжать для торгу»[14]

В Архиве Академии наук СССР нами обнаружена «Промемория канцелярии Академии наук» от 6 апреля 1747 г., в которой говорится: «При сем из Государственной Коллегии иностранных дел, по приказу оной, посылается в Академию наук *один лист оренбургских ведомостей до киргискайсаков касающихся* для того, чтобы соблаговолено было оной *по обыкновению при санкт-петербургских газетах* пол артиклом из Оренбурга на *российском и немецком языках напечатать* и потом по пятнадцатях экземпляров таких газет на обоих языках в Коллегию иностранных дел прислать»[15]. (Курсив мой. — *Э. М.*).

При Кирилове же было предпринято картографирование вновь образованного Оренбургского края. Первую карту края, в который входили и земли Младшего и Среднего жузов казахов, составил в 1737 г. геодезист Алексей Норов. С

---

[13] Архив Академии наук СССР, г. Ленинград, разряд II, оп. 1, № 164.

[14] С. М. Соловьев. История России, т. XX, стр. 338.

[15] Архив Академии наук СССР, ф. 3, оп. 1, № 106, л. 103.

тех пор казахские земли обозначались на всех русских картах.

После смерти Кирилова начальником Оренбургской экспедиции был назначен выдающийся ученый и государственный деятель В. Н. Татищев (1686—1750). Находясь в этой должности два года, он близко познакомился с казахским народом и лично наблюдал его жизнь. В 1738—1739 гг. ему довелось вести продолжительные переговоры с ханами, султанами и старшинами Младшего и Среднего жузов и посещать по их приглашению крупные казахские аулы. Он старался закрепить присоединение казахского народа к России и установить с казахским населением дружеские отношения, отказавшись от рекомендованной ему правительством политики разжигания розни и вражды между кочевыми народами, которую впоследствии широко проводил один из его преемников И. И. Неплюев. Для успешного проведения своей политики он, в частности, требовал от чиновников знания казахского языка.

Научная деятельность Татищева, историка и основоположника русской этнографии, имела важное значение. Он почти пятнадцать лет служил в многонациональных районах России и это обстоятельство сыграло большую роль в определении его научных интересов.

В 1734 и в 1737 гг. Татищев составил в двух вариантах первую в мире анкету географо-этнографических обследований. 198 вопросов второй анкеты «Предложение о сочинении истории и географии российской» показывают, что ее автора интересовали названия и самоназвания почти всех народов страны, их происхождение, занятия, нравы, обычаи и обряды, народная медицина, верования, язык, фольклор. Свидетельством глубокого интереса Татищева к этнографии нерусских народов страны являются два особых раздела в анкете «О народах идолопоклоннических, какое известие о оных требуется» и «О магометанах». В анкете автор показал, что этнографические материалы он рассматривает как весьма важный исторический источник. Им была указана в анкете и методика изучения поставленных в ней вопросов: приобретение письменных источников, зарисовка этнографических предметов, наблюдение и опрос «без предупреждения, но паче ласкою и через разных искусных людей, знающих силу сих вопросов и язык их основательно, к том же не однова, но чрез несколько времени спрашивать от других...»[16].

В. Н. Татищев использовал и другие средства для сбора этнографических сведений. Он часто опрашивал купцов,

---

[16] Н. Попов. Татищев и его время. М., 1861, стр. 690.

дипломатов и путешественников, переписывался с ханом Абулхаиром, П. И. Рычковым, Г. Ф. Миллером и чиновниками колониальной администрации, работал в архивах Москвы, Петербурга, Поволжья, Урала, Сибири. Он ввел в число географических и историко-этнографических документов многие архивные источники и книги, например «Книгу Большому чертежу», находившиеся в забвении.

В. Н. Татищев уделял большое внимание развитию науки. Создание истории и географии России и описание всех народов страны являлись, по его мнению, важнейшими задачами, стоявшими перед русскими учеными. И он сам внес значительный вклад в разрешение этих задач.

Интерес к истории и этнографии казахского народа у Татищева появился очень рано. Еще в 1736 г. он задумал посвятить казахам один большой раздел своего труда «Общее географическое описание всея Сибири», который, к сожалению, остался незаконченным.

Одной из самых важных проблем этнографии казахского народа, интересовавших Татищева, была проблема этногенеза казахского народа. При этом он совершенно правильно исходил из того, что «чрез так много тысяч лет народы преходя мешались, иногда пленниками и покоренными себе размножались, иногда пленением и обладанием от других язык свой переменить и оставить принуждены были»[17], выступая таким образом против механического отождествления современных ему народов с древними. Однако Татищев, как и другие русские авторы XVIII в., в силу общего состояния науки того времени, несмотря на отдельные верные догадки, не имел научного представления о происхождении казахского народа.

Некоторые вопросы этногенеза казахов (самоназвание казахов, их этническая территория, кочевья и родоплеменная структура) были рассмотрены Татищевым в его основном труде «История Российская» (1739—1750), первые две части которого увидели свет в 1768—1769 гг. В нем автор дал лингвистическо-этнографическую классификацию народов России, отнеся казахов в так называемую «скифскую» группу, вместе с туркменами, башкирами, каракалпаками, татарами и другими народами[18].

В этой же работе автор, одним из первых, указал, что европейские ученые явно ошибаются, называя многие наро-

---

[17] В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. I, ч. 2. М., 1769, стр. 431.

[18] «История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым», кн. I, ч. 2. М., 1769, стр. 274—294.

ды Азии, в том числе и казахов, просто татарами, а их обширную страну — общим названием «Великая Татария». Западноевропейская наука и много лет спустя после смерти Татищева не видела существенной разницы между тюрками и монголами и продолжала именовать эти народы татарами, лишь подразделяя их на восточных и западных. Это заблуждение особенно рельефно проявилось в книге французского ученого Дегиня (1721—1800) «Всеобщая история гуннов, тюрков, монголов и других западных татар» (1756—1758). Мнение Дегиня продолжало господствовать в Западной Европе и в XIX в. Дегинь строил свою классификацию народов, руководствуясь политическим разделением народов, а не принадлежностью их к известным этнографическим группам.

Интересуясь происхождением тюркских народов, Татищев тщательно изучил родоплеменной состав казахов. В этой области его познания были довольно обширны. Из казахских родоподразделений ученого особенно интересовали кипчаки. Он специально обратился к П. И. Рычкову с просьбой «внятнее изъяснить» значение слова *кипчак,* высказав при этом уже известное ему объяснение, в котором он сомневался.

Этнографические сведения о казахском народе содержатся почти во всех трудах Татищева. Например, во «Введении к историческому и географическому описанию Великороссийской империи» (1744—1745) отмечено: «Сыр-Дарья в Оренбургской губернии, в Киргизском владении. По ней киргиз-кайсацкой Меншой орды наилутчее зимовье бывает». И далее сказано о разделении казахов на три жуза, о названии казахов и дана известная автору этимология слов *казак* и *киргиз*[19].

В «Российском историческом, географическом и политическом лексиконе» (1745), являющемся первым, хотя и незаконченным, опытом создания в России энциклопедического словаря, казахам посвящено несколько статей. В двух статьях «Кайсаки и киргизы» и «Киргиз и кайсак» автор описал границы этнической территории казахов, разделение их на три жуза и взаимоотношения жузов с Россией и Джунгарией. Из других более мелких статей «Лексикона», содержащих этнографические сведения о казахах, интересна статья «Кибитка», описывающая казахскую юрту.

В «Истории Российской», в чисто этнографической главе «О чинах и суевериях древних», автор использовал казахские этнографические материалы при описании обычаев и

---

[19] В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950, стр. 178.

обрядов, связанных с рождением, свадьбой, погребением у «магометан и язычников»[20].

О значительном интересе Татищева к этнографии казахов свидетельствует его переписка с оренбургским ученым П. И. Рычковым. В своих письмах он частенько задавал Рычкову вопросы историко-этнографического и лингвистического характера или же высказывал свое мнение о казахском народе.

Известно также, что некоторые лица, например геодезисты Кошелев и Норов, по заданию Татищева собирали в казахских аулах этнографические материалы, необходимые «для описания тракту и географических примечаний»[21].

Для истории этнографической науки имели значение и государственные мероприятия В. Н. Татищева по укреплению казахско-русских связей и сближению двух народов. Участившиеся при нем русские посольства в казахские аулы, а также торговые караваны, например Карла Миллера в 1738 г., открытие менового двора около Оренбурга, к которому с каждым годом прикочевывало все большее количество казахских аулов, способствовали более близкому и обстоятельному знакомству русских людей с казахским народом.

Вышеупомянутая Первая академическая экспедиция, организованная для географо-этнографического обследования России в интересах экономических, политических и культурных потребностей страны, работала в период с 1733 по 1743 г. по специальной программе-инструкции. Значение этой экспедиции в развитии русской этнографии весьма велико.

Самым выдающимся участником Первой академической экспедиции был С. П. Крашенинников (1711—1755), который оказал огромное влияние на русскую этнографию своим замечательным «Описанием земли Камчатки» (1755), показав, как нужно исследовать этнографию нерусских народов страны.

С. П. Крашенинников горячо призывал русских ученых изучать родную страну, «знать свое отечество во всех его пределах, знать изобилие и недостатки каждого места, знать промыслы граждан и *подвластных народов* (курсив мой. — *Э. М.*), знать обычаи их, веру, содержание и в чем состоит богатство их, также места, в каких они живут, с кем пограничны, что у них произростит земля и воды и какими местами к ним путь лежит...»[22].

---

[20] В. Н. Татищев. История Российская..., кн. I, ч. 2, стр. 576—600.

[21] П. И. Рычков. История оренбургская. Оренбург, 1896, стр. 39.

[22] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 87.

Другой участник экспедиции Г. Ф. Миллер (1705—1783) в своей научной деятельности уделил непосредственное внимание вопросам этнографического изучения казахского народа.

Историей и этнографией народов Сибири и Казахской степи Миллер стал интересоваться очень рано. В 1732 г., спустя семь лет после приезда в Россию, он писал: «Ни в какой другой стране нельзя с такими удобствами писать историю восточных народов... как в Российской империи. Часть этих народов находится в русском подданстве; от них являются в Россию частые депутации и посольства; русское правительство ведет с ними постоянную переписку и, что всего важнее, для всех их языков имеет искуснейших переводчиков. Эти пособия заставляют меня, кроме постоянного моего занятия русскою историею, предпринять еще побочный труд, именно: заняться историею восточных народов»[23].

Свои занятия по востоковедению Миллер начал с изучения русских источников о восточных народах и прежде всего архивных материалов, хранившихся в Петербурге и Москве. В 1732 г. он основал «Сборник статей, относящихся к истории России», в котором опубликовал в переводе на немецкий язык материалы И. С. Унковского и некоторые другие материалы по истории Джунгарии, содержащие разнообразные и в то же время важные для этнографии сведения о казахском народе.

В работе Первой академической экспедиции Миллер принял деятельное участие. Он написал для экспедиции специальную инструкцию «О истории народов», которая предусматривала необходимость тщательного изучения истории и этнографии народов Сибири.

Находясь в экспедиции, Миллер посетил многие города и крепости Сибири, в частности Омскую, Железинскую, Ямышевскую, Семипалатинскую и г. Тобольск, имевшие тесные связи с казахским народом. Здесь он тщательно изучал местные архивы и сделал копии с наиболее интересных документов, которые вошли в 50 так называемых миллеровских портфелей, представляющих очень большую научную ценность для исследователей истории и этнографии Сибири.

Итогом работы Миллера в академической экспедиции явился его четырехтомный труд «История Сибири», опубли-

---

[23] См.: С. Соловьев. Герард Фридрих Миллер. «Современник». СПб., 1854, № 10, т. 47, стр. 119.

кованный до сих пор не полностью[24]. В 1750 и 1787 гг. были дважды изданы только первые пять глав «Истории Сибири», а в 1937 и 1941 гг. — два первых тома[25].

Г. Ф. Миллер является не только историком, но и этнографом. Наивысшей задачей этнографической науки Миллер считал создание всеобщей этнографии народов. Эта задача и по сей день не осуществлена. Миллер подчеркивал особую важность этнографии в России, как «государстве многонациональном»[26]. Свои взгляды на этнографию он изложил в предисловии к рукописному «Описанию сибирским народам вообще, с приобщением к оному особливым известием о живущих около Казани языческих народах и с показанием, что при описании народов примечать должно»[27].

В «Истории Сибири» Миллер дал обширный материал по особо интересовавшим его вопросам этногенеза и этнического родства сибирских народов. Интересна и его классификация этих народов по принципу языкового сходства. Здесь же он поправил некоторые ошибки в этнографии, которые, к сожалению, повторялись и позднее. Так, например, он совершенно справедливо и своевременно указывал, что енисейские киргизы «ошибочно смешиваются с киргиз-кайсаками, живущими на бухарской границе и к востоку от реки Яика»[28].

Кроме «Истории Сибири», Миллером было написано множество отдельных статей, например: «Известие о песошном золоте в Бухарии..., в которой говорится между прочим о нравах казахов», «О начале происхождения казаков», рассматривающая также этимологию слова «казак»[29]. Г. Ф. Миллер — автор историко-этнографической программы, в которую вошло 1287 вопросов, из них 923 — по этнографии.

---

[24] Так как «История Сибири» Г. Ф. Миллера осталась незавершенной, Академия наук, еще при жизни ее автора, поручила И. Э. Фишеру (1697—1771), совершившему в 1739—1747 гг. путешествие по Сибири, заново написать историю Сибири. И. Э. Фишер, работавший по материалам Г. Ф. Миллера, в 1768 г. издал на немецком языке сокращенное изложение истории Сибири в книге «Сибирская история». Русское, посмертное, издание книги увидело свет в 1774 г. В «Сибирской истории» рассмотрены и некоторые вопросы этнографии казахов (стр. 53—59).

[25] В 1750 и 1787 гг. «История Сибири» Г. Ф. Миллера издавалась под непринадлежащим автору названием «Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена».

[26] М. О. Косвен. Этнографические результаты Великой северной экспедиции 1733—1743 гг. «Сибирский этнографический сборник», т. III. М.—Л., 1961, стр. 185—186.

[27] Архив Академии наук, г. Ленинград, ф. 21, оп. 5, д. 6, л. 113.

[28] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. 1937, стр. 314.

[29] «Ежемесячные сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие». СПб., 1760, № 1—2, 4.

Эта программа свидетельствует о весьма глубоком для того времени понимании русскими учеными задач этнографической науки. Но, в отличие от анкеты Татищева, программа Миллера не получила широкого распространения.

Успехи этнографического изучения казахского народа в России в XVIII в. связаны в значительной степени с развитием русского востоковедения, задачи которого впервые изложили в своих трудах Кирилов, Татищев и Миллер[30]. Мысли и идеи, которые вынашивали эти ученые, прекрасно понимавшие «восточные» интересы дворянского государства, нашли некоторое отражение в проекте «Учреждения Восточной Академии в С-Петербурге», составленном в 1733 г. Г. Я. Кером.

Г. Я. Кер (1692—1740) был приглашен в Россию в 1732 г. Коллегией иностранных дел для работы переводчиком, а через три года Академия наук поручила ему разобрать нумизматическую коллекцию.

В своем проекте Кер, считая необходимым систематически собирать восточные древности, изучать литературу Востока и восточные языки и планомерно готовить кадры переводчиков и чиновников для колониальных учреждений, предложил учредить новую Восточную Академию в России. По его мнению, русские военачальники, правители и переводчики, получив в Восточной Академии необходимые историко-этнографические знания о народах Востока и изучив восточные языки, смогли бы «ласковым обращением с пограничными восточными народами, мало-помалу смягчать их и привлекать к добровольному подданству и послушанию нашей императрице» Анне Ивановне[31]

Проект Кера не был принят правительством России, но некоторые намеченные в нем мероприятия проводились в жизнь страны как до появления этого проекта, так и после. Известно, что еще в XVI в. в Москве были русские переводчики, прекрасно знавшие тюркские языки, в том числе казахский. Правительство же Петра I обращало особое внимание на подготовку знатоков почти всех восточных языков и в Коллегии иностранных дел имело значительный штат переводчиков.

---

[30] Н. И. Веселовский в статье «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России» («Труды Третьего международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге 1876 г.», т. I. СПб., 1878—1880, стр. 100) ошибочно утверждал, что «о требованиях науки в деле востоковедения первый заговорил у нас иностранец, состоявший на русской службе».

[31] П. Савельев. Предположения об учреждении Восточной Академии в С-Петербурге. «Журнал Министерства народного просвещения», 1856, ч. 89, отдел III, стр. 32.

В 30-х годах И. К. Кирилов, В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер обосновали необходимость широкого изучения русскими учеными восточных народов и прежде всего тюрков, и своими трудами положили начало этому делу, которое блестяще продолжили С. П. Крашенинников, П. И. Рычков и другие ученые. Поэтому не прав востоковед прошлого столетия П. Савельев, утверждавший, что «едва ли кто в Петербурге из современников Кера, кроме Байера, мог отдать справедливость его проекту, и не удивительно, что мысль его и осталась только в проекте»[32]. Г. Я. Кер фактически лишь привел в систему мысли и взгляды, которые уже были высказаны современными ему русскими учеными. Вместе с тем следует признать, что Кер действительно впервые предлагал проводить в жизнь задачи, стоявшие перед русским востоковедением, энергичнее, систематически и в широком плане. Но условия для такого развертывания русского востоковедения созрели значительно позднее.

Донесения и отчеты русских людей о поездке в Казахскую степь. Труды П. И. Рычкова

После принятия российского подданства Младшим и Средним жузами и основания Оренбурга, по замыслу Татищева при Оренбургской пограничной комиссии была открыта школа «татарских учеников» для русских детей, в которой стали готовить переводчиков и других мелких чиновников колониальных учреждений. Эта школа функционировала с 1740 г. по 1820 г. и подготовила большое количество чиновников, которые были использованы правительством для выполнения различных дипломатических поручений в казахских аулах. Среди них наиболее известны К. Миллер, Д. В. Гладышев, И. Муравин, И. Ураков, Р. Уразин, М. Арапов, Я. Гуляев, А. Яковлев, которые при посещении казахских аулов вели съемку местности, «разведывали тамошние обстоятельства», собирали географические и историко-этнографические сведения, нашедшие отражение в их рапортах, донесениях, письмах начальству и колониальной администрации. Кроме того, в Оренбурге у всех русских людей, возвращавшихся из Казахской степи, обычно отбирались «сказки», в которых рассказывалось обо всем, что довелось им увидеть или услышать в казахских аулах. Эти сказки, как справедливо отмечают многие исследователи, являются

[32] Там же, стр. 34.

весьма ценными источниками по этнографии казахского народа»[33].

Из содержания донесений, рапортов, писем, «сказок» видно, что их авторы хорошо знали быт и культуру казахского народа. Это обстоятельство подтверждают и современники их. Так, Д. В. Гладышев, предлагая направить с дипломатической миссией к казахскому хану Абулхаиру поручика И. Уракова, характеризовал его как весьма способного человека, который и «по-татарски говорить действительно умеет, и *их* (казахов. —*Э. М.*) все обычаи и нравы довольно знает...»[34] (курсив мой. — *Э. М.).*

В 1738—1739 гг. аулы Младшего и Среднего жузов на пути из Орска в Ташкент посетил с вооруженным караваном офицер Карл Миллер, выполнявший специальное поручение Татищева. Он вел подробный журнал, в который записывал различные сведения о казахском народе, а сопровождавший его геодезист А. Кушелев составил карту и описал пройденный ими маршрут.

Через несколько лет, в 1742—1743 гг., Карл Миллер вновь побывал в кочевьях казахов, направляясь в этот раз из Орска на юг до р. Сарысу, а потом на юго-восток через Семиречье в Джунгарию. Этим путем после него не прошел ни один путешественник. К сожалению, документы, связанные с этим путешествием К. Миллера, не сохранились, за исключением карты, опубликованной Я. В. Ханыковым в 1850 г.[35] К. Миллер бывал в казахских аулах и в последующие годы. Собранные им материалы частично изучены В. Н. Татищевым и П. И. Рычковым.

Существенный вклад в изучение этнографии казахов внесла экспедиция Д. В. Гладышева и И. Муравина, состоявшаяся в 1740—1741 гг. Поводом для ее организации послужила просьба хана Абулхаира построить, наконец, в устье р. Сыр-Дарьи ранее обещанный русский город. Правительство решило удовлетворить эту просьбу и поручило экспедиции Гладышева и Муравина, в которую вошли также инженер Назимов, переводчик У. Арасланов и несколько казаков, исследовать устье р. Сыр-Дарьи.

Д. В. Гладышев первоначально служил в г. Уфе, в дворянских ротах вахмистром. В 1733—1734 гг. он сопровождал казахскую делегацию, направлявшуюся в Петербург для принятия присяги на верность России. Он хорошо знал татарский язык и с учреждением Оренбургской экспедиции

---

[33] М. П. Вяткин. «Сказки» XVIII в. как источник для истории Казахстана. «Проблемы источниковедения». М.—Л., 1940, сб. 3.

[34] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», т. I, стр. 184.

[35] «Географические известия». СПб., 1850, вып. 4.

в 1734 г. был зачислен в ту часть дворянских рот, которая была выделена в распоряжение Кирилова. С этого времени Гладышев много лет служил в Оренбурге, часто наезжая в казахские аулы с дипломатическими поручениями.

Другие участники экспедиции геодезист Муравин и переводчик Арасланов также продолжительное время служили в Оренбурге, способствуя развитию казахско-русских взаимоотношений. В 1742—1743 гг. Муравин служил при хане Абулхаире, находясь в казахском ауле. Имя же Арасланова, как незаменимого посланника к казахам, встречается почти во всех относящихся к Казахской степи архивных документах за период 1741—1754 гг.

Экспедиция Гладышева и Муравина продолжалась с сентября 1740 г. по апрель 1741 г. и прошла путь из Оренбурга до Хивы и обратно, почти все время находясь среди казахов. В итоге ею были собраны важные историко-этнографические и географические материалы о Казахской степи и ее населении, изложенные в «Показаниях Д. В. Гладышева и И. Муравина», журнале трактов, карте пройденного ими пути и других документах.

Впервые документы экспедиции в рукописном подлиннике изучил и использовал в своих трудах П. И. Рычков. Но опубликованы они были лишь в 1850—1851 гг. Я. В. Ханыковым[36]. Среди документов имеется и чисто этнографический по содержанию «Журнал описаниям: киргиз-кайсакам, каракалпакам, аральцам и хивинцам и кто какое имеет довольствие и каким манером носят платье, при сем прилагается всем порознь описания»; в нем дано описание мужской и женской одежды казахов в сравнении с одеждой каракалпаков, а также описание нарядов и причесок казахской женщины. В этом документе впервые в русской литературе подробно характеризуется казахский национальный костюм. В «Журнале трактов» его автор Муравин изложил свои этнографические наблюдения и сведения о казахском хозяйстве и торговле.

В 40—50-х гг. XVIII в. в казахских аулах побывало немало русских людей. В эти годы казахско-русские связи развивались интенсивно: расширялись и приобретали постоянный характер. Правительство, заинтересованное в усилении своего влияния в Казахской степи, ежегодно засылало в казахские аулы многочисленных агентов, чтобы лучше

---

[36] Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. С предисловием Я. В. Ханыкова. «Географические известия», 1850, стр. 519—599; 2-е издание вышло отдельной книгой в 1851 г. в Петербурге, в нем, в показаниях Д. В. Гладышева, опущены параграфы: 23, 24, 26, 28—32, 34—36.

изучить внутреннее и международное положение казахских жузов, определить возможности расширения торговли, установить численность казахов, познакомиться с их ведением хозяйства, их бытом, нравами, обычаями[37]. Эти агенты проникали в казахские аулы и вместе с торговыми караванами. Так, в 1753 г. оренбургские чиновники Я. Гуляев и Чучалов были прикомандированы к каравану купца Данилы Рукавкина и совершили с ним длительное путешествие в Хиву и обратно в Оренбург[38].

Важно подчеркнуть, что сбор этнографических сведений, а также других материалов о казахском народе, систематически и специально вменялся в обязанность всем русским людям, посещавшим казахские аулы из колониальных интересов царизма. Об этом откровенно и исчерпывающе писали в 1759 г. в своем «Представлении Коллегии иностранных дел» о Среднем и Младшем жузах М. Тевкелев и П. Рычков, временно возглавлявшие оренбургскую администрацию[39].

В русских пограничных городах и крепостях, особенно в Оренбурге, Омске и Тобольске, на основе накопленных материалов, в том числе и этнографических, составлялись пространные доклады и отчеты царскому правительству.

Однако эти материалы, отложившиеся в архивах России, не стали тогда достоянием науки. В настоящее время они хранятся в Центральном государственном архиве древних актов СССР, Архиве внешней политики России, Центральном государственном военно-историческом архиве СССР, Центральном государственном историческом архиве Ленинграда, Архиве Академии наук СССР, Центральном государственном архиве КазССР, Оренбургском и Омском областных государственных архивах.

Для изучения исторической этнографии казахского народа особенно интересны фонды Центрального государственного архива древних актов СССР — «Сношения России с киргиз-кайсаками», графа Панина, № 68 (Пугачевская экспедиция) и фонды ногайских и калмыцких дел; в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда — фонды Секретной экспедиции Правительствующего сената, Канцелярии генерал-прокурора, Государственного совета, Министерства внутренних дел, Комиссии о коммерции, Коммерц-коллегии; в Центральном государственном военно-ис-

---

[37] См. распоряжение полковника Якова Павлуцкого, датированное 1745 г., в кн.: Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 4. М., 1866.

[38] «Московский любопытный месяцеслов на 1776 год». М., 1776; ЦГИАЛ, ф. 853, д. 269, оп. 1.

[39] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», т. I, стр. 575.

торическом архиве — фонд Главного штаба иррегулярных войск; в архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР — собрание графов Воронцовых; в Оренбургском областном государственном архиве — фонды Оренбургской губернской канцелярии, экспедиции пограничных дел и пограничного суда.

Долгое время архивы России были доступны лишь узкому кругу исследователей. В XVIII в. первым и, пожалуй, последним исследователем, серьезно и систематически изучавшим архивные документы по истории и этнографии казахского народа, был П. И. Рычков. Однако его преимущественно интересовали вопросы историко-экономического характера. Кроме того, он работал лишь в одном Оренбургском архиве.

В начале XIX в. фонды русских архивов XVIII в. изучали Г. И. Спасский и, особенно тщательно, А. И. Левшин, а в 1853—1854 гг. В. В. Вельяминов-Зернов.

Дела Омского архива впервые изучал Г. Н. Потанин в 1850-х гг. Наиболее важные документы он опубликовал в сборнике «Материалы для истории Сибири» (1866—1867).

В 1850—1860 гг. И. Русанов опубликовал многие дела Тобольского и Томского архивов[40]. Но особенно много архивных материалов было опубликовано в конце XIX—начале XX в., в частности сборники А. Е. Алекторова, И. И. Крафта («Сборник узаконений о киргизах степных областей». Оренбург, 1898) и А. И. Добросмыслова («Материалы по истории России», 1900).

Однако дореволюционные издатели архивных материалов основное внимание обращали на выявление и издание официальных документов, указов и распоряжений царя, сената, министерств и крупных чиновников государственных учреждений. Свидетельства же очевидцев событий, показания и донесения простых русских людей, посещавших казахские аулы, так называемых «бывалых людей», не привлекали внимание дореволюционных издателей и исследователей. Даже некоторые обобщающие рукописи по истории и этнографии казахов оставались под спудом.

В годы Советской власти издание архивных материалов стало рассматриваться как одна из первоочередных задач науки. Советские ученые опубликовали большое количество архивных материалов по истории казахского народа, содержащих этнографические сведения, а также данные по истории русских путешествий и экспедиций в Казахскую

---

[40] И. Русанов. Собрание актов, договоров, грамот, писем и проч. документов, до Киргизской степи относящихся в историческом, политическом отношениях. «Томские губернские ведомости», 1861, № 28—36.

степь. Среди этих изданий архивные материалы, относящиеся к XVIII в., наиболее полно представлены в сборнике «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках» (1961).

Архивные материалы, разумеется, содержат лишь отдельные сведения этнографического характера, которые, однако, в силу отсутствия других письменных источников, имеют большое значение. Так, для изучения родоплеменной структуры и родорасселения казахов в середине XVIII в., а также их нравов, обычаев весьма важны, опубликованные лишь недавно, записи по этим вопросам, произведенные М. Тевкелевым в 1748 г. непосредственно со слов самих казахов, и «Представление Коллегии иностранных дел» М. Тевкелева и П. И. Рычкова (1759)[41].

Важные сведения о развитии оседлости и земледелия, сенокошения и рыболовства, изменении быта, применении рабского труда, формах эксплуатации, родоплеменной структуре и родорасселении, о нравах и обычаях казахов вкраплены почти во все архивные документы, относящиеся к истории казахского народа XVIII в. Частенько встречаются также в них описания отдельных элементов материальной культуры казахов, жилища, одежды, пищи и, особенно, вооружения, амуниции и снаряжения казахов во время военных действий.

В середине XVIII в. наука в России, как известно, переживала мощный подъем. Этот подъем, происходивший под влиянием социально-экономического и культурного развития страны, неразрывно связан с именем великого русского ученого М. В. Ломоносова (1711—1765), который за время своей научной деятельности занимался самыми различными проблемами и в том числе историко-этнографическими.

М. В. Ломоносов явился зачинателем демократического направления в русской этнографии[42]. Оставленное им научное наследие по истории и этнографии оказало большое влияние на развитие этих наук в России.

В своей «Древней Российской истории» (1758), в письме к И. И. Шувалову «О сохранении и размножении российского народа» и других работах Ломоносов высказал много ценных мыслей об этногенезе восточнославянских народов, о постепенной изменяемости уклада жизни, быта, нравов, культуры и языка народов, о факторах, воздействующих на этот процесс, проявил внимание к повторяющимся комплексам признаков материальной и духовной культуры у разных

---

[41] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», т. 1, стр. 404—408, 571—591.

[42] «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. I. М., 1956, стр. 3.

народов и с демократических позиций поставил в этнографической науке самые острые, самые жгучие вопросы быта и культуры русского народа. Он проявил глубокий интерес к народной жизни, творчеству, к проблемам развития народного хозяйства.

Вместе с тем Ломоносов относился с большим вниманием и интересом к нерусским народам России и призывал русских ученых широко изучать их культуру и быт, общие начала и черты своеобразия в развитии отдельных народов страны и содействовать делу их просвещения. В его бумагах упоминается «Ориентальная академия», он был сторонником открытия в Академии кафедры восточных древностей.

М. В. Ломоносов хорошо знал источники, литературу и вспомогательные дисциплины, умело владел методами исторической науки своего времени. Он изучал и поступившие в Академию наук после смерти В. Н. Татищева многочисленные архивные и рукописные материалы, в которых было немало сведений о казахском народе. Известно, что великий русский ученый одобрял труды П. И. Рычкова, посвященные народам Оренбургского края и, в частности, казахам. Вся последующая передовая русская историография исторической и этнографической науки России развивалась под влиянием идей Ломоносова.

Инициатива этнографического изучения народов России в XVIII в. шла не только из центров страны. Успехи и достижения русской науки обусловили рост местных кадров естествоиспытателей, географов, историков, уделявших в своей научной работе большое внимание и этнографии. Их деятельность встретила поддержку Академии наук, которая в специальном решении в 1759 г. подчеркивала, что «Академия наук, стараясь всеми силами иметь подробные сведения о всех Российского государства странах..., желала бы иметь во всех отдаленных империи местах таких людей, кои б по склонности своей и любви к наукам сообщали ей все, что внимания их в Академии достойно и тем бы споспешествовали ее стараниям»[43].

Одним из таких местных ученых был первый член-корреспондент Российской Академии наук П. И. Рычков (1712—1777), служивший в Оренбургской экспедиции со дня ее основания.

И. К. Кирилов и заменивший его через три года В. Н. Татищев оказали на Рычкова огромное влияние и обеспечили ему свое авторитетное покровительство. С первых лет службы в Оренбурге Рычков тщательно изучает литературные и

[43] В. Ф. Гнучева. Материал для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М., 1940, стр. 7.

архивные материалы о Поволжье, Южном Урале, Сибири, Казахской степи и Средней Азии. Служба фактически не препятствовала его научным занятиям, так как он в качестве управителя канцелярии экспедиции подготавливал для начальства различные справки о народах Оренбургского края и вел широкую переписку, требовавшую специальных знаний.

Научный рост Рычкова в известной степени отражен в его переписке с Татищевым, частично опубликованной в 1867 г. П. Пекарским[44]. В 1740—1741 гг. Рычков занимался переводом на русский язык произведений по теологии и астрологии, а также принимал деятельное участие в организации татарско-калмыцких школ и в создании для них лексиконов, которые он предлагал издавать «русскими литерами». В это же время ему было поручено составление проекта военно-научной экспедиции к Аральскому морю. Кроме того, он постоянно выполнял различные поручения Татищева, связанные со сбором сведений по экономике, географии, истории и этнографии Казахской степи и Средней Азии, а также тщательно изучал восточные источники.

Однако в связи со своими служебными обязанностями, Рычков основное внимание уделял изучению жизни казахского народа и других местных народов Оренбургского края. Об этом свидетельствуют принадлежащие его перу различные письма, донесения, экстракты, написанные им от имени оренбургского начальства и впервые опубликованные (почти полностью) лишь в 1961 г.[45]. В них нашла отражение не только история казахско-русских взаимоотношений, но и история самого казахского народа в 1740—1750 гг., его нравы, обычаи, образ жизни, занятия.

Одной из первых научных работ Рычкова является «Описание города Оренбурга» (1744), послужившее хорошей основой для его дальнейших работ по этой теме. В следующие годы он написал историко-этнографическую работу «Краткое известие о татарах», которую, после получения рецензии Татищева, он окончательно завершил в 1750 г.

Рукопись Рычкова «Краткое известие о татарах», хотя и не увидела света, была прочитана с большим интересом многими его современниками, а он сам получил известность как наиболее компетентный знаток тюркских народов. И, например, Татищев специально посылал ему восемнадцатую главу своей «Истории Российской», посвященную тюркам,

---

[44] П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867, стр. II, III, 8—28, 161—166.

[45] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», т. I, стр. 130—593.

чтобы он исправил и дополнил ее. Общепризнанный в то время авторитет в области истории и этнографии казахов Тевкелев характеризовал Рычкова, как человека, который «о состоянии здешних заграничных дел и народов (казахов и населения Средней Азии. — *Э. М.*) довольно сведущ»[46].

Многолетнее изучение географии, этнографии, истории и экономики Южного Урала, Казахской степи и Средней Азии позволило Рычкову приступить в 1752 г. к созданию серьезного и капитального исследования «Топография Оренбургская». Тогда же он выступил инициатором создания новой генеральной карты Оренбургской губернии и Средней Азии с десятью «партикулярными» — частными картами, детализирующими отдельные части заданной территории, взяв на себя обязательство написать к этим картам подробную объяснительную записку, которая впоследствии была значительно расширена и под заглавием «Топография Оренбургская» вышла в свет отдельной книгой.

Предложение Рычкова полностью отвечало интересам царизма, способствовало хозяйственному освоению огромного Оренбургского края и потому было благожелательно встречено администрацией губернии. Группа геодезистов во главе с офицером А. Д. Красильниковым получила задание составить все запланированные карты.

В середине 1755 г. карты и первая часть «Топографии Оренбургской» были представлены на рассмотрение Академии наук, которая на двух своих конференциях с участием М. В. Ломоносова обсудила и рекомендовала к изданию эти работы. Однако карты Красильникова увидели свет лишь в 1880 г.

Более благоприятной оказалась судьба «Топографии Оренбургской», которая при жизни автора, правда, спустя семь лет после подготовки ее к печати, была опубликована дважды в одном и том же 1762 г.

«Топография Оренбургская», суммировавшая известные русской науке в середине XVIII в. географические и историко-этнографические сведения о народах Южного Урала, Казахской степи и Средней Азии, представляет собой значительное явление в русской историографии. Далекий Оренбургский край, в который были включены и казахские земли, до появления этой книги был мало кому известен в России. «Топография Оренбургская» сравнительно подробно ознакомила русского читателя с природными богатствами, этническим составом, с хозяйством и бытом населения края и вызвала интерес к хозяйственному освоению этой обширной территории.

---

[46] Там же, стр. 558.

Другой труд Рычкова «История Оренбургская», опубликованный в 1759 г., содержит этнографические сведения о родоплеменной структуре трех жузов и их расселении, легенды о происхождении казахского народа и краткие данные о занятиях, нравах, обычаях, верованиях и вооружении казахов[47].

П. И. Рычков, как и В. Н. Татищев, обратил внимание на большое значение восточных источников для исследования истории и этнографии народов Казахской степи и Средней Азии. Он тщательно изучал труды Абулгази, Кадыргали Хошум Жалаира и других авторов, а также уделял внимание выявлению новых источников, постоянно обращаясь к русским и среднеазиатским купцам и дипломатам с просьбой доставлять ему восточные книги и рукописи.

Важные этнографические сведения о казахском народе встречаются и в мелких работах Рычкова. Хозяйство казахов, значение скотоводства, способы ухода за скотом он описал в статьях «О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии», «Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций, кратко и по возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии» (1867)[48].

Характеристику этнографических особенностей казахов Рычков давал в сравнении с особенностями быта и культуры башкирского народа, который, как и казахи, был одним из наиболее многочисленных народов Оренбургского края. Правда, Рычков допускал некоторое преувеличение отрицательных сторон нравов и обычаев казахского народа и сомневался относительно возможностей развития земледелия у казахов, что явилось следствием его недостаточной осведомленности о занятиях этого народа, который фактически издавна знал земледелие как орошаемое, так и богарное.

После смерти Татищева, в научной деятельности Рычкова большое значение приобрела его переписка с Миллером, обратившимся к нему в 1757 г. с просьбой присылать в журнал «Ежемесячные сочинения» статьи о «коммерции оренбургской». Эта переписка продолжалась в течение двадцати лет. Вопросы науки и литературы занимали в ней первое место, причем оба адресата уделяли значительное внимание истории и этнографии казахского народа[49].

---

[47] П. И. Рычков. История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. Оренбург, 1896, стр. 70—72, 100—103.

[48] В кн.: «Труды Вольного экономического общества», ч. 7. СПб., 1767.

[49] П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867.

К сожалению, письма Рычкова, находящиеся в архиве Академии наук (Ленинград), до настоящего времени опубликованы лишь частично, да и то в выдержках. Не увидели свет и его некоторые рукописи. Так, в одном из архивов Ленинграда нами обнаружено его «Нижайшее представление о состоянии киргиз-кайсацких орд и о способах к приведению их к спокойному пребыванию и к исполнению подданических должностей», написанное в январе 1774 г.

Будучи ответственным чиновником колониальной администрации и отличаясь консервативными политическими взглядами, Рычков, естественно, использовал этнографические сведения не только в интересах науки, но и для обоснования колониальной политики, что особенно рельефно отразилось в «Представлении Коллегии иностранных дел о положении в Малом и Среднем жузах», написанном им совместно с Тевкелевым[50]. Характеристике деятельности царских чиновников, казахских ханов и султанов он придавал первостепенное значение, не касаясь социальных вопросов, народного быта и духовной культуры населения Оренбургского многонационального края. Говоря о методах этнографического исследования Рычкова, нельзя не отметить, что он обычно ограничивался, например, при изучении родоплеменной структуры казахов, показаниями султанов и старшин, которые для возвеличения себя часто сообщали ему заведомо неверные сведения о своем происхождении. Но в целом труды Рычкова оставили заметный след в истории этнографического изучения казахского народа в России.

Этнографические работы Второй академической экспедиции (третья четверть XVIII в.)

Третья четверть XVIII в. в истории этнографического изучения казахского народа в России является знаменательной вехой, она отмечена не только обилием накопленных материалов, но и некоторыми теоретическими обобщениями и решением ряда запутанных историко-этнографических проблем. Русские ученые, хотя и были далеки от решения проблемы этногенеза казахов, в большинстве своем признавали общность происхождения тюркских народов и отличие казахов от енисейских и тяньшанских киргизов, в противоположность европейским авторам, выдвигавшим необоснованные гипотезы относительно происхождения казахского

[50] Представление генерал-майора А. Тевкелева и коллежского советника П. Рычкова Коллегии иностранных дел о положении в Малом и Среднем жузах. «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 571—591.

народа и этнического состава населения Южной Сибири и Средней Азии. Русские ученые в основном правильно представляли себе и родоплеменную структуру, и родорасселение казахов, отмечали некоторые их этнографические особенности и правильное самоназвание, хотя и продолжали именовать их киргизами и киргиз-кайсаками.

Во второй половине XVIII в. царское правительство принимает меры к укреплению своего господства в Казахской степи и усилению колониальной политики. Россия была заинтересована в расширении русско-казахской и транзитной торговли с Средней Азией и в освоении природных богатств Казахской степи. Однако восстание в Башкирии в 50-х годах и жестокое его подавление, падение Джунгарии и заметное усиление власти султана Аблая, феодальные междоусобицы и сепаратистская политика хана Абулхаира и ряда других феодалов, фактическая слабость позиций царизма в Казахской степи и большая подвижность кочевых казахов ставили под угрозу экономические и политические интересы России на востоке страны. Осознавая это, правительство искало выход из создавшегося положения.

Прежде всего были приняты меры к тщательному изучению внутреннего положения казахских жузов и политики ханов и султанов. В 1755—1759 гг. к казахам было направлено несколько дипломатических миссий, которые возглавляли М. Арапов, Я. Гуляев, И. Ураков[51]. Они доносили, что политика, например, султана Аблая опасна для России.

Этого мнения придерживались и начальники Оренбургского края И. И. Неплюев, М. Тевкелев, и Коллегия иностранных дел[52]. Тогда правительство разработало и провело серию военно-административных и политических мероприятий по укреплению сибирских границ и своего престижа на Востоке, в частности были построены новые укрепленные линии: Тобол — Ишимская — между Тоболом и Ишимом (1752—1754 гг.), Иртышская — между Усть-Каменогорской крепостью на Иртыше и р. Омью (1747—1760 гг.), Колыванская — между устьем р. Убы и р. Бии (1747—1760 гг.), а также были составлены карты территории нынешнего Северо-Восточного Казахстана.

В дальнейшем правительство издало ряд указов, в которых наметило принципы политики России в Казахской сте-

---

[51] Инструкция Оренбургской губернской канцелярии князю И. Уракову и переводчику Я. Гуляеву. «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», т. I.

[52] Записка И. И. Неплюева о башкирах и киргиз-кайсаках. Государственный архив Омской области, ф. 336, оп. 1, д. 25; Донесение Правительствующему сенату Коллегии иностранных дел о киргиз-кайсаках. Государственный архив Омской области, ф. 336, оп. 1, д. 30.

пи и высказало свое мнение по «киргиз-кайсацким делам». В 1778 г. указом Екатерины II главному начальнику Оренбургского края О. А. Игельстрому было предписано «составить уложение на основе народных обычаев киргизов». Для этого собирались сведения о нормах казахского обычного права, и Игельстром пытался провести административно-судебную реформу, но действовал крайне поспешно и непоследовательно, а правительство не оказало ему надлежащей поддержки.

В области же религии были осуществлены некоторые мероприятия, направленные на укрепление власти царизма в степи. В 1785 г. был издан указ о веротерпимости, а в 1782—1786 гг. правительство поручило Игельстрому строить в Казахской степи мечети и медресе и одновременно обязалось финансировать деятельность мусульманского духовенства. Таким образом была предпринята попытка использовать мусульманскую церковь в интересах колониальной политики. Но было построено только одно медресе в Оренбурге, в котором казахские дети почти не учились, а мечети казахи не посещали. Поэтому мусульманское духовенство, пользуясь поддержкой правительства, стало более активно проникать в казахские аулы и вести религиозную пропаганду, приспосабливаясь к нравам и обычаям казахского народа. Пропаганда мусульманского духовенства в духе панисламизма и религиозный дурман нанесли огромный вред как казахскому народу, так и самой России, что было признано в 1860-х годах.

В 1789 г. в Омске была открыта Азиатская школа, просуществовавшая до 1836 г. Она была призвана готовить переводчиков для колониальных учреждений. В школе, наряду с русскими детьми, учились дети татар и казахов.

По всем вопросам казахско-русских взаимоотношений правительство и колониальная администрация вели обширную переписку. В архивах страны сохранились многочисленные отчеты и донесения чиновников, указы и предписания Сената, Коллегии иностранных дел и губернской канцелярии, содержащие некоторые этнографические материалы, характеристику образа жизни казахского народа, его нравов, занятий, быта, а также воссоздающие картину политического и социально-экономического развития казахских аулов. Так, например, генерал А. И. Апухтин свое донесение Екатерине II «О киргизских делах» в 1783 г. сопроводил отдельной запиской «Описание нынешнего состояния киргиз-кайсацкого народа Средней и Меньшей орд», в которой кратко охарактеризовал нравы, обычаи, верования, жизнь казахов,

положение у них женщин, указал местоположение казахских аулов, численность населения[53].

В архивных документах нередки также сообщения о свадебных обрядах казахского народа, поминках и похоронах, родоплеменной структуре и родорасселении, описания жилища казахов[54]. Разумеется, в этих документах также немало искажений и даже прямых фальсификаций, поверхностно и не точно описанных фактов, случайных и нехарактерных деталей, но в условиях отсутствия других источников этнограф не вправе пренебречь многочисленными архивными материалами и не попытаться критически, на основе марксистско-ленинской методологии изучить их.

Самым крупным событием в истории этнографического изучения казахского народа в России во второй половине XVIII в. была работа Второй академической экспедиции, организованной в 1768 г. для географо-этнографического обследования почти всей страны. Эта экспедиция пользовалась поддержкой правительства, так как она отвечала насущным потребностям экономического, политического и культурного развития страны и интересам колониальной политики царизма.

Вторая академическая экспедиция, в которую входили такие видные ученые, как И. И. Лепехин, П. С. Паллас, В. Ф. Зуев, И. Г. Георги, П. Б. Иноходцев, И. П. Фальк, Н. П. Рычков и многие другие, собрала новый обильный материал о природе, хозяйстве и населении России, этот материал получил впоследствии освещение в трудах названных ученых.

Для этнографии казахского народа наибольшее значение имели поездки в казахские аулы П. С. Палласа, И. Г. Георги, И. П. Фалька, Н. П. Рычкова и их труды.

П. С. Паллас (1741—1811), член Академии наук, живший в России с 1767 г., осуществлял общее руководство частью экспедиции, работавшей в Приуралье и Западной Сибири. Его основной труд, написанный по результатам экспедиции, — «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (1773 г.), один из разделов которого «Известие о киргизцах» полностью посвящен казахскому народу.

Участие в академической экспедиции, хорошее знакомство с русской историко-этнографической литературой и научные труды, созданные им в России под непосредственным и плодотворным влиянием русской научной мысли, тщатель-

---

[53] «Тургайские областные ведомости». Оренбург, 1899, № 41, стр. 4—8.

[54] «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», т. I, стр. 493—703.

но разработанная по специальному предписанию Академии наук инструкция — все это создало Палласу широкую известность. Однако в его трудах проявлялись и махрово реакционные черты. Он неверно толковал вопросы истории русского народа, принижая его заслуги. В России этот ученый прожил почти всю свою сознательную жизнь, покинув ее лишь за несколько месяцев до своей смерти.

С казахами Паллас впервые познакомился в 1769 г., после приезда в Оренбург, откуда он совершил несколько поездок в казахские аулы. Из Оренбурга он направился в Сибирь вдоль русской пограничной линии и посетил наиболее тесно связанные с казахами города и крепости: Троицк, Петропавловскую, Омск, Семипалатинскую. Несколько раньше он побывал в Гурьеве и Уральске.

П. С. Паллас обращал большое внимание на сбор этнографического материала, считая его чрезвычайно важным для изучения истории и культуры народов, их происхождения и взаимовлияния. Поэтому ему удалось собрать интересный материал о многих народах страны.

П. С. Паллас достаточно подробно охарактеризовал кочевой образ жизни и повседневные занятия казахов, способы ведения скотоводческого хозяйства и его продуктивность, уход за скотом и рациональное использование казахами пастбищ в разные времена года. Пища казахов, по его сведениям, в основном состояла из продуктов скотоводческого хозяйства. Имели некоторое значение и продукты охоты.

Особенно подробные сведения Паллас оставил о технике и изделиях казахских домашних промыслов и ремесел (ткачество; войлочное, кожевенное, красильное, кузнечное, деревообрабатывающее ремесла). Такое большое внимание описанию этих вопросов не уделял ни один автор не только в XVIII, но и в XIX в.

Сравнительно хорошо описан путешественником и казахский национальный костюм. Он описал отдельно мужской и женский костюмы, указал различия в одежде разных социальных групп населения казахских аулов. В дополнение к характеристике казахского костюма в книге (впервые в литературе XVIII в.) опубликованы три иллюстрации, черно-белые гравюры, изображающие двух мужчин верхом на конях в полной экипировке и одну женщину в двух ракурсах.

В книге Палласа приведено немало сведений о распространении ислама в казахских аулах, подробно говорится о некоторых пережитках языческих верований. Но автор сосредоточил свое внимание на описании второстепенных вопросов, например различных категорий шаманов, ничего

не сказав о культе *тенгри*, составлявшем основу древних верований казахского народа.

П. С. Паллас описал также казахские нравы, семейные отношения, обряды и обычаи (при похоронах, поминках и т. д.), вооружение казахов, их музыкальные инструменты.

Все эти сведения, к сожалению, результат лишь кратковременного пребывания автора в казахских аулах. Они не исследованы на широком фоне историко-этнографических материалов, имеют в большинстве своем локальное значение, а выводы автора, особенно касающиеся социальных отношений, частью навеяны случайным впечатлением, поверхностны, порой неточны и противоречивы.

Другой участник экспедиции 1768—1774 гг., И. Г. Георги (1729—1802), выходец из Швеции, сопровождал сначала И. П. Фалька, потом П. С. Палласа, посетил Урал, Поволжье и Сибирь. Он побывал также в казахских аулах и в Оренбурге, Тобольске, Томске. Результатом его участия в экспедиции были естественно-научные и этнографические материалы, получившие в Петербурге высокую оценку.

По возвращении из экспедиции Георги узнал, что граверы К. М. Рот и Шлипер, опираясь на помощь ученых, стали издавать художественный журнал, иллюстрированный цветными и черно-белыми гравюрами, изображающими представителей отдельных народов России в национальных костюмах. Всего они опубликовали в 1774—1776 гг. пятнадцать выпусков журнала по пять рисунков в каждом. В десятом выпуске, названном «Открываемая Россия, или собрание одежд всех народов, в Российской империи обретающихся», были помещены три гравюры казахов (на двух — женщины и на третьем — мужчины) в национальных костюмах.

Издание художественного журнала общественность России встретила с большим интересом и высказала пожелание, чтобы в будущем гравюры сопровождались кратким историко-этнографическим текстом.

Это пожелание и побудило Георги взять на себя задачу обобщить накопленные в стране научные материалы, создать сводную этнографическую работу по возможности о всех народах России и тем самым удовлетворить запросы читателей. Новая книга, названная «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей» и потребовавшая нескольких лет упорного труда, была издана в четырех частях на немецком языке и в трех — на русском в 1776—1777 гг.

В противоположность книге Палласа, труд Георги является в большей степени исследованием. Он написан на осно-

ве изучения и сопоставления разнообразных источников. Этнографическая характеристика казахов в книге Георги дана в разделе «О киргизцах», материалом для которого послужили преимущественно записи И. П. Фалька, а также Г. Ф. Миллера, П. И. Рычкова, И. Е. Фишера, П. С. Палласа, Н. П. Рычкова и самого автора. Однако, несмотря на широкое привлечение автором всех возможных источников, свидетельствующих о значительных успехах русской науки в области истории и этнографии казахов, рассмотренные Георги данные показывают, что русские ученые в XVIII в. еще не имели в своем распоряжении достоверных материалов о Старшем жузе казахов, а также о подлинных тяньшанских киргизах.

Историко-этнографическую характеристику казахского народа Георги дал в соответствии с разработанной им классификацией народов России по историко-лингвистическому принципу, введенному в науку еще В. Н. Татищевым. Казахов он включил в так называемую «татарскую» группу. Но в ту же группу, кроме известных ему тюркских народов, он включил и грузин, и осетин, и другие кавказские народности, которые в то время неверно назывались в России собирательным термином «татары». Кавказские языки, как известно, стали серьезно изучаться в России лишь в XIX в.

И. Г. Георги хорошо знал действительное самоназвание казахов и дал сравнительно верную картину расселения и численности Младшего и Среднего жузов и их родоплеменной структуры, а также подробно описал скотоводческое хозяйство казахов и его продуктивность, зачатки каракулеводства, охоту, домашние промыслы и ремесла, трудовую деятельность мужчин и женщин.

Далее, он дал характеристику материальной культуры казахского народа, его жилища, одежды, пищи. Здесь же мы находим ценные сведения о суде и обычном праве казахов, о верованиях, нравах и семейных отношениях, обычаях и обрядах во время приема гостей, свадьбы, похорон и поминок, данные о народной медицине и ветеринарии.

До Георги ни один автор не давал столь полную и разностороннюю этнографическую характеристику казахского народа, хотя план изложения этнографического материала у него и не отличается оргинальностью. В своих суждениях и выводах Георги часто ошибался, высказывал неверные мысли. Он необоснованно считал, например, что данные казахского фольклора, в частности родословные, предания и легенды этногенетического характера, совершенно непригодны для исследования ранней истории казахского народа, особенно периода образования казахской народности. Более того, не зная русские архивные материалы, он вооб-

ще сомневался в том, была ли у казахов своя история ранее XVII в.

Шведский натуралист И. П. Фальк (1727—1774) в 1763 г. был приглашен в Россию Академией наук по рекомендации знаменитого Линнея. Он путешествовал по Оке, Волге, побывал в Астрахани, Оренбурге, Петропавловске, Омске, Семипалатинске и других городах и крепостях Западной Сибири, а также посетил казахские аулы и собрал значительный материал по этнографии казахского народа. В 1774 г. он покончил жизнь самоубийством. Оставшиеся после него рукописи И. Г. Георги привел в порядок и издал в трех томах на немецком языке в 1785—1786 гг.

Это полное посмертное издание трудов Фалька по существу не привлекалось для исследования исторической этнографии казахского народа и никогда не было переведено на русский язык, за исключением некоторых отрывков, включенных С. Д. Асфендиаровым и П. А. Кунте в сборник «Прошлое Казахстана в источниках и материалах» (1935). Правда, в 1825 г. небольшие заметки Фалька «Известия о Киргизской и Зюнгорской степи» и его спутника Хр. Барданеса[55] «Поездка в Киргизскую степь» были опубликованы на русском языке отдельным сборником, но в них очень мало этнографических материалов[56]. Основная масса этнографических материалов ученого вошла в немецкое издание его трудов.

Как и другие участники экспедиции, И. П. Фальк этнографические наблюдения вел в соответствии со специальным предписанием Академии наук. Это обстоятельство предопределило почти полное совпадение этнографической тематики в трудах участников экспедиции. Однако сбору этнографических материалов Фальк, по-видимому, уделял гораздо большее внимание, чем другие путешественники, ибо у него по сравнению с ними целый ряд вопросов по этнографии казахов, например описание хозяйства, уход за скотом, охота, некоторые домашние промыслы и ремесла, пища, изложен гораздо полнее и точнее. Даже отдельные детали и специфические особенности материальной культуры, быта и нравов казахского народа получили у него достаточное освещение. Ему удалось записать и многие наиболее существенные казахские этнографические термины и слова, которые он широко использовал как в тексте этнографических сюжетов, так и для составления «Сравнительного глоссария

---

[55] Х. Барданес, грек из Молдавии, хирург, сопровождал И. П. Фалька и по его поручению совершил в 1771 г. две самостоятельные поездки в казахские аулы.

[56] «Полное собрание ученых путешествий по России», т. VII. СПб., 1825.

казанско-татарского, киргизского, бухарского и калмыцкого языков». Его отличает также более или менее объективное отношение к казахскому народу, почти полное отсутствие снисходительного пренебрежения к нему, характерного для некоторых авторов XVIII в.

И. П. Фальк знал русскую историко-этнографическую литературу и сознательно ставил задачу дать науке новые материалы по этнографии казахов или же уточнить и дополнить неверные и неполные сообщения других авторов.

Из других участников академической экспедиции необходимо упомянуть Н. П. Рычкова, опубликовавшего в 1772 г. книгу «Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи 1771 году».

Н. П. Рычков (1746—1784), сын П. И. Рычкова, сначала служил в армии, но затем вышел в отставку и вступил в оренбургский отряд экспедиции, руководимый Палласом. Ему довелось путешествовать в Поволжье, Южном Урале и Казахской степи самостоятельно и в составе экспедиции.

В 1771 г., когда из Орска в погоню за бежавшими из России калмыками был отправлен военный отряд, Рычков по распоряжению Палласа присоединился к этому отряду. Ему было дано особое задание: собирать по пути следования естественно-географические и этнографические сведения.

В своей книге Рычков описал путь военной экспедиции, разведанные им природные богатства и свои наблюдения о казахском народе. Правда, в казахских аулах ему пришлось побывать мало, но с русским отрядом двигалось казахское ополчение и он мог ежедневно беседовать с казахами и записывать о них все новые и новые сведения. Однако, чтобы не повторять уже опубликованные данные о казахском народе, Рычков отказался описывать многие казахские обычаи, обряды, отослав читателя к указанной выше книге Палласа, немецкое издание которой появилось в печати раньше русского.

Н. П. Рычков особенно подробно описал воинские доспехи и военное искусство казахов, их занятия, нравы, отдельные нормы обычного права. В его книге говорится также о разделении казахов на три жуза, их численности и этнографической территории, приводится запись казахской этногенетической легенды, описываются казахские кладбища, даются весьма оригинальные сведения.

Со Второй академической экспедицией связаны также первые попытки изучения в России казахского языка и составления русско-казахских словарей. Инициатором этого, по-видимому с ведома Академии наук, был инспектор Петербургской академической гимназии Г. Л. Бакмейстер (ум. 1806), составивший для экспедиции особую программу

и наставление для сбора лингвистических материалов. Кроме того, эти документы были им разосланы в русские города и крепости, а также за границу. В результате Бакмейстером были собраны значительные лингвистические материалы, использованные для составления в 1770—1780 гг. словарей, в том числе знаменитого «Сравнительного словаря всех языков и наречий» (1787), в котором был представлен и казахский язык.

Сведения о казахском языке, насколько это известно, Бакмейстеру доставляли: Фальк — из экспедиции, генерал-майор Скалон — из крепости Усть-Каменогорской, пастор Лютер — из Омска и некто Родионов, хорошо говоривший по-казахски и однажды сопровождавший делегацию Среднего жуза в Петербург.

Интересно отметить, что генерал-майор Скалон, являющийся автором одного из первых русско-казахских словарей, заботясь о просвещении казахов, предлагал составить для них, почти за сто лет до Н. И. Ильминского и Ибрагима Алтынсарина, «азбуку-букварь» на основе русского алфавита и издавать книги на казахском языке. Это важное предложение было сформулировано им в заголовке словаря: «Сей перевод по алфавиту собран старанием генерал-майора Скалона с тем пожеланием: не можно ль иногда из оного сочинять российскими литерами азбуку-букварь и другие, приличествующие сему народу, книжки. Августа 8 числа 1774 г. Сибирской губернии Иртышской линии в крепости Усть-Каменогорской». Интересен и выполненный тушью рисунок в словаре Скалона, изображающий часть казахского аула с юртами, скотом, утварью.

К работам академической экспедиции в России, да и не только в России, было приковано всеобщее внимание. Русская общественность проявила огромный интерес к ее результатам. Достаточно отметить, что труды Палласа и Георги в сравнительно короткие сроки были переизданы, что считалось в те времена небывалым событием. Значительным было и влияние этих трудов на историографию. Почти каждый ученый, приступавший к исследованию этнографии казахского народа, обращался к ним как к важнейшему источнику.

Значение Второй академической экспедиции заключается также в том, что у ее участников появилось немало последователей, горячо стремившихся внести свой вклад в изучение Родины и ее населения.

Но данные, собранные путешественниками XVIII в., неравномерно характеризуют как отдельные группы казахского народа, так и отдельные элементы материальной и духовной культуры казахов: описание преобладает над иссле-

дованием. Зная неплохо русскую историко-этнографическую литературу и накопив обильные материалы, путешественники XVIII в. все же не дали необходимой критики трудов своих предшественников, не показали отчетливо то новое, что внесли в науку они сами, не выделили основные проблемы этнографии казахского народа и не сделали необходимых теоретических и практических обобщений. В этом, как и в попытках идеализации отсталого казахского общества, сказалась, разумеется, ограниченность их социально-политических воззрений.

Поездки русских людей в Казахскую степь в последней трети XVIII в. Труды И. Г. Андреева

В истории этнографического изучения казахского народа в России в последней трети XVIII в., наряду с учеными экспедициями, продолжали играть большую роль поездки русских людей в Казахскую степь и Среднюю Азию с военно-разведывательными и торговыми целями, ибо эти поездки косвенно содействовали накоплению этнографических сведений о казахском народе.

В эту эпоху особенно часто русские люди посещали восточно-казахстанские земли. Царское правительство ставило задачу ликвидировать неблагоприятные для России последствия падения Джунгарии, восстановить и расширить торговые связи с Восточным Туркестаном, укрепить свое влияние на Средний жуз и, как писала в 1784 г. Екатерина II уфимскому и симбирскому генерал-губернатору А. И. Апухтину, «Большую киргиз-кайсацкую орду приласкать и обратить в подданство наше»[57]

Большое значение придавалось также военной и крестьянской колонизации Алтая. Во второй половине XVIII в. правительство принудительно расселило на Южном Алтае около двадцати тысяч русских раскольников-старообрядцев из Польши и там же построило несколько новых укреплений.

В то же время военные и полувоенные экспедиции, а также отдельные русские агенты часто отправлялись из Семипалатинска, Усть-Каменогорска и других крепостей в Казахскую степь, в предгорья Алтая, Тарбагатая и в Восточный Туркестан для изучения этой территории в естественно-географическом, историко-этнографическом и, главным образом, в военном отношениях. Однако сведения об этих экспедициях полностью не сохранились.

Одной из первых таких экспедиций была поездка в 1771 г. подпоручика и казачьего атамана Г. Н. Волошанина

---

[57] «Полное собрание законов Российской империи», т. XXII, № 15991.

(ум. в 1793 г.) из Усть-Каменогорска через «степь кочующих киргизских кайсаков» до озера Балхаш и затем на восток, вверх по реке Или. Возвратившись в Усть-Каменогорск, он представил начальству, утраченное впоследствии, подробное описание своего путешествия и карту, на которой указал казахские кочевья и свой маршрут. В 1771 г. в Южном Алтае путешествовал также поручик А. Незнаев, а в 1784 г. майоры Зеленов и Богданов[58].

Географические и этнографические сведения, доставленные ими в конце XVIII в., были использованы для составления карты Средней Азии, Казахской степи и сопредельных с ними стран. На ней подробно указаны маршруты и время путешествия всех четырех офицеров, кочевья трех казахских жузов и их границы, кладбища и могилы в Казахской степи, торговые тракты, пограничные с казахскими аулами русские населенные пункты и военные укрепления[59]. Автором этой карты был Иван Лютов, служивший в Оренбургском корпусе с 1766 г. обер-квартирмейстером.

Немало других русских экспедиций направлялось в Казахскую степь для изучения ее природных богатств. Так, в 80-х годах XVIII в. здесь путешествовали инженеры Чулков, Литвинов, Бейдам, Телятников, Стрижков, Снегирев.

Важные сведения о казахском народе сообщали и русские люди, побывавшие в плену у казахов. Пленники, захваченные во время военных столкновений и нападений на русские заставы, крепости, населенные пункты, выполняли у казахов тяжелые работы и вели образ жизни почти такой же, как и местная беднота. Они овладевали казахским языком, узнавали нравы и обычаи казахов, их занятия, быт.

Одним из таких пленников был унтер-офицер Ф. С. Ефремов (1750 — после 1811), захваченный в плен недалеко от Оренбурга в 1774 г. сначала пугачевцами, а потом, когда он бежал из первого плена, — казахами. Последние отвезли его в Бухару и там продали в рабство. После многочисленных приключений в Средней Азии, Восточном Туркестане, Тибете и Индии он в 1782 г. возвратился через Англию в Россию.

В Петербурге Ефремов написал книгу, но не столько о своей жизни на чужбине, сколько о народах тех стран, в ко-

---

[58] Записка от живущего в уезде Тобольской губернии отставного генерал-лейтенанта Богданова... Архив Всесоюзного географического общества, Ленинград, разряд 55, оп. 1, № 34.

[59] Р. Л. Югай. Карта Средней Азии, Казахстана и сопредельных с ними стран, составленная Иваном Лютовым. «Известия Узбекского филиала Географического общества СССР», т. IV. Ташкент, 1960; Центральный государственный военно-исторический архив, картографический фонд № 20636.

торых он побывал[60]. В этой книге, впервые опубликованной в 1786 г., один из разделов «Чем киргизская земля изобильна, каков воздух и жители» посвящен казахскому народу. В нем автор очень кратко рассказал, чем питались казахи в зимнее и летнее время, а также в дороге, и подчеркнул, что скотоводство и охота — основные занятия их.

Второе издание книги Ефремова увидело свет в 1794 г., а третье — в 1811 г., но уже с изменениями и дополнениями, внесенными с разрешения автора и, возможно, с его слов, редактором, магистром исторических наук П. Кондыревым. Эти дополнения, в части, касающейся казахов, очень значительны и существенны. Если в первом издании книги дано лишь фрагментарное описание некоторых этнографических вопросов, то в третьем издании Кондырев со знанием дела попытался дать, хотя и краткое, но всестороннее и систематизированное изложение культуры и быта казахского народа. Начав с указания антропологических данных казахов, он последовательно охарактеризовал хозяйство, расположение кочевий, охоту, домашние промыслы, пищу, нравы, верования, обычное право, вооружение, торговлю.

Сообщения многих других возвращавшихся из плена русских людей остались неизвестными науке. Часть их со временем была утрачена, а другая — отложилась в архивах и время от времени используется исследователями. В Омском областном архиве, например, имеются показания Степана Матвеева о кочевьях казахов в районе г. Ташкента[61]. Основная часть этнографических материалов Я. Гавердовского, бывшего в плену у казахов в 1803—1804 гг., до сих пор остается неопубликованной, а ценные «Записки» его товарища Саввы Большого увидели свет в 1822 г., т. е. спустя 18 лет после того, как были написаны. Таких примеров немало.

Очень ценные сведения о казахском народе сообщали и русские послы в среднеазиатских ханствах, посещавшие казахские аулы. Одним из них был М. Бекчурин (по другим сведениям — Бещерин), ездивший в 1780—1781 гг. в Бухару. Он был не новичок на дипломатическом поприще. Начав службу в 1750 г. в Оренбурге «татарского языка переводчи-

---

[60] «Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии, и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим». СПб., 1786, стр. 4. Странствование Ф. С. Ефремова продолжалось с июня 1774 г. по конец августа 1782 г., т. е. немногим более восьми лет. В названии же книги, 1786 г. издания, ошибочно указано «десятилетнее странствование». В последующих изданиях книги ее название было несколько изменено. Четвертое и пятое издания в 1950 и 1952 гг. опубликованы под названием: Филипп Ефремов. Девятилетнее странствование.

[61] Омский областной государственный архив, ф. 1, оп. 1, д. 113.

ком», солдатский сын Мендиар Бекчурин (1740—1821) на протяжении полувека выполнял различные дипломатические поручения царского правительства. Особенно часто его посылали к казахам. Среди оренбургских чиновников он был известен как «способнейший, благонадежный и в ордах неоднократно бывавший» мусульманин[62].

В Бухару Бекчурин ездил по маршруту: Оренбург, р. Иргиз, по большой караванной дороге, переправа через Сыр-Дарью, по Кзыл-Кумам, вдоль русла Куван-Дарьи, к Джана-Дарье и далее к Бухаре, т. е. почти весь его путь проходил по казахским кочевьям. В своем путевом журнале он указал местоположение некоторых казахских аулов и ирригационных сооружений, отметил, что казахи получают с каракалпаков дань хлебом[63]. В последующие годы Бекчурин часто бывал в казахских аулах. В 1790 г. он сопровождал муфтия М. Хусаинова, направлявшегося по поручению оренбургского губернатора к батыру Срыму. Известна в его записи (1817) казахская легенда «Барса-Кельмес»[64].

В 1785—1790 гг. капитаном И. Г. Андреевым был написан первый специальный труд по этнографии казахского народа[65]. Но этот труд, опубликованный без фамилии автора и в очень редком журнале, продолжительное время оставался почти неизвестным науке.

В 1875 г. Г. Н. Потанин, сознавая большую ценность работы Андреева для изучения исторической этнографии казахского народа, просил Совет Русского географического общества опубликовать рукопись, поступившую незадолго перед тем из Археографической комиссии в архив Географического общества. Он писал: «Желательно, чтоб рукопись Андреева как первый этнографический труд о киргизах, могущий служить для сравнения прежнего состояния степи с современным, была напечатана в «Записках» общества по отделению этнографии»[66].

В 1959 г. автор этих строк в одном из своих сообщений кратко изложил судьбу научных трудов Андреева и отме-

---

[62] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 1223.

[63] Журнал, учиненный с описанием из державных коллежским регистратором и переводчиком Мендиаром Бекчуриным во время путешествия по порученной ему секретной экспедиции в Бухарию по возвращении в Оренбург, записок лежащему тракту. «Восточный сборник», кн. II. Пг., 1916; Оренбургский областной государственный архив, ф. 6, оп. 10, д. 494.

[64] «Санкт-Петербургские ведомости», 1839, № 17.

[65] «Новые ежемесячные сочинения», ч. CX—CXVIII. СПб., 1795—1796. Всего 149 страниц текста.

[66] Г. Н. Потанин. О рукописи капитана Андреева о Средней киргизской орде, писанной в 1785 г. «Известия Русского географического общества», т. XI, вып. 2. СПб., 1875, стр. 110.

тил, что основной труд ученого, известный науке лишь по рукописи, был опубликован еще в 1795—1796 гг.[67].

Биографические сведения об Андрееве сохранились только в его автобиографическом сочинении «Домовая летопись Андреева по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. Начата в Семипалатинске»[68]. Это сочинение было предназначено автором для печати, но вышло в свет лишь в 1871 г., благодаря Г. Н. Потанину. В нем на фоне современных автору исторических событий, происходивших в Южной Сибири и в Казахской степи, дан целый ряд замечаний о казахском народе.

И. Г. Андреев родился в 1743 г. и умер после 1801 г. Его «Домовая летопись» доведена только до 1801 г. Инженер по образованию, он строил мосты, крепости, снимал карты и планы трактов, редутов, форпостов и других военных укреплений. Он перестроил такие русские крепости в Казахской степи, как Семипалатинская, Усть-Каменогорская, Бухтарминская, Ямышевская. Его служба проходила в 1766—1770 гг. в Ямышевской, в 1770—1776 — в Железинской, в 1776—1793 — в Семипалатинской, в 1793—1796 — в Омской крепостях. В конце 1796 г. он вернулся в Семипалатинск (город с 1783 г.), где и прожил свои последние годы. Почти вся его жизнь прошла в северной части Казахской степи, и по службе он был тесно связан с казахами.

И. Г. Андреев хорошо знал казахский народ. У него было немало приятелей казахов, с которыми он часто встречался как со своими друзьями или же по службе, выполняя дипломатические поручения. Со своей стороны, казахи высоко ценили дружбу русского офицера и часто обращались к нему с разными просьбами.

Свои служебные обязанности Андреев успешно совмещал с научными занятиями. Уже в первые годы службы он вел полевые журналы и был занят съемкой географических карт, планов, абрисов, составлением проектов военных укреплений, а также описанием трактов движения воинских частей. Эта работа требовала специальных знаний и Андреев изучал литературу по геодезии, фортификации, географии. Вместе с тем служба в Казахской степи обязывала его знать историю, этнографию и язык казахского народа. Из его трудов видно, что ему была известна почти вся существовавшая в то время русская историко-этнографическая литература о народах Казахской степи, Сибири и сопредельных

---

[67] Э. А. Масанов. Об этнографическом изучении Казахстана в России до 1845 г. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 6, 1959, стр. 230—231.

[68] «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 4. М., 1871.

стран Востока. Хорошо он знал и архивы сибирских городов и крепостей: Тобольска, Томска, Омска, Семипалатинска.

В то же время Андреев пристально изучал жизнь и язык казахского народа, часто посещал казахские аулы, беседовал со стариками и известными людьми, записывал сообщения купцов, чиновников, путешественников, бывавших в Казахской степи, Джунгарии, Средней Азии. Много внимания уделял он и вопросам экономического развития как русской деревни в Сибири, так и казахского аула, интересовался состоянием торговли, земледелия, скотоводческого хозяйства, домашних и кустарных промыслов.

Перу Андреева принадлежит несколько научных трудов. В 1777 г. он написал летопись истории Семипалатинской церкви, а в 1787 г. — топографическое описание Семипалатинска, озаглавленное «Письмо одного гражданина к верному своему другу»[69]. В этой работе кратко изложена история завоевания Сибири и возникновения русских крепостей на Иртыше, затем подробно — история Семипалатинска, местные природные условия, военно-политическое и экономическое значение этой крепости, быстро превратившейся в город. Здесь же рассмотрена внешняя торговля Семипалатинска, дающая возможность охарактеризовать ее значение для казахского народа. Очень интересны замечания автора о развитии земледелия в окрестностях Семипалатинска.

Состояние земледелия и производство хлеба в Сибири и Казахской степи особенно интересовало Андреева. Свои взгляды по этим вопросам он изложил в двух заметках: «Физическое замечание о хлебопашестве и прочих экономических изделиях и растениях» и «Домашнее размышление о хлебопашестве»[70]. Эти работы характеризуют самого автора как человека передового, понимающего интересы общества, противника консервативных методов ведения сельского хозяйства, поборника новейших достижений агротехники и резкого увеличения производства зерна в Сибири.

Самой крупной работой Андреева является его этнографический труд о казахском народе, названный в первом варианте «Гисторией на киргис-кайсаков», а в окончательном, значительно расширенном — «Описанием Средней орды киргис-кайсаков, с касающимися до сего народа, також и прилегающих к Российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостей, дополнениями». Первоначально этот труд создавался по указанию правительства. Но когда работа была закончена, генерал Н. Г. Огарев забра-

---

[69] «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 4, раздел V. М., 1871, стр. 103—113.

[70] Там же, стр. 135—140.

ковал ее и потребовал изложить в сокращенном варианте «единственно краткие виды», т. е. только те вопросы, которые представляли интерес для царизма[71].

В этом конфликте между царским генералом, который ревниво отстаивал интересы дворянского государства, и Андреевым, представителем передовых кругов русского общества, как в зеркале отразилась борьба конца XVIII в. между реакционной дворянской историографией, не заинтересованной в подлинном изучении народной жизни, особенно нерусских народов, и нарождавшимся демократическим направлением в русской историографии.

Труд Андреева «Описание Средней орды киргис-кайсаков...» состоит из шести глав, из которых основные главы— первая, вторая, пятая и шестая — представляют собой попытку автора дать краткий очерк истории и всестороннее, достаточно подробное и систематизированное этнографическое описание казахов Среднего жуза. Эта главная мысль автора пронизывает все содержание его труда и четко изложена в оглавлении. Глава первая озаглавлена им: «О древнем происхождении народа киргис-кайсацкого»; вторая — «О пределах или границах киргис-кайсаков»; третья и четвертая, очень коротенькие главы, посвящены тяньшанским киргизам и среднеазиатским кураминцам; пятая, наиболее обширная глава, — «Обряды» казахов со следующими разделами: «1. О богослужении, молитве и постах; 2. О нравах и поведениях; 3. О рождении младенцев; 4. О обрезании; 5. Свадебный обряд; 6. О умерших; 7. О мужчинах, 8. О женщинах; 9. О девицах; 10. О рукоделиях и ремеслах; 11. О промыслах; 12. Об оружии; 13. О торгах, где и с какими народами производят; 14. О болезнях и лечениях оных; 15. О употреблении пищи и пития; 16. О шаманах». В шестой главе подробно сообщаются сведения о расселении разных родоплеменных подразделений казахов Среднего жуза[72].

Из оглавления работы видно, что ее автор охватил гораздо больший круг вопросов из области этнографии каза-

---

[71] О сокращенном варианте работы И. Г. Андреева Г. Н. Потанин в 1871 г. писал: «Эта «Гистория на киргис-кайсаков» находится теперь в архиве Главного управления Западной Сибири, в Омске, в деле: «О родопроисхождении киргизского народа». Это очень краткая статья о нравах киргизского народа, в ней замечателен только перечень киргизских поколений с указанием на места их кочевок в прошлом столетии (т. е. в XVIII в.), а также родословная султанов. См.: «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 4, раздел V. М., 1871, стр. 176.

[72] Конец шестой главы сочинения И. Г. Андреева остался неопубликованным ввиду прекращения издания журнала «Новые ежемесячные сочинения».

хов, чем все его предшественники. Вместе с тем эти вопросы освещены им значительно полнее и достовернее на основе ценных и богатых этнографических материалов, являющихся результатом его личных наблюдений и сборов в течение десятков лет, близкого знакомства с казахским народом и службы в русских крепостях, находившихся по соседству с казахскими аулами.

Кроме этой работы Андреева, для этнографов ценна и другая рукопись конца XVIII в. «Краткое описание о киргиз-кайсаках», экземпляры которой находятся в Ленинградской публичной библиотеке[73] и в библиотеке Казанского университета[74]. В ней кратко изложены исторические события 1782—1796 гг. в Казахской степи «с показанием разделения сего народа, границ, числа их, нравов, промысла и законов». В приложении даны «выписки из законов и копии с различных документов, касающихся до киргиз-кайсацких орд».

Во второй половине XVIII в. Казахская степь с Младшим и Средним жузами рассматривалась в России уже как неотъемлемая и органическая часть страны. Поэтому этнографические материалы о казахском народе стали обязательно включаться в труды общего характера, такие, как, например, «Географический лексикон Российского государства» (1773) Ф. А. Полунина и сочинения русского этнографа, писателя демократического направления в русской историографии М. Д. Чулкова (1740—1793 гг.).

В «Словаре русских суеверий» (1782) Чулков в ряде статей довольно подробно охарактеризовал по материалам Н. П. Рычкова и И. Г. Георги казахские свадебные обычаи, суеверия и обряды при похоронах и поминках. Для этнографии казахов небезынтересен и капитальный труд Чулкова «Историческое описание российской коммерции...» (1785), в котором также даны этнографические сведения о казахском народе.

Одним из серьезных недостатков этнографического изучения казахов русской наукой в XVIII в. следует считать отсутствие сведений о казахской народной поэзии, эпосе, фольклоре. П. И. Рычков, И. Г. Андреев и поэт Г. Р. Державин, по-видимому, знали некоторые произведения казахского эпоса, народные предания, легенды, поэму «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», но их записи неизвестны науке.

Борьба демократического направления с реакционным,

---

[73] «Краткое описание о киргиз-кайсаках». Рукопись Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, F IV, № 778.

[74] А. И. Артемьев. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Казанского университета. «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. VII. СПб., 1884, отдел III, XIV, № 8926.

начавшаяся в русской этнографии с середины XVIII в., сказалась и в области этнографического изучения казахского народа, способствуя объективному освещению его истории, культуры и быта. Передовые русские ученые ставили задачу просвещения нерусских народов страны, в том числе и казахов, и распространения о них достоверных сведений.

В конце XVIII в. русская общественно-политическая мысль вступила в новый этап своей истории, связанный с именем великого революционера, предшественника декабристов, Александра Николаевича Радищева (1749—1802), впервые выдвинувшего революционно-демократическую концепцию исторического развития России. Его научные труды, для которых характерны исторический подход к изучению явлений народного быта и культуры, использование этнографических материалов в борьбе с крепостничеством и произволом, в борьбе за просвещение народов, тесная связь научных исследований с практическими задачами развития хозяйства и культуры страны, отсутствие идей расового и национального превосходства, уважение к изучаемым народам, явились крупным вкладом в русскую этнографию[75].

В знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) он с революционно-демократических позиций охарактеризовал русский народ. В то же время великий мыслитель проявил огромный интерес к населению Сибири, в южной части которой жили казахи. К периоду сибирской ссылки (1791—1796) относится его «Сокращенное повествование о приобретении Сибири», написанное на основе материалов «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера. В этой статье он, между прочим, подчеркнул, что подвластные Кучуму народы, в том числе и казахи, кочевавшие по берегам Иртыша, относились враждебно к этому хану и способствовали его поражению в борьбе с Россией. Здесь же автор рассмотрел этнический состав населения Сибири, отметив, что казахи относятся к «татарским» (тюркским) народам, и описал памятники древностей Южной Сибири. Кроме того, он дал любопытную этимологию слова *казак*[76].

В другом произведении, условно названном «Письмо о китайском торге» (1792). Радищев писал о роли продуктов казахского скотоводческого хозяйства в русской торговле. Однако не непосредственные высказывания Радищева о казахском народе, а его революционно-демократическая деятельность и гуманистическое отношении ко всем народам, борьба за их освобождение и просвещение оказали огромное

---

[75] «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии». М., 1956, стр. 163—171.

[76] А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. II. М.—Л., 1941, стр. 149, 151, 153, 154, 156.

влияние на этнографическое изучение казахов в России с прогрессивных, демократических позиций. Революционная страстность Радищева и его основные теоретические положения по вопросам этнографии и фольклористики были восприняты и развиты декабристами, Пушкиным, революционными демократами.

Этнографические исследования конца XVIII — начала XIX в.

На рубеже XVIII—XIX вв. царское правительство, в интересах расширения торговли и укрепления экономических и политических связей со среднеазиатскими странами и Казахской степью, а также использования их природных богатств, направило в эти страны ряд посольств и экспедиций, которые косвенно содействовали делу дальнейшего накопления этнографических материалов о казахском народе. Книги, статьи и заметки, написанные участниками этих посольств и экспедиций, представляют значительный интерес для этнографической науки, как свидетельства очевидцев, хотя собственно этнографические сведения в них нередко сводятся лишь к внешним впечатлениям, освещающим, преимущественно, хозяйственный быт казахов, их нравы, обычаи, вооружение. Отсутствие специальной этнографической литературы, относящейся к первым десятилетиям XIX в., вызывает необходимость исчерпывающего критического использования в интересах этнографии этих источников.

В 1792 г. правитель Ташкента Юнус-ходжа обратился к начальству Сибирской линии, так как именно с Сибирью караванная торговля среднеазиатских ханств в конце XVIII в. носила наиболее оживленный характер, с предложением о расширении взаимной торговли, «чтоб всегда российские купцы для умножения торговли ездили в Ташкению, а мы — в Россию»[77] Предложение Юнус-ходжи полностью соответствовало интересам России и поэтому правительство распорядилось направить в Ташкент русское посольство «для узнания сего края во всех отношениях и пути туда чрез мало известную еще Киргизскую степь...»[78]. Как видим, правительство тогда не упускало случая получить о Казахской степи новые сведения.

---

[77] Омский областной государственный архив, ф. 1, оп. 1, д. 270, л. 182.

[78] Н. Я. Савельев. Автобиография исследователя Средней Азии на рубеже XVIII и XIX веков Т. С. Бурнашева. «Краеведческие записки», вып. 2. Барнаул, 1959, стр. 273.

В 1794 г. русское посольство, в которое вошли А. С. Безносиков и Т. С. Бурнашев (1771—1850), направилось в Ташкент по маршруту Омск, Троицк, р. Тургай, Приаралье, Бухара. Но из Бухары послы возвратились обратно в Россию, так как местный правитель отказался пропустить их в Ташкент[79].

Годом раньше в Хиве побывал русский военный врач Бланкеннагель (ум. в 1813) в сопровождении переводчика Холмогорова. Они проехали из Оренбурга в Хиву через восточные приаральские степи, а возвратились в Россию в следующем году через Мангышлак, также населенный казахами. Издатель путевых заметок Бланкеннагеля В. В. Григорьев считал, что он «в течение одного месяца пребывания в степи понял ее лучше, нежели множество администраторов, десятки лет имевших дело» с казахами[80].

В 1795 г. Безносиков и Бурнашев вновь попытались проехать в Ташкент, но, пройдя Киргизскою степью 500 верст, из-за буранов возвратились обратно. И только в 1796 г. русское посольство в составе Д. Телятникова, А. С. Безносикова и переводчика Я. Быкова достигло цели в сопровождении сыновей султана Среднего жуза Букея.

Следующее русское посольство в Среднюю Азию относится к 1800 г. Оно было направлено по просьбе Юнус-ходжи в Ташкент для оказания помощи в разработке местных природных богатств. Посольство возглавляли горные инженеры Т. С. Бурнашев и М. Поспелов. Первый из них, пытавшийся попасть в Ташкент еще в 1793 и 1795 гг., повторил свою попытку и в 1799 г., но суровая зима позволила ему углубиться в Казахскую степь лишь на шестьсот верст. В 1800 г. Бурнашев вместе с Поспеловым отправился из Ямышевской крепости сначала в кочевья султана Букея на реке Нуре, а уже оттуда, через голодную степь Бетпак-Дала, в Ташкент.

Путевые заметки Бурнашева и Поспелова состоят из двух частей, из которых первая «О местоположении и качестве земли, населяемой киргиз-кайсаками, с описанием пребывания их в способности проезда чрез всю оную степь» полностью посвящена географической и этнографической характеристике Казахской степи и ее населения.

Во второй части своих заметок авторы посвятили каза-

---

[79] Т. Бурнашев. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 г. «Сибирский вестник», ч. II—III. СПб., 1818.

[80] «Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—1794 гг. С примечаниями В. В. Григорьева». «Вестник РГО», ч. 22, 1852; «Из путешествия г. Бланкеннагеля в Хиву». «Соревнователь просвещения и благотворения», ч. 7. СПб., 1819.

хам лишь один раздел «О киргиз-кайсаках Большой орды»[81]. Таким образом, почти две трети заметок отведены казахам. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о том, насколько жгучим был интерес в России к Казахской степи и ее населению и как умело и до конца использовался каждый случай, чтобы получить сведения об этой стране.

Более интересные этнографические материалы о казахах доставило в Россию посольство Я. Гавердовского в Бухару, отправленное вместе с торговым караваном в сопровождении военного отряда, так как караваны часто подвергались нападению и грабежам. Кстати сказать, царское правительство, рассматривая в 1802 г. этот вопрос, признало одной из причин ограбления караванов неправомерные действия пограничных начальников, которые, по словам Александра I, «ради корысти и из ожидания награды за мнимые подвиги нередко покушались с командами на действия против киргиз без всякого повода». В связи с этим в особой инструкции правительства (1803) оренбургскому губернатору говорилось: «Справедливость, ласковость и скромность суть вещи, кои в народах сих непросвещенных и особенным обыкновениям повинующихся, наиболее действуют; они часто до удивления простирают почтение к справедливости...»[82].

Посольство и караван, возглавляемые Гавердовским, весной 1803 г. в 880 верстах от русской границы были разграблены. Я. Гавердовский и сопровождавшие его лица доктор Савва Большой, переводчики Биктяшев и М. Бекчурин, колонновожатые Иванов и Богданов попали в плен к казахам и только спустя некоторое время возвратились в Россию[83].

Это свое неудачное путешествие Гавердовский изложил в обширной рукописи, которая до сих пор не опубликована[84]. Правда, она широко известна и основательно использована многими исследователями.

Интересные сведения о казахском народе собрал и сотрудник Гавердовского доктор медицины Савва Большой (1769—1827), пробывший в плену около года[85]. У казахов он выполнял различные домашние поручения, лечил больных и вел образ жизни, характерный для местного населения. Он хорошо изучил казахский разговорный язык, за-

---

[81] «Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г.». «Вестник РГО», ч. I. кн. I, 1851.

[82] И. И. Крафт. Сборник узаконений о киргизах степных областей, 1898, стр. 143—144.

[83] Оренбургский областной государственный архив, ф. 6, оп. 10, д. 24а, 32, 34; ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 7.

[84] Я. Гавердовский. Обозрение киргиз-кайсакских степей. Ленинградское отделение Института истории АН СССР, № 34329.

[85] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 7, л. 42.

помнил массу всевозможных хозяйственных и этнографических терминов, названий, понял многие специфические нравы и обычаи сырдарьинских казахов. Об этом можно судить по опубликованным в 1822 г. «Запискам Саввы Большого о приключениях его в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 годах»[86].

Неудача посольства Гавердовского заставила правительство в течение продолжительного времени воздерживаться от организации вооруженных караванов и крупных экспедиций для естественно-географического, этнографического и военного изучения среднеазиатского Междуречья, Казахской степи и ее населения. Но сбор соответствующих материалов фактически не прекращался. Караваны, снаряженные среднеазиатским купечеством, приходили в русские города все чаще и чаще. В то же время крепли позиции царизма как в Младшем, так и в Среднем жузах. Царские чиновники посещали аулы этих жузов, а казахи — русские города, крепости, меновые дворы, села, станицы. Во многих делах Омского областного государственного архива, относящихся к началу XIX в., освещается положение в казахских аулах, развитие сенокошения и земледелия, продвижение казахов на новые земли в Сибирь к северу от укрепленных линий, сближение их с русским населением и поселение на постоянное местожительство близ населенных пунктов, родоплеменная структура отдельных подразделений Среднего жуза, принявших российское подданство лишь в начале XIX в., и другие сведения[87] В четвертом фонде Центрального государственного архива КазССР имеются сотни дел с допросами пленников и беглецов, возвращенных из Казахской степи, журналы заседаний Оренбургской пограничной комиссии, освещающие казахско-русские взаимоотношения, дела о продаже казахами своих детей русским в голодные годы, о барымте, бракоразводные, судебные.

В течение 1807—1823 гг. в Казахской степи неутомимо странствовал торговец Муртаза Фейзуллин, сообщивший царским чиновникам много интересных сведений о казахском народе. В его расспросном маршруте от Ташкента до Петропавловска, опубликованном в 1851 г. Я. В. Ханыковым, особенно интересны сведения о полуоседлых казахах Туркестана, живших по соседству с узбекским населением и сочетавших скотоводческое хозяйство с хлебопашеством и садоводством[88]. Следует отметить, что Фейзуллин содейст-

---

[86] «Сын отечества», ч. 76, 77, 80. СПб., 1822.

[87] Обзор фонда сибирского генерал-губернатора. Омск, 1959; «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», т. II. Алма-Ата, 1964; «Материалы по истории КазССР», т. IV, М.—Л., 1940.

[88] «Вестник РГО», ч. I, кн. I, 1851.

вовал сближению России со Старшим жузом и Киргизией. В 1822—1823 гг. он вместе с семипалатинскими купцами П. Пинегиным и другими побывал в Семиречье и, развернув агитацию среди местного населения за принятие российского подданства, добился направления в Омск казахской и киргизской депутаций[89].

Ко второму десятилетию XIX в. относится ряд важных для этнографии казахов поездок русских людей в Казахскую степь. В 1811 г. проездом из Бухтарминской крепости казахские аулы посетил, путешествовавший под видом азиатского купца, переводчик Путинцев, который и позже часто бывал у казахов.

Внимание Путинцева в основном привлекали занятия казахов, внешние проявления их быта, обычное право, местоположение кочевий, родоплеменная структура, торговые связи, а также местные географические названия, данные по топонимике, весьма интересные для изучения этнической географии Казахской степи. Многие же вопросы материальной и, особенно, духовной культуры казахов он обошел полным молчанием[90].

Выгодно отличается от записок Путинцева труд другого русского переводчика Филиппа Назарова, побывавшего в казахских аулах почти одновременно с Путинцевым.

Ф. М. Назаров (род. ок. 1785 г.) был хорошо известен казахам. Долгое время он служил в крепости Петропавловской и сыграл большую роль в развитии русско-казахских взаимоотношений. В 1803 г., после окончания Омской школы азиатских языков, Назаров поступил на службу «младшим толмачем киргизского разговора» и, спустя почти три десятилетия, в 1830 г., он продолжал служить переводчиком в колониальных учреждениях в Казахской степи. В течение этого времени ему пришлось десятки раз посещать казахские аулы для выполнения различных поручений начальства[91].

В 1812 г. в Петропавловске был убит кокандский посланник, возвращавшийся из Петербурга на родину, и тогда было решено направить в Коканд Назарова с поручением принести кокандскому хану соответствующие извинения и соболезнования правительства России. Русский посол в 1813 г. отправился в Коканд из Петропавловска и возвратился обратно через полтора года.

В пути Назаров собрал этнографические материалы о

---

[89] ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 350.

[90] «Дневные записки переводчика Путинцева...» «Сибирский вестник», ч. 7. СПб., 1819.

[91] Формулярные списки о службе титулярного советника Назарова. ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 340.

казахском и узбекском народах, вошедшие в его «Записки о некоторых народах и землях средней части Азии». В предисловии к этой работе автор писал: «Народы, обитающие в средней части Азии, до сих пор остаются малоизвестными; будучи к ним послан и задержан ими в продолжении полутора года, я старался замечать нравы, обычаи, положение мест и укрепление городов сих народов, а знание тамошнего языка, как своего собственного, доставило мне те средства, кои редко находят путешественники»[92].

Как видно, Назаров был человек образованный, имевший хорошее представление о русской востоковедческой историко-этнографической литературе. Он поставил перед собою вполне определенную научную задачу собрать этнографические и военно-разведывательные сведения о народах Казахской степи и среднеазиатского Междуречья. Нельзя не обратить также внимания на то, что знание местного языка он считал важнейшим средством достижения полноценных научных результатов при этнографических обследованиях. В своих «Записках...» он подчеркивал и продолжительность своего пребывания в путешествии (полтора года), понимая важность для науки точных сведений, собранных путем систематического, тщательного и всестороннего наблюдения и изучения этнографических объектов.

Но все же Назаров, не имея научной программы, а также поддержки со стороны начальства, в условиях становления и развития русского востоковедения и этнографии, не мог дать полной этнографической характеристики казахского народа. Он с большой точностью и подробно описал суд биев, феодальные нравы, казахский свадебный ритуал, обычаи и обряды при похоронах и поминках, отдельные элементы материальной культуры, народные развлечения, эпические рассказы о прошлом, борьбу, бега, конные скачки, охоту с беркутами, стрельбу из лука, игру на музыкальных инструментах, песни девушек. В освещении вопросов музыкальной культуры казахского народа и некоторых его обычаев ему принадлежит приоритет. Оригинальные материалы его работы сохраняют свое научное значение.

Природные богатства северной части Казахской степи в 1815—1816 гг. изучали две экспедиции из Оренбурга[93]. Первая из них находилась в степи два месяца, а вторая под руководством И. П. Шангина — четыре. За это время экспедиции попутно ознакомились с некоторыми обычаями ка-

---

[92] «Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса переводчика, посыланного в Коканд в 1813 и 1814 годах». СПб., 1821, стр. 1.

[93] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 4693.

захов, осмотрели казахские кладбища, памятники старины, заброшенные пашни, которые в недалеком прошлом орошались с помощью системы каналов и примитивных механизмов[94].

Несмотря на некоторые сдвиги этнографическое изучение Казахстана носило еще ограниченный характер. В эту эпоху Россия сознательно «ограничила свои изыскания на Востоке будучи исключительно занята делами Западной Европы. При всем том они не были совершенно прерваны, и труды Гавердовского, Поспелова, Назарова, Шангина... много дополнили прежний запас сведений»[95].

В начале XIX в. знаменательным событием в истории русского востоковедения было открытие в университетах кафедр восточных языков, согласно университетскому уставу 1804 г., а также появление проектов учреждения классов татарского, арабского и турецкого языков при Казанском университете (1808), Восточного училища при том же университете (1809) и проекта Азиатской академии, разработанного С. С. Уваровым в 1810 г. Эти факты свидетельствуют об устойчивом интересе русской общественности к изучению истории и языков восточных народов. Правда, задача изучения казахского языка еще не выдвигалась практически, но это обстоятельство было следствием того, что царские чиновники во взаимоотношениях с казахами предпочитали пользоваться татарским языком и вели на нем все делопроизводство и переписку.

Из научных исследований русских ученых по этнографии казахского народа нам известна лишь одна работа, относящаяся к первому десятилетию XIX в. «Замечание о киргизской степи» неизвестного автора. Она увидела свет лишь в 1855—1856 гг. В четвертой главе ее «Образ жизни, нравственность, законы и вера» преимущественно рассматриваются условия жизни казахов в разные времена года, пережитки «родовых связей», группировка казахского населения в аулы, отделения, роды, социальное деление, «падение патриархальных нравов», управление, барымта, военная организация, военное искусство, вооружение, религия. Однако изложенный автором этнографический материал носит общий, неконкретный характер. Вместе с тем автор явно преувеличил роль первобытных институтов в жизни казахов, говоря о «падении патриархальных нравов», «кровной мести», «родовых связях», как о недалеком прошлом и даже

---

[94] «Сибирский вестник», ч. IX. СПб., 1820, «Вестник Европы», ч. 28 и 29. СПб., 1816; «Сибирский вестник», ч. IX, XI. СПб., 1820; «Горный журнал», СПб., 1829, № 3.

[95] «Географические известия». СПб., 1850, стр. 424.

настоящем казахов, и не видя их трансформацию в условиях феодального строя[96].

Но если в начале XIX в. научно-исследовательских работ по этнографии казахского народа было опубликовано мало, то почти в каждом обобщающем историко-этнографическом, географическом и статистическом труде этого времени казахи упоминались обязательно. Краткие этнографические данные о казахах имеются в обширной статье «Нечто о Сибири и народах в ней обитающих» (1806), написанной неизвестным сотрудником департамента внутренних дел по особому заказу правительства[97].

В книге Е. Ф. Зябловского «Статистическое состояние Российской империи в нынешнем ее состоянии» (1808), в главе «Сухопутная внешняя торовля с Бухарией, Киргизскою ордою и Хивою», рассматривается обмен товарами между русскими купцами и казахами, причем указывается, что этот обмен был неравноценным и носил характер колониального грабежа.

М. Баккаревич в «Статистическом обозрении Сибири» (1810) кратко описал быт и нравы казахов, родоплеменную структуру и родорасселение их, кочевья, хозяйство и высказал мнение, что ввиду отсутствия необходимых источников невозможно исследовать происхождение казахов. Этнографическими сведениями о казахском народе особенно изобилует «Словарь географический Российского государства» Л. Максимовича и А. Щекатова, опубликованный в 1801—1808 гг. в семи томах. В нем кратко охарактеризованы почти все родоплеменные подразделения Младшего и Среднего жузов, с указанием их происхождения, местонахождения, численности людей и скота, старейшин, а в ряде случаев и замечательных событий.

В 1816—1818 гг. в «Азиатском музыкальном журнале» И. Добровольского впервые появились записи казахских народных мелодий, наряду с мелодиями других нерусских народностей России[98]. Это обстоятельство свидетельствовало о живейшем интересе русской общественности того времени к народному искусству. Русские музыковеды, опубликовав эти мелодии, признали тем самым большую художественную ценность музыкального творчества всех народов страны. Прогрессивное значение этого «Азиатского музыкально-

---

[96] «Астраханские губернские ведомости», 1855, № 22—25, 29—31, 35, 37, 39, 41, 45, 46, 51 и 1856, № 1, 3, 10, 11, 14, 22, 25, 29, 30, 34.

[97] «Санкт-Петербургский журнал», 1806, № 5.

[98] «Азиатский музыкальный журнал» по указанию В. В. Стасова был переиздан в 1897 г. С. Г. Рыбаковым в сб. «Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта».

го журнала» и опубликования в нем мелодий нерусских народностей — совершенно очевидно.

Прогрессивным характером отличалась также первая в России провинциальная газета «Казанские известия», выходившая в Казани в 1811—1820 гг. В ней печатались и сведения о казахском народе.

В книге «Les peuples de la Russ», изданной в Петербурге в 1812 г., были помещены два этнографических рисунка: на одном из них «Внутренность кибитки султана внутренней киргизской орды Давлет-Гирея», а на другом — казах и казашка в национальных костюмах.

Свыше сорока этнографических зарисовок и картин маслом, акварелью, гуашью создал в 1807—1821 гг. художник А. О. Орловский (1777—1832). На его рисунках изображены только мужчины, всадники и воины, в боевом обмундировании и снаряжении, характерных для казахов[99].

История создания рисунков А. О. Орловского точно неизвестна. Биографы художника решительно утверждают, что он никогда не был в Казахской степи. Однако предполагают, что А. О. Орловский встречался с казахами, служившими в народном ополчении, организованном в 1806 г.

Декабристы о казахах

«В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма...»[100], оно было почти исключительно представлено «лучшими людьми из дворян», получившими по времени своего восстания название декабристов. В. И. Ленин назвал их дворянскими революционерами, подчеркнув дворянскую ограниченность и вместе с тем революционность декабристов.

Существенным признаком классовой ограниченности декабристов был страх перед народной революцией. «Узок круг этих революционеров, — писал В. И. Ленин, — страшно далеки они от народа...»[101].

Декабристы, будучи горячими патриотами, страстно любя свою Родину, были готовы на все ради ее блага. И хотя они и не достигли своей цели, их дело не пропало, они сыграли большую роль в русском революционном движении, и В. И. Ленин призывал гордиться ими.

В этнографической литературе взгляды и исследования

---

[99] «Александр Осипович Орловский. Выставка произведений. Каталог». М., 1958. В этом каталоге не учтена одна литография А. О. Орловского «Киргизы» (1820), находящаяся в Оренбургском областном музее.

[100] В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 234.

[101] В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 4.

декабристов в области этнографии и фольклористики получили достаточное освещение[102].

Декабристы не создали научных трудов, специально посвященных казахам, но, как видно из главного труда П. И Пестеля «Русская правда», они имели представление о них. Сам же Пестель (1793—1826), хорошо знавший нравы, обычаи, верования, семейный быт, хозяйство казахов, по-видимому, уделял время изучению казахской этнографии и чтению специальной историко-этнографической литературы. Он писал, что обширные земли казахов на юго-востоке, простирающиеся до Тянь-Шаня, Тарбагатая и Алтая, «изобилуя всеми произрастениями, могли бы обратиться в отличную страну, которая бы обогащала Россию многими произведениями природы и многими способами для самой выгоднейшей и деятельнейшей торговли, между тем как ныне сие все совершенно теряется от необузданности и невежества киргизов»[103].

Причина «необузданности» казахов, по мнению Пестеля, заключалась в том, что «их кочевья не будучи никакими точными пределами обозначены к частным между ими распрям и друг на друга набегам случай подают... Понятие же собственности, не имея между ими точной положительности, грабежи, воровства, обманы всякого рода к общему их взаимному злодеянию производит»[104].

П. И. Пестель считал, что казахи и другие «кочующие народы» не смогут преодолеть своей отсталости, пока экстенсивное скотоводство на больших пространствах остается их основным занятием. «А по сему священная возлагается на Временное верховное правление (т. е. правительство декабристов. — *Э. М.*) обязанность глубокое обратить внимание на сии народы, — писал Пестель. — Надлежит заботиться об улучшении их положения: тем еще более, когда к сей причине присоединяется еще и то обстоятельство, что они в нашем государстве, в нашем отечестве обитают. А потому да сделаются они нашими братьями и да перестанут коснеть в жалостном своем положении. Цель сия была бы большею частью достигнута, ежели бы успеть можно было их на постоянные жилища поселить и к земледелию обратить. Но

---

[102] В. К. Соколова. Взгляды и исследования декабристов в области этнографии и фольклора. В кн.: «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии». М., 1956, стр. 187—210.

[103] П. И. Пестель. «Русская правда» или «Заповедная государственная грамота великого народа российского», служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для Временного верховного правления». В кн.: «Восстание декабристов. Документы», т. VII. М., 1958, стр. 124.

[104] Там же, стр. 142.

поелику сего нельзя исполнить прямым мероприятием, то и надлежит к сему предмету косвенно их вести»[105].

Отсюда видно, что декабристы проявляли подлинную заботу об улучшении благосостояния кочевников и создании необходимых материальных условий для всестороннего развития казахов и других кочевых народов страны. При этом они учитывали их этнографические особенности и специфику кочевого уклада, предполагая провести намеченные ими социально-экономические мероприятия весьма осторожно и не насильственным путем. Выделение каждой родоплеменной группе (примерно в одну тысячу человек) особого пространства, называемого волостью, с учетом климатических условий и плодородия почвы, развитие просвещения и пропаганда передовых достижений сельского хозяйства, земледелия и оседлого образа жизни, водворение спокойствия и мира, устройство производственных складов на случай, если «кочующие народы в собственной своей пищи нуждаться будут», переселение, «могущее с пользою иногда по обстоятельствам предпринято быть», — таковы некоторые мероприятия, которые хотел осуществить Пестель, чтобы обеспечить постепенный переход казахов и других кочевых народов к оседлости и земледелию[106].

Основным недостатком проекта Пестеля, принятого Южным обществом декабристов, было провозглашение политики руссификации всех народов России и превращение христианской религии в господствующую и единственную в стране. Правда, в противоположность колониальной политике царизма декабристы выдвигали благородные задачи. Они хотели составить из многонационального населения страны «только один народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства Российского государства все были русские». Это, полагали они, соответствовало интересам самих же народов и племен России. А христианскую религию декабристы рассматривали как важнейшее средство просвещения и успокоения «кочующих народов»[107].

Хорошо знал казахов и декабрист Г. С. Батеньков (1793—1863), являвшийся в 1819—1821 гг. ближайшим помощником М. М. Сперанского по управлению Сибирью и участвовавший в разработке «Устава о сибирских киргизах», «Устава об управлении инородцев», уставов о «ссыльных» и «ясашных». Он в совершенстве владел татарским языком и непосредственно общался с казахами. В статье

---

[105] П. И. Пестель. «Русская правда...», стр. 142—143.
[106] Там же, стр. 143.
[107] Там же, стр. 143, 149.

[illegible] Батеньков выступил против произвола царских чиновников в Сибири и высказал мысль о возможном благоустройстве жизни населения этой отсталой окраины страны[108]. Характерно, что он понимал наличие местных национальных различий и огромную роль их в таком обширном государстве, как Россия. Другое его весьма солидное исследование по этнографии «О заселении Сибири» (700 стр.) осталось в рукописи.

В известной степени взгляды декабристов на казахский народ характеризует статья А. Д. Боровкова «Поездка на Илецкую защиту», напечатанная в 1819 г. в органе Вольного общества любителей российской словесности «Соревнователь просвещения и благотворения». В этом обществе руководящую роль играли декабристы, они определяли идейную позицию своего периодического органа. Поэтому на страницах журнала всегда подчеркивалась актуальность задачи просвещения и улучшения жизненного уровня нерусских народов России, выражалась уверенность в способности их преодолеть при благоприятных условиях культурную и экономическую отсталость и не находили почву расовые и иные антинаучные теории. А. Д. Боровков (1788—1856) испытал значительное влияние идей декабристов. В главе «Киргизские аулы» (указанная статья) он сочувственно описал тяжелое положение бедных казахов и предсказал, что со временем казахский народ перейдет к оседлой жизни и добьется больших успехов в развитии экономики и культуры. В заключении статьи он писал: «Не знаю, какое-то предчувствие уверяло меня, что настанет время, когда сии дикие, уединенные места будут населены по-европейски; что на обширных степях киргиз-кайсаков возвысятся города великолепные и народы стран сих получат не только образование, но и просвещение...»[109]. В этих словах гуманиста, содействовавшего своими высказываниями изучению этнографии казахского народа с демократических позиций, прозвучало признание, что казахи, как и другие народы мира, независимо от их расовой принадлежности, способны участвовать в развитии цивилизации и во всех областях материальной и духовной жизни человека догнать европейцев.

После подавления восстания декабристов многие из них были сосланы в города и крепости, пограничные с Казахской степью. В Бухтарминской крепости в 1829—1836 гг. отбывал ссылку М. И. Муравьев-Апостол (1793—1886), который до этого находился в Якутии и занимался там этно-

---

[108] «Сын отечества», ч. 81, 83, 84, 85. СПб., 1822—1823.

[109] А. Д. Боровков. Поездка на Илецкую защиту. «Соревнователь просвещения и благотворения», ч. V. СПб., 1819, стр. 37.

графией, зоологией, метеорологией. К сожалению, его научная деятельность в годы пребывания на Алтае неизвестна.

Декабрист С. М. Семенов (1789—1852) служил в Усть-Каменогорске и Омске чиновником колониальных учреждений и на протяжении многих лет общался с казахами. В 1829 г. он сопровождал А. Гумбольдта во время его путешествия из Омска в Усть-Каменогорск и зарекомендовал себя авторитетным знатоком географии и этнографии Казахской степи и ее населения. В семипалатинском гарнизоне рядовым солдатом служил член Северного общества П. П. Коновницын (1802—1830), а в оренбургском — декабрист Д. А. Искрицкий (1803—1831).

Декабристы и в ссылке вносили свой вклад в русскую этнографию. Общаясь с провинциальной интеллигенцией, они оказывали влияние на развитие местной этнографии далеких окраин России, непосредственным объектом исследований которой были почти исключительно нерусские народы страны, в том числе и казахи. О большом значении революционных традиций декабристов в жизни западносибирского общества середины XIX в. писал еще Г. Н. Потанин, лично знавший многих представителей интеллигенции Сибири того времени. Он же отметил значительное влияние идей декабристов на формирование мировоззрения Ч. Ч. Валиханова[110].

Представители русской демократической культуры всегда интересовались жизнью и творчеством казахского народа и проявляли к нему большое и искреннее сочувствие. Близко знал казахов А. С. Пушкин, занимавший в русской этнографии демократические позиции. По предположению исследователей, он еще в 1824 г. в Одессе познакомился с А. И. Левшиным и его трудами о казахском народе[111].

В 1827 г. поэт опубликовал статью Левшина «Об имени киргиз-казакского народа и отличии его от подлинных, или диких киргизов»[112]. Несколько позже, в 1831 г. Пушкин поместил в «Литературной газете», в которой он играл видную роль, «выписки из большого сочинения» Левшина под названием «Этнографические известия о киргиз-кайсаках или киргиз-казачьих ордах»[113]. В «Литературной газете» часто печатались и другие, преимущественно художественные, произведения о казахском народе.

---

[110] Г. Н. Потанин. Биографические сведения о Чокане Валиханове. «Записки РГО по отделению этнографии», т. XXIX, 1904, стр. XXIII.

[111] См. кн.: Л. А. Шейман. Пушкин и киргизы. Фрунзе, 1963.

[112] «Московский вестник», ч. IV, 1827; Л. А. Шейман. У истоков русско-киргизских литературных связей. «Русский язык в киргизской школе». Фрунзе, 1962, № 1.

[113] «Литературная газета», 1831, т. III, № 2—3.

Гениальный русский поэт способствовал изданию в России историко-этнографических и художественных трудов, посвященных казахам, и сам внимательно изучал их, а также и другие русские востоковедческие произведения, например, П. И. Рычкова, П. С. Палласа, И. Г. Георги, Н. П. Рычкова[114]. Особенно высоко он ценил Н. Я. Бичурина, считая, что его «глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком»[115].

Знание истории и этнографии казахского народа пригодилось Пушкину во время его работы над «Историей Пугачева». Осенью 1833 г. он в сопровождении В. И. Даля совершил поездку по пугачевским местам в Оренбургском крае. По-видимому, поэт побывал и в казахских аулах. Его интересовало участие казахов в восстании Е. И. Пугачева, а также этнография и поэзия казахского народа. Чтобы иметь возможность непосредственно общаться с казахами, он, по имеющимся данным, заучивал некоторые общеупотребительные казахские выражения[116]. Известно также, что по его просьбе для него была записана в кратком русском изложении казахская народная поэма-легенда «Козы-Корпеш и Баян-Сулу»[117]. Гений русской поэзии несомненно имел намерение использовать материалы из казахского фольклора в своем творчестве.

В 30—40-х годах XIX в. развитию прогрессивных тенденций в исследовании жизни нерусских народов России непосредственно содействовали А. И. Герцен и В. Г. Белинский, зачинатели революционно-демократического направления в русской этнографической науке. Они разработали революционно-демократический, материалистический метод исследования быта народа и его поэзии, изучили народную поэзию в связи с конкретной историей и с современной жизнью трудящихся масс[118]. В. Г. Белинский писал: «Если вы въезжаете в чужую землю с целью изучить ее нравы и обычаи, вы должны забыть на время, что вы гражданин своей земли... Иначе обычаи этой чуждой вам страны будете вы оценять на курс обычаев вашего отечества и, естественно, найдете в ней хорошим только то, что сходно с обычаями вашего отечества, а все противоположное или непо-

---

[114] Л. А. Шейман. Пушкин за чтением литературы о народах Востока. «Русский язык в киргизской школе», 1964, № 4—5.

[115] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 8. М., 1958, стр. 293.

[116] М. И. Фетисов. Русско-казахские литературные отношения в первой половине XIX в. Алма-Ата, 1959, стр. 130—131.

[117] «Временник пушкинской комиссии», 1937, № 3, стр. 323—325.

[118] В. К. Гусев. А. И. Герцен — этнограф и фольклорист. В кн.: «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии». М., 1956, стр. 234.

хожее на них безусловно признаете дурным»[119]. В. Г. Белинский призывал русских ученых не забывать, что в быту и культуре каждого народа имеются свои специфические черты и особенности. Почти вся русская художественная литература 20—40-х гг. XIX в. посвященная казахскому народу, была изучена великим критиком и оценена им. Он приветствовал произведения, написанные с передовых гуманистических позиций, и резко бичевал реакционные, пропитанные ядом расизма, высокомерия и пренебрежения к судьбам нерусских народов России.

Труды А. Н. Радищева, декабристов, А. С. Пушкина, А. И. Герцена, В. Г. Белинского оказали огромное влияние на развитие русской этнографии, а также на этнографическое изучение нерусских народов страны и, прежде всего, на выбор тем и отношение к этим народам. Правдивый показ культуры и быта казахского народа, распространение о нем достоверных сведений, сочувствие к его положению, призыв к просвещению казахов и улучшению их жизненных условий — вот что характеризовало передовую русскую этнографию первой половины XIX в.

Накопление этнографических материалов в 20—40-х годах XIX в.

В 20-х годах XIX в. дальнейшее накопление, систематизация и исследование новых этнографических материалов о казахском народе продолжало оставаться актуальной задачей русской науки. Решению этой задачи в то время в значительной степени способствовало военно-экономическое проникновение царизма в среднеазиатское Междуречье и завершение присоединения казахских земель к России, относящееся к 1820—1860 гг.

Стремление царизма превратить Казахскую степь в рынок сбыта русского хлеба и промышленных товаров, использовать ее природные богатства в интересах капиталистической промышленности, а стратегически выгодное положение — для укрепления своих позиций в Средней Азии требовало всестороннего изучения этой территории, особенно в военном, естественно-географическом и этнографическом отношениях. Несмотря на значительные успехи, достигнутые русской географией в XVIII в., в России фактически еще не были проведены полные топографические исследования, не было точных крупномасштабных карт Казахской степи.

---

[119] В. Г. Белинский. Избранные сочинения в одном томе. М., 1947, стр. 387.

В 20—40-х годах XIX в. царизм направил в Среднюю Азию и Казахскую степь ряд торговых и дипломатических миссий и десятки военно-научных экспедиций, имевших задание составить естественно-географическое, геологическое, статистическое и историко-этнографическое описание огромного пространства от Каспийского моря до восточных границ Казахской степи и от сибирских укрепленных линий на юг до предгорий Тянь-Шаня и Памира. Вместе с тем были приняты меры для усиления господства России в Казахской степи как путем строительства в ней новых русских укреплений, так и путем проведения административной реформы М. М. Сперанского и колонизации края.

С реформой Сперанского связано одно из крупных явлений в русской этнографической науке: сбор сведений об обычном праве, образе жизни, нравах, верованиях всех народов Сибири, в том числе казахов. М. М. Сперанский (1772—1839), государственный деятель и губернатор Сибири в 1819—1822 гг., приказал собрать эти сведения для составления новых законодательных актов: «Устава об управлении инородцев» и «Устава о сибирских киргизах»[120], утвержденных правительством в 1822 г. Эти уставы, как и документ «Основания пограничного управления Сибирской линии, или особенного устава о сибирских киргизах», подготовил «Особый комитет» правительства.

Положения, изложенные в «Основаниях пограничного управления Сибирской линии, или особенного устава о сибирских киргизах», представляют определенный историографический интерес, так как они в известной степени отражают состояние разработки русской наукой многих важных проблем этнографии казахского народа. Так, в нем о времени разделения казахов на три жуза говорится: «Когда монгольское нашествие прекратилось, из киргизов составились три орды: Малая, Средняя и Большая...». И далее, конкретно о Среднем жузе и причинах и обстоятельствах его образования сказано: «Состав сей не был утвержден на каком-либо политическом постановлении. Одни сношения смежности и естественная зависимость слабых родов от сильных, произвели сие соединение. Необходимость обороны дала впоследствии сему слабому союзу некоторую твердость и вид единства, вид, а не существенность...»[121]. Таким образом, хотя время разделения казахов на три жуза авторами документа указано, по существу, неопределенно, нельзя не

---

[120] Полное собрание законов Российской империи, т. XXXVIII, № 29127, 29126.

[121] См. в кн.: «Обозрение главных оснований местного управления Сибири». СПб., 1841, стр. 31.

обратить внимания на основательность их мнения, что жузы образовались под влиянием естественно-исторических обстоятельств и экономических связей (сношений смежности), а не в результате осуществления какого-либо единовременного политического акта. Характерно также, что эта гипотеза не повторяет распространенных в то время в историко-этнографической литературе легенд о происхождении родов всех трех жузов от одного общего предка. Правильно здесь подчеркнута и роль обороны от внешних нападений в истории казахских жузов. Казахи в действительности никогда не были завоевателями и за оружие брались лишь для того, чтобы отстоять свою независимость. Падение Джунгарии и ликвидация опасности внешнего нападения имели своим следствием установление в Казахской степи мира и спокойствия и даже, так сказать, саморазоружение казахов. Ныне же, говорится в документе, «во всей Средней орде с трудом можно было найти двести ружей, и то с фитилями. Самое употребление стрел сделалось редким: их заменили аркан и плеть»[122].

В связи с мероприятиями Сперанского следует также упомянуть его письма к дочери и дневник 1819—1822 гг., в которых он описывает свою деятельность в Сибири, посещение казахских аулов, казахские национальные игры, свое отношение к казахам и разъясняет самоназвание казахского народа. Эти документы характеризуют самого Сперанского как реакционного деятеля, озабоченного лишь колониальными интересами царизма, барски-пренебрежительно и предвзято относящегося к нерусским народам страны, которых он считал «дикарями и почти полузверями»[123].

Интересно отметить, что один из современников Сперанского, верхнеудинский исправник Геденштром, написавший двухтомные «Материалы для описания Сибири» (1841), едко критиковал его деятельность в Сибири, а также доказывал, что царские чиновники необоснованно ославили казахов ворами и разбойниками[124].

Вслед за опубликованием «Устава о сибирских киргизах» генерал-губернатор Западной Сибири П. М. Капцевич приступил к осуществлению предусмотренных уставом мероприятий в Казахской степи. В 1824 г. им были организованы военные экспедиции полковников С. Б. Броневского и

---

[122] Там же, стр. 33.

[123] В кн.: «В память графа Михаила Михайловича Сперанского 1772—1872 гг.». СПб., 1872, стр. 26, 78, 79, 197—198.

[124] В кн.: В. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 годы. СПб., 1872, стр. IX, 2—13, 317, прим. 2.

Григоровского, которые в результате двухмесячного пребывания в степи добились участия казахов в образовании первых внешних округов, Каркаралинского и Кокчетавского. С. Б. Броневский, исполнявший должность Омского областного начальника, использовал эту поездку к казахам также для сбора этнографических материалов, так как в будущем он собирался написать о них научное исследование.

В последующие годы администрация Западной Сибири распространила действие «Устава о сибирских киргизах» на весь Средний жуз[125]. Об этих событиях сохранилось много документов, находящихся ныне в 338 фонде Центрального государственного архива Казахской ССР. В них повествуется о принятии российского подданства отдельными родоплеменными группами казахов, о родорасселении Среднего жуза, о его летовках и зимовках, расположении кочевых путей, нравах и обычаях[126].

Царские чиновники особенно подробно изучали родоплеменную структуру и родорасселение Среднего жуза, так как именно на основе этих данных осуществлялось новое политико-административное деление Области сибирских киргизов, в которую входила территория нынешних Целиноградской, Северо-Казахстанской, Павлодарской, Кокчетавской, Карагандинской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей[127]. В четвертом параграфе «Устава о сибирских киргизах» говорилось: «Сообразно с настоящим состоянием залинейных киргизов, кочевья их разделяются на волости, волости же на аулы, кои сохраняют нынешние их наименования». Волостью царские чиновники называли родоплеменные группы в 500—800 кибиток. 15—20 волостей, считавшиеся в «одном роде или поколении», составляли округ. Отсюда вытекала также задача систематического изучения численности казахского населения. В архивах отложились соответствующие данные и по этому вопросу[128].

С введением в действие «Устава об управлении инородцев» стало уделяться внимание изучению казахского обычного права. Шестьдесят восьмой параграф этого Устава гласил: «Все кочующие и бродячие инородцы... управляются по их собственным степным законам и обычаям. Но поелику

---

[125] «Материалы для истории Киргизской степи». Сборник газеты «Сибирь», т. I. СПб., 1876.

[126] ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 490; Материалы для истории присоединения Киргизской степи, извлеченные из дел Главного управления Западной Сибири А. В. Селивановым. Рукопись Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, 1823—1832, F—IV, 836, 354 листа.

[127] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 1202, 1682, 2122.

[128] ЦГА КазССР, ф. 338, д. 2, 586, 806, 473; ф. 4, оп. 1, д. 3436.

законы сии и обычаи в каждом племени имеют некоторое и часто важное от других отличие, притом же, сохраняясь поныне чрез одни изустные предания, могут быть и сбивчивы и неопределенны, то по сим причинам предоставляется местному начальству от почетнейших людей собрать полные подробные о сих законах сведения, рассмотреть оные по губерниям в особых временных комитетах, смягчить все дикое и жестокое, отменить и несообразное с другими установлениями, и, расположив в надлежащем порядке, представить местному главному управлению на утверждение».

В 1830—1833 гг. сбор сведений о казахском обычном праве производился и в западной части Казахской степи, так как оренбургский генерал-губернатор П. П. Сухтелен собирался составить «катехизис киргизских законов». Но хан Джангер, которому было поручено редактирование собранных материалов, не справился с этой задачей.

Образование внешних округов в Южной Сибири продолжалось в течение двух десятков лет. В 1831 г. был открыт Аягузский округ, в 1832 — Акмолинский, в 1833 — Баян-Аульский и Уч-Булакский, в 1834 — Аман-Карагайский, в 1844 — Кокпектинский. Кроме того, в эти годы в Казахской степи возводились военные укрепления: в 1835 — Улутауское и Актауское, в 1846 — Оренбургское на Тургае, Уральское на Иргизе и Ново-Петровское на Мангышлаке, в 1847 — Раимское в устье Сыр-Дарьи и в 1850 — Копальское в Семиречье. Одновременно происходила колонизация Казахской степи, так как около приказов, управлявших округами, и укреплений основывались казачьи станицы.

При образовании внешних округов царские чиновники, чтобы обеспечить широкую поддержку осуществлению этого мероприятия, старались «дать праздник народу, совершенно согласный их обычаю, угощая пищею и такими забавами, которые у киргизов употребительны при радостных случаях, в том числе скачкою на лошадях с назначением призов за счет казны»[129]. Открытие этих праздников производилось «в последней половине мая месяца, когда волости совокупно идут на летние кочевья и когда киргизы наслаждаются всеми удовольствиями пастушеской жизни, видев свой скот оживляющимся летним кормом и имея в изобилии кумыс»[130].

Старшими султанами округов могли быть только представители султанского сословия, поэтому, чтобы исключить случаи избрания на эту должность лиц не султанского происхождения, в 1828 г. было предпринято составление родо-

[129] ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 553, л. 5.
[130] Там же, д. 412, л. 3.

словных султанов Среднего и Старшего жузов. Но при этом ставились и научные задачи. В особом предписании на этот счет говорилось: «В составлении таковой родословной иметь главнейшим в виду родовое происхождение ханов Абульмаметя, Аблая и Букея, а затем и все прочие родовые отрасли как в нисходящих линиях, так и в восходящих до самой отдаленной древности, до какой только могут простираться известия... дабы посредством описания сего и соединения с оным такового же западной половины Киргизской степи, составление которого поручается Кокчетавскому приказу, можно было исследовать и отыскать самый корень родопроисхождения султанов»[131].

Всесторонне изучали чиновники колониальных учреждений и хозяйство казахов, особенно земледельческое, что нашло свое отражение во многих архивных документах[132].

Другим важным мероприятием царизма в первой половине XIX в. явилась систематическая геодезическая съемка казахских степей Оренбургского ведомства в 1820—1842 гг. и Сибирского — в 1827—1841 гг.[133]. Одновременно составлялись и этнографические карты, а на географические очень часто наносились и этнографические объекты, например кочевые пути, границы родоплеменных групп, их зимовые стойбища, летние пастбища пашни.

В 1820—1840 гг. в накоплении этнографических материалов о казахском народе по-прежнему продолжали играть большую роль поездки русских людей в Казахскую степь с торговыми, дипломатическими и военно-разведывательными целями.

Весьма интересные сведения о казахах, кочевавших в районе караванной дороги из Оренбурга в Бухару, дали науке члены дипломатической миссии Негри (1820) полковник генерального штаба Е. К. Мейендорф, натуралист Э. А. Эверсман, секретарь и переводчик миссии П. Л. Яковлев.

Е. К. Мейендорф (1796—1865) в путевом журнале, составившем первую часть его обширной книги «Путешествие из Оренбурга до Бухары в 1820 году, через степи, простирающиеся на восток от моря Аральского и древнего Яксарта», опубликованной в 1826 г. в Париже на французском языке, описал нравы и обычаи казахов, их образ жизни, пищу и способы ее приготовления, охоту на сайгу и кабанов,

---

[131] ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 48, л. 1—1 об; ф. 374, оп. 1, д. 196; ф. 4, оп. 1, д. 2122.

[132] ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 374, 506, 228, 417; ф. 374, оп. 1, д. 195; ф. 4, оп. 1, д. 1434.

[133] Дело о снаряжении топографической экспедиции в Казахскую степь. ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 4693.

барымту, положение женщины и русских пленников в казахском ауле, управление, а также привел примеры казахских лирических песен[134]. Он одним из первых русских авторов XIX в. пришел к выводу, что казахи и киргизы являются разными народами и что следовало бы восстановить их правильное самоназвание в литературе. Однако сам Мейендорф последовательно не проводил эту точку зрения в своих трудах.

Много этнографических сведений о казахском народе (характеристика кочевой жизни, обычного права, образцы сказок) находим и в дневнике Эверсмана, опубликованном на немецком языке. Доктор медицины Э. А. Эверсман (1794—1860), автор трехтомной «Естественной истории Оренбургского края» (1850—1866), занимавшийся с 1820 по 1828 г. врачебной практикой в Оренбурге, а затем по 1860 г. преподававший ботанику и зоологию в Казанском университете, часто путешествовал по Казахской степи. В 1825 г. с экспедицией Ф. Ф. Берга он побывал на Усть-Урте, а в 1827 г. с Г. С. Карелиным — в Букеевской орде.

В 1820—1822 гг. в северо-западной и западной частях Оренбургского края значительные этнографические материалы собрал А. И. Левшин.

В 1824 г., спустя двадцать лет со времени путешествия Я. Гавердовского, из Оренбурга в среднеазиатские ханства через Казахскую степь направился новый вооруженный караван под начальством полковников Циолковского и Анисимова. Однако и этот караван постигла неудача[135]. В течение почти шести месяцев караван двигался от одного казахского аула к другому и вел с казахами оживленную торговлю. В обмен на скот, овчины, шубы, ремни, кошмы, армячину, волосяные веревки казахи приобретали русские шерстяные и ситцевые ткани. Е. Кайдалов, караванный голова, возглавлявший купеческую часть каравана, подробно описал это путешествие и некоторые свои наблюдения (вооружение казахов, их одежда, средства переправы через Сыр-Дарью, поминки, гадания, эпидемия оспы). Его книга «Караван-записки во время похода в Бухарию российского каравана под воинским прикрытием в 1824 и 1825 годах, веденые начальником оного каравана над купечеством Евграфом Кайдаловым» вышла в свет в 1827—1828 гг. (М., 3 части).

Одна из первых русских военных экспедиций в кочевья Старшего жуза состоялась в 1825 г. Поводом для организации ее послужил приезд в Омск в 1824 г. делегации киргиз-

---

[134] См.: И. Г. Спасский. Восточная библиография. «Азиатский вестник». СПб., 1827, январь—июль.

[135] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 4721.

ских манапов и казахского султана Сюка Аблаева, который обратился к областному начальнику С. Б. Броневскому с просьбой помочь ему возвратить скот, захваченный соседями[136]. Броневский, со своей стороны, добился согласия султана на открытие в Старшем жузе внешнего округа, но Азиатский департамент Министерства иностранных дел счел преждевременным это мероприятие. Вместе с тем генерал-губернатору Западной Сибири было рекомендовано «для поддержания в своей силе права располагать и киргизами Большой орды..., посылать в киргизские кочевья военные отряды, по мере требования самих султанов и старшин о защите их от взаимных распрей», а главным образом для того, «чтоб... увеличивать влияние России на оную (т. е. Старший жуз. — *Э. М.*), приближая тем введение там порядка управления, сообразно уставу о киргизах»[137].

Во исполнение этого предписания в 1825 г. в Старший жуз и Северную Киргизию была направлена военная экспедиция полковника Шубина, в которой участвовал также лекарь Зибберштейн с особым заданием «узнать самое главное и сколь можно достовернее путь удобный к торговле...»[138].

Зибберштейн, стараясь выполнить возложенное на него поручение, собрал расспросные сведения об условиях развития торговли с Средней Азией, а также данные о родоплеменной структуре и родорасселении казахов Старшего жуза, их занятиях, нравах, обычаях, участии в торговле и разработке полезных ископаемых[139].

Из Семипалатинска в 1829—1930 гг. совершил путешествие в долину реки Сыр-Дарьи, Н. И. Потанин, «весьма талантливый и любознательный казачий офицер», отец русского путешественника Г. Н. Потанина[140]. Его труд «Киргизские степи и Кокандское ханство» (1831) дал науке ценные историко-этнографические сведения о сыр-дарьинских казахах, малоизвестных в России и не входивших еще в ее состав[141].

В западной части Казахской степи в 1820—1830 гг. путешествовал сотрудник Министерства иностранных дел, офицер артиллерии Г. И. Карелин (1801—1872). Первое путешествие Карелина относится к 1826—1827 гг., когда он совместно с Эверсманом совершил поездку во Внутреннюю

---

[136] ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 445, л. 3.

[137] См.: М. П. Вяткин. Путевые записки лекаря Зибберштейна. «Исторический архив», т. 1. М.—Л., стр. 223.

[138] ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 350.

[139] Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна. «Исторический архив», т. 1. М.—Л., 1936.

[140] П. П. Семенов-Тяншанский. Мемуары. М., 1947, стр. 81.

[141] «Военный журнал». 1831, № 4—5.

Букеевскую орду. Здесь же путешественник познакомился с ханом Джангером и был приглашен на должность преподавателя и советника по различным делам.

В 1828—1830 гг. Карелин жил в Рын-песках, ставке Джангера, где составил крупномасштабную карту Внутренней Букеевской орды и этнографическое описание ее населения. Затем ему пришлось в составе отряда председателя Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генса отправиться в Тургайские степи для примирения враждовавших там феодальных партий.

В научном отношении особенно большое значение имела экспедиция Карелина к северо-восточным берегам Каспийского моря. Она состоялась в 1832—1836 гг. и, кроме экономических и военно-политических задач, имела и научные: выяснение процесса обмеления Каспия, исследование устья р. Эмбы, изучение адаевских казахов. Большой интерес представляет дневник путешественника, опубликованный в 1883 г.[142]. Последующие экспедиции Карелина к юго-восточным берегам Каспия (1836), в Семиречье, Джунгарию, Алтай и Саяны (1840—1847) не дали существенных этнографических материалов.

Заметный след в истории этнографического изучения казахов Оренбургского ведомства оставил русский государственный деятель Г. Ф. фон-Генс (1786—1845) служивший в Оренбурге с 1807 по 1884 г. По образованию военный инженер, он в первые годы службы почти ежегодно производил в Казахской степи разведку месторождений полезных ископаемых[143]. В 1815—1816 гг. Генс, участвуя в экспедициях к свинцовым месторождениям, составил геолого-географическое описание малоизвестного тогда пространства между Тоболом и Тургаем.

Частые поездки в Казахскую степь помогли Генсу очень близко познакомиться с жизнью казахов и приобрести среди них много друзей. Заинтересовавшись историей, этнографией и торговлей с казахами, он стал систематически записывать свои наблюдения и собирать расспросные сведения. Много времени он потратил также на приведение в порядок и изучение дел архива Оренбургской пограничной комиссии, председателем которой он был с 1825 по 1844 г. На этом посту он проводил политику мирного урегулирования спорных вопросов, способствовал расширению и улучшению русско-казахских торговых и политических взаимоотношений и ос-

---

[142] Г. И. Карелин. Путешествие по Каспийскому морю. «Записки РГО по общей географии», т. X, 1883.

[143] Личное дело Г. Ф. Генса. ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 1547, 1579, 2298.

лаблению, чисто административными мерами, роли и значения деления казахов на родоплеменные подразделения, переродившиеся в своеобразный патриархально-феодальный институт, служивший лишь интересам верхушки казахского феодального общества. Он также ввел в практику деятельности колониальной администрации систематическое изучение численности казахского населения Оренбургского ведомства.

Г. Ф. Генс оставил весьма солидное рукописное наследство (дневники и отдельные заметки, расспросные речи и маршруты) преимущественно по истории, этнографии, лингвистике, фольклористике и экономике казахского народа, изучавшееся многими исследователями. Большинство этих рукописей находится в шестом и сто шестьдесят шестом фонде Государственного архива Оренбургской области. Из опубликованных работ Генса следует назвать его заметку «Происхождение жителей и их разделение», в которой описаны, с употреблением значительного количества казахских терминов, некоторые этнографические легенды, родословные, родоплеменная структура и родорасселение Младшего жуза[144].

Часть рукописей и автографов Генса находится в четвертом фонде Центрального государственного архива Казахской ССР. Из них в этнографическом отношении наиболее интересна его докладная записка о правах казахов на занимаемые ими земли, написанная в Азиатский департамент Министерства иностранных дел в 1836 г.[145]. В ней автор поставил вопрос о культурном влиянии и эволюции нравов и обычаев казахского народа в течение второго и третьего десятилетий XIX в.

В 30-х годах казахские аулы посетили многие русские люди, направлявшиеся в среднеазиатские ханства. Среди них учитель татарского языка в Оренбургском училище молодой ориенталист Демезон (1834), прапорщик И. Виткевич (1836), Е. П. Ковалевский и Гернгросс 2-й (1839).

Этнографические материалы собирали и участники неудавшегося хивинского похода оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского, состоявшегося зимой 1839—1840 гг.

Особенно много русских научных экспедиций в Казахскую степь направлялось в 40-х годах. В 1840—1841 гг. в Джунгарии путешествовал А. И. Шренк, собравший ботанические и геологические коллекции. Полковник И. Ф. Бла-

---

[144] См. в кн.: И. Ф. Бларамберг. Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии. СПб., 1848, стр. 73—88.

[145] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 318.

рамберг и врач А. Ягмин в 1841 г. совершили путешествие из Оренбурга к р. Сыр-Дарье.

И. Ф. Бларамберг, спутник Карелина по путешествию 1836 г., в 1841—1847 гг. ежегодно посещал Казахскую степь. В 1852 г. он был начальником топографической съемки Казахской степи, а в следующем, 1853 г. — участником похода к укреплению Ак-Мечеть (ныне Кзыл-Орда). Свои этнографические, статистические и естественно-географические материалы он опубликовал в 1856 г.[146]

Интересные этнографические материалы собрал А. Ягмин, участник хивинского похода и спутник Бларамберга. Его, как врача, преимущественно интересовало «состояние медицинских понятий у киргиз-кайсаков с исторической точки зрения», болезни казахов, их антропологический облик, употребление кумыса в лебечных целях[147].

В 1841—1843 гг. в Казахской степи путешествовали Н. Ханыков, А. Леман, Никифоров, Г. И. Данилевский, Ф. И. Базинер.

Г. И. Данилевский, возглавлявший миссию в Хиву, собрал сведения о численности, родоплеменной принадлежности и родорасселении казахов, кочевавших в Хивинском ханстве, и в этом заключается их ценность, так как до него о хивинских казахах почти никто не писал[148]. Другой член миссии Данилевского, сотрудник петербургского Ботанического сада Базинер в своих путевых заметках описал казахскую юрту, кладбище, пашни, аулы, встречу с кочующей «громадной ордой, состоявшей более чем из тридцати аулов»[149].

Опубликованные в печати материалы и исследования полностью не освещают результаты изучения русскими людьми культуры и быта казахского народа в первой половине XIX в.

Для ознакомления с этнографией казахов первой половины XIX в. особенно большой интерес представляют четвертый фонд архива «Областное правление оренбургскими киргизами» за 1790—1868 гг. и триста тридцать восьмой фонд «Омское областное правление» за 1821—1838 гг. В

---

[146] Военно-статистическое обозрение земель киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и (Зауральской) Малой орды Оренбургского ведомства по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составленное обер-квартирмейстером Оренбургского корпуса генерального штаба полковником Бларамбергом. СПб., 1856.

[147] А. Ягмин. Киргиз-кайсакские степи и их жители. СПб., 1845.

[148] Г. И. Данилевский. Описание хивинского ханства. «Записки РГО», кн. V, 1851.

[149] Путешествие через Киргизские степи в Хиву в 1842—1843 годах доктора философии Базинера. «Туркестанские ведомости», 1873, № 31, 46.

четвертом фонде 6334 единицы хранения, а в 338—933. Эти фонды содержат самые разнообразные сведения о казахском народе (численность населения в разные годы, родоплеменная структура и родорасселение, местоположение летних и зимних пастбищ, кочевые пути, хозяйство, численность и удельный вес лошадей, баранов, верблюдов, крупного рогатого скота в общем стаде, содержание скота, пашни, урожайность хлебов, нравы и обычаи, барымта и работорговля, калым и многоженство, положение женщины, верования и обряды, взаимоотношения с соседями, классовая структура и классовая борьба), а также сведения о русских экспедициях и русских людях, изучавших казахский народ (Ф. М. Назаров, Г. Ф. Генс, С. Б. Броневский).

В 1826—1834 гг. сибирская колониальная администрация получила предписание Азиатского департамента Министерства иностранных дел собрать сведения «о торговле казаков на линии, живущих с киргизами, хлебом, о нравах и обычаях киргиз, и весах и мерах, существующих между народами Азии». Переписка по этому вопросу составила обширное «Дело о представлении в Азиатский департамент сведений о монетах, мерах и весах Азиатской части России»[150].

В области сибирских киргизов эти сведения собирал С. Б. Броневский и чиновник особых поручений Иван Беленицын, который непосредственно занимался этим вопросом в 1831—1832 гг. В 1833 г. он был переведен в Петербург на должность секретаря Межевого департамента Правительствующего сената.

И. Беленицын, хорошо знавший казахский язык, был одним из первых русских авторов, высоко оценивших казахский поэтический фольклор и понявших его значение для изучения этнографии казахов. В своем донесении Омскому областному начальнику в феврале 1833 г. он писал: «Представляя при сем вашему превосходительству поэму «Баян-Сулу и Козу-Курпеч»..., единственную на языке киргизов, которая, быв в глубокой древности составлена, до сих пор не изменяется ни в одном выражении, воспевается с величайшим восторгом и, должно сказать, весьма не многими, и еще одно стихотворение «Ак-бала Боздак», постоянно введенное в употребление, всепокорнейше прошу приказать одному из переводчиков перевести оба сочинения на отечественный язык, с тем чтобы не стараясь изложить мысли киргиз на нашем языке красивее, употребляли бы усилие передать буквально то, что в поэме начертано, — возвратить мне. Приличные же изменения с толкованием у меня имеющиеся, я

[150] ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 453.

беру на свою ответственность»[151]. И. Беленицын подчеркивал, что перевод поэмы ему необходим «для описания нравов казахского народа, его образа мыслей, понятий и характера»[152].

Эти данные позволяют также установить, что Беленицын является первым русским автором, записавшим казахскую поэму «Козы-Корпеш и Баян-Сулу». Во всяком случае, кроме краткого изложения поэмы в бумагах А. С. Пушкина за 1833 г., более ранние сведения о записи этой поэмы нам неизвестны.

И. Беленицын, правильно предполагая, что происхождение поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» относится к глубокой древности, ошибался, однако, принимая свою запись за единственный вариант поэмы и считая, что других поэм у казахов не было. Эту поэму он записал со слов казаха Баян-Аульского округа Бадыса. Кроме того, он побывал «на самом месте происшествия и снял рисунки с гранитных изображений героев поэмы»[153].

Царские чиновники долго отказывались перевести поэму «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» на русский язык, не видя необходимости в ней для описания нравов казахского народа. Но Беленицын продолжал упорно настаивать на своем и тогда, в 1834 г., по приказу начальства чиновник Даньшинин, после ряда консультаций с казахами, перевел поэму[154]. Сведения о дальнейшей работе Беленицына над текстом поэмы в архиве отсутствуют. В 1837 г. Омское областное правление получило от него его последнюю работу «Собрание сведений относительно произведений, входивших в состав меновой торговли между казаками, Сибирскую линию населяющими, и киргизами, в оной кочующими»[155].

Поэма «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» по версии акына Жанака в 1841 г. была записана другим русским чиновником, толмачем Аягузского внешнего окружного приказа Андреем Фроловым[156].

Остались неопубликованными и собранные в 40-х годах материалы по казахскому обычному праву. В 1844 г. новым «Положением об управлении киргизами Оренбургского ведомства« Оренбургской пограничной комиссии было вменено в обязанность «озаботиться собранием и приведением в порядок киргизских обычаев, имеющих в орде силу закона,

---

[151] Там же, л. 52.
[152] Там же, л. 56.
[153] Там же, л. 61 и об.
[154] Там же, л. 67 и об.
[155] Там же, лл. 76—81.
[156] Институт народов Азии Академии наук СССР. Рукописный фонд, В-4043.

дабы составить из оных род особого свода для руководства при производстве и решении тех дел, которые должны разбираться и судиться на основании сих народных обычаев»[157]

В Оренбурге сбор казахских обычаев, имеющих силу закона, был возложен на чиновника особых поручений д'Андре, который был снабжен Пограничной комиссией для этой цели специальной программой. В 1846—1847 гг. он посещал казахские аулы и беседовал со многими биями[158]. Но в 1848 г. он умер от холеры, оставив свои черновые записи, составленные совместно с султаном — правителем Восточной части Ахмедом Джантюриным, неприведенными в порядок[159]. По рассмотрении, эти записи «оказались не вполне удовлетворительными по не имению в них правильной системы и последовательности в статьях, также неполностью некоторых из них и пропуском других, особенной важности...» Поэтому чиновник Азиатского департамента Министерства иностранных дел О. А. Осмоловский получил приказание отправиться в казахские аулы «для проверки и дополнения всего этого на месте»[160].

Поручение Пограничной комиссии Осмоловский выполнил лишь к концу 1851 г. Сообщая об этом председателю комиссии, он писал: «Составив ныне сборник киргизских обычаев, в который вошли все сведения как из составленного мною первоначально в восточной части Орды сборника, так и сделанных на него в Западной, Средней и Внутренней ордах замечаний, я дополнил его особенными примечаниями, в которых старался объяснить те киргизские обычаи, которые могли бы показаться странными и невероятными, но на самом деле существующие, и показать отношение этих обычаев к мусульманским законам или шариату»[161].

Узок и ограничен был подчас подход исследователей 20—40-х годов XIX в. к проблемам быта казахов. Они в основном занимались изучением родоплеменной структуры и родорасселения казахов, особенностями их внешнего быта, занятий, нравов, обычаев, то есть тех сторон жизни народа, знание которых необходимо каждому путешественнику в незнакомой стране для успешного выполнения поставленной задачи. Сущность же наблюдаемых явлений, их истинные причины, глубокие связи и законы развития, основные явления народной жизни, народное творчество и другие

---

[157] «Известия Оренбургского отдела РГО», вып. 17. Тверь, 1902, стр. 386.

[158] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 401, 2833.

[159] Там же, д. 2380, 2382, 2449, 2452; Сборник материалов по казахскому обычному праву. Сборник 1. Алма-Ата, 1948, стр. 119—150.

[160] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2382, лл. 119—120.

[161] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2382, л. 305 и об.

важнейшие стороны культуры и быта казахского народа их по существу не интересовали. Однако и эти односторонние и неполные этнографические данные, накопленные путешественниками того времени, имеют огромное научное значение, так как другими источниками наука не располагает. На основе этих материалов уже в то время были созданы этнографические труды, послужившие базой для дальнейшего развертывания научных исследований в области этнографии казахского народа.

Труды Г. И. Спасского, Н. Я. Бичурина, С. Б. Броневского, А. И. Левшина, В. И. Даля

Русское востоковедение в первой половине XIX в. переживало значительный подъем. Развитие капитализма и активизация колониальной политики России и других европейских государств в начале XIX в. имели своим следствием организацию крупных экспедиций в страны Востока и появление посвященных этим странам научных исследований. Но в русской науке, в противоположность западноевропейскому буржуазному востоковедению, не нашла места расистская пропаганда. Труды А. Н. Радищева, Отечественная война 1812 г., движение декабристов, революционно-демократическая деятельность В. Г. Белинского и А. И. Герцена оказали огромное влияние на развитие и укрепление прогрессивного направления в русском востоковедении. Открытие и успешная деятельность кафедр восточных языков в Московском, Петербургском и Казанском университетах и Академии наук обеспечили сравнительно высокую подготовку кадров востоковедов и стимулировали востоковедческие работы.

С открытием в 1818 г. Азиатского музея в Академии наук, этого крупнейшего собрания книг и рукописей по Востоку, русские ученые получили солидную базу для развертывания востоковедческих исследований. Труды таких известных востоковедов, как А. В. Болдырев (1780—1842), А. И. Левшин, Г. И. Спасский, О. И. Сенковский (1800—1853), Н. Я. Бичурин, М. А. Казем-бек (1802—1870), И. Н. Березин (1818—1896), сыграли большую роль в истории этнографического изучения казахского народа. В некоторых из них содержатся переводы в исследовании важных восточных источников, имеющих значение для изучения этногенеза и ранней истории казахского народа.

Много потрудился в области разработки истории и этнографии казахского народа Г. И. Спасский (1784—1864) — «знаток сибирской истории и народов и издатель замеча-

тельного журнала «Сибирский вестник»[162]. Его широко известная плодотворная и неутомимая научная деятельность началась в начале XIX в. В 1804 г. он собрал сведения о родоплеменных подразделениях казахских жузов, а в 1809 г., путешествуя по южным склонам Алтая, изучил этот край в историко-археологическом и этнографическом отношениях.

В 1818 г. Спасский основал в Петербурге журнал «Сибирский вестник» (в 1825—1827 гг. «Азиатский вестник») и опубликовал в нем много материалов и исследований о народах Сибири и Казахской степи, частью написанных им самим, а частью принадлежавших Г. С. Бурнашеву, М. Поспелову, И. П. Шангину, Ф. М. Назарову и другим путешественникам.

Научная деятельность Спасского была весьма разносторонней. Результаты своих ранних поездок в северную и северо-восточную часть Казахской степи он изложил в статьях «О древних развалинах в Сибири»[163], «Путешествия по южным Алтайским горам в 1809 году»[164] и «Об искусственном напоении водою пашен»[165]. В последней статье рассказывается о способах орошения пашни у казахов и подробно описывается казахский чигирь (шыгыр). К статье приложены «чертеж искусственного напоения водою пашен» и два «чертежа машины для поливки пашен».

В 1820 г. Спасский впервые опубликовал казахскую сказку «Идиге»[166] и монографическое исследование «Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды»[167], в котором сведения о Старшем жузе, несмотря на многообещающее название, довольно скудны. Но зато этнографическая характеристика Среднего и Младшего жузов, основанная преимущественно на литературных, а также полевых и архивных материалах, довольно полна.

Автор охватил весьма широкий круг этнографических вопросов. Его работа отличается богатством научных материалов и рядом серьезных выводов. Так, например, многие авторы XVIII в., да и первой половины XIX в., утверждали, что казахи вообще не знали земледелия, а если и занимались им, то не придавали этому занятию серьезного значения. Иного мнения придерживался по этому вопросу Спасский, который на месте изучал казахское земледелие. Он пи-

---

[162] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах, т. I, стр. 361.

[163] «Сибирский вестник», ч. 3. СПб., 1818.

[164] Там же, ч. III и IV.

[165] Там же, ч. X, 1820.

[166] Там же.

[167] Там же, ч. IX—X.

сал: «Ни один из кочующих в степи народов не может сравниться в успехах хлебопашества с киргизами. Трудолюбие их самую сухую песчаную землю обращает в плодородную... Одним словом, землепашество киргизов заслуживает сколько внимания, столько же и подражения»[168].

Вместе с тем по ряду вопросов, вследствие отсутствия необходимых источников и специальных знаний, Спасский допускал ошибочные и априорные утверждения. Например, енисейских киргизов он считал частью казахского народа.

Последней работой Спасского по этнографии казахского народа является очерк «Киргиз-кайсаки», опубликованный в 1826 г. в одном из разделов его сочинения «Географическое и статистическое описание Сибири и ее островов».

Г. И. Спасский, кроме указанных выше материалов и исследований других авторов, имеющих отношение к изучению казахского народа, опубликовал «Книгу Большого чертежа», древнетюркские рунические памятники[169]. Заслуга его заключается также в том, что он всемерно старался обратить внимание начинающих ученых на необходимость изучения и сбора казахских историко-этнографических материалов.

Несколько заметок о казахах Младшего жуза под общим заголовком «О киргизцах» напечатал в 1821—1822 гг. Ф. И. Герман (1789—1852). С 1817 по 1823 г. он служил адъютантом оренбургского губернатора П. И. Эссена и ведал пограничной частью губернаторской канцелярии. Это обстоятельство способствовало близкому знакомству Германа с казахским народом. В своих заметках он рассмотрел в основном три вопроса: отношение казахов к религии, их нравы, причины и последствия барымты — насильственного угона скота у соседей[170].

Важное значение имеют труды одного из крупнейших представителей прогрессивного русского востоковедения первой половины XIX в. Н. Я. Бичурина (1777—1853), в монашестве Иакинфа, бывшего в 1807—1821 гг. начальником русской духовной миссии в Пекине. Он собрал огромное количество материалов по истории, этнографии и географии и на основе их впоследствии подготовил и издал свои многочисленные научные труды и переводы источников на русский язык. Его трехтомный труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии» (1851) сыграл значитель-

---

[168] Там же, ч. X, стр. 351—352.

[169] Т. И. Спасский. О древних сибирских начертаниях и надписях. «Сибирский вестник», ч. 2. СПб., 1818.

[170] «Вестник Европы», 1821, № 22 и 1822, № 4, 3, 22.

ную роль в истории изучения древних племен, населявших Среднюю Азию и принявших участие в этногенезе казахского народа.

Борьба Бичурина за широкое включение в обиход исторической науки восточных источников и его выдающийся вклад в это дело, его резкая критика библейской теории происхождения народов, расизма и пангерманской теории в отношении племен Тянь-Шаня усуней имела большое значение для исследования важнейших проблем исторической этнографии казахского народа. Он также подверг резкой критике тех западноевропейских авторов, которые, не пытаясь разобраться в этническом составе населения Азии и питая пренебрежительное отношение к национальной истории и к названиям различных восточных народов, продолжали именовать их всех просто татарами.

Заметный вклад в этнографическое изучение казахского народа внес один из деятелей западносибирской колониальной администрации генерал-майор С. Б. Броневский (1786—1858), служивший в Области сибирских киргизов около двадцати лет (1808—1827). В 1822 г. он был назначен исполняющим должность Омского областного начальника и принял деятельное участие в осуществлении мероприятий, предусмотренных «Уставом о сибирских киргизах». В 1827 г. он занял пост начальника штаба Отдельного сибирского корпуса в Тобольске, но по долгу службы еще около десятка лет занимался делами Казахской степи.

С. Б. Броневский был высокообразованным человеком. В 1826—1832 гг. он сотрудничал в «Земледельческом журнале», органе московского Общества сельского хозяйства, действительным членом которого он был. По заданию этого Общества и Азиатского департамента Министерства иностранных дел он с помощью подчиненных ему офицеров, много лет служивших в казахской степи и общавшихся с казахами, собирал сведения о состоянии и развитии казахского хозяйства, особенно земледелия. Эти сведения частью были опубликованы «Земледельческим журналом» в статьях: Броневского «О состоянии земледелия в Сибирском казачьем войске»[171]; сотника Махонина «О состоянии и хозяйстве верноподданных киргизов в Омской области»[172], в которой очень подробно освещалось содержание скота и уход за ним у казахов; сотника Федорова «О начале хлебопашества в Киргизской степи»[173]; сотника Карбышева «О начале земле-

---

[171] «Земледельческий журнал», М., 1826, № 16.

[172] Там же, 1827, № 19.

[173] Там же.

делия и пчеловодства в Киргизской степи»[174]; освещающей также способы приготовления пищи из муки.

В 1832 г. Броневский опубликовал статью «О первой оседлости и хлебопашестве киргизцов во вновь образуемом Кокбухтинском округе в Киргизской степи»[175]. В ней он указал размеры пашни и имена многих казахов-земледельцев.

Среди других материалов о казахском земледелии, опубликованных С. Б. Броневским, интересны сообщения есаула Швабского «О семенах и посеве тургайской пшеницы и проса»[176], сотника Шахматова «Замечание о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней орды»[177]

Своим офицерам Броневский часто давал и другие научные поручения. Так, в 1831 г. тот же сотник Шахматов получил от него предписание углубиться в Казахскую степь в сопровождении военного отряда и «сделать съемку мест от реки Ишима к Нуре и озеру Кургальджину», а также «описать древние развалины города Татагая». Выполнив задание, Шахматов отправил начальству карту указанной местности и «рисунок древнего здания Татагая с особым описанием». «Верных же признаков древнего города Татагая, кроме означенного полуразрушенного здания», он не обнаружил[178].

В 1829—1830 гг. Броневский закончил и опубликовал свой основной труд «Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды»[179]. В нем он уделил основное внимание характеристике хозяйства казахов, их образа жизни, нравов, духовной культуры, почти не затронув вопросы материальной культуры.

Серьезные успехи русской этнографии в области изучения казахского народа связаны с именем А. И. Левшина, одного из основателей Русского географического общества.

А. И. Левшин (1799—1879) в 1818 г., после окончания Харьковского университета, поступил на службу в Министерство иностранных дел и в свободное время стал изучать казахские материалы в архиве Азиатского департамента. Вскоре ему представилась возможность лично познакомиться с казахами. В 1820 г. он был переведен на два года в Оренбург и Уральск. В течение двух лет он часто бывал в

---

[174] Там же, 1827, № 20.
[175] Там же, 1832, № 8.
[176] Там же, 1832, № 5.
[177] Там же, 1832, № 8.
[178] ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 714, лл. 1, 10.
[179] 1-е неполное издание — «Сын отечества» и «Северный архив», т. IV, СПб., 1829; 2-е полное издание — «Отечественные записки», ч. 41, 42, 43. СПб., 1830, 190 страниц текста.

казахских аулах, вел подробные записи, изучал дела Оренбургского архива и собрал огромный научный материал по истории и этнографии казахского народа.

Первые научные заметки Левшина о казахском народе «Путевые записи» и «Свидание с ханом Меньшей киргиз-кайсацкой орды» были напечатаны в 1820 г.[180]. В последней из них описывается обычный для казахов церемониал приема гостей и исполнение казахских импровизированных песен. В 1823—1824 г. вышли в свет его «Известия о древнем городе Сарайчике»[181] и очерки «Историческое и статистическое обозрение уральских казаков»[182], в которых встречаем толкование термина *казах* и сведения о культурном влиянии казахов на уральских казаков. В 1825 г. он опубликовал статью «О просвещении киргиз-кайсаков: отрывки из описания орд казачьих»[183].

В 1827 г. Левшин выступил в печати с очень важной статьей «Об имени киргиз-казакского народа и отличие его от подлинных или диких киргизов»[184]. В ней он поставил на принципиальную основу вопрос о настоящем самоназвании казахов и неправомерности употребления и дальнейшего сохранения за ним названия *киргизы*.

Новая статья Левшина «Этнографические известия о киргиз-кайсаках, или киргиз-казачьих ордах» была опубликована в 1831 г. редактировавшейся Пушкиным «Литературной газетой» со следующим примечанием: «Почтенный автор [А. И. Левшин] долго путешествовал по Киргизской степи и собрал всевозможные сведения о народе, кочующем по оной. Лестное доверие автора познакомило нас отчасти с его сочинением... и мы смело скажем, что у нас редко появляются книги столь богатые учеными изысканиями, столь знаменательные по своему предмету и по образу воззрения сочинителя... Г. Левшин скоро напечатает сочинение свое вполне. Это будет новый и богатый вклад, приносимый русским ученым в общее европейское хранилище сведений об Азии»[185].

В 1832 г. вышло полное издание труда Левшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей» в трех частях. В предисловии к нему автор писал, что научные и служебные интересы его давно заняты другим предметом, но принимая во внимание малоизученность темы и большой интерес русской общественности к уже опублико-

---

[180] «Вестник Европы», 1820, ч. 114.
[181] «Северный архив». СПб., 1824, ч. 9, № 4.
[182] Там же, 1823, ч. 6—7, № 12—15.
[183] Там же, 1825, ч. 18, № 24.
[184] «Московский вестник», 1827, ч. IV, № 16.
[185] «Литературная газета», СПб., 1831, т. III, № 2, стр. 11.

ванным разделам монографии, он счел своим долгом завершить и издать этот труд.

Как и предполагала редакция «Литературной газеты», монография Левшина сразу же получила широкое признание. Вскоре она была переведена на иностранные языки. Ученые наперебой называли ее классическим и выдающимся научным произведением. Ч. Ч. Валиханов назвал Левшина Геродотом казахского народа, а его труд считал драгоценным для науки[186]. За все последующие сто тридцать лет почти каждый исследователь изучение истории и этнографии казахского народа начинал со знакомства с этой монографией. И хотя выводы автора давно устарели, его монография представляет интерес не только для историографии, как первое капитальное исследование, в котором впервые поставлены некоторые важные научные проблемы, но и для изучения исторической этнографии казахов, так как точно и добросовестно описанные в ней многие материалы сохраняют значение достаточного и зачастую единственного источника. Сам Левшин обращал внимание читателей на то, что некоторые страницы архивных документов, изучавшихся им, настолько уже истлели, что рассыпались в его руках. Что же касается полевых этнографических материалов монографии, являющихся результатом личных наблюдений и сборов автора, то они, конечно, неповторимы.

Высокую оценку монография Левшина получила и в советской историко-этнографической литературе. Исследователь истории русской этнографии М. О. Косвен писал: «История русской науки знает созданный еще в 50-х годах XVIII в. выдающийся географический и историко-этнографический труд — знаменитую «Историю земли Камчатки» С. П. Крашенинникова. Затем, вплоть до 30-х годов XIX в. ничего аналогичного этому труду в русской литературе не появлялось. Трехтомное левшинское «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей», изданное в Петербурге в 1832 г., ныне несправедливо в известной мере забытое, представляет собой новый крупный русский разносторонний и систематический труд и может по справедливости считаться классическим произведением русской этнографической литературы первой половины XIX в.»[187]

В 1833 г. краткое изложение монографии Левшина было опубликовано в одном из официальных журналов[188]. Это

---

[186] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах, т. 1, стр. 122, прим. 5 на стр. 360.

[187] М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 199.

[188] «Журнал Министерства внутренних дел», СПб., 1833, ч. VIII, № 1—4, стр. 56—81, 246—282.

издание является не только последним, но и вообще последней работой автора, увидевшей свет при его жизни. Видная государственная служба на посту Одесского градоначальника, директора Департамента сельского хозяйства, помощника министра внутренних дел, сенатора, члена Государственного Совета, участие в подготовке крестьянской реформы, а также активная общественная деятельность в качестве издателя «Одесского вестника», одного из основателей, а затем члена Совета и помощника председателя Русского географического общества, избрание почетным членом Академии наук — таковы основные вехи жизненного пути русского ученого, отдавшего свои молодые годы исследованию истории и этнографии казахского народа. В Русском географическом обществе он часто присутствовал на собраниях и заседаниях, посвященных обсуждению материалов и исследований о казахском народе. Известно также, что в 1866 г. ученый был приглашен для участия в работах комиссии Ф. К. Гирса, разрабатывавшей новое «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств». При обсуждении проекта положения он выступил против отстранения султанов от власти, считая их самым послушным орудием правительства, и против ликвидации управления по родам, чтобы не вызвать недовольства казахского населения и задержки проведения реформы.

Первая часть монографии Левшина посвящена географии Казахской степи, вторая — истории и третья — этнографии. Вторая ее часть в этнографическом плане особенно интересна постановкой проблемы этногенеза казахского народа. В ней автор, впервые в науке, систематизировав русские и западноевропейские источники, проследил, насколько это было возможно, историю казахов в период с середины XVI в. по XVIII в. Но ему по существу не удалось опереться на восточные источники, за исключением тех немногих сведений, которые были предоставлены в его распоряжение известным ориенталистом О. И. Сенковским, например, в сочинении Абулгазы «Родословное древо тюрков». Поэтому Академия наук в своем отчете за 1833 г. отмечала: «Г. Левшин по незнанию восточных языков должен был прибегнуть к европейским источникам, и в выборе их был не столько счастлив, сколько бы желала того Академия для пользы и совершенствования впрочем весьма замечательного его творения»[189].

В исторической части монографии Левшин попытался осветить историю всех трех казахских жузов, но в отноше-

[189] «Журнал Министерства народного просвещения», 1834, ч. III, стр. 82.

нии Старшего жуза эта цель не была им достигнута, так как в его распоряжении все же мало было источников.

Этнографическая часть монографии, указывал Левшин, «есть плод собственных моих наблюдений и замечаний, которые неоднократно сверял я с показаниями самих киргиз-казаков и с мнениями людей, наиболее знающих сей народ»[190]. Она состоит из тридцати двух разделов, в которых охвачены все основные вопросы этнографии казахского народа. Довольно значительны и научные материалы, на которых построена третья часть монографии. Однако для нее характерны некоторые серьезные недостатки, являющиеся следствием буржуазного мировоззрения ее автора. Глубокие противоречия, присущие казахскому феодальному обществу, разложение патриархально-родовой общины, специфика, сущность наблюдаемых явлений и их действительные причины почти не затронуты в монографии.

После выхода в свет книги Левшина, в печати продолжительное время не появлялось ни одного крупного исследования по этнографии казахского народа. Но в мелких, содержащих этнографические сюжеты, заметках в русской периодической печати, на страницах общественно-политических и литературных газет и журналов, не было недостатка. В статье С. Яроцкого «Народная киргизская медицина» (1836) некоторые верные сведения были изложены со всевозможными домыслами автора[191]. Популярная статья А. Очкина «Киргиз-кайсаки» (1837) отвечала растущему интересу русского читателя к казахскому народу[192]. Можно назвать также статьи И. Казанцева «О внутренних или букеевских киргизах» (1838) и «О киргизах, называемых оренбургскими или зауральскими»[193] (1839), неизвестного автора «О Внутренней или Букеевской киргиз-кайсацкой орде»[194] (1840), Г. Есипова «О киргизах орды хана Джангира Букеева»[195] (1841), М. Ермолаева «Рыцарские забавы киргиз-кайсаков»[196] (1843), Д. Эристова «Описание памятника хану Абулхаиру»[197]. Н. В. Ханыкова «О населении Киргизских сте-

---

[190] А. И. Левшин. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. I. СПб., 1832, стр. X.

[191] «Друг здоровья». Народно-врачебная газета. СПб., 1835, № 15 и 1836, № 10, 11.

[192] «Детская библиотека». СПб., 1837, ч. I, стр. 11—43.

[193] «Санкт-Петербургские ведомости», 1838, № 1 и 1839, № 16—18. стр. 3—60.

[194] «Сын отечества», т. V. СПб., 1840, стр. 228—242.

[195] «Журнал Министерства государственных имуществ», кн. V, ч. 3. СПб., 1841.

[196] «Сын отечества», кн. V. СПб., 1843.

[197] «Энциклопедический словарь», изд. Плюшара, т. I. СПб., 1834, стр. 54.

пей...» (1844)[198], казахские сказки, песни и загадки в «Татарской хрестоматии» Иванова (Мартиниан) (1842), неизвестного автора «О киргизах»[199] (1844), С. Раевского «Судопроизводство в Букеевской орде» (Саратов, 1845).

П. А. Словцов в двухтомном «Историческом обозрении Сибири» (1838—1844) коснулся истории взаимоотношений казахов с народами Сибири в XVII—XVIII веках. Полемизируя с Левшиным он высказал мнение, что казахи и киргизы имеют общее происхождение и, по-видимому, не являются разными народностями[200].

Более подробно, однако, следует охарактеризовать деятельность в области изучения этнографии казахского народа видного русского ученого-диалектолога, этнографа и писателя В. И. Даля (1801—1872). В 1832—1841 гг. он служил в Оренбурге чиновником особых поручений при генерал-губернаторе В. А. Перовском. Здесь он выступил инициатором организации группы русской интеллигенции, обсуждавшей на своих еженедельных заседаниях краеведческие вопросы. Он же был одним из основателей «музеума естественных произведений Оренбургского края», который под его влиянием с 1839 г. стал пополняться и этнографическими коллекциями. На базе этого «музеума» уже в советское время был организован Центральный музей Казахстана.

В. И. Даль постоянно общался с казахским населением. Пожалуй, трудно назвать уголок казахских степей Оренбургского ведомства, в котором бы не побывал неутомимый исследователь. Едва прибыв в Оренбург, летом 1833 г. он отправился в Уральск, Гурьев, Букеевскую орду, покрыв верхом расстояние в 2500 верст. Такие поездки в казахские аулы он совершал ежегодно и с большим удовольствием. 14 сентября 1838 г он писал: «Живу опять на кочевье, где так хорошо, так хорошо, что не расстался бы...»[201].

Русский ученый быстро завоевал среди казахов большой авторитет. Он отличался своим дружественным расположением к ним, правдивостью, пониманием местных социально-экономических отношений и не чуждался тесного общения с казахской беднотой. Не случайно поэтому Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов в письме Перовскому просили при-

---

[198] «Журнал Министерства внутренних дел». СПб., 1844, ч. 8, кн. 10,

[199] «Саратовские губернские ведомости», 1844, № 7.

[200] П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, ч. II. СПб., 1844, стр. 424—428.

[201] В кн.: М. И. Фетисов. Русско-казахские литературные отношения в первой половине XIX в. Алма-Ата, 1959, стр. 207.

слать Даля для расследования причин народного восстания в Букеевской орде[202].

В 1839—1840 гг. Даль, как участник Хивинского похода, побывал в бассейне среднего течения реки Эмбы и в Северном Приаралье. В его письмах, написанных из похода, много теплых слов о казахах. Он рассказывал в них о дружелюбии казахов, о помощи, оказанной ими русским войскам[203].

Несмотря на трудности похода и большую занятость по службе, В. И. Даль продолжал вести научные исследования, беседовал с казахами (он знал казахский язык), собирал этнографические материалы, записывал поэмы, сказки, песни.

На основе собранного в Казахской степи этнографического материала Даль написал статью «Особый способ сидки дегтя, употребляемый у киргизов»[204] и несколько повестей и рассказов, имеющих не только художественное, но и научное значение. Основная же часть этнографических материалов ученого вошла в его мемуары 30—40-х гг., которые он впоследствии уничтожил.

Из произведений Даля наибольший интерес для этнографии казахского народа представляет его повесть «Бикей и Мауляна» (1836)[205], написанная на основе действительных событий. В ней, как и в других повестях и рассказах автора на казахские темы, имеются многочисленные отступления от основной темы, в которых самым подробным образом и правдиво описаны быт и нравы казахского народа.

Повесть «Бикей и Мауляна», которая еще при жизни автора рассматривалась как «превосходное изображение киргизских нравов и быта»[206], может быть привлечена для изучения исторической этнографии казахского народа. Это же следует сказать и о другой повести Даля «Майна» (1843), которая преимущественно посвящена характеристике положения казахской женщины[207].

Повести Даля на казахские темы были высоко оценены его современниками. В. Г. Белинский, характеризуя его как знатока многонациональной России, писал: «Многие произведения В. И. Даля «очень занимательны, легко читаются и незаметно обогащают вас такими знаниями, которые, вне

---

[202] А. Ф. Рязанов. Восстание Исатая Тайманова. Кзыл-Орда, 1927, стр. 51.

[203] В. И. Даль. Письма к друзьям из похода в Хиву. «Русский архив», М., 1867, год пятый.

[204] «Журнал Министерства внутренних дел», 1843, № 3.

[205] «Библиотека для чтения», т. 16, 1836.

[206] «Географические известия», СПб., 1850, вып. 3, стр. 429.

[207] «Москвитянин», 1843, № 5.

этих рассказов, не всегда можно приобрести и побывавши там, где бывал Даль. Так, в рассказах «Майна» и «Бикей и Мауляна» знакомит он нас с нравами и бытом кайсаков...»[208]. По мнению Белинского, Даль «особенное внимание обращает на простой народ, и видно, что он долго и с участием изучал его, знает его быт до мельчайших подробностей»[209], а в своих произведениях «постоянно держится на почве хорошо известной и изученной им действительности»[210].

В русской научной литературе этнография казахского народа 30-х годов XIX в. почти не получила своего освещения. Труды Броневского и Левшина, опубликованные в 1830 и 1832 г., были написаны по этнографическим материалам 20-х годов. Повести Даля, его статьи и письма, собрание народных сказок и рассказов в рукописи, переданное автором в Азиатский музей в 1842 г., восполняют в известной мере этот пробел. Даль сделал немало для изучения жизни казахов, его деятельность в эти годы отмечена демократизмом.

Для полноты сведений по истории этнографического изучения казахского народа в России в первой половине XIX в. отметим ряд художественных произведений русских писателей, имеющих отношение к данной теме.

Одним из первых русских писателей, обратившихся в своем творчестве к темам из жизни казахского народа, был П. М. Кудряшев (1801—1827), — по определению современников, «певец картинной Башкирии, быстрого Урала и беспредельных степей киргиз-кайсацких». Он много раз бывал среди казахов, беседовал с ними, слушал и записывал их песни и написал ряд повестей и стихотворений на казахские темы. Произведения «Киргизский пленник»[211] и «Сетования киргизского пленника»[212] он написал под влиянием «Кавказского пленника» Пушкина. Сведения о характере импровизаций казахов и перевод казахских песен Кудряшев дал в повести «Абдряш»[213]. Характеристике пагубных последствий барымты и других явлений в жизни казахов он посвятил повесть «Исхак»[214]. Одна казахская песня, записанная Кудряшевым, была опубликована в 1828 г. вместе с посвященным ему некрологом[215].

---

[208] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, 1955, стр. 82.
[209] Там же, т. XI, 1956, стр. 260.
[210] Там же, стр. 138.
[211] «Отечественные записки», 1826, ч. 28, № 79.
[212] «Вестник Европы», 1828.
[213] «Отечественные записки», 1827, ч. 29, № 81—83.
[214] «Отечественные записки», 1830, ч. 43, 44.
[215] «Отечественные записки», 1828, ч. 35.

Посещал казахские аулы и А. П. Крюков (ум. 1833 г.), поэт и прозаик, автор нескольких произведений на казахские темы. В повести «Киргизский набег»[216] и в отрывке из повести «Якуб-Батыр» «Киргизцы»[217] он описал барымту, а также дал этнографически подробное описание юрты, угощения, охоты на кабанов, нравов казахов, рассказал о их свободолюбии, чувстве собственного достоинства, склонности к искусству поэтической импровизации. Одна из поэм Крюкова «Каратай», написанная в Илецкой защите в 1824 г., увидела свет лишь в наше время[218]. Пушкинская «Литературная газета», опубликовавшая отрывок «Киргизцы», в своем предисловии подчеркивала, что Крюков, как видно из содержания его произведений, дружески расположен к казахам.

К числу лучших художественных произведений на казахские темы относится повесть В. А. Ушакова (1789—1838) «Киргиз-кайсак» (1829)[219]. Она была высоко оценена Белинским[220]. М. И. Глинка под впечатлением этой повести написал романс «Киргиз-кайсак» (1831), полный сочувствия к тяжелому положению казахского народа[221].

Однако наряду с полноценными художественными произведениями на казахскую тематику, в большинстве своем написанными под влиянием Пушкина, в печати тех лет были опубликованы и реакционные, например, «Иван Выжигин» (1829) Ф. Булгарина[222], получивший резко отрицательную оценку Белинского[223], и «Рассказ русского инвалида» (1834) И. Н. Скобелева[224], написанный в презрительно-шовинистическом духе.

Краткие выводы

В середине XIX в. русские ученые проделали в области этнографического изучения казахского народа большую работу. Благодаря трудам Татищева, Рычкова, Андреева, Левшина, русская и мировая наука впервые получила обшир-

---

[216] «Северные цветы на 1830 год». СПб., 1829.
[217] «Литературная газета», 1830, т. I, № 7.
[218] «Советский Казахстан», 1955, № 6.
[219] «Московский телеграф», 1829, ч. 28, кн. 13, 14; второе издание, 1830.
[220] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. II, 1953, стр. 22.
[221] «Дамский журнал», 1831, ч. 33, № 5.
[222] Ф. Булгарин. Иван Выжигин, т. I—II. СПб., 1829.
[223] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. I, 1953, стр. 94.
[224] «Библиотека для чтения», 1834.

ные и достоверные сведения о казахском народе. С присоединением Казахстана к России, именно с 30-х годов XVIII в., когда в состав России вошли Младший и Средний жузы, казахский народ становится объектом особого и все возрастающего внимания русской науки. В первой половине XIX в. расширяются и углубляются этнографические изыскания и накапливаются этнографические сведения о казахах, эти сведения используются даже русскими писателями, обратившимися к изображению жизни народов России.

Но до середины XIX в. этнография и фольклористика еще не выделились как самостоятельные науки. То было время, как говорил один из первых историографов русской этнографии А. Н. Пыпин, «когда даже натуралист становился этнографом и затрагивал жизненные вопросы быта»[225]. Учрежденная в 1725 г. Академия наук сыграла исключительную роль в развитии этнографических исследований в России. Русские ученые сумели разрешить ряд важных научно-теоретических проблем и организовать научные экспедиции в Казахскую степь. Однако этнографические материалы рассматривались с порочных идейно-методологических позиций.

Особенно плохо была изучена духовная культура казахского народа. Царское правительство и дворянская историография не только не интересовались этой важной стороной жизни народа, но и всячески стремились заглушить ростки его национальной культуры. Это обстоятельство наложило большой отпечаток на труды многих авторов. До середины XIX в. почти не было публикаций произведений казахского фольклора. Устное народное творчество казахов объявлялось несуществующим или же не заслуживающим внимания. Реакционные авторы относились к казахскому народу как к народу «дикому» и даже не способному к культурному развитию. В свое время Ч. Валиханов разоблачил эти басни о дикости казахов[226].

Большая путаница в литературе исследуемого периода была допущена в вопросе о происхождении казахов. Многие авторы даже не знали, что Старший жуз являлся частью казахского народа, а киргизы — отдельным самостоятельным народом. Только Левшин, а также Мейендорф и Бичурин в 20-х годах выступили против этого отождествления. Но их мнению почти не придали значения, и в 1862 г. Ч. Валиханов был вынужден вновь доказывать то же самое[227]. Правительству и господствующему в историографии направле-

---

[225] А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. I. СПб., 1890.
[226] Ч. Ч. Валиханов. Сочинения. СПб., 1904, стр. 154.
[227] Там же, стр. 52.

нию не было дела до этого. С 30-х годов XVIII в. казахов совсем перестали называть собственным их самоназванием.

Вопреки реакционным действиям царизма русские ученые стремились тщательно и объективно исследовать этнографию казахского народа. Они накопили интересные научные материалы, а в конце XVIII в. от простого собирательства перешли к обобщающим трудам.

Этнографическое изучение казахов происходило в обстановке сложной и острой идеологической борьбы демократических и реакционных, открыто шовинистических направлений. Здоровые, прогрессивные тенденции русской науки оказались ведущими, они определили основное содержание реалистического и гуманистического подхода русских ученых к исследованию быта и культуры народов Средней Азии и Казахстана.

II РАЗДЕЛ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КАЗАХСКОГО НАРОДА В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА И ЕГО ВЫСШЕЙ СТАДИИ — ИМПЕРИАЛИЗМА

Глава 3

РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СЕРЕДИНЕ И ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Образование Русского географического общества и его деятельность в 1845—1861 гг.

Середина XIX в. является знаменательной вехой в истории русской этнографии. В 1845 г. в России возникло Русское географическое общество (РГО) с Отделением этнографии, которое стало вскоре основным центром организации этнографической работы в стране. Деятельность этого учреждения в 1845—1861 гг. протекала в условиях предреформенной обстановки, в тесной связи с социально-экономическим развитием России, с развитием буржуазного направления в русской историографии и формированием революционно-демократического течения (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и др.). Поэтому указанные годы, обычно выделяются в особый период в истории Общества и русской этнографии.

Русское географическое общество уже на втором году своего существования обратило серьезное внимание на географическое и этнографическое изучение среднеазиатского

Междуречья и Казахской степи. Вместе с тем в период 1847—1861 гг. оно опубликовало значительное количество материалов и исследований о казахском народе. Их авторами были в основном члены Общества и частично чиновники, служившие в Казахской степи. Кроме того, на страницах его изданий впервые увидели свет некоторые труды русских дипломатов и офицеров XVIII и начала XIX в.

В 1846 г. Общество приняло решение приступить к разработке материалов по географии Средней Азии, хранящихся в архивах Петербурга и Оренбурга, а также просить некоторых авторов представить для опубликования рукописи их работ.

В том же году, по инициативе Я. В. Ханыкова, Отделение общей географии решило издать новую карту Казахской степи «с алфавитным объяснением оной и приступило к собранию нужных для того материалов», в том числе и этнографических.

Первыми работами о казахах, которые были опубликованы Русским географическим обществом, явились статьи Я. В. Ханыкова и М. И. Иванина.

Я. В. Ханыков (1818—1862), талантливый русский географ и картограф, в течение почти пятнадцати лет занимался исключительно изучением географии Казахской степи и стран, лежащих в бассейне Семиречья и среднеазиатского Междуречья. В 1839 г. он написал свою первую научную работу «Географическое обозрение Оренбургского края», использовав в ней статистические и этнографические сведения о казахском народе. Вторая его работа «Очерк состояния Внутренней киргизской орды в 1841 году» написана в историко-этнографическом плане и является результатом самостоятельных изысканий автора[1]. В ней приведена подробная таблица родоплеменной структуры Внутренней Букеевской орды, указано местоположение зимних и летних пастбищ каждого родоподразделения орды и численность населения, скота, глиняных и деревянных жилых построек, состояние торговли и изложена история орды.

В последующие годы Ханыков был занят преимущественно картографической и издательской деятельностью. Он составил «Карту земель киргизов Внутренней и Малой орды» (1845), «Карту Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями» (1851) и «Карту северо-западной части Средней Азии с приложениями» (1855). Ко второй из них он написал капитальную «Пояснительную записку» (1851) по истории изучения Аральского моря русскими людьми,

[1] «Записки РГО», кн. II, 1847.

начиная с самых ранних известий о нем и кончая сведениями, относящимися к середине XIX в.[2].

Я. В. Ханыков подготовил к печати и снабдил своим предисловием труды М. Тевкелева, В. Гладышева, И. Муравина, М. Поспелова, а также карту К. Миллера.

Научная деятельность Ханыкова получила высокую оценку уже при его жизни. Известный русский востоковед В. Григорьев писал в 1850 г.: «Количество трудов, предпринятых и уже совершенных г. Ханыковым для ИРГ общества в течение последнего времени, может изумить самых ревностных и деятельных тружеников науки, тем более, что основательность и ученое достоинство этих трудов удовлетворяют самым строгим требованиям. Если бы подобною деятельностью, сведениями и талантами обладало, на пользу Общества, еще несколько членов, то нет сомнения, что в самое короткое время, далеко бы оставило оно за собою все однородные учреждения, существующие за границею уже десятки лет»[3].

Другой член Русского географического общества М. И. Иванин (1801—1874) служил в Оренбургском крае с некоторыми перерывами с 1835 по 1855 г. сначала офицером местного корпуса, а затем советником и управляющим Временного совета Внутренней Букеевской орды[4].

Наиболее интересной работой Иванина является статья «Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 году», в которой приведены этнографические сведения о малоизученном в то время родоподразделении Младшего жуза — адай[5]. Автор побывал во всех уголках Мангышлака, ознакомился с местностью, занимался разведкой полезных ископаемых, близко познакомился с местным казахским и частью туркменским населением. Он обратил внимание на развитие орошаемого земледелия и освоение казахами пустынной и маловодной территории полуострова. Его заинтересовали духовная культура казахов, их гостеприимство, национальные игры, болезни и медицинские познания, верования, поклонение ходжам, культ предков.

Интересные сведения о приаральских казахах в 1848—1849 гг. собрала экспедиция А. И. Бутакова (1816—1869), производившая морскую съемку Аральского моря. Правда, эта экспедиция была организована военным ведомством, но научные результаты ее опубликовало Русское географическое общество.

---

[2] «Записки РГО», кн. V, 1851.
[3] «Географические известия», СПб., 1850, № 4, стр. 672.
[4] Личное дело Иванина, М. И. ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5668.
[5] «Записки РГО», кн. I—II, 1849.

А. И. Бутаков и его спутник А. И. Макшеев установили, что в Приаралье, восточном и южном, казахи вели полуоседлое хозяйство, основанное на орошаемом земледелии, а в северном — скотоводческое. Из островов Аральского моря ими был освоен только остров Барса-Кельмес, на который они перекочевывали по льду зимою. Остальные острова, расположенные в незамерзающей части моря, были неизвестны казахам. Приаралье населяла беднота. Факты тяжелого материального положения казахских трудящихся путешественники приводят неоднократно, не ограничиваясь при этом простой констатацией их. Они постоянно указывают на отсутствие у бедноты имущества, на лохмотья, заменявшие у мужчин и женщин одежду, на употребление камыша вместо войлока, на примитивные малопроизводительные орудия труда, отсталость хозяйства, распространение болезней[6]. Суровые природные условия и частые грабительские набеги хивинцев усугубляли страдания казахов. Однако, несмотря на все это, казахи, по сообщениям путешественников, возделывали землю, строили ирригационные сооружения, расчищали старые русла рек, занимались ремеслами, торговлей, угрожали Хиве откочевкой в пределы России, где по слухам «не грабят и не обижают киргизов»[7].

Великий украинский поэт Т. Г. Шевченко, зачисленный Бутаковым в состав экспедиции в качестве живописца, создал альбом видов Аральского моря и этнографических рисунков. Его рисунки тех лет, находящиеся ныне в Киевском музее поэта, следующие: «Казахский мальчик топит печку», «Казахи у огня», «Казахи в юрте», «Казахский мальчик дремлет у печки», «Казахское стойбище на Кос-Арале», «Казах на коне». Известны и другие этнографические рисунки Т. Г. Шевченко, выполненные в 50-х годах на Мангышлаке.

Научная ценность этнографических сведений в трудах А. И. Бутакова и А. И. Макшеева, а также в рисунках Т. Г. Шевченко заключается прежде всего в их конкретности и определенности. Эти материалы относятся к 1848—1849 гг. и характеризуют приаральских казахов. Между тем, многие дореволюционные авторы пренебрегали вопросами научной документации этнографических материалов, считая, что культура и быт казахов не имеют местных особенностей и

---

[6] Письма А. И. Макшеева Н. А. Момбелли. Дело петрашевцев, т. I. М.—Л., 1937, стр. 203.

[7] Дневные записки плавания А. И. Бутакова на шхуне «Константин» для исследования Аральского моря в 1848—1849 гг. Ташкент, 1953; А. И. Макшеев. Описание Аральского моря. «Записки РГО», кн. V, 1851.

не претерпевают заметных изменений в течение десятков и даже сотен лет.

Научные заслуги Бутакова значительны. Он описал и составил точную карту Аральского моря, изучил Приаралье в естественно-географическом и этнографическом отношениях, основал пароходство на Арале (1852), составил навигационно-гидрографическое описание Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи (1853—1863). Пятнадцать лет лучшей поры своей жизни ученый-путешественник провел в Казахской степи, показав яркий пример беззаветного служения Родине на поприще науки.

Первую научную поездку в Казахскую степь при поддержке Русского географического общества в 1850 г. совершил этнограф П. И. Небольсин (1817—1893). В 1850—1851 гг. он побывал в Оренбурге, Уральске, Астрахани и во многих казахских аулах. «Я видел киргизов, — писал Небольсин, — во всех видоизменениях их быта, от чисто кочевого к постоянно оседлому ... и свел с ними ... особенную дружбу»[8].

Во время этого путешествия Небольсин собрал богатые этнографические и статистические материалы, послужившие ему основой для создания ряда монографий и научных заметок. Среди них наиболее высокую оценку получил его труд «Очерк торговли России с Средней Азией»[9], один из разделов которого «Караваны в степи» посвящен этнографии казахского народа и был опубликован в 1852 г. отдельной статьей[10]. Из других работ путешественника, содержащих различные сведения о нравах и обычаях казахов, их занятиях и образе жизни, следует назвать «Очерки волжского низовья», «Борьба у бухарцев, киргизов, башкир и у калмыков»[11], «Рассказы проезжего» (1854). Его статья «Заметки об обычаях при сватовстве и свадьбе у эмбенцев» (1851) осталась неопубликованной.

П. И. Небольсин записывал рассказы купцов, путешествовавших в Казахской степи. Один из таких рассказов, в котором приведены сведения о жизни казахов, кочевавших в Джунгарии, был опубликован им в 1850 г.[12].

К сожалению, Небольсин ограничился лишь бессистемным описанием своих материалов в различных изданиях

---

[8] П. И. Небольсин. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край. «Вестник РГО», ч. IV, кн. 1 и 2, 1852, стр. 83.

[9] «Записки РГО», кн. X, 1855.

[10] «Отечественные записки», СПб., 1852, № 8.

[11] «Санкт-Петербургские ведомости», 1852, № 40.

[12] Рассказ троицкого 2-й гильдии купца Абдул-Вали Абдул-Вагапова Абу-Бакирова о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак. «Географические известия», 1850, вып. 3.

(1852—1854 гг.). И хотя в последующие годы он специально и не возвращался к этой теме, но всегда проявлял живейший интерес к казахскому народу. Он познакомился с Ч. Валихановым, дружил и переписывался с казахами, с которыми ему довелось повстречаться во время путешествия в Оренбургский край. Так, он хорошо знал одного из видных казахских этнографов, члена-сотрудника Русского географического общества, награжденного серебряной медалью, М. К. Бабаджанова. Некоторые письма последнего, как имеющие научное значение, Небольсин опубликовал в столичной прессе. В 1860 г., в связи с приездом в Петербург казахской делегации, он написал статью «Путешествующие киргизы», в которой отметил стремление казахов к образованию[13].

В 50-х годах XIX в. при поддержке и участии Русского географического общества было организовано несколько географических и статистических экспедиций в Казахскую степь, собравших значительные этнографические материалы. В Семиречье в 1849 и 1851 г. путешествовал горный инженер А. Влангали, описавший быт, поминки, похороны и перекочевку казахов[14]. С. И. Гуляев, побывавший в бассейне р. Иртыша, оставил две интереснейшие статьи. В одной из них, названной «О древностях, открываемых в Киргизской степи», описаны археологические памятники[15], а в другой— «Заметки об Иртыше и странах, им орошаемых» — географические, археологические и этнографические материалы[16]. Также как и А. И. Бутаков, Гуляев изучал физико-географические познания казахов. Его работы имеют важное значение, так как в то время северо-восток Казахской степи был изучен русскими учеными весьма слабо.

Археологические памятники Урала и Алтая в 1853 г. изучал Э. И. Эйхвальд, «чтобы определить, к какому племени древних народов принадлежит так называемая чудь»[17]. Внимание к проблемам древней истории Казахской степи со стороны ряда исследователей, например, Г. И. Спасского, А. И. Левшина, С. Б. Броневского, С. И. Гуляева, несомненно свидетельствует о стремлении русских ученых первой половины XIX в. накопить достоверные научные данные, необходимые для постановки и исследования ранних этапов этногенеза казахского народа.

---

[13] «Русский вестник», т. 29, кн. 9, 1860.

[14] А. Влангали. Геогностические поездки в восточной части Киргизской степи в 1849 и 1851 годах, ч. I—II. СПб., 1853.

[15] «Вестник РГО», ч. VIII, кн. 3, 1853.

[16] «Вестник РГО», ч. III, кн. 5—6, 1851.

[17] «Вестник РГО», ч. X, кн. 2, 1854, стр. 60; Э. И. Эйхвальд. О чудских копях. «Труды Восточного отделения Русского археологического общества», ч. III. СПб., 1858.

Во Внутренней Букеевской орде в 1854 г. по заданию Русского географического общества этнографические материалы собирал И. П. Корнилов. Но он, кажется, не опубликовал своего отчета[18].

Ценную работу «Статистическое обозрение Сибири» издал в 1854 г. Ю. А. Гагемейстер. В ней он охарактеризовал хозяйство казахов не только в статистическом, но и в этнографическом плане, остановившись на описании полевых работ, орудий труда, ирригации.

Г. В. Колмогоров в статье «О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства» (1855), описывая продукцию казахских домашних промыслов и ремесел, впервые коснулся условий труда и бытового уклада казахских ремесленников[19]. Он около трех лет провел среди казахов и хорошо разобрался в этих вопросах. Но в угоду казахской знати, гостем которой он, по-видимому, был, в своей в общем интересной работе Колмогоров попытался сгладить остроту классовых противоречий и эксплуатацию трудящихся масс в казахском ауле. Небезынтересна для этнографии и другая работа Г. В. Колмогорова «О путях сообщения в киргизских степях Сибирского ведомства» (1859)[20].

В 1856—1857 гг. восточные и юго-восточные окраины Казахской степи посетил выдающийся русский ученый П. П. Семенов-Тян-Шанский (1827—1914). Его главной целью было исследование Тянь-Шаня; вместе с тем ученого интересовала и местная этнография. Он писал: «Я не хочу упустить ни одного случая видеть все, что может быть интересно и важно для землеведения, этнографии и геологии Азии...»[21].

Тесное и дружелюбное общение с местным населением и с некоторыми деятелями и офицерами колониальной администрации, прежде всего с Ч. Ч. Валихановым, создали русскому путешественнику необходимые условия для работы и сбора научных материалов.

Семенов не написал полного отчета о результатах своих путешествий в Тянь-Шане. Он ограничился лишь несколькими письмами в Географическое общество и публикацией одного отрывка из путевых записок[22]. Но спустя пятьдесят лет во втором томе своих мемуаров он подробно описал это путешествие и, в частности, посещение казахских аулов.

---

[18] «Вестник РГО», ч. XIII, кн. 2, 1855, стр. 51.

[19] «Вестник РГО», ч. XIII, кн. 1—2, 1855.

[20] «Северная пчела». СПб., 1859, № 146.

[21] Письмо П. П. Семенова о путешествии его в Киргизской степи Сибирского ведомства. «Вестник РГО», ч. XVIII, кн. V, 1856, отдел V, стр. 5.

[22] П. П. Семенов. Отрывок из путевых записок. «Записки РГО по общей географии», т. I, 1867.

В мемуарах Семенова приведено много сведений, характеризующих быт, хозяйство, материальную и духовную культуру семиреченских казахов. Но особенно интересно в них обстоятельное описание суда биев, на котором сам автор по предложению казахов охотно выступил субарбитром, чтобы познакомиться поближе «не только с личностями, державшими в руках судьбу всей орды, но и с местным киргизским правом и их мировоззрениями»[23].

П. П. Семенов подробно описал причину возникновения судебного дела — отказ казахской девушки выйти замуж за нелюбимого, охарактеризовал всех биев и попытался выяснить, кто и за какие заслуги мог стать бием в казахском обществе.

Путешественника интересовали и такие вопросы, как археологические памятники Семиречья, история и происхождение Старшего жуза и отдельных его родоплеменных подразделений. Он, например, высказал мысль о родстве адбанов (албан) и дулатов с усунями древних китайских летописей.

Сопровождавший П. П. Семенова художник из Томска П. М. Кошаров составил этнографический альбом, посвященный казахскому и киргизскому народам. Рисунки альбома, находящегося ныне в Музее антропологии и этнографии АН СССР, имеют большое научное значение, они хорошо документированы, детально воспроизводят этнографические предметы и снабжены краткими пояснениями[24].

Эти этнографические материалы путешествия в Тянь-Шань, а также труды А. И. Левшина, П. И. Кеппена, Е. В. Вельяминова-Зернова и других П. П. Семенов широко использовал при составлении «Географическо-статистического словаря Российской империи» (1863—1885, т. 5), многие статьи которого посвящены казахскому народу («Киргиз-кайсаки и киргизы», «Большая орда», «Внутренняя киргизская орда», «Малая орда», «Область оренбургских киргизов», «Средняя орда»).

В своих письмах и мемуарах П. П. Семенов коснулся также истории присоединения Семиречья к России, но в оценке этого события он не поднялся выше уровня политических взглядов либеральных деятелей того времени. Однако отношение его к казахам было чуждо какого бы то ни было высокомерия. Об этом, в частности, свидетельствует его

---

[23] П. П. Семенов. Мемуары. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах. М., 1946, стр. 220—221.

[24] С. М. Абрамзон. Этнографический альбом художника П. М. Кошарова (1857). «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XIV. М.—Л., 1953.

записка на имя западносибирского генерал-губернатора Г. Х. Гасфорта, в которой он, в связи с расширением русской колонизации в Южной Сибири и Семиречье, спрашивал «не стесняют ли русские поселенцы киргизов [казахов] и нет ли мер к отвращению этого стеснения». В этой же записке были изложены некоторые меры, которые, по мнению Семенова, могли привести к улучшению жизни казахского населения и к «упрочению возможно лучших и справедливых отношений между казаками и киргизами». И далее говорилось: «Встречающееся иногда совмещение власти над казаками и киргизами [казахами] в одном лице лишает киргизов своих естественных трибунов, через которых народный их голос мог бы доходить до высшего начальства. Поэтому следует установить строгое разграничение власти»[25].

П. П. Семенов был инициатором и вдохновителем многих научных начинаний в области географического и этнографического изучения Казахской степи и его населения, способствовал распространению достоверных сведений о казахском народе и изданию о нем новых научных трудов. Он внимательно относился к людям, стремившимся посвятить свою жизнь науке, и помогал им во всем. Казахский ученый Ч. Ч. Валиханов и русский путешественник Г. Н. Потанин многим обязаны П. П. Семенову, который первый оценил их, помог им продолжить образование и найти свое призвание.

К сожалению, в те годы специальных этнографических экспедиций в Казахскую степь организовано не было. Географические же экспедиции не могли удовлетворить полностью запросы этнографической науки. Не случайно ревизионные комиссии Русского географического общества в 1858—1859 гг. отмечали, что экспедиции Общества уделяли недостаточно внимания этнографическим исследованиям. Впоследствии Общество, чтобы несколько исправить создавшееся положение, направило в Туркестанский край и Семиречье, наименее изученные в этнографическом отношении районы Средней Азии, В. В. Радлова.

С основанием Русского географического общества и распространением программы для изучения культуры и быта русского народа началось интенсивное развитие краевой этнографии. В адрес Общества со всех концов страны стали поступать этнографические сообщения. В начале 1848 г. в Обществе было прочитано извлечение из рассказа казаха Кентая Бедешева, бывшего в плену у киргизов[26]. В своем рассказе автор дал этнографическую характеристику кирги-

---

[25] Цит. по кн.: И. Ф. Бабков. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859—1875 гг. СПб., 1912, стр. 562—575.

[26] «Географические известия», 1848, вып. 1, стр. 7—8.

зов и отметил особенности их культуры и быта, часто обращаясь к сравнениям из области казахской этнографии.

В том же году общее собрание Русского географического общества с большим интересом слушало чтение работы оренбургского инженера Нешеля «Замечания о Киргизской степи между Орскою крепостью и Аральским морем», в которой автор особо описал способы орошения полей у казахов и отметил их трудолюбие[27]

В числе корреспондентов Общества был учитель Азиатского отделения Неплюевского кадетского корпуса в Оренбурге Искендер Алюкович Батыршин (род. в 1820 г.)[28], приславший в 1850 г. статью «Замечания о характеристических отличиях тюркских наречий в Оренбургском крае», которую рецензировал А. К. Казем-бек. Общество выслало ему этнографическую программу и предложило заняться сбором сведений о культуре и быте казахского и башкирского народов.

Чаще других Оренбургских корреспондентов в Русское географическое общество писал чиновник И. М. Казанцев, прослуживший свыше 20 лет в Пограничной канцелярии оренбургского генерал-губернатора. В 1852 г. он прислал статью «Описание башкирцов, киргиз-кайсаков и хивинцев», к которой было девять приложений, в частности: «Родословная аргынского поколения Средней орды; родословная трем поколениям Малой киргизской орды, с показанием их тамг и мест кочевья, родословная ханов и султанов Малой орды, рисунок изображений киргиза». От него же в Общество поступила в 1853 г. статья «Очерки хивинского ханства и о торговых сношениях России с Средней Азиею», а в 1856 г.— «Расписание родов Оренбургского ведомства». Труды И. М. Казанцева находились в архиве Общества и частично были опубликованы в 1867 г.[29]. С ними был знаком и высоко ценил их Н. А. Аристов, известный знаток этнической истории тюркских народов.

Русское географическое общество оказывало научную помощь своим провинциальным корреспондентам. Оно снабжало их программами, инструкциями и вовлекало в обсуждение научных трудов, поступавших в Общество.

В необходимых случаях Общество запрашивало из Оренбурга карты, архивные материалы и требовало от колониальных властей создавать местным краеведам условия для научных изысканий. В 1847 г. такое требование рассматривалось оренбургским генерал-губернатором в отношении

---

[27] «Географические известия», 1848, вып. 5.
[28] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2731, л. 1 б.
[29] И. М. Казанцев. Описание киргиз-кайсак. СПб., 1867.

Д. Г. Генса (1829—1848), обязавшегося писать статьи для Общества и систематизировать труды своего отца Г. Ф. Генса.

Некоторые историко-этнографические и географические материалы, поступавшие из Оренбурга, Омска и Казахской степи, были опубликованы в «Вестнике РГО». В них особенно большое внимание уделялось описанию казахского орошаемого земледелия на Эмбе и в Туркестане. Таковы статьи: «Топографическое описание реки Эмбы, составленное корпуса топографов подпоручиком Алексеевым в 1853 году»[30], «Показание сибирских казаков Милюшина и Батырышкина, бывших в плену у кокандцев с 1849 по 1852 год»[31], С. Я. Ключарева «Дневник осеннего пути из Троицка в Ташкент»[32], «Показание сибирского казака Максимова о Кокандском владении»[33]. В последней из них речь идет о городе Туркестане, в окрестностях которого кочевали казахи. Максимов освещает малоизученные стороны казахского земледелия, полевые работы, орудия труда, способы хранения зерна.

В середине XIX в. Оренбург был вторым после Петербурга крупным центром этнографического изучения казахского народа в России. Большинство русских научных начинаний, предпринятых в это время в Средней Азии и Казахской степи, так или иначе связано с Оренбургом. Отсюда начинали свой путь на Восток многие русские дипломатические миссии, военные рекогносцировочные и топографические отряды, научные экспедиции, купеческие караваны. Сюда же возвращались они после достижения своей цели. Но не только им обязана наука накоплением ценнейших сведений о казахском народе. Как отмечалось выше, царские чиновники также собирали этнографические материалы, необходимые для успешного управления Казахской степью. Эти материалы, отложившиеся в архивах, особенно подробно освещают родоплеменную структуру и родорасселение казахов, их численность, занятия, скотоводство и земледелие, обычаи, семейные и правовые нормы, верования[34].

Этнографические материалы иногда собирались чиновниками и непосредственно в интересах науки. Так, в 1857—1862 гг. в Оренбурге было собрано значительное количество казахских этнографических предметов для Московского и Казанского музеев. В архиве сохранились списки этих пред-

---

[30] «Вестник РГО», ч. XV, кн. 5, 1855.
[31] «Вестник РГО», ч. XVII, кн. 4, 1856.
[32] «Вестник РГО», ч. XVIII, кн. 5, 1856.
[33] «Вестник РГО», ч. XXVIII, кн. 3, 1860.
[34] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 412, 396, 2845, 2983, 3513, 3592, 3629, 3657, 5117, 5147, 5207, 5484, 5603 и др.

метов и описания их[35]. Известно также, что в Оренбурге предпринимались меры для сбора казахских краниологических материалов и сведений об археологических памятниках Казахской степи[36]. В 1858 г. начальник 53-й дистанции султан Сулеймен Джигангеров произвел раскопки развалин средневековых зданий на берегу одного из притоков Тургая и в донесении председателю Пограничной комиссии описал свои находки[37].

Среди чиновников Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства в 50-х годах прошлого века было немало высокообразованных людей и даже крупных ученых-востоковедов, внесших значительный вклад в разработку важнейших проблем этнографии казахского народа. Общеизвестны имена русских востоковедов В. В. Григорьева, В. В. Вельяминова-Зернова, Н. И. Ильминского, А. А. Бобровникова, служивших в то время в Оренбурге. Следует назвать также Н. Ф. Костылецкого и А. А. Сотникова из Омска.

В. В. Григорьев (1816—1881) был ведущей фигурой академического направления русского буржуазно-дворянского востоковедения, поддерживавшего колониальную политику царизма на окраинах государства. Царское правительство всемерно использовало таких востоковедов в своих интересах и назначало их на руководящие должности в административном аппарате. Активизация колониальной и руссификаторской политики на востоке страны, включение в состав России новых территорий в Средней Азии и втягивание их в русло общероссийского экономического развития — все это требовало использования в колониальном аппарате не только лиц, преданных правительству, но и хорошо знающих историю, культуру, быт и языки восточных народов. Не случайно, по-видимому, в 1851 г. Я. В. Ханыков, В. В. Григорьев, В. В. Вельяминов-Зернов получили направление на службу в Оренбургское и Самарское генерал-губернаторство, являвшееся многонациональным краем.

В первые годы Григорьев служил чиновником для исполнения особых поручений. В 1853 г. он уже возглавлял канцелярию генерал-губернатора В. А. Перовского во время похода на Ак-Мечеть, а с начала 1854 по 1862 г. — Оренбургскую пограничную комиссию (с 1859 г. управляющий Области оренбургских киргизов)[38]. За время службы в Оренбургском крае он совершил несколько поездок в глубь Ка-

---

[35] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2815.

[36] «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. XX. Оренбург—Уфа, 1909, стр. 2—3.

[37] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3754.

[38] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2875.

захской степи, выполняя различные поручения генерал-губернатора[39].

В оценке деятельности Григорьева в Казахской степи мнение исследователей неодинаково. Считают, что он неизменно придерживался реакционных взглядов и проводил и отстаивал колониальную политику царизма. Его труды, написанные в 1860—1870 гг., т. е. после отъезда из Казахской степи, проникнуты идеализмом и восхвалением мероприятий самодержавия, особенно политики руссификации, в Казахской степи и Средней Азии.

Известный знаток дореволюционной истории и этнографии казахского народа А. И. Добросмыслов, отличавшийся прогрессивными взглядами, одним из первых высказал мнение о Григорьеве, как деятеле колониальной администрации. Он писал: «Василий Васильевич (Григорьев) управлял киргизами гуманно, всегда сообразуясь в своих действиях с местными бытовыми и другими условиями, и весьма много сделал для закладки прочного фундамента в деле развития среди этого народа гражданственности и просвещения»[40].

Из советских исследователей только А. Ю. Якубовский более или менее обстоятельно затронул рассматриваемый нами вопрос. В. В. Григорьев, писал он, «по своим общественно-политическим взглядам был правее даже многих славянофилов, т. е. придерживался реакционных взглядов, в особенности на административном поприще. Однако не вся его деятельность на административном поприще была реакционна. Известно, что с 1851 по 1862 г. он служил в качестве крупного администратора в Оренбургском крае, а с 1854 г. стоял во главе специального учреждения — Пограничной комиссии, т. е. был главою управления казахами. Было бы глубокой несправедливостью дать этой административной деятельности В. В. Григорьева также отрицательную оценку. Как глава управления казахами он был исключением среди высших царских чиновников. В течение ряда лет В. В. Григорьев вел энергичную борьбу со взяточничеством, бездушным отношением к казахам со стороны оренбургских чиновников и особенно с генерал-губернатором Безаком, который требовал от В. В. Григорьева поддержки казахской аристократии, безжалостной эксплуатации рядовой массы кочевников, поддержки мусульманского духовенства в Казахской степи и т. д. В обстановке того времени нельзя не признать эту сторону деятельности В. В. Григорьева положительной. И не случайно он при генерал-губернаторе Безаке должен

---

[39] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3103.

[40] «Известия Оренбургского отдела РГО», вып. 17. Тверь, 1902, стр. 394, прим. 239.

был оставить свою высокую административную должность...»[41] В этом высказывании, приведенном здесь специально, так как в литературе часто встречаются различные домыслы по поводу деятельности В. В. Григорьева в период 1851—1862 гг., когда он был высшим чиновником колониального аппарата, видный советский ученый дает достаточно яркую и положительную характеристику В. В. Григорьева.

К фактам, изложенным А. Ю. Якубовским, в подтверждение его точки зрения, можно прибавить многое. В четвертом фонде Центрального государственного архива Казахской ССР сохранилось огромное количество автографов В. В. Григорьева, характеризующих его административную деятельность в Казахской степи. Из них, например, видно, что он в ряде случаев, когда решение дела зависело от него или же когда высшее начальство запрашивало его мнение, отстаивал интересы казахской бедноты. Об этом свидетельствует его «Докладная записка об отводе земель казахам для хлебопашества на р. Сыр-Дарье»[42].

Большое внимание уделял В. В. Григорьев вопросам просвещения и образования казахского народа. Известно, что по его прямому указанию Н. И. Ильминский в 1859—1862 гг. занимался составлением учебников для обучения казахских детей на основе русской азбуки. Освоившись с работой Н. И. Ильминского, Григорьев послал письмо, которое было опубликовано в 1862 г. под заголовком «О передаче звуков киргизского языка буквами русской азбуки». В нем он писал: «Вам известно, как горячо желал бы я, чтобы русская азбука заменила у киргизов употребляемую между ними общемусульманскую, как много надежд соединяю я с этою заменою, как много пользы должна была бы замена эта принести, по моему мнению, и киргизам и России. Чтобы русская азбука могла войти в употребление между киргизами, надо одно из двух: чтобы она оставалась как есть или приноровлена была к выражению звуков киргизского языка самым простым образом, помощью самых незначительных прибавок, и которые бы притом не резали глаза новостью своей и необычностью; вы же, извините, испестрили русскую азбуку, безо всякой в том нужды, латинскими буквами и довели ее этим и другими тонкостями до совершенного неудобства в практике»[43].

---

[41] А. Ю. Якубовский. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. В кн.: «Очерки по истории русского востоковедения». М., 1953, стр. 49—50.

[42] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3936, лл. 2—7.

[43] «Ученые записки Казанского университета по отделению историко-филологических и политико-юридических наук», вып. II. Казань, 1862, стр. 81.

В. В. Григорьеву принадлежит множество различных проектов об открытии школ для казахских детей и подготовке для них учителей. Он хорошо знал и поддерживал своим участием и делом многих представителей казахской интеллигенции и трудящихся, независимо от их социального положения. И. Алтынсарин только при его прямом содействии смог продолжить свое самообразование и в дальнейшем стать учителем. Эти примеры легко умножить. Однако необходимо специальное исследование, чтобы полнее и ярче раскрыть плодотворную и разностороннюю деятельность этого талантливого ученого и администратора на посту управляющего казахами Оренбургского ведомства.

В Оренбурге Григорьев не прерывал научные занятия. В своем отчете за 1856 г. Географическое общество отмечало: «По части этнографии В. В. Григорьев занимается в настоящее время исследованием о происхождении и составе киргиз-кайсацкого народа и о родовом его и других кочевых народов быте»[44].

В. В. Григорьев собрал оригинальные историко-этнографические материалы о казахах и народах Средней Азии[45]. Он просмотрел богатые фонды Оренбургского архива Пограничной комиссии, выявил некоторые неизвестные рукописи, записал свои наблюдения в казахских аулах и беседы с путешественниками, купцами и знатоками народной жизни. Эти материалы легли в основу его многочисленных работ 1860—1870 гг. В Оренбурге он подготовил к изданию рукопись 1803 г. «Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости» с интересными примечаниями, освещающими некоторые вопросы ранней истории западной части Казахской степи, и написал несколько писем для печати. Одно из них с заголовком «Письмо из Зауральской степи» (1862), подписанное псевдонимом «Султан Мендали Пиралиев», получило широкую известность благодаря оригинальным выводам автора и ценным сведениям о казахском народе.

Современником, сослуживцем и в известной степени учеником Григорьева был другой талантливый русский историк Востока В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904). Он служил в Оренбурге в 1851—1856 гг. и часто посещал казахские аулы по поручению начальства, а также для «филологических и этнографических наблюдений»[46]. Он объехал русские

---

[44] «Вестник РГО», ч. 19, кн. I, 1857, стр. 57.

[45] В. В. Григорьев. Материалы об оренбургских киргизах и управлении ими. Сектор восточных рукописей Института Азии АН СССР, ф. 61, 19 ед. хр., XIX в.; См. также ф. 224 В. В. Григорьева в Государственной публичной библиотеке Ленинграда и ф. 853 в ЦГИАЛ СССР.

[46] «Вестник РГО», ч. VI, кн. 5, 1852, стр. 19.

укрепленные линии (Старую и Новую), побывал на Эмбе, в Южной Сибири, в предгорьях Тарбагатая и Джунгарского Алатау, достигнув укрепления Копал в Семиречье. Оренбургский архив был обстоятельно обследован им. Открытые В. В. Вельяминовым-Зерновым малоизвестные науке архивные материалы легли в основу его первой крупной работы «Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абул-Хайр-хана (1748—1765)», вышедшей в свет в двух частях в 1853—1855 гг.

В. В. Вельяминов-Зернов особенно глубоко интересовался восточными рукописями. Еще в Оренбурге он приобрел ценный источник по истории Бухарского ханства, Казахской степи и соседних стран (XVII в.), известный под названием «Абдулла-намэ», и занялся подготовкой его к изданию. Со временем в его распоряжении оказались и другие ценнейшие восточные рукописи, малоизученные русскими востоковедами. Хорошо владея арабским, персидским, джагатайским, казахским, татарским языками, он читал восточные рукописи в подлинниках[47].

Переехав в 1856 г. в Петербург, В. В. Вельяминов-Зернов занялся изучением истории Касимовского царства и при этом увлекся ранней историей казахского народа. В 1864 г. результаты своих изысканий он изложил во второй части «Исследования о касимовских царях и царевичах».

Многие современные ученые, рассматривая эту работу, обычно обращают внимание на якобы попутный и даже случайный характер рассмотрения в ней ранней истории казахов, желая тем самым, по-видимому, как бы принизить значение исследования автором данной проблемы. Такое толкование вопроса совершенно неправомерно, как и попытка некоторых историографов свести значение работы лишь к «впервые приведенным интересным извлечениям из средневековых источников об образовании первых казахских ханств»[48].

В 1861 г. В. В. Вельяминов-Зернов писал Григорьеву: «Все это время я был занят донельзя, и чем бы вы думали? Историею Касимова. Да это бы еще ничего, да дело в том, что сюда, благодаря Ураз-Мухаммеду, бывшему ханом касимовским и вместе султаном киргизским, примешалась и история киргизов. Хотелось разобрать ее, заняло это меня так, что я с утра и до ночи сидел за работою. Написал 100

---

[47] А. А. Семенов. Восточные рукописи в библиотеке покойного В. В. Вельяминова-Зернова. «Известия Российской Академии наук», 1919, № 12—15.

[48] «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II. М., 1960, стр. 817.

листов (не печатных, а простых, конечно) и еще не кончил. Впрочем уже дело приближается к концу. Самое трудное сделано; открыл кое-что новое в истории киргизов; будет вещь недурная...»[49]. Как видим, ученый сознательно углубился в историю казахов, чтобы открыть в ней «кое-что новое», не обязательно имеющее отношение к касимовской истории. Так была воспринята книга и современными автору востоковедами.

Первый рецензент этой книги В. В. Григорьев в 1865 г. писал: «Во втором томе «Исследования» Касимов собственно занимает еще менее места, чем в первом. Здесь, главнейшим образом, идет речь о ханах киргиз-кайсацких. В эту сторону увлекся автор, как он постоянно увлекается преимущественно малоизвестностью предмета и трудностью привести его в ясность...», и «только теперь могут узнать сами киргиз-кайсаки, откуда взялись они и что делали в течение двух веков»[50].

Если же принять во внимание, что значительная часть книги В. В. Вельяминова-Зернова посвящена казахам, что в ней впервые систематизированы и исследованы все известные в то время восточные источники о казахах независимо от истории Касимовского царства, то станет совершенно очевидным не попутный, не случайный и не второстепенный характер исследования ученым-востоковедом ранней истории казахского народа в этой книге.

Труд В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах» (2-я часть) является серьезной и весьма ценной монографической работой, освещающей многие запутанные вопросы истории XV—XVII вв., т. е. как раз того времени, когда шло завершение образования казахской народности. Основными источниками книги послужили такие, ныне общеизвестные, замечательные восточные рукописи, как «Бабур-наме» (1520-е гг.), «Хабиб-ас-сийар» (1523, 4), «Джахан-ара» (1564, 5), «Тарих-и-Рашиди» (1541—1547), «Шайбани-наме» (XVI в.), Джами'ат-товарих (1602), «Тарих-и Хайдари» (1611), «Тарих-и Аламара-ий Аббаси» (нач. XVII в.), «Абдаллах-наме» (нач. XVII в.), «Шаджара-ий турк» (нач. 1660-х гг.).

В. В. Вельяминов-Зернов дословно выписал из восточных рукописей, большей частью еще не опубликованных, все важнейшие данные, касающиеся казахов, и включил их в свое сочинение как на языке подлинника, так и в русском переводе. Введение в научный оборот этих ценных источни-

---

[49] Н. Веселовский. В. В. Вельяминов-Зернов. 1830—1904. (Некролог), стр. 206.

[50] Там же, стр. 207.

ков, сохраняющих свое значение до сих пор, — главная заслуга ученого в историографии казахского народа. Но он не ограничился этим и тщательно исследовал все выявленные им источники, восстановил многие события, заполнил лагуны в науке и пришел к оригинальным выводам, сыгравшим крупную роль в исторической науке.

В. В. Вельяминов-Зернов совершенно обоснованно высказал гипотезу, что завершение образования казахской народности относится ко второй половине XV в. Правда, научного представления о истории становления казахской народности и роли в этом процессе первых казахских ханов он не имел. Но накопленные им материалы чрезвычайно важны для решения этих вопросов.

В книге рассматриваются и причины деления казахов на три жуза. По мнению автора, укрепление господства казахов в Ташкенте и Туркестане привело к тому, что часть их выделилась из общей массы кочевников, перешла к полуоседлому образу жизни и образовала союз родов, получивший по местоположению наименование Средней орды. В результате возникновения Средней орды казахские земли оказались поделенными на три орды — жуза: Большую, Среднюю и Малую. Это мнение, хотя и не получило признания в советской науке, интересно попыткой объяснить вопрос, исходя из реальных историко-экономических факторов.

Наряду с освещением внутренних политических событий, связанных с образованием казахской народности и государственности, в книге В. В. Вельяминова-Зернова впервые обстоятельно описаны взаимоотношения казахов с Ногайской ордой, среднеазиатскими ханствами, Моголистаном и Сибирским ханством, а также установлено, что знаменитый Кучум не был казахом, как это считали А. И. Левшин и другие историки. Уделено внимание и первым шагам русских в Сибири, и русско-казахским связям.

Источники, использованные в книге, и труды своих предшественников как в русской, так и иностранной историографии, ученый рассмотрел критически и беспристрастно. Он тщательно и добросовестно проверил каждое интересовавшее его сообщение того или иного автора и изложил в особых примечаниях все важнейшие сведения историографического характера о использованных им научных материалах.

В. В. Вельяминов-Зернов был крупным русским востоковедом, внесшим значительный вклад в разработку истории казахского народа и, особенно, проблемы его этногенеза. Можно смело утверждать, что после него ни один исследователь не изучал в таком широком объеме восточные источ-

ники по истории этого народа. Даже труд Кадыргали Хошум Жалаира «Джами ат-таварих», являющийся ценнейшим источником для исследования не только истории, но и языка и литературы казахов, оставался до сих пор в забвении. Только издание рукописей Ч. Ч. Валиханова в первом томе его Собрания сочинений (1961) вновь возбудило интерес ученых к этому оригинальному памятнику казахской историографии.

В. В. Вельяминов-Зернов выступал сторонником дальнейшего развития русского востоковедения и выдвигал перед ним актуальные задачи. Но сам он, вследствие перенесенной им болезни, после 1871 г. не написал ни одной работы по востоковедению, хотя и прожил еще свыше тридцати лет.

Крупный русский тюрколог и арабист Н. И. Ильминский (1822—1891), известный своей миссионерской деятельностью, также внес определенный вклад в изучение этнографии казахского народа. Преподаватель Казанской духовной академии (1846—1858) и первый издатель восточного сочинения «Бабур-наме» (1857), уже известный в научных кругах, он в 1858 г. переехал в Оренбург и занял скромную должность младшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии. Здесь, воспользовавшись поддержкой В. В. Григорьева, он прежде всего поставил задачу в совершенстве овладеть казахским языком. По его просьбе, Григорьев прикомандировал к нему трех способных юношей-казахов, окончивших школу для казахских детей при Пограничной комиссии. Вместе с ними Н. И. Ильминский переводил на казахский язык деловую переписку, которая до этого велась исключительно на татарском языке.

В 1859 г. Ильминский познакомился и подружился с И. Алтынсариным[51]. И хотя последний был моложе его почти на двадцать лет и не воспринял его миссионерские идеи, их дружба была прочной. После смерти Алтынсарина Ильминский опубликовал его письма, деловые документы и свои воспоминания о нем, имеющие исключительно важное значение для науки (1891).

Н. И. Ильминский был знаком и с другими видными представителями казахской интеллигенции, например с Ч. Ч. Валихановым, и высоко ценил их. Посещая казахские аулы он старался встретиться и побеседовать с известными знатоками быта, фольклора и языка казахского народа. Так, у сказочника Марабая он записал народную сказку «Ер-Тар-

---

[51] См. нашу статью: Ибрай Алтынсарин как этнограф казахского народа. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 16, 1962, стр. 97.

гын», которую и опубликовал в 1861 г. Этнографические и лингвистические материалы были собраны им также во время поездки в 1859 г. на Мангышлак и в 1860 г. в Букеевскую орду, где он наблюдал «интересную», по его выражению, картину массового перехода казахов через р. Урал.

В 1858 г. Ильминский опубликовал статью «Замечание о тамгах и ункунах (онгонах)», использовав для нее материалы сочинения Рашид-ад-дина[52]. В статье он указывал, что в «Джами'ат-таварих» имеются многочисленные сведения, весьма ценные для изучения древнего быта монгольских, тюркских и финских народов России. К этой статье примыкает по содержанию и другая его работа «Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов», написанная в 1858 г. в форме письма к П. С. Савельеву[53]. В ней подчеркивается устойчивый характер и сохранение в современной автору казахской действительности языческих обрядов, оказавших упорное сопротивление исламу.

Казахские лингвистические материалы Ильминский опубликовал в 1860 г. в «Ученых записках Казанского университета», а через год отдельным сборником «Материалы к изучению киргизского наречия». В предисловии он писал: «Киргизское наречие (қазақ тілі) есть самостоятельная отрасль тюркского корня и относится к группе северо-тюркских диалектов. Оно отличается от татарского особенною фонетикой; имеет много древних форм грамматических, какие встречаются в старинных, так называемых джагатайских книгах; заключает довольно слов древнетюркских и даже монгольских, особенно относящихся к кочевому, пастушескому и даже родовому быту... память о старых коренных киргизских обычаях жива в народе и выражается в языке. Кроме интереса археологического, киргизское наречие замечательно по своей словесности, не письменной, но устной»[54].

Далее, описав формы казахской народной поэзии, автор выразил надежду, что, быть может, по его примеру, молодые казахи, получившие образование в русских учебных заведениях, продолжат этот труд и со временем создадут капитальное исследование о казахском языке. В сборнике весьма ценен обширный казахско-русский словарь, содержащий массу этнографических терминов и их объяснения.

---

[52] «Труды Восточного отделения Русского археологического общества», ч. III. СПб., 1858.

[53] Н. И. Ильминский. Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов. Пояснение одного места в «Истории монголов» Рашид-Эддина. (Письмо П. С. Савельеву). СПб., 1860, стр. 6—7.

[54] Н. И. Ильминский. Материалы к изучению киргизского наречия. Казань, 1861, стр. 3.

Н. И. Ильминский написал также «Самоучитель русской грамоты для киргизов» (1861)[55]. Для издания своих трудов, указанных выше, он одним из первых создал и применил на основе русской графики казахский алфавит. Его научная деятельность имела прогрессивное значение, хотя он и был реакционным политическим деятелем.

В Оренбурге служил и крупнейший русский монголист-филолог А. А. Бобровников (1821—1865), труды которого имеют важное значение для изучения эпохи монгольских завоеваний и истории ряда тюркских племен, образовавших казахскую народность. Он, в частности, впервые высказал в своей «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» (1849) мнение о тюркском происхождении найманов, одного из крупнейших компонентов казахского народа, мнение, которое впоследствии отвергалось многими учеными и только в настоящее время становится господствующим.

Назовем еще А. М. Евреинова (род. в 1821), служившего в Оренбурге и ставке Внутренней Букеевской орды, автора статьи «Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда», увидевшей свет в 1851 г. в журнале «Современник»[56]. «Статья г. Евреинова, — отмечалось через год в «Вестнике РГО», — по справедливости, может быть причислена к лучшим произведениям этнографической и географической литературы прошлого года. Она есть плод собственного, личного знакомства с этим краем, тщательного изучения истории его, со времени присоединения к России, из положительных законов о поселении и управлении киргизами, и кроме того, высказывает несомненный талант наблюдателя, успевшего свести свои заметки в краткое, но полное описание местности и самого быта и нравов кочующего племени»[57].

Следует подчеркнуть, что в середине XIX в. казахские роды Внутренней орды были наиболее изученной в этнографическом отношении частью казахского народа. Об этом свидетельствует, прежде всего, обилие литературы об орде. Кроме указанных выше материалов, назовем статьи А. И. Терещенко «Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда»[58] и Э. Островского «Поездка во Внутреннюю киргизскую орду с ветеринарною целью»[59], весьма насыщенные этнографическими сведениями.

Свои труды оренбургские авторы обычно печатали в Петербурге, Москве, Казани и Уфе, а в самом Оренбурге изда-

---

[55] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3930а.

[56] «Современник», т. 29, № 9. СПб., 1851. Биографические сведения о А. М. Евреинове см.: ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2562, 2461, 5727.

[57] «Вестник РГО», ч. IV, кн. I, 1852, стр. 27.

[58] «Москвитянин», 1853, № 22.

[59] «Журнал Министерства внутренних дел», 1859, ч. 34, 36.

вались лишь «Оренбургские губернские ведомости», выходившие с 1838 г. еженедельно. В этой газате часто появлялись весьма любопытные этнографические заметки — свидетельства очевидцев, посещавших казахские аулы, например заметки М. Я. Киттары (1825—1880), известного технолога, увлекающегося тогда изучением фауны Казахской степи[60]. Этнографические сообщения о казахах он помещал и в «Журнале Министерства внутренних дел»[61].

М. Житков опубликовал в «Оренбургских губернских ведомостях» статьи «Поездка в Киргизскую степь» и «Сутки в киргизском ауле, при встрече осени с зимою»[62]. М. Павловский — автор статьи «Астрономические и метеорологические замечания киргиз-кайсаков»[63]. Некоторые этнографические материалы, например, «Нечто о киргизах», «Гора Ушкуль» и другие, были опубликованы в газете без указания авторов[64]. В историографическом отношении интересны статьи «Кирилов, Иван Кириллович, устроитель Оренбургского края» и «Мысли об истории Оренбургского края»[65]. Особенно много было напечатано в газете материалов о торговле России с казахами[66]. Я. В. Ханыков написал для газеты в 1853 г. статью «Географические очерки Оренбургского края»[67] Таким образом, «Оренбургские губернские ведомости» содержат немало материалов по этнографии казахского народа середины XIX в. и свидетельствуют о большом интересе русской провинциальной общественности к этому народу.

С образованием в 1851 г. единого Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства этнографические статьи о казахском народе стали появляться и в «Самарских» и «Саратовских губернских ведомостях». Часто в них печатался чиновник А. Леопольдов (1800—1875), преимущественно интересовавшийся исследованием русско-казахских взаимоотношений и историей казахских набегов в районы среднего Поволжья в XVII—XVIII вв.[68]. Как член-сотрудник Русского

---

[60] «Оренбургские губернские ведомости», 1850, № 14.

[61] «Журнал Министерства внутренних дел», 1849, ч. 24, 25, 28.

[62] «Оренбургские губернские ведомости», 1849, № 11, 13; 1850, № 14; 1851, № 2.

[63] «Оренбургские губернские ведомости», 1847, № 2, 3.

[64] «Оренбургские губернские ведомости», 1849, № 39; 1851; № 18, 19, 32.

[65] «Оренбургские губернские ведомости», 1847, № 7, 15, 18.

[66] «Оренбургские губернские ведомости», 1847, № 26—35, 39; 1848, № 16—16, 34, 40; 1849, № 27, 32—34; 1851, № 15, 17; 1852, № 8, 19; 1856, № 41; 1860, № 9, 41, 43, 46, 48, 51.

[67] «Оренбургские губернские ведомости», 1853, № 1.

[68] А. Леопольдов. Отношение русских к киргизам. «Саратовские губернские ведомости», 1851, № 43; его же. Кордоны. «Самарские губернские ведомости», 1852, № 5, 51.

географического общества А. Леопольдов занимался также сбором географических и этнографических терминов, распространенных в Поволжье и в западной части Казахской степи.

В столичных официальных, общественно-политических и литературных журналах были напечатаны статьи: М. Ястребова «Киргизские шаманы»[69], С. А. Идарова «Киргизская степь Сибирского ведомства и новоучрежденная в ней Семипалатинская область»[70], анонимного автора «Несколько заметок о земледелии у туркменов и киргизов»[71]. Отдельной книжкой вышла в 1848 г. работа Е. Охотина «В киргизское кочевье».

В Западной Сибири крупным культурным центром в середине XIX в. стал Омск, в котором после 1822 г. постепенно сосредоточилось административное управление казахами Сибирского ведомства. Здесь в составе колониального аппарата и местного кадетского корпуса было немало высокообразованных чиновников, офицеров, преподавателей, изучавших этнографию и фольклор казахского народа. Частые командировки в казахские аулы доставляли им широкие возможности для научных наблюдений. Богатые фонды Омского архива также были им недоступны. Правда, документы в этом архиве длительное время находились в хаотическом состоянии и только в 1857—1858 гг. Г. Н. Потанин навел в нем должный порядок.

В 50-х годах в Омске жил востоковед Н. Ф. Костылецкий (1818—1869), глубоко интересовавшийся изучением быта и фольклора казахского народа. После окончания в 1840 г. восточного факультета Казанского университета он, из-за казачьего происхождения, был вынужден отказаться от мысли заняться востоковедением и поступить учителем русской словесности в Омский кадетский корпус.

Н. Ф. Костылецкий был человек высокообразованный с передовыми, прогрессивными взглядами и относился к так называемым «сибирским инородцам» без всякого предубеждения и высокомерия, столь присущего царским чиновникам, служившим в многонациональных окраинах России. Репрессиям со стороны властей он не подвергался. По всем данным, он пользовался репутацией благонадежного человека и свои служебные обязанности исполнял исключительно добросовестно. Принимая во внимание заслуги Костылецкого в воспитании кадетов, будущих офицеров царской армии, петербургский ревизор генерал Анненков в 1851 г. до-

---

[69] «Москвитянин», 1851, ч. 2, кн. 8.

[70] «Журнал Министерства внутренних дел», 1854, ч. VII, кн. 8.

[71] «Журнал Министерства государственных имуществ», 1849, ч. 33, кн. 10—12.

бился исключения его из казачьего сословия. Тем самым правительство, не сомневаясь в его благонадежности, предоставило ему свободу воли.

Н. Ф. Костылецкий относился с большим уважением к казахам, которые были его земляками. По словам И. Н. Березина, «окруженный киргизами он научился говорить по-киргизски с ранних лет и уже тогда полюбил этих детей степи и их язык»[72]. И хотя служба не благоприятствовала осуществлению его научных планов, он всемерно старался выкроить время для изучения и перевода на русский язык произведений казахского народного творчества, которые собирали для него его ученики и приятели из казахских аулов. Но почти все его начинания остались в рукописях, часто неоконченных.

В бумагах Костылецкого И. Н. Березин обнаружил три варианта только одной казахской поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу». Как видно, он ставил задачу глубоко исследовать эту поэму, установить ее ранний вариант и позднейшие наслоения. Над переводом поэмы Костылецкий работал, по-видимому, в начале 50-х годов, когда он в нескольких письмах к своему другу передал содержание поэмы. Березин опубликовал в 1877 г. отрывки из этого перевода, а также из поэмы «Эдиге», чтобы «дать читателю верное понятие об умении Костылецкого переводить верно и изящно восточную поэзию кочевников, столь мало доступную переводу на европейские языки»[73]. Один из вариантов поэмы в подлиннике Березин опубликовал в 1876 г.[74]. К сожалению, другие работы ученого неизвестны.

Н. Ф. Костылецкий считал, что произведения казахского народного творчества отражают «полную картину быта народа» и заслуживают тщательного и серьезного исследования. И он сам немало потрудился на этом поприще, увлекая своим примером немногих представителей казахской интеллигенции того времени. Общеизвестно, что в определении научных интересов Ч. Ч. Валиханова Костылецкий сыграл положительную роль.

Неудачно сложилась жизнь и другого русского востоковеда А. А. Сотникова, также изучавшего этнографию казахского народа. Сотников (род. в 1812 г.) после окончания в 1836 г. Одесского училища восточных языков был одно время переводчиком турецкого языка, а в 1839 г. по собственному желанию перешел на службу в Управление сибирски-

---

[72] И. Н. Березин. Н. Ф. Костылецкий. «Известия Русского археологического общества», 1877, т. 8, вып. I, стр. 137—138.

[73] Там же, стр. 140.

[74] И. Н. Березин. Турецкая хрестоматия, т. III. СПб., 1876, стр. 70—162.

ми киргизами в Омске[75]. Отсюда ему пришлось ежегодно и даже по нескольку раз в некоторые годы отправляться в казахские аулы для выполнения поручений колониальной администрации.

В 1840 г. он совершил многодневную поездку по Кокчетавскому, Аман-Карагайскому и Уч-Булакскому округам и собрал материалы для «свода киргизских законов». Представив эти материалы начальству, он вновь отправился в глубь казахских степей, чтобы присутствовать при разграничении края между Сибирским и Оренбургским ведомствами по управлению казахами. В этом же году ему пришлось опять побывать в Аман-Карагайском округе, чтобы совместно с чиновником Ларионовым разобрать взаимные претензии оренбургских и сибирских казахов. Через год он проводил ревизию Аман-Карагайского приказа, а затем оказал «содействие асессору Вишневскому при устройстве киргиз Басентийнского рода, упорствовавших давать исчисление».

В 1841—1842 гг. Сотников — член «комиссии, учрежденной при Пограничном правлении для рассмотрения свода киргизских законов», а в 1843—1844 гг. — участник боев против Кенесары Касымова. В 1844 г. он пытался переменить службу из-за тяжелого материального положения и занять должность попечителя прилинейных киргиз в Оренбургском ведомстве, но затем остался в Москве. Этими сведениями исчерпываются биографические данные о Сотникове в его формулярном списке от 1844 г., открытом нами в Центральном государственном архиве Казахской ССР[76].

Известно, что в последующие годы Сотников продолжал службу в Омске, и в 1847—1848 гг. у него бывал Ч. Ч. Валиханов. С высшим начальством Сотников постоянно не ладил и за это был сослан в Восточную Сибирь, где покончил жизнь самоубийством.

Как свидетельствует Г. Н. Потанин, А. А. Сотников был способным человеком. Кроме изучения казахского обычного права, он интересовался генеалогией казахов и вообще их жизнью.

С историей Русского географического общества и русского востоковедения тесно связана деятельность выдающегося казахского ученого, этнографа и просветителя-демократа Чокана (Мухаммед-Ханафия) Чингисовича Валиханова (1835—1865)[77]. Он занимает видное место в истории культу-

---

[75] Г. Н. Потанин ошибочно утверждал, что А. А. Сотников был воспитанником Казанского университета. См. в кн.: Ч. Ч. Валиханова. Соч., 1904, стр. XIII.

[76] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2288.

[77] Г. Н. Потанин. Чокан Чингисович Валиханов. «Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь», 1903, № 133, стр. 1.

ры и науки нашей страны. Его общественно-политическая деятельность сыграла большую роль в укреплении дружбы казахского и русского народов, а научные исследования явились ценным вкладом в науку.

Научная деятельность Валиханова протекала на поприще русского востоковедения в тот период, когда эта наука существовала как комплексная, от которой впоследствии отпочковались отдельные отрасли. Он усвоил лучшие традиции русской школы востоковедения. Г. Н. Потанин справедливо указывал, что Валиханов является «первым по времени казахом, вставившим свое имя в список русских писателей»[78]. А редактор его трудов Н. И. Веселовский писал о нем, как о «блестящем метеоре, промелькнувшем над нивой востоковедения», и что «русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление...»[79].

Ч. Ч. Валиханов внес весьма существенный вклад в разработку этнографии и фольклористики казахского народа. Он изучал разнообразные этнографические проблемы и оставил множество ценнейших оконченных и неоконченных этнографических исследований. Результаты его наблюдений историко-этнографического характера по своей глубине и важности стоят несравненно выше работ многих современных ему авторов. В его трудах мы находим исключительное богатство оригинальных и разносторонних глубоких мыслей и идей, выводов, интереснейших гипотез, фактических сведений, не утративших своего значения для науки и по настоящее время. Широта познаний ученого, его эрудиция, умение исследовать актуальные и чрезвычайно сложные и трудные проблемы, тонкое понимание самобытности жизни и культуры народов Востока, роли и значения передовой русской культуры для их судеб поражают читателя.

Особенно значительны заслуги Валиханова в истории изучения казахов Старшего жуза. До середины XIX в. в науке господствовало ошибочное мнение, высказанное еще в XVIII в., что этническая группа Старшего жуза и киргизы составляют один особый народ, отличный от казахов. Правда, в первой половине XIX в. высказывались и другие мнения, но в этнографическом отношении казахи Старшего жуза и киргизский народ оставались неизученными и наука не располагала достоверными данными для авторитетного опровержения этой точки зрения.

---

[78] Г. Н. Потанин. Чокан Чингисович Валиханов. Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь», 1903, № 133, стр. 1.

[79] Н. И. Веселовский. Предисловие. В кн.: Ч. Ч. Валиханов. Соч., 1904, стр. 1.

В 1855—1859 гг. Валиханов в результате тщательных полевых исследований собрал значительные материалы и восполнил указанный пробел в науке[80].

Не менее важное значение имеют высказывания и исследования Валиханова по вопросам происхождения казахской народности. Посильное разрешение этой проблемы он считал, пожалуй, основной задачей своих занятий по истории и этнографии родного народа.

Ч. Ч. Валиханов прекрасно понимал, что для решения этногенетических проблем ученый должен прежде всего располагать достоверными и разносторонними источниками, а также опираться на научные выводы смежных дисциплин. Но если его предшественники исключительное внимание обращали на письменные источники, то он,наряду с этим, одним из первых в историографии казахского народа высоко оценил данные этнографии и фольклора, казахские предания, легенды, поговорки, пословицы, как незаменимые источники при изучении становления казахской народности, ее этнической территории, известной общности хозяйства, языка, культуры. Мысли ученого о значении этнографических и фольклорных источников для исследования древней истории достаточно четко изложены в его «Очерках Джунгарии», «Заметках по истории южносибирских племен», «Киргизском родословии».

Валиханов постоянно уделял серьезное внимание разысканию, накоплению, исследованию этнографических и фольклорных источников, их критике и подготовке к изданию с авторскими комментариями и результатами научного источниковедческого анализа. Эта его работа нашла отражение в статьях и заметках: «Записка о судебной реформе», «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», «Киргизское родословие», «Следы шаманства у киргизов», «Исторические предания о батырах XVIII в.», «Шуна-батыр». Кроме того, он подготовил к изданию фольклорные произведения: «Песни Урака», «Песни Аблая», «Образец причитаний»[81]. Большинство из них полностью написано на основе историко-этнографического осмысления и толкования разнородных этнографических и фольклорных источников, вводят читателя в творческую лабораторию ученого, характеризуют его методы научной работы и важны в теоретическом отношении.

Ч. Ч. Валиханов также нашел и изучил многие до него неизвестные науке письменные источники по истории и эт-

---

[80] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах, т. 1, стр. 401—402.

[81] См.: Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах, т. 1.

нографии казахского народа, в частности русские (литературные и архивные), и широко использовал их в своих трудах. Восточные же источники в то время еще не пользовались большим вниманием со стороны ученых. В. В. Вельяминов-Зернов, который одним из первых стал искать в восточных рукописях сведения о казахском народе, опубликовал результаты своих изысканий лишь в 1864 г. во второй части «Исследований о касимовских царях и царевичах», когда казахский ученый практически уже не мог ими воспользоваться.

К исследованию источников и рукописей на восточных языках Валиханов обратился, по-видимому, в 1853—1856 гг. В эти годы он написал «Письмо проф. И. Н. Березину» и «Заметки при чтении книги проф. И. Н. Березина «Ханские ярлыки», посвященные исследованию тарханных ярлыков золотоордынских и крымских ханов.

Тарханные ярлыки в середине XIX в. изучали многие русские ученые. Особенно плодотворно поработал над ними известный востоковед И. Н. Березин. Валиханов, заинтересовавшись текстом ярлыков, написал письмо И. Н. Березину и рецензию на его труды. Однако эти работы не увидели света, а тарханные ярлыки в дальнейшем не являлись предметом специального исследования. Только А. Н. Самойлович внес несколько поправок в работы И. Н. Березина.

Труды Валиханова о тарханных ярлыках, опубликованные ныне впервые в первом томе его сочинений, могут вновь привлечь внимание ученых к этим важнейшим историческим документам и сыграть значительную роль в изучении социально-экономической истории Золотой орды. Казахский ученый изучал тарханные ярлыки в свете проблемы этногенеза казахского народа. Он подверг текст ярлыков историко-этнографическому и лингвистическому анализу.

Из большого числа восточных рукописей, известных Валиханову, его внимание привлекли рукописи Рашид-ад-дина «Джами'ат-таварих», Мухаммад Хайдара «Тарих-и-Рашиди» и Кадыргали Хошум Жалаира «Джами'ат-таварих» («Сборник летописей»).

Сочинение Рашид-ад-дина было известно Валиханову по трудам французского ориенталиста С. д'Оссона, профессора Казанского университета Ф. И. Эрдмана, Кадыргали Хошум Жалаира, а возможно и М. Катрмера. Но настоящее его знакомство с этим сочинением относится к 1860 г., когда по приезде в Петербург он приобрел издание Рашид-ад-дина в переводе на русский язык И. Н. Березина. Изучая это издание, он своей первой задачей поставил дать оценку перевода и комментариев И. Н. Березина, сделать конспект текста со-

чинения, а затем уже использовать его данные для исследования этногенеза казахов.

Нами установлено, что Валиханов действительно конспектировал березинское издание Рашид-ад-дина и сделал ряд критических замечаний в адрес издателя, собираясь, повидимому, изложить их в особой статье[82]. Следует отметить, что он высоко ценил сочинение Рашид-ад-дина, считая, что оно содержит более точные историко-этнографические сведения, нежели китайские источники.

Рукописи сочинения Мухаммад-Хайдара Валиханов изучал также в Петербурге в 1860 г., в библиотеке Азиатского музея. Сохранились частично его заметки, содержащие вольный перевод и извлечения из кашгарского текста «Тарих-и-Рашиди».

Гораздо лучше известна работа Валиханова по изучению рукописи Кадыргали Хошум Жалаира. Из нее он сделал выборочный вольный перевод той части, которая имеет отношение к казахам, снабдил перевод примечаниями и словарем этнографических терминов, проанализировал содержание текста и использовал его данные в своих статьях, рецензиях и письмах. Эту рукопись он считал замечательным источником по исторической этнографии казахов XIV—XVI вв.

Весьма важным источником для изучения древней истории казахского народа Валиханов считал археологические и архитектурные памятники. По его мнению, кочевники не могли оставить значительные следы материальной культуры вроде развалин городов, остатков поселений. Но в Казахской степи, говорил он, много различных надгробных сооружений, курганов, мавзолеев, отдельных могил, культовых памятников, которые должны привлечь внимание исследователей, так как открытые в них при раскопках находки характеризуют обычаи, обряды, верования, занятия, уровень материальной культуры древних народов.

Ч. Ч. Валиханов категорически опровергал гипотезу образования казахской народности в домонгольскую эпоху, которую поддерживали А. И. Левшин и А. Вамбери, и связывал это событие с возникновением казахской государственности и распадом татаро-монгольских орд во второй половине XIVв. Но государственность вовсе не является обязательным признаком народности, складывание которой в Казахской степи было связано со становлением феодального строя. Правильнее рассматривать образование Казахского

---

[82] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах, т. 1, стр. 138. 20 строка — стр. 139, 26 строка; Э. А. Масанов. Рецензия «Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах, 1961, т. 1», «История СССР», 1964, № 1, стр. 181.

ханства, как благоприятное условие, обеспечившее относительно безболезненное завершение формирования казахской народности в течение XV — начале XVI в.

Ч. Ч. Валиханов понимал, что и после образования казахской народности в ее состав вливались отдельные родоплеменные образования. Исследуя родоплеменную структуру казахской народности, происхождение отдельных племен и родов, их расселение, он пришел к выводу, что основой этой народности были племена, составившие Младший жуз[83]. Во второй половине XIV и в XV в. к казахам присоединились племена Старшего и Среднего жузов. В последующую эпоху наблюдалось присоединение других племен, например ногайских. Но были и отпадения.

В работах Валиханова приведены многочисленные сведения по истории различных родоплеменных групп, составивших казахскую народность, но он ошибался, считая некоторых из них, например, найманов, усуней и других, по происхождению монгольскими племенами.

Не остались вне внимания Валиханова и такие вопросы, как складывание антропологического типа казахов, их этнической территории, языка, хозяйства, культуры. Он утверждал, что по устройству черепа и типу лица среднеазиатские тюрки отличаются от своих соседей персов и монголов. Казахи же образовались в результате смешения тюрков и монголов, но со значительным перевесом «монгольского корня». В то же время строение черепа и черты лица казахов отличают их от других тюркских народностей.

Привольные и обширные степи, обильные пастбищами с водопоями, указывал Валиханов, были издавна населены кочевниками и как нельзя лучше соответствовали условиям кочевого скотоводческого хозяйства. Это обстоятельство способствовало образованию здесь особой народности со специфическим психологическим складом, с одинаковым уровнем развития хозяйства и материальной и духовной культуры на всем пространстве Казахской степи.

В произведениях Валиханова дана характеристика материальной и духовной культуры казахского народа. Большой научный интерес представляют его статьи: «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи», «О кочевках киргиз», «О формах казахской народной поэзии»; в статьях «О мусульманстве в степи», «Тенкри (бог)», «Следы шаманства у киргизов» рассматриваются первобытные анимистические верования у казахов и их трансформация в по-

[83] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах, т. 1, стр. 207—208.

следние столетия, а также разоблачается реакционность ислама[84].

На основе собранных сведений Ч. Ч. Валиханов досконально исследовал с исторической точки зрения шаманство как религию казахов, как часть их мировоззрения, духовной культуры и быта и материалистически объяснял сущность и причины его возникновения.

В «Записке о судебной реформе у киргиз Сибирского ведомства» Валиханов с демократических позиций высказал свои соображения о судебной реформе, которую готовило царское правительство для Казахской степи, и охарактеризовал обычное право, роль и значение суда биев у казахов.

Ч. Ч. Валиханов высказал интересные мысли о национальных особенностях и самобытности жизни, нравов и обычаев казахского народа, о необходимости конкретно-исторического подхода к его нуждам и требованиям, дал оригинальное определение народа, имевшее большое теоретическое и практическое значение в истории этнографического изучения казахского народа.

В статье «О кочевках киргиз» Валиханов подробно охарактеризовал состояние современного ему казахского скотоводческого хозяйства, его эволюцию и перспективы. Он утверждал, что в недалеком прошлом условия для экстенсивных форм хозяйства были более благоприятны и кочевники менее страдали от засух, напольных пожаров, саранчи, гололедиц. С образованием же административных округов, казачьих станиц, размежеванием земель без учета интересов кочевого хозяйства, закреплением пастбищ за определенными родами и лицами, кочевые пути резко сократились, как и возможности чередования пастбищ в зависимости от колебаний климата, хозяйство кочевников из года в год стало приходить в упадок.

Характеризуя казахский народ, Валиханов писал: «Говоря серьезно, киргизский народ принадлежит к числу наиболее миролюбивых и, следовательно, к числу наименее диких инородцев русского царства»[85]. Вместе с тем он дал глубокую критику экономической и социально-культурной отсталости казахского народа, его классовой разнородности и разоблачил колонизаторскую политику царизма.

В трудах Валиханова нашло всестороннее освещение песенно-поэтическое и музыкальное творчество казахов. Он неустанно и любовно разыскивал и собирал старинные поэмы, оды, песни, сказания, легенды, пословицы и поговорки, как произведения духовной культуры народа, неисчерпае-

---

[84] Там же.
[85] Там же, стр. 499.

мый клад народной мудрости, отражение географических, исторических, религиозных, умственных познаний и нравственных понятий казахского народа, его кочевого быта, его чаяний.

Ч. Ч. Валиханов разрабатывал классификацию форм казахской народной поэзии, изучал многочисленные варианты фольклорных произведений с целью восстановления их древней основы и установления позднейших наслоений, а также культурных связей с другими народами.

Таким образом, вклад Валиханова в этнографическое изучение казахского народа весьма значителен. Научные материалы, собранные им, и многие его выводы не потеряли своего значения. Пожалуй, нет ни одного важного вопроса, относящегося к исторической и современной ему этнографии казахов, который бы он не затронул в той или иной степени и разрешению которого бы не способствовал своими исследованиями. Его труды оказали огромное влияние на всю последующую историю изучения культуры и быта казахского народа. Он явился основоположником демократического направления в истории казахской общественной мысли и содействовал приобщению казахского народа к передовой русской культуре.

Роль научных обществ второй половины XIX в. в изучении этнографии казахского народа

С середины XIX в. этнографическая наука в России развивалась под прямым воздействием идей русских революционных демократов, изложенных в работах Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и в статьях и рецензиях журнала «Современник».

В большой рецензии на третий том «Магазина землеведения и путешествия» Фролова (1855) Чернышевский подробно обосновал свою мысль о высоком познавательном значении этнографии[86]. В программных статьях «Современника» «Этнографический сборник Географического общества, выпуск IV» (1864, № 10) и «Как понимать этнографию» (1865, № 2) задача этнографии была определена как изучение бытовых особенностей народа. При этом указывалось, что в область этнографии входит прежде всего «современная, общественная и экономическая действительность..., нынешнее содержание народного образа мыслей, то, что ждет своего развития в будущих успехах цивилизаций...».

---

[86] С. А. Токарев. Этнография. В кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II. М., 1960, стр. 632.

«Современник» подчеркивал необходимость всестороннего критического изучения всей «обширной области» этнографии: «...Этнографическое изучение может (и должно) обнимать и объяснять по возможности все стороны народного быта и представлений, и... такое изучение вовсе не обязывается быть голословным и оптовым панегириком». «Современник» настойчиво проводил мысль, что этнографическое изучение современности призвано помочь в практической деятельности, в решении злободневных вопросов, выдвинутых самой жизнью. «Надлежащее изучение народной жизни в состоянии дать множество указаний, имеющих непосредственную важность для современных практических приложений». В требование уловить «народный взгляд на вещи» «во всех его разнообразных вариантах» «Современник» вкладывал революционный смысл[87]

Взгляды русских революционных демократов имели большое значение для развития критики направлений, господствующих в русской дворянской и буржуазной этнографии, а также для распространения передовых научных идей в области этнографии[88].

Во второй половине XIX в., в связи с возникновением в 1868 г. Оренбургского и в 1877 г. Западно-Сибирского отделов Русского географического общества, а также научных обществ в Туркестанском крае (в 70-х годах), инициатива этнографического изучения казахского народа постепенно перешла к этим учреждениям. Но и Русское географическое общество не перестало интересоваться этнографией Азиатской России и время от времени направляло в Казахскую степь и сопредельные страны научные экспедиции и поддерживало исследования отдельных ученых, а также принимало участие в научных мероприятиях других ведомств и обществ. Особенно известны по своим исключительным результатам организованные Обществом экспедиции Г. Н. Потанина. Имели значение и поездки Н. Н. Балкашина к казахам Среднего жуза[89], А. Н. Краснова в Семиречье[90], С. Г. Рыбакова в Тургайскую область[91]. Кроме того, РГО всегда предоставляло страницы своих изданий для опубликования историко-этнографических трудов, посвященных казахскому народу. В из-

---

[87] В. Е. Гусев. Проблемы этнографии и народной поэзии в русских журналах 50—60-х гг. XIX в. В кн.: «Очерки истории русской этнографии и фольклористики», ч. I. М., 1956, стр. 247.

[88] Там же, стр. 260—261.

[89] Н. Н. Балкашин. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб., 1887.

[90] А. Н. Краснов. Очерки быта семиреченских киргиз. СПб., 1887.

[91] С. Г. Рыбаков. Отчет о поездке к киргизам летом 1896 г. по поручению РГО. «Живая старина», вып. II. СПб., 1897.

даниях РГО увидели свет труды Н. А. Абрамова[92], Г. Н. Потанина[93], А. И. Макшеева, Н. А. Аристова, М. А. Миропиева[94].

Для трудов большинства этих авторов характерно отсутствие обобщений и стремление дать более или менее точное описание этнографических материалов. Но субъективные взгляды авторов нашли в них полное выражение. Одни из авторов, а они преобладали в историографии, например Г. Н. Потанин, А. А. Ивановский, писали о казахах с симпатией, видели в их характере положительные черты и прочили им светлое будущее в составе России и с помощью русского народа. Профессор Петербургского университета Э. Ю. Петри, совершивший в 1889 г. путешествие в Оренбургскую губернию и Тургайскую область, писал, что казахи «физически и нравственно свежая и многочисленная народность», которая «при некоторых усилиях с нашей стороны (России) вполне может быть... поднята на высший уровень культуры»[95].

Вместе с тем некоторые авторы, например В. Д. Тронов, утверждали, что казахи «в борьбе за существование должны уступить место своим соседям, более культурным», так как они якобы вырождаются и являются чуть ли не дикарями[96]. Тронов одиннадцать лет (с 1880 г.) служил заведующим медицинской части в Зайсанском уезде и, как писал он, в течение этого времени вел антропологические и этнографические исследования среди казахов. Результатом этих «исследований» явился архиреакционный опус (1891), носящий характер описания глубоко субъективных и оскорбительно-предвзятых шовинистических впечатлений автора о казахском народе.

К чести русских ученых, подавляющая часть их отнеслась к писанине Тронова резко отрицательно. В своей рецензии на публикацию Тронова А. А. Ивановский писал, что автор, «недостаточно ознакомившись с изучаемой народно-

---

[92] Н. А. Абрамов. Г. Копал с его округом в 1862 г. «Записки РГО по общей географии», т. I. СПб., 1867; его же. Река Черный Иртыш. Архив Всесоюзного Географического общества, разряд 69, оп. 1, № 1; Заметки Н. Абрамова об истории заселения Иртышской линии в 1770—1780 годы. ЦГА КазССР, ф. 825, оп. 1, д. 16.

[93] См.: Э. А. Масанов. Труды Г. Н. Потанина — важный источник по этнографии казахского народа. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1960, вып. 3.

[94] М. А. Миропиев. Демонологические рассказы киргизов. «Записки РГО по отделению этнографии», т. X, вып. 3. СПб., 1888.

[95] Э. Ю. Петри. В киргизской степи. Этнографические заметки. «Мир божий», 1892, № 5; Профессор Э. Ю. Петри о киргизах. «Оренбургский листок», 1890, № 5.

[96] В. Д. Тронов. Материалы по антропологии и этнологии киргиз. СПб., 1891, стр. 8.

стью, с ее материальным и духовным бытом, экономической его стороной и прочее, на основании единичных и неверно понятых фактов, сообщает сведения и делает обобщения, диаметрально противоположные истине» и «бесцеремонно недобросовестные»[97] А. Е. Алекторов книжонку Тронова называл «довольно печальным трудом»[98].

В русской этнографической литературе продолжалась борьба против расовых и других антинаучных теорий о народах Востока, как народах неисторических и некультурных. Н. И. Веселовский в своих лекциях, прочитанных в 1893—1894 гг. в Петербургском университете, отмечал: «Народы Востока... по всей справедливости имеют право занять достойное место на страницах всемирной истории»[99].

Как общий недостаток русской этнографической литературы второй половины XIX в. отметим преобладание исследований, посвященных изучению некоторых сторон социальной жизни, обычаев, обрядов, верований, фольклора, расселения и родоплеменной структуры казахского народа, и незначительное количество работ о материальной культуре.

Следует подчеркнуть, что этнографические статьи и заметки о казахском народе периодически появлялись и на страницах различных русских литературных и военных журналов, не имевших ничего общего с деятельностью Географического общества. Авторами наиболее значительных из них были В. Потто, Б. Юзефович, Ф. Лазаревский[100].

В истории популяризации в России этнографических знаний заметную роль сыграло издание живописного альбома «Народы России», в двадцать девятом томе (1880) которого был помещен большой этнографический очерк о казахском народе.

В деятельности Отделения этнографии Русского географического общества после проведения крестьянской реформы 1861 г. произошли заметные изменения. Под влиянием председателя Отделения Н. В. Калачева (1860—1865), учитывавшего требования крестьянства относительно юридического устройства, значительно усилилось изучение русскими учеными народных юридических обычаев и, прежде

---

[97] «Этнографическое обозрение», вып. 2—3. М., 1892, стр. 23—26.

[98] А. Е. Алекторов. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань, 1900, стр. 855.

[99] Н. И. Веселовский. История Востока. Лекции, читанные в 1893—1894 гг. I курс. СПб., б. г., литографическое издание, стр. 8—9.

[100] В. Потто. Из путевых заметок по степи. «Военный сборник», т. 118, 1877; Б. Юзефович. О быте киргизов Тургайской области. «Русский вестник», т. 146, 1880; Ф. Лазаревский. Очерки киргизов Оренбургского ведомства. «Русский дневник», 1859, 14—15; Мачулин. Экспедиция на Эмбу в 1871 году. «Нива», 1872, № 3, 7, 9; П. Обычаи киргизов Семипалатинской области. «Русский вестник», т. 137, 1878.

всего, русского населения страны. В 1864 г. Калачев и П. А. Муллов составили по этому вопросу специальную и обстоятельную программу и разослали ее во все концы России.

В дальнейшем, с приходом к руководству крупнейших русских славистов В. И. Ламанского (1865—1868, 1887—1910), А. Ф. Гильфердинга (1870—1871) и Л. Н. Майкова (1872—1887) главной темой в деятельности отделения попрежнему оставалась этнография русского и других славянских народов. Но в результате распространения вышеуказанной программы и работы «Комиссии о народных юридических обычаях», организованной под председательством Калачева, усиливается изучение юридических обычаев и нерусских народов России. Этому способствовала и колониальная администрация, пытавшаяся использовать обычаи закабаленных народов в интересах царизма.

Важные материалы по этнографии казахского народа в 1865—1866 гг. собрал А. К. Гейнс (1834—1892), бывший членом специальной комиссии по изучению казахского обычного права и хозяйственных особенностей отдельных районов Казахской степи, а также по подготовке проекта нового «Положения об управлении степных областей»[101].

Юридические обычаи казахского народа изучали также офицеры генерального штаба Л. Мейер и Н. И. Красовский, чиновники Ш. М. Ибрагимов и Г. С. Загряжский. Получившая высокую оценку со стороны ученых статья Ибрагимова «Заметки о киргизском суде» была включена в первый том «Сборника народных юридических обычаев», изданного Русским географическим обществом в 1878 г. Меньший интерес представляет работа Загряжского, так как в ней не указаны различия между обычаями казахов и киргизов и не локализован научный материал[102].

В 1876 г. Д. Я. Самоквасов (1843—1911) издал «Сборник обычного права Сибирских инородцев». В него вошли материалы, собранные еще в начале 20-х годов по распоряжению М. М. Сперанского.

В другой части казахской степи, в Области оренбургских киргизов, «обычаи, имевшие силу закона», собирали чиновники казахи. Среди них особенно большую работу проделал Т. А. Сейдалин.

От всех названных работ, описательных по существу, отличается небольшая статья И. А. Козлова «Обычное право киргизов»[103]. В ней сделана попытка критически разработать

---

[101] А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. I—III. СПб., 1897—1899.

[102] Г. С. Загряжский. Юридические обычаи киргиз. «Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник», т. IV, 1876.

[103] «Памятная книжка Западной Сибири». Омск, 1882.

казахское обычное право на материалах всех районов Казахской степи и установить влияние на адат русского законодательства и шариата. В том же плане была написана под редакцией П. Е. Маковецкого книга «Материалы для изучения юридических обычаев киргизов» (1886), получившая высокую оценку в дореволюционной историографии. Как недостаток ее отмечалось изложение законов адата в пересказе авторов, а не в точных записях решений биев и случаев юридического характера из повседневной жизни.

Наиболее капитальное изучение казахских юридических обычаев было предпринято в 80-х годах русскими чиновниками и офицерами Туркестанского края по инициативе военного губернатора Сыр-Дарьинской области Н. И. Гродекова.

В 1887 г. Гродеков опубликовал собранные материалы в книге «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области». В нее вошли, кроме материалов, имеющих чисто юридический характер, этнографические сведения, исторические сказания по копиям древних рукописей, сохранившихся в руках грамотных казахов, героические поэмы, поверья, басни, загадки, заклинания, пословицы и поговорки.

При изучении происхождения отдельных казахских обычаев некоторые дореволюционные авторы допускали весьма серьезные ошибки. Так, Ф. И. Леонтовичем казахская барымта неправомерно сближалась с «великой Ясой» Чингиза»[104], а Я. Гурлянд в 1904 г. в категорической форме писал, что «баранта киргизов вполне сходна с барантою «Ясы»[105]. Между тем «Яса» вообще не знала барымты, противоречащей духу чингизова законодательства.

Таким образом, несмотря на значительную работу, проделанную русскими учеными в 60—90-х годах XIX в., так и не был тогда создан обобщающий свод казахских юридических обычаев. В связи с этим в русской печати вновь и вновь поднимался этот вопрос. В статье «Киргизские суды» (1897) выдвигалось предложение поручить Западно-Сибирскому отделу Русского географического общества разработать такой свод совместно с колониальной администрацией Казахской степи[106]. Подчеркивалось, что к этой работе должны быть привлечены лица, основательно знакомые с бытом и языком казахского народа. Что же касается практического значения казахских юридических обычаев, то

---

[104] Ф. Леонтович. К истории права русских инородцев. Одесса, 1889, стр. 224.

[105] Я. Гурлянд. Степное законодательство с древних времен по XVII столетие. «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XX, вып. 4—5. Казань, 1904, стр. 154.

[106] «Окраина», 1897, № 102; «Московские ведомости», 1897, № 272.

русские авторы указывали на несоответствие их современной им действительности казахских аулов[107].

Важным стимулом для развертывания этнографических исследований в России послужила организованная в 1867 г. Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете Русская этнографическая выставка.

На выставке демонстрировались и казахские этнографические экспонаты, принесенные в дар Чингисом Валихановым, старшим султаном Семипалатинского округа Арынгазы Ханкожиным, Русским географическим обществом и Оренбургским вспомогательным комитетом по устройству выставки.

Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии были организованы и другие выставки всероссийского масштаба, например Политехническая (1872) и Антропологическая (1879), на которых демонстрировали казахские этнографические экспонаты.

В заслугу Общества необходимо поставить организацию поездки в Туркестан и Казахскую степь части ее членов с научными целями. В 1868—1870 гг. в Туркестане работала экспедиция Общества под руководством А. П. Федченко, в 1887—1888 гг. в Букеевской орде путешествовал А. Н. Харузин, в 1887—1889 гг. в Семипалатинскую область ездил А. А. Ивановский, а в начале 1890 г. в Эмбенском уезде побывал М. А. Леваневский.

Известную роль в истории русской этнографии сыграл Третий Международный съезд ориенталистов, состоявшийся в Петербурге в 1876 г. В подготовке и проведении съезда деятельное участие принимали выдающиеся русские ученые В. В. Григорьев, В. В. Вельяминов-Зернов, П. И. Лерх, В. Р. Розен, В. П. Васильев, Ф. Р. Остен-Сакен.

На съезд были приглашены представители народностей Азиатской России, по которым можно было бы судить о цивилизующем влиянии русских на них, а также готовилась археолого-этнографическая выставка. В программе выставки отмечалось, что она должна всесторонне ознакомить посетителей «с обитателями Русской Азии, а именно: с их телесными особенностями, одеждою, жилищами, обстановкою домашнего быта, и теми произведениями, в которых проявляются их вкусы и умственные способности»[108].

К открытию съезда в Петербург съехались делегации народов Кавказа, Туркестана, Западной и Восточной Сиби-

[107] А. И. Крахалев. Суд и следствие у киргизов. «Юридический вестник», 1888, т. XXVIII.

[108] «Труды Третьего Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге», т. I. СПб., 1879—1880, стр. XVI.

ри. Среди них были образованные казахи: Г. Валиханов, Абдулла Ниязов, Джанайдаров, Джаекпаев и Джаркинов, приехавшие в ярких национальных костюмах. Делегация Оренбургского края, равно как и большая коллекция казахских этнографических предметов, собранная членом Оренбургского отдела Русского географического общества С. А. Джантюриным, не прибыли в Петербург из-за отсутствия средств. Зато этнографическая коллекция, в том числе юрта, доставленная казахами из Западной Сибири, заняла видное место на выставке и приковала к себе всеобщее внимание делегатов съезда. На выставке демонстрировались также этнографические альбомы, присланные В. А. Полторацким из Семипалатинска и П. М. Кошаровым из Томска.

Вопросы, представляющие интерес для этнографии казахского народа, рассматривались на заседаниях съезда по отделам Сибири и Средней Азии. В отделе Сибири с сообщениями о миграциях древнесибирских племен в Среднюю Азию и шаманизме у народов Сибири выступил известный ориенталист В. П. Васильев. В этом же отделе были заслушаны записка А. П. Словцова «О казахских пословицах и поговорках» и два сообщения Золотова «О военной границе Западной Сибири в XVIII столетии» и «Исторический очерк бывшей Омской азиатской школы». В отделе Средней Азии обсуждалось выступление Н. В. Чарынова о донесении русского посла в Среднюю Азию Б. А. Пазухина и документах Московского Главного архива Министерства иностранных дел о Средней Азии XVI — XVIII вв.

Третий Международный съезд ориенталистов в Петербурге продемонстрировал достижения русского востоковедения и способствовал оживлению историко-этнографических исследований о народах Азиатской России.

В организации и проведении съезда большую роль сыграл В. В. Григорьев. В 1863—1878 гг., после отъезда из Петербурга, он первым в России читал университетский курс истории Востока. В этот период им было написано значительное количество научных трудов, в том числе на основе широкого исследования материалов по этнографии казахского народа[109]. Общеизвестны его дополнения к «Землеведению» Карла Риттера и статья «Об отношениях кочевников к оседлым», в которой рассматриваются причины нашествия кочевых народов на оседлые страны, а также характеризуются особенности религиозной идеологии казахов[110].

---

[109] В. В. Григорьев. Оренбургские киргизы, их честность и умение в торговом деле. «Народная беседа», 1864, № 1.

[110] «Журнал Министерства народного просвещения», 1875, кн. 3.

Во второй половине XIX в. заметно повысился интерес русских ученых к проблеме этногенеза казахского народа. И хотя они не могли разрешить ее, отдельные вопросы проблемы получили в их исследованиях некоторую разработку и источниковедческую базу. После Ч. Ч. Валиханова и В. В. Вельяминова-Зернова изучением этой проблемы занимались И. Алтынсарин, Г. Н. Потанин, Н. Н. Балкашин, А. Н. Харузин, Н. А. Аристов.

В 1882 г. на заседании Отделения этнографии РГО Балкашин говорил, что его исследования, между прочим, преследуют цель «выяснить, что такое киргизы: особый ли древний народ, называющий себя «казах», или позднейший союз пастушьих племен, смешанных Чингиз-ханом и его ближайшими потомками». В отчете Географического общества отмечено: «При этом г. Балкашин держался следующего метода: 1) он собирал названия киргизских родов, подродов и отделений, останавливаясь преимущественно на племенных именах; записывал в разных концах степей родословные киргизов, расспрашивал предания о прикочевке и в занимаемые ими степи и приводил в известность число душ и киргизских родов, а также пределы их кочевья; 2) собранные сведения сравнивались между собою и с прежними исследованиями киргизских орд, имеющимися в архивах и в печати..., 3) затем полученные данные сопоставлялись с летописями Рашид-ад-дина, Санан-Сецена, Абулгази, Юань-чао-миши»[111].

Таким образом, Балкашин пытался изучить целую совокупность источников, фольклорных, этнографических и письменных, русских и восточных, и решить проблему этногенеза казахского народа. Однако он не довел до конца свои исследования.

Автором одной из первых специальных работ о происхождении казахского народа был этнограф А. Н. Харузин (род. в 1864 г.), известный своими исследованиями по этнографии и антропологии Букеевской орды[112]. Однако, как и многие другие исследователи того времени, свою основную задачу он видел лишь в установлении «начала» возникновения казахской народности. Опираясь на сообщения Мухаммеда Хайдара по переводу Вельяминова-Зернова, он утверждал, что казахская народность сложилась не ранее середины XV в. и не как этнически и антропологически цельное образование, а лишь как политический союз «сво-

---

[111] Об исследованиях Н. Н. Балкашина касательно Киргизской орды. «Известия РГО», т. 18, вып. 4. СПб., 1882, стр. 255.

[112] А. Харузин. Степные очерки. М., 1888; его же. Киргизы Букеевской орды. М., 1889.

бодных, так сказать случайных, элементов», ставший возможным благодря распадению узбекского улуса Абулхаирхана[113]. Харузин был далек от понимания сущности этногенетического процесса.

Важное место в русской научной литературе занимают труды известного востоковеда и этнографа, члена Географического общества Н. А. Аристова. С 1868 по 1889 г. он служил в Семиречье.

Уже в те годы Аристов был известен как знаток культуры и быта казахского народа, «изучивший не только обычаи, но и натуру и наклонности туземцев»[114]. Колониальная администрация неоднократно привлекала его для составления законодательных и административных документов по управлению Туркестанским краем и назначала членом разных комиссий.

Н. А. Аристов много путешествовал по Туркестанскому краю. Он посетил почти все уголки Семиреченской области и неоднократно ездил в Ташкент. Особенно часто он бывал в казахских и киргизских аулах, где ему приходилось решать судебные дела и проводить в жизнь законодательные и административные распоряжения правительства. Он завел обширные знакомства среди местного населения и поддерживал со своими друзьями тесные дружественные связи. При этом, не упуская каждый благоприятный случай, он записывал казахские родословные сказания и предания и собирал сведения о расселении родов, о родовых тамгах. Этнографические и фольклорные материалы он считал ценнейшими источниками для исследования этногенеза народов.

Первые научные работы Н. А. Аристова были опубликованы в «Туркестанских ведомостях». В них освещались отдельные вопросы политики России в Средней Азии, события из жизни казахского, киргизского и уйгурского народов и их взаимоотношения[115]. Первую крупную свою работу, посвященную выяснению этнического состава казахов Старшего жуза, а также киргизов, составлявших население Семиреченской области, ученый написал после отъезда из г. Верного и издал в 1894 г.[116] В дальнейшем, продолжая свои

---

[113] А. Н. Харузин. К вопросу о происхождении киргизского народа. «Этнографическое обозрение». М., 1895, № 3.

[114] Об исследованиях Н. Н. Балкашина касательно киргизской орды. «Известия РГО», т. 18, вып. 4, 1882, стр. 255.

[115] «Туркестанские ведомости», 1871, № 6, 7, 16 и 1889, № 38—40.

[116] Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. «Живая старина», вып. III—IV. СПб., 1894.

исследования и расширив их, он создал значительный труд об этническом составе всех тюркских племен и народностей[117]. За эти труды ученый получил малую золотую медаль Русского географического общества.

В своих трудах Н. А. Аристов собрал доступные ему письменные, этнографические, фольклорные и антропологические сведения о численности и этнической структуре казахского народа, удачно проследил историю некоторых родоплеменных групп, начиная с глубокой древности, и высказал отдельные верные догадки о их происхождении. В этом и заключается ценность его трудов, хотя в них и не разрешена поставленная проблема.

Образование и деятельность Оренбургского отдела Русского географического общества

Во второй половине XIX в. Оренбург, как крупный политический и культурный центр на Востоке России, продолжал играть значительную роль в истории этнографического изучения казахского народа. До 1867 г., т. е. до образования Туркестанского генерал-губернаторства, через этот город осуществлялось управление громадным краем, в который входила почти половина современной территории Казахстана, и поддерживались дипломатические связи со среднеазиатскими ханствами. В дальнейшем политическое значение города несколько упало, но в культурном и научном отношениях роль Оренбурга благодаря деятельности отдела Географического общества заметно возросла.

Следует, однако, отметить, что Оренбургский отдел Русского географического общества возник не на пустом месте. Инициаторы создания отдела, представители местной интеллигенции, имели за своими плечами многие годы научной деятельности по изучению природы и населения Оренбургского края. Это были, в основном, чиновники и офицеры, воспитанники кадетского корпуса и школы для казахских детей при пограничной комиссии, служившие в колониальных учреждениях. Среди них назовем И. Алтынсарина, В. Н. Игнатьева, П. Н. Оводова, А. О. Пальчевского, Л. Н. и В. Н. Плотниковых, А. А. и А. А. Тилло.

Местные деятели издавали «Оренбургские губернские ведомости», в которых печатали этнографические статьи и заметки, пополняли архив новыми и ценными материалами,

---

[117] Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. III—IV. СПб., 1896.

вели полевые исследования, писали научные работы. В 1857—1868 гг. ими была предпринята попытка сбора казахских этнографических экспонатов для Казанского музея[118]. В те же годы в бассейне р. Тургай впервые производились археологические раскопки[119]. Сведения же о состоянии казахского хозяйства и его продуктивности и товарности оренбургскими чиновниками собирались систематически[120].

На основе изучения материалов Оренбургского архива и непосредственного обследования культуры и быта казахского народа в середине прошлого века было создано несколько ценных научных трудов. В этнографическом отношении большой интерес вызвали работы П. Медведского и А. Н. Тетеревникова, в которых было уделено значительное внимание описанию казахских домашних промыслов и ремесел[121].

Широко использовал материалы Оренбургского архива Л. Мейер, автор книги «Киргизская степь Оренбургского ведомства» (1865). Этот труд по своему характеру является географо-статистическим исследованием, написанным с привлечением этнографических источников. Но этнографические проблемы автор постарался обойти стороной, так как, по его мнению, этногенез казахов является неразрешимой проблемой, культура же и быт казахского народа исчерпывающе описаны А. И. Левшиным, а со времени последнего никаких существенных изменений не произошло.

В 1850—1860 гг. в Оренбургском крае жил и работал казахский этнограф М. С. К. Бабаджанов (род. 1832 — ум. ок. 1898), уроженец Внутренней орды. Он окончил Азиатское отделение Оренбургского кадетского корпуса в 1851 г., около одиннадцати лет служил в Пограничной комиссии и вышел в отставку в 1862 г.[122]

М. С. К. Бабаджанов в конце 50-х годов по своей инициативе вступил в тесные сношения с Русским географическим обществом и стал регулярно направлять в адрес Общества свои статьи, заметки и археологические и этнографические предметы. В 1861 г. Совет Общества по представлению Отделения этнографии избрал его своим членом-сотрудни-

---

[118] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2815.

[119] Там же, д. 3754.

[120] Оренбургский областной архив, ф. 6, оп. 10, д. 6768, 7041, 7707, 8566.

[121] П. Медведский. Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении. «Журнал Министерства государственных имуществ», ч. 80, 81, 1862; А. Н. Тетеревников. Очерки внутренней торговли Киргизской степи. СПб., 1867.

[122] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5536, 5585, 6085.

ком[123], а еще через год наградил серебряной медалью «За значительное содействие трудам Отделения этнографии и, между прочим, доставление статей о быте киргизов и разных этнографических предметов»[124]. Бабаджанов был первым казахом, получившим официальную награду за научные труды. Все его статьи и заметки в свое время были обсуждены на заседаниях Отделения этнографии и получили высокую оценку. Интересно отметить, что В. В. Григорьев, лично знавший казахского этнографа, считал его «способным и замечательно развитым» человеком[125].

Первые научные работы Бабаджанова были написаны в виде писем к известному русскому этнографу П. И. Небольсину, который опубликовал их с разрешения автора в столичных газетах[126]. В работах Бабаджанова освещались самые разнообразные вопросы из жизни казахов, как-то: состояние и история просвещения казахского народа, благотворное влияние на него русской культуры, взаимоотношения казахов с русскими и уральским казачеством; подвергались резкой критике невежество и отсталость казахского общества. В одной из своих работ Бабаджанов охарактеризовал примитивные религиозные представления казахов, подчеркнув, что они являются следствием заблуждения их и необразованности[127]. Описанию значения для казахов кумыса, а также питательных и лечебных свойств этого напитка он посвятил статью «Новости о кумызе»[128]. Отдельные работы были написаны им о казахской охоте и о содержании коней в казахском хозяйстве[129]. В небольших статьях описаны им археологические находки и мелкие события во Внутренней орде[130], а также результаты изучения казахских пословиц и поговорок[131].

Бабаджанов был прогрессивным ученым и горячим сторонником русского просвещения и культуры, сближения казахского и русского народов.

---

[123] «Записки РГО», кн. II, 1861, стр. 11.

[124] «Записки РГО», кн. I, 1863, стр. 74.

[125] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2929, л. 101.

[126] М.—С. Бабаджанов. Заметки киргиза о киргизах. «Северная пчела», 1861, № 4.

[127] М.— С. Бабаджанов. Географические и этнографические сведения о Нарын-песках. Ученый архив Географического общества, разряд 67, оп. 1, № 4.

[128] Ученый архив Географического общества, разряд 2, оп. 1, № 74.

[129] М.— С. Бабаджанов. Охота во Внутренней киргизской орде. «Журнал охота», 1871, № 1, 2; его же. Лошади и их воспитание во Внутренней киргизской орде. «Журнал охота», 1871, № 6, 7, 11, 12, 1871.

[130] М.— С. Бабаджанов. О каменной бабе, найденной в киргизской степи. «Этнографический сборник РГО», вып. VI, 1864.

[131] «Туркестанская туземная газета», 1876, № 28—33; 1877, № 10, 11, 12.

Этнографом был и султан М. Г. Тяукин (1813—1894). Он известен как сторонник русской культуры и просвещения и первый воспитанник-казах Азиатского отделения Оренбургского кадетского корпуса[132]. Тяукин поддерживал тесные связи с Русским географическим обществом, с Казанским музеем древностей и этнографии и был корреспондентом Вольного экономического общества. Он собирал для них казахские этнографические предметы, давал справки и писал этнографические статьи, в которых подробно описывал занятия казахов, их связи с рынком, домашние промыслы и ремесла, устройство жилища и его внутреннее убранство[133].

Решение об основании Оренбургского отдела Русского географического общества было принято в мае 1867 г., но учредительное заседание состоялось лишь в январе 1868 г. На этом первом заседании члены отдела заслушали Устав Общества, Положение об отделе и речь генерал-губернатора Н. А. Крыжановского. В речи Крыжановского были указаны главные задачи отдела: изучение производительных сил края с целью интенсивного использования его природных богатств в интересах русского капитализма и руссификация местного населения. Но политика руссификации, говорил Крыжановский, может быть успешной лишь при условии «тщательного изучения характера, истории, качеств, недостатков религии и предрассудков всех разнородных племен, населяющих Оренбургский край. Без этих познаний трудно действовать, или, вернее, можно действовать только наобум»[134]. Таким образом, этнографическое изучение края подчинялось властями интересам колониальной политики.

Оренбургский отдел Общества был образован в составе четырех отделений, в том числе этнографического во главе с председателем Н. П. Георгиевским, который совместно со своим помощником И. П. Покровским разработал программу деятельности отделения. Она была обсуждена на заседании отдела и «по важности поставленных в ней задач в деле изучения этнографии Оренбургского края, по полноте, с которой она изложена, признана общим собранием вполне соответствующею целям Географического общества и современным знаниям этнографических особенностей народностей, населяющих Оренбургский край»[135].

---

[132] В кн.: Н. Ильминский. Воспоминания об И. А. Алтынсарине. Казань, 1891, стр. 79.

[133] «Записки РГО», кн. I, 1862, стр. 30; ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2815; Записка... М. Г. Тяукина о хозяйстве, скотоводстве и других средствах к существованию ордынцев, кочующих в Зауральской степи. «Экономические записки». СПб., 1861, № 41.

[134] «Записки Оренбургского отдела РГО», вып. I. Казань, 1870, стр. 26.

[135] Там же, стр. 43.

Среди первых членов отдела были такие знатоки культуры и быта казахского народа, как В. Н. Плотников, Т. Сейдалин, Н. М. Бекчурин, Р. Г. Игнатьев, И. А. Киреевский, А. И. Оводов, А. О. Пальчевский, Л. Н. Плотников, А. А. Тилло. Несколько позднее в отдел вошли И. Алтынсарин, Б. Даулбаев, С. А. Джантюрин.

В 1870 г. отдел основал свой печатный орган «Записки», который после выхода в свет четвертого выпуска прекратил свое существование (1870, 1872, 1875, 1881). В них были опубликованы этнографические труды И. Алтынсарина, Б. Даулбаева, С. А. Джантюрина, В. Н. Плотникова, Т. Сейдалина.

Оренбургский отдел проделал значительную работу по изучению этнографии казахского народа. По заданию отдела его члены, в основном русские чиновники и грамотные и образованные казахи, собирали и записывали казахские обычаи, произведения устного народного творчества, сведения о хозяйстве и способах добычи соли, занимались переписью населения и картографированием зимних и летних пастбищ, путей перекочевок, источников воды, родорасселения. Изучались также медицинские познания казахов, народные средства врачевания и ветеринарии, движение песков, местонахождение археологических памятников. По просьбе Русского технического общества отдел собрал семена некоторых степных трав и сведения об употреблении их в хозяйстве казахов в пищу и для производства красителей.

Член отдела И. А. Киреевский написал небольшую заметку о названии Устюрта. В ней впервые указывалось, что правописание географических названий Казахской степи должно соответствовать казахскому произношению и, в частности, название плато между Каспийским и Аральским морями следует писать одним словом *Устюрт*, а не *Усть-урт* и *Усть-юрт*, как это было принято[136].

В 1872 г. отдел объявил конкурс на лучшие труды по этнографии, истории, статистике, естествознанию Оренбургского края. В последующие годы были составлены и разосланы программы по отдельным этнографическим проблемам и этнографические анкеты. В Оренбургском архиве до сих пор сохранились некоторые анкеты, заполненные грамотными казахами в 1877—1881 гг.[137]

Важной заслугой отдела явилось переиздание основных трудов П. И. Рычкова «Топографии Оренбургской» (1887),

---

[136] «Записки Оренбургского отдела РГО», вып. II. Казань, 1872, стр. 34—35; А. М. Оводов. О правописании названия «Усть-Урт». «Известия РГО», т. XI. 1876, стр. 156.

[137] Оренбургский областной архив, ф. 94, д. 112.

«Истории Оренбургской» (1896) и рукописи «Ландкарты и чертежи географические, на которых представляется Оренбургская губерния с смежными с ней местами» (1880).

Русская общественность и научные общества России высоко оценили деятельность и печатные издания Оренбургского отдела РГО и особенно первый выпуск «Записок» отдела, в котором были опубликованы труды И. Алтынсарина. Но, к сожалению, в связи с упразднением Оренбургского генерал-губернаторства в 1881 г. деятельность отдела заглохла и возобновилась лишь в 1893 г., хотя и не в прежних масштабах.

Одним из самых выдающихся деятелей Оренбургского отдела Русского географического общества и этнографического изучения казахского народа был известный казахский просветитель, педагог, писатель и этнограф Ибрай (Ибрагим) Алтынсарин (1841—1889)[138]. Первоначальное образование он получил в школе для казахских детей при Оренбургской пограничной комиссии в 1850—1857 гг., а в последующие годы серьезно занимался самообразованием под руководством русских востоковедов В. В. Григорьева и Н. И. Ильминского. Служебная же деятельность его протекала в местных учреждениях и на поприще просвещения родного народа.

Этнографию казахского народа Алтынсарин стал изучать еще в раннем возрасте и на всю жизнь сохранил к ней интерес ученого. Он систематически собирал научные материалы, хорошо знал русскую историко-этнографическую литературу о казахах и видел ее положительные и отрицательные стороны. Как ученый, он ставил перед наукой актуальные задачи и стремился внести свой посильный вклад в их разрешение. При этом задачи этнографии он непосредственно увязывал с задачей коренного преобразования культуры и быта казахского народа и улучшения его материального благосостояния. Свой напряженный труд он посвятил главной цели — быть полезным народу.

Первые научные труды Алтынсарина «Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства» и «Очерк обычаев при похоронах и поминках у киргизов Оренбургского ведомства» были написаны в 1866—1868 гг. и опубликованы Оренбургским отделом в 1870 г. Для этих работ автор взял темой своих исследований на первый взгляд частную проблему: обычаи при сватовстве и свадьбе, похоронах и поминках. Однако эти обычаи ярко характеризуют

---

[138] См. нашу статью: Ибрай Алтынсарин как этнограф казахского народа. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 16, 1962.

господствовавшие в то время в казахском ауле патриархально-феодальные отношения и непосредственно знакомят читателя с важнейшими сторонами общественной жизни казахского народа. Ценность очерков Алтынсарина заключается также в том, что они написаны на основе собственных наблюдений автора и материалов, взятых из живой жизни.

О первой работе Алтынсарина в протоколе заседания Оренбургского отдела, научная деятельность которого практически началась с обсуждения трудов казахского ученого, было сказано: «Живость, с которой рассказаны все условия и подробности брака в среде киргизских кочевников, верность рассказа с действительностью и, наконец, литературные достоинства языка, по мнению общего собрания, делают статью г. Алтынсарина ценным приобретением по части этнографии киргиз, бытовая жизнь которых до сих пор еще мало исследована»[139].

После опубликования этнографических очерков Алтынсарина, получивших высокую оценку в печати, его имя стало известно в широких кругах научной общественности России. Эти статьи были прочитаны П. П. Семеновым-Тян-Шанским, В. В. Радловым, В. В. Григорьевым, Н. И. Ильминским. Попечитель Казанского учебного округа П. Д. Шестаков, выражая общественное мнение, писал в 1873 г.: «Ибрагим Алтынсарин обращает на себя внимание не только занятиями по служебной своей деятельности, но отчасти и особыми трудами по этнографии киргизов, напечатанными в «Записках Оренбургского отдела РГО» (вып. I)».[140]

В 1872—1873 гг. Алтынсарин подготовил к печати сборник собранных им казахских песен, снабдив их подробными комментариями, но не опубликовал его. В следующем году Оренбургский отдел РГО, признавая бесспорные и значительные заслуги Алтынсарина в области исследования этнографии казахского народа, избрал его своим членом-сотрудником. Но, к сожалению, из-за служебных обязанностей он был вынужден отойти от активной деятельности в отделе. Однако глубокий интерес к этнографии наложил отпечаток на всю его последующую деятельность, хотя вопросы просвещения и образования казахского народа с середины 70-х годов заняли первое место в его жизни. Ценные этнографические сюжеты из жизни казахского народа можно найти и в письмах ученого, и в записках о народном образовании,

---

[139] Записки Оренбургского отдела РГО», вып. I. Казань, 1870, стр. 43—44.

[140] См. в кн.: Н. Ильминский. Воспоминания об И. Алтынсарине. Казань, 1891, стр. 194.

и далее в инструкциях учителям, и в ежегодных отчетах о работе школ Тургайской области.

В 1876—1879 гг. на основе этнографических материалов Алтынсарин составил «Киргизскую хрестоматию» для казахских школ. В учебник вошли стихотворения и рассказы ученого и собранные им казахские сказки и легенды, пословицы и поговорки. В стихотворениях и рассказах, как правило, изложены подлинные события, которые наблюдал сам автор, или же пересказаны фольклорные произведения. В них затронуты самые разнообразные темы: нравы и обычаи казахов, верования и обряды, их образ жизни и занятия.

Для характеристики Алтынсарина как этнографа большое значение имеют его публицистические статьи. В 1880 г. в статье «По поводу голода в Киргизской степи» он дал общее описание образа жизни, хозяйства, культуры и быта казахского народа[141]. Основной тезис статьи сводился к обоснованию мнения о вредности и ошибочности предложения газеты «Оренбургский листок» осуществить принудительный переход казахов к оседлости и земледелию. Ученый считал, что казахи неизбежно придут к полной оседлости, и выступил против насильственного ускорения этого естественно-исторического процесса. И вообще, говорил он, прежде чем проводить экономические преобразования, необходимо точно определить, насколько они приемлемы для данного народа, и нужно изучить этот народ в этнографическом отношении всесторонне и основательно.

Со статьей «По поводу голода в Киргизской степи» тематически и по идейной целеустремленности перекликается другая статья Алтынсарина «Из степей Тургайской области», опубликованная в 1882 г.[142]. Эта статья написана им в связи со слухами о намерении царизма перекроить административную карту Тургайской области, не считаясь с исторически сложившимися экономическими, политическими и культурными связями местного казахского населения.

В своих публицистических статьях Алтынсарин высказал целый ряд оригинальных мыслей и идей в отношении методов этнографического исследования, сбора научных материалов и определения культурного уровня народа, его особенностей, национальной специфики и перспективы.

Современником и сослуживцем Алтынсарина был талантливый русский художник-этнограф В. Н. Плотников (1832—1875), член-сотрудник Оренбургского отдела Географического общества. Образование он получил в Оренбург-

---

[142] Там же, 1882, № 2.

[141] «Оренбургский листок», 1880, № 17.

ском уездном училище и служил в колониальных учреждениях в Казахской степи.[143]

В 1858—1862 гг. Плотников создал свой основной труд— этнографический альбом по быту казахов, представляющий большой интерес для изучения проблем исторической этнографии казахского народа[144].

В Центральном государственном архиве Казахской ССР находится немало автографов Плотникова: рапорты, отчеты и другие деловые бумаги. Во многих из них дана характеристика казахского хозяйства, положения народа и приведены интересные этнографические материалы. Так, в его рапорте от 3 октября 1867 г. подробно описаны способы обработки казахской пашни, орудия труда, виды зерновых культур и их урожайность, ловля рыбы, болезни казахов и народные средства врачевания.[145]

Из опубликованных работ Плотникова известны его рецензия на этнографические работы Алтынсарина и описание казахских свадебных обрядов и поминок, увидевшие свет в 1870—1872 гг.[146] Эти работы характеризуют его как большого знатока культуры и быта казахского народа.

Активным членом Оренбургского отдела Русского географического общества был султан Т. А. Сейдалин (1837— ок. 1901), воспитанник Оренбургского кадетского корпуса и чиновник колониальных учреждений. Он принадлежал к тем представителям казахской интеллигенции, которые ратовали за русское образование и культуру. В зрелые годы Т. А. Сейдалин написал «Личные воспоминания о Неплюевском кадетском корпусе», в них он подверг резкой критике косность казахов, предвзятое отношение к русскому образованию.

Являясь одним из первых членов Оренбургского отдела Русского географического общества, Сейдалин вторым после И. Алтынсарина представил отделу свою в высокой степени интересную этнографическую статью «О развитии хлебопашества по бассейну р. Тургая»[147] В дореволюционной литературе нет ни одной работы, которая бы по описанию истории возникновения казахского земледелия, способов обработки пашни, ирригационных сооружений и земледельческих орудий труда, полива, уборки урожая, обмолота и приготовления пищи из зерна превзошла эту сравнительно

---

[143] См.: Э. А. Масанов. Новые сведения о В. Н. Плотникове. «Советская этнография», 1965, № 2.

[144] А. С. Бежкович. Этнографические рисунки Вл. Плотникова по быту казахов (1859—1862). «Советская этнография», 1953, № 4.

[145] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 4129.

[146] «Записки Оренбургского отдела РГО», вып. I, II, 1870—1872.

[147] «Записки Оренбургского отдела РГО», вып. I, 1870.

небольшую статью казахского этнографа. Знаток казахской библиографии А. Е. Алекторов писал о ней, что она «написана весьма обстоятельно и заслуживает полнейшего внимания»[148].

Очень большую работу проделал Сейдалин по изучению казахских юридических обычаев. При этом он не ограничился чисто юридической стороной вопроса и собрал важные этнографические материалы, что было специально отмечено Оренбургским отделом[149]. Много внимания уделял он и изучению казахского фольклора. Собранные и переведенные им на русский язык образцы казахской поэзии появились в печати в 1874 и 1875 гг. вместе с материалами С. А. Джантюрина[150].

С. А. Джантюрин (род. в 1837 г.) — воспитанник Азиатского отделения Оренбургского кадетского корпуса и действительный член Оренбургского отдела также был известным этнографом. В 1876 г., объездив многие аулы Тургайской области, он собрал большое количество этнографических предметов для конгресса ориенталистов[151]. Но доставить в Петербург эту коллекцию он не смог из-за отсутствия необходимых средств. Из научных работ Джантюрина известна его статья «Очерки киргизского коневодства», написанная на основе интересных этнографических материалов[152].

Весьма способным этнографом был член-сотрудник Оренбургского отдела Б. Даулбаев. Его биография нам неизвестна. Но сохранилась его докладная записка от 28 февраля 1857 г. на имя В. В. Григорьева, в которой он писал о себе: «Родители мои, будучи весьма бедного состояния и крайне затрудняясь в содержании своего семейства, меня, как одного старшего, отдали в работники линейным кителям. Снискивая таким образом пропитание своим родителям, я убедился, что все мои труды далеко не могут поправить нашего состояния. Между тем заметил, что люди знающие грамоте снискивают как для себя, так и для семейства своего весьма достаточное содержание, поэтому в досужное от работ время и занялся изучением русской грамоты и благодаря моим способностям и более усердию в короткое время выучился читать-писать по-русски, после чего, оставив прежние

---

[148] А. Е. Алекторов. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань, 1900, стр. 753.

[142] «Записки Оренбургского отдела РГО», вып. II, 1872, стр. 6, 45—167.

[150] Т. А. Сейдалин. Киргизские песни. «Вестник Европы», т. VI; Т. А. Сейдалин, С. А. Джантюрин. Образцы киргизской поэзии. «Записки Оренбургского отдела РГО», вып. III, 1875.

[151] ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 2008.

[152] «Журнал коннозаводства», 1883, № 7—8.

мои занятия, я принял на себя обязанность письмоводителя..., наконец, занялся изучением татарской грамоты и успел усовершенствоваться и в оном...»[153].

В. В. Григорьев, прочитав докладную записку, предположил, что Даулбаев «должно быть действительно человек с замечательными способностями», и предписал султану-правителю Восточной части М. Джантюрину удовлетворить его просьбу при первой же возможности[154].

В том же году в отношении попечителя прилинейных киргизов Жуковского сообщалось: «Почетный киргиз кипчакского рода Бийбит Даулбаев берется изготовить для Казахского музея модели юрты и джуламейки»[155].

В 1881 г. Даулбаев опубликовал статью «Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год» и получил за нее серебряную медаль Русского географического общества. Он был вторым, после М.-С. Бабаджанова, и последним казахом, удостоенным такой награды. Эта его статья занимает особое место в истории этнографического изучения казахского народа. В ней основательно были прослежены наиболее существенные культурно-бытовые изменения в жизни казахов за пятьдесят лет. Такого рода этнографические исследования, посвященные казахам, были единичны в дореволюционной литературе. Б. Даулбаев является также автором сборника казахских пословиц, опубликованного в 1894 г.[156].

70-е годы XIX в. являются самым ярким периодом в истории Оренбургского отдела Русского географического общества. Деятельность отдела носила тогда несомненно прогрессивный характер. В нем сотрудничали талантливые этнографы: И. Алтынсарин, Б. Даулбаев, В. Н. Плотников, труды которых составляют одну из лучших страниц истории этнографического изучения казахского народа в России.

Изучение южных казахов и деятельность туркестанских ученых и краеведов

В конце 50 — начале 60-х годов XIX в. политика России в Средней Азии претерпела коренные изменения. Если еще в 1856—1857 гг. царское правительство стремилось не обострять свои отношения с среднеазиатскими ханствами и даже ученым не разрешало переходить их границы, то уже в 1859 г. оно склонилось к мнению о необходимости незамед-

---

[153] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2827, лл. 5—6.
[154] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2827, лл. 1—2.
[155] Там же, д. 2815, л. 4об.
[156] Там же.

лительного соединения сыр-дарьинской военной линии с укреплением Верное и занятия значительной части территории Южного Казахстана, входившей в состав Кокандского ханства. Эти планы были осуществлены в 60—70-х годах. В 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в г. Ташкенте. В него вошли Сыр-Дарьинская (Туркестанская) и Семиреченская области.

Присоединение Туркестана и политика укрепления здесь господства царизма, колониальная эксплуатация местного населения потребовали более внимательного и ускоренного изучения этой территории в естественно-историческом и этнографическом отношениях. Первоначально особенно актуальной была задача определения целого ряда астрономических пунктов Средней Азии, изучения ее природных богатств, производства геодезических съемок, составления географических карт, разграничения границы с соседними государствами, выяснения национальной и родоплеменной структуры и расселения среднеазиатских народов, их численности, хозяйства, быта. В разрешении этой задачи большую роль сыграли военно-научные экспедиции, организованные Военным министерством и Министерством иностранных дел при участии Русского географического общества, а также Туркестанского генерал-губернаторства.

Среднеазиатское Междуречье и Закаспий в 1858—1859 гг. в научном отношении были изучены дипломатической миссией Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару и экспедицией В. Д. Дандевиля для обозрения восточного берега Каспийского моря. В них принимал участие чиновник М. Н. Галкин (род. в 1834), собравший историко-этнографические сведения о казахском и туркменском народах[157].

В Семиречье в 60-х годах путешествовали офицеры А. Ф. Голубев, М. И. Венюков, А. П. Проценко (1863), М. Путинцев (1865), В. А. Полторацкий (1867). Путешествие А. Ф. Голубева (1832—1866) относится к 1859 и 1860 гг. Он, в ссответствии с указаниями П. П. Семенова, определил шестнадцать важнейших астрономических пунктов Семиречья и собрал этнографические сведения о местном казахском населении[158].

М. И. Венюков (1832—1901) в 1859—1860 гг. возглавлял военно-рекогносцировочную экспедицию и партию топографов. В своих многочисленных работах он дал этнографиче-

---

[157] М. Н. Галкин. Этнографические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1867.

[158] А. Ф. Голубев. Отрывок из путешествия в Среднюю Азию. «Записки РГО», кн. I, 1861; его же. Озеро Алакуль. «Записки РГО по общей географии», т. I, 1867.

ское описание казахов Старшего жуза и особо казахов, кочевавших по границе[159].

В конце 60-х гг. царское правительство для изучения нового края командировало в Туркестан П. И. Пашино и А. И. Макшеева, а Русское географическое общество поддержало путешествие В. В. Радлова.

П. И. Пашино (1838—1891), востоковед по образованию, служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. В 1866 г. он был направлен в Ташкент «для сбора всех необходимых научных и других сведений о Туркестане и соседних среднеазиатских ханствах». Но менее чем через два месяца он был выслан из Ташкента, как человек «неблагонадежный и вредный для службы в Туркестанской области».

Прогрессивные взгляды П. И. Пашино, его гуманное отношение к среднеазиатским народам, демократическое общение с ними не устраивали царских сатрапов. Уряднику, сопровождавшему высланного чиновника из Ташкента в Оренбург, было «строжайше приказано наблюдать, чтобы Пашино не входил ни в какие объяснения с туземцами и вообще не позволял себе никаких противослужебных разговоров»[160].

Несмотря на столь неблагоприятные обстоятельства, П. И. Пашино все же успел собрать этнографические и статистические материалы, составившие книгу «Туркестанский край в 1866 г.» (1868).

Путешествие в Туркестан А. И. Макшеева (1822—1892) состоялось в 1867 г. Он впервые собрал приблизительные данные о численности и национальном составе населения Туркестанского края, а также об этнической структуре сырдарьинских и семиреченских казахов[161].

В начале 1868 г. В. В. Григорьев, П. П. Семенов и Ф. Р. Остен-Сакен, принимая во внимание мнение ревизионных комиссий Русского географического общества о развитии этнографических исследований в Средней Азии, внесли в Совет Общества предложение поручить учителю Барнаульской горной школы В. В. Радлову, направлявшемуся в Туркестанский край, изучить некоторые частные вопросы среднеазиатской этнографии. Авторы предложения составили также для путешественника особую программу. И хотя это

---

[159] М. И. Венюков. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. «Записки РГО», кн. 4, 1861; его же. Россия и Восток. СПб., 1877.

[160] «Туркестанские ведомости, 1891, № 41, стр. 163.

[161] А. И. Макшеев. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае. «Записки РГО по отделению статистики», т. II, 1871.

предложение было проведено в обход Отделения этнографии и впоследствии вызвало новые нарекания ревизионных комиссий, путешествие Радлова в 1868—1869 гг. в Семиречье и Туркестанский край оказалось плодотворным и полезным в научном отношении[162].

В. В. Радлов (1837—1918) начал свои путешествия еще в 1859 г. и за 10—12 лет собрал ценные и богатые материалы по лингвистике, археологии и этнографии тюркских народностей. Его труды, написанные по этим материалам, создали ему славу родоначальника русской тюркологии, замечательного знатока и исследователя тюркских языков и наречий. Третья часть его общеизвестной книги «Образцы народной литературы тюркских племен» (1870) посвящена казахам. В предисловии к ней он дал характеристику языка, литературы и быта казахского народа.

Оценивая результаты путешествия В. В. Радлова, В. В. Бартольд писал: «На этом материале и на лингвистических исследованиях В. В. Радлова основаны почти все дальнейшие успехи тюркологии как науки; в то же время отчет о путешествии Радлова... значительно обогатил наши сведения по этнографии среднеазиатских турок»[163].

В других исследованиях В. В. Радлов пытался увязать археологические материалы с письменными с целью изучения этногенеза тюркских народностей, в том числе казахов.

Этнографическую характеристику тюркских народностей В. В. Радлов дал по результатам своих путешествий 60-х годов в двухтомной книге «Aus Sibirien» («Из Сибири»), которая издавалась на немецком языке дважды в 1884 и 1893 гг. На русском языке он издал в 1887 г. лишь небольшую брошюру «Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии».

Этнографические и лингвистические материалы о казахах и других тюркских народностях, собранные В. В. Радловым, получили высокую оценку еще при самом их опубликовании. Но эти материалы не были обработаны и исследованы ученым в достаточной степени.

В. В. Бартольд, характеризуя Радлова как исследователя Средней Азии и ее населения, указывал, что, хотя В. В. Радлов «благодаря изучению современной жизни киргиз-казахов лучше большинства других исследователей мог понять

---

[162] В. Радлов. Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г. «Известия РГО», т. VI, вып. III, 1870; Письма г. Радлова в Географическое общество во время поездки в Туркестанский край. «Известия РГО», т. IV, вып. 6, 1868.

[163] В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 250.

жизнь кочевых народов прошлого и процесс образования исторических кочевых государств», все же он высказывал противоречивые и неверные мысли[164]. Так, В. В. Радлов утверждал, что якобы состояние неустойчивости (Flüssigkeit), характерное для периода войн, благоприятно отражалось на благосостоянии казахов и других кочевых народов, а мир и порядок — отрицательно. Он также считал, что в значительной части Казахской степи из-за природных условий возможно существование лишь кочевого хозяйства и попытки обратить кочевников в оседлых поселенцев приведут только к регрессу и уменьшению численности населения. Касаясь роли ислама, В. В. Радлов в одном случае восхвалял влияние этого вероучения на казахский народ, а в другом — критиковал.

Советские ученые, в частности Л. П. Потапов, признавая большую ценность фактической части этнографических трудов Радлова, отмечали порочный, антинаучный характер идейной направленности их. В этих трудах автор выступил как идеолог великодержавной казенной «науки». Ссылаясь на биологический закон борьбы за существование, расовые свойства угнетенных народов, он пытался научно оправдать колониальную политику царизма, затушевать эксплуатацию и классовую борьбу[165].

В 1867—1868 и 1869—1870 гг. в Туркестане путешествовал великий русский художник-баталист В. В. Верещагин (1842—1904). Он был приглашен К. П. Кауфманом для создания альбома по этнографии народов Средней Азии.

Свои основные полотна и зарисовки, посвященные казахам, Верещагин создал в 1867 г., во время поездки из Оренбурга в Ташкент. Эти полотна, находящиеся ныне в различных музеях страны, очень ценны для изучения отдельных элементов казахского национального костюма, так как художник стремился как можно точнее изобразить внешние детали костюмов среднеазиатских народов[166].

В 25 верстах от Казалинска, вниз по течению р. Сыр-Дарьи, Верещагин вел раскопки развалин города Джанкента, а также осмотрел там казахские могилы[167]. Он зарисовал некоторые казахские могилы, мавзолеи (богатых и бедных людей), узоры на гончарных и кирпичных изделиях, най-

---

[164] В. В. Бартольд. Памяти В. В. Радлова. «Известия РГО», т. IV, вып. I, II, 1919.

[165] Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М. — Л., 1953, стр. 34.

[166] В. В. Верещагин. От Оренбурга до Ташкента. «Всемирный путешественник», 1874, № 5.

[167] В. В. Верещагин. Развалины Джанкента. «Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник», вып. III. СПб., 1874.

денных в развалинах Джанкента, остатки гончарных труб водопровода.

Развалины Джанкента и другие археологические и архитектурные памятники в Приаралье изучал в 1867 г. П. И. Лерх[168]. Он был командирован туда Археологической комиссией и Академией наук после появления в печати статьи В. В. Стасова «Неучи и доки», в которой автор выдвинул предложение о необходимости изучения и охраны развалин Джанкента[169].

С образованием Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. Ташкент стал одним из крупнейших центров научного изучения природы и населения Средней Азии. Во второй половине XIX в. здесь возникли научные общества, библиотека, типография, издавались газеты и книги, появились местные кадры ученых, которыми были организованы научные экспедиции. Колониальная администрация, заинтересованная в быстрейшем освоении новой территории, изучении ее производительных сил, в организации «разумной эксплуатации края», в известной степени поддерживала научные изыскания русских ученых. Однако дореволюционная буржуазная историография сильно преувеличивала эту поддержку и особенно роль первого генерал-губернатора К. П. Кауфмана в истории изучения Туркестана. К. П. Кауфмана, стоявшего у власти почти пятнадцать лет (1867—1882), буржуазные авторы подобострастно называли «устроителем края».

Между тем, многие мероприятия научного характера, осуществленные при жизни Кауфмана, были подсказаны ему русскими учеными и образованными чиновниками и офицерами, служившими в Туркестане. При осуществлении их, разумеется, интересы колониальной политики ставились превыше всего. Все эти вопросы получили детальное освещение в книге Б. В. Лунина «Научные общества Туркестана и их прогрессивная роль» (1962).

Туркестанские ученые немало потрудились в области этнографического изучения казахского народа. Они впервые охватили экспедиционным обследованием некоторые, ранее совершенно неизвестные науке группы казахского населения, например казахов Хивинского оазиса, Кызыл-Кумов, долины р. Сыр-Дарьи, собрали ценные этнографические материалы и значительно более углубленно, всесторонне и тщательнее, чем прежде, исследовали культуру и быт южных казахов. Результаты их научной деятельности впервые

---

[168] П. И. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870.

[169] В. В. Стасов. Собрание сочинений, т. II, СПб., 1894.

были опубликованы в газете «Туркестанские ведомости», первый номер которой вышел в свет 28 апреля 1870 г.

Вопрос об основании «Туркестанских ведомостей» был поднят статистиком С. А. Идаровым, автором ряда научных трудов, посвященных среднеазиатским и другим восточным народам.

2 февраля 1868 г. С. А. Идаров обратился в Туркестанский статистический комитет с особой запиской, в которой говорилось: «Статистические, этнографические и географические сведения о новопокоренном и малоизвестном Туркестанском крае, естественно, возбуждают любознательность ученых исследователей и внимание русского общества. Учрежденный в этом крае статистический комитет обязан *официальным путем* собирать материалы для науки и подвергать оные критической обработке, но частные лица, имеющие богатые сведения о Средней Азии или живущие в ней и изучающие ее, могли бы делиться своими трудами, если бы статистическому комитету, для удовлетворения ученой русской любознательности и привлечения частных деятелей, разрешено было издание *ученой*, местной, *неполитической* газеты». По мысли С. А. Идарова, такая газета должна была бы состоять из двух отделов: официального для публикации правительственных и генерал-губернаторских распоряжений и приказов и чисто ученого, в котором бы печатались «статистические, этнографические и географические исследования о здешнем крае и сопредельных с ним странах, в *особых прибавлениях* к ведомостям, по мере накопления материалов и критической их обработки»[170]. В этой же записке автор предлагал открыть в Ташкенте публичную библиотеку.

Туркестанский статистический комитет на своем заседании 7 февраля 1868 г. одобрил предложения С. А. Идарова и постановил обратиться к генерал-губернатору с соответствующим ходатайством[171]. Отсюда видно, что первую в Туркестане газету задумал основать вовсе не генерал-губернатор, как это утверждается буржуазной историографией. К. П. Кауфман лишь принял предложение С. А. Идарова и Туркестанского статистического комитета. Но при этом, не доверяя комитету, он решил основать газету как орган генерал-губернаторской власти с несколько необычной программой: «Газета должна была сообщать правительствен-

[170] Отдельное мнение члена Туркестанского статистического комитета С. А. Идарова. «Ежегодник. Материалы для статистики Туркестанского края», вып. I. СПб., 1872, стр. 229.

[171] «Журнал Туркестанского статистического комитета. Ежегодник. Материалы для статистики Туркестанского края», вып. I. СПб., 1872.

ные и административные распоряжения, относящиеся до Туркестанского края, способствовать всестороннему изучению его и для этого помещать преимущественно серьезные, научные статьи, касающиеся Туркестана. Статьи чисто беллетристические, повести, романы и т. п. устранялись. Полемические статьи, носящие характер личного спора, совершенно не допускались. Вопросы политические и социальные, касающиеся внутренней жизни России, затрагивались лишь в той мере, поскольку касались они интересов Туркестанского края»[172].

В течение первых пяти лет существования «Туркестанских ведомостей» Кауфман сам редактировал газету и только в конце 1874 г. разрешил редактору Н. А. Маеву «докладывать ему лишь наиболее важные из предназначенных к помещению в газете статьи».

«Туркестанские ведомости» до 1903 г. выходили еженедельно. Кроме того, четыре раза в месяц (2 раза на узбекском и два раза на казахском языках) издавались «Приложения» к ним, получившие название «Туркестанской туземной газеты». Задачей последней было ознакомление местного населения с правительственными и административными распоряжениями, а также, в общих чертах, с географией и историей России. Первым редактором ее был Ш. М. Ибрагимов, опубликовавший в газете много материалов по этнографии казахского народа. В 1883 г. «Туркестанская туземная газета» стала самостоятельной газетой на русском и узбекском языках.

Хотя «Туркестанские ведомости» были официальным органом генерал-губернаторской канцелярии и социальные вопросы в них не освещались, они сыграли огромную роль в истории научного изучения Туркестана и в развитии общественной мысли. Этому обстоятельству много содействовал редактор Н. А. Маев и большая группа русских ученых и передовых деятелей, сгруппировавшихся вокруг газеты.

В первых номерах «Туркестанских ведомостей» были опубликованы статистические материалы о численности населения Туркестанского края, о расселении и национальном составе местных народов, о количестве скота и размерах пашни в различных уездах и волостях. Одновременно в газете печатались этнографические заметки и статьи, произведения фольклора, исторические материалы.

Многие сотрудники и корреспонденты «Туркестанских ведомостей» весьма серьезно изучали этнографию казахского народа. Из них следует назвать Н. А. Маева, А. П. Хо-

---

[172] «Туркестанские ведемости», 1895, № 30.

рошхина, Ш. М. Ибрагимова[173], Г. С. Загряжского, Н. А. Аристова, П. М. Зенкова, Г. А. Арендаренко.

Плодотворными были путешествия и научная деятельность в Туркестанском крае Н. А. Маева (1835—1896), бессменного в течение 23 лет первого редактора «Туркестанских ведомостей», члена многих научных обществ, в частности Русского географического общества. Его труды по статистике, этнографии и топографии Туркестана общеизвестны. Он принимал деятельное участие в организации некоторых местных научных обществ, в развитии в Туркестане этнографии и всемерно способствовал изданию краеведческих и этнографических работ. «Туркестанские ведомости» в годы его пребывания на посту редактора этой газеты превратились в известной степени в своеобразный этнографический орган, в котором были опубликованы многочисленные этнографические материалы и дана информация о всех научных изысканиях в крае. В газете систематически давался обстоятельный обзор новейшей этнографической литературы о казахском народе.

По утверждению Маева, в 60-х годах в русской литературе появилось два противоположных мнения о значении русской цивилизации для народов средней Азии: 1) народ Средней Азии «понял дарованные ему благодеяния мира и свободы и оттого сделался чуть не идиллически кроток», так как «превосходство нашей (русской) цивилизации» очевидно даже азиату, и 2) Россия, «избавив народ от гнета и деспотизма его прежних правителей, внесла в край другое зло: мертвящее бюрократическое начало, с которым мы никогда здесь прочно не усядемся, а еще долго будем держаться только штыками».

И то и другое мнение Н. А. Маев считал одновременно правильным и неправильным. Он писал: «От прилива русских людей с новыми понятиями жизнь туземцев должна была бы исподволь измениться; но для этого надобно прежде всего, чтобы масса русских пришельцев была значительна, затем, чтобы они не держались тесной кучкой, а прямо слились бы с туземным народом, вошли в его жизнь, обобщили интересы обеих народностей, но твердо и неподатливо сохраняли бы свои народные особенности, гордились ими, не относясь в то же время с обидным пренебрежением к чуждым туземным обычаям», администрация же должна «выработать себе систему управления краем, систему, основанную, конечно, не на фантазиях, не на теоретических выводах, а на всестороннем изучении страны и народа и их

[173] Э. А. Масанов. Ш. М. Ибрагимов — друг Ч. Ч. Валиханова. «Вестник АН КазССР», 1964, № 9.

физических и расовых особенностей»[174]. Эти взгляды, несомненно, «отражали настроения той части русской интеллигенции, которая искренне стремилась познать край, служить в нем честно, делать свое дело добросовестно и в меру своих сил и возможностей содействовать улучшению жизни народов Туркестана, поднятию их материального и культурного уровня»[175].

Н. А. Маев очень рано стал изучать историю и этнографию казахского народа. Уже в одной из его первых серьезных работ «Путеводитель от С.-Петербурга до Ташкента» (1870) рассматривались такие важные вопросы, как кочевой образ жизни, родоплеменное деление казахов, происхождение названий *киргиз* и *каракиргиз* в отношении к казахам и киргизам и был дан «Краткий очерк распространения русского господства в Киргизской степи и в Средней Азии с 1732 по 1868 г.».

В других работах Маев по результатам своих путешествий охарактеризовал природу Казахской степи, ее топографию, археологические и архитектурные памятники и привел отдельные сведения о казахском народе. В частности, в его статье «От Ташкента до Кульджи» описана могила Ч. Ч. Валиханова, снискавшего «почетную известность своими литературными трудами по географии и истории Средней Азии». Он выражал озабоченность, чтобы не погибла в казахском народе «дорогая для русских память о султане Валиханове»[176]. Довольно интересна и статья его «К вопросу о родственной связи среднеазиатских народов между собою»[177]

Н. А. Маев много внимания уделял изучению роли, значения и техники среднеазиатской ирригации. И если он ошибочно считал, что на Аму-Дарью надвигается целое песчаное море, которое неминуемо поглотит со временем земледельческие оазисы в долине этой реки, независимо от состояния орошения, то в долине Сыр-Дарьи, другой могучей среднеазиатской реки, по его мнению, местная ирригация была способна обеспечить дальнейшее развитие цивилизации, увеличение пашни, получение высоких урожаев. В статье «Ирригационные работы в Казалинском уезде» он описал восстановление казахами древней оросительной сис-

---

[174] Н. А. Маев. Наше положение в Средней Азии. «Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник», вып. III. СПб., 1874.

[175] Б. В. Лунин. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент, 1962, стр. 21—22.

[176] «Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник», вып. II, СПб., 1873, стр. 301.

[177] «Туркестанские ведомости», 1872, № 16.

темы, распашку ими новых земель, установку водоподъемных механизмов (атпа, шағыр). При этом в статье отмечалось, что мероприятия царизма по административно-территориальному делению Казахской степи носят искусственный характер, не прививаются в жизни, а на Сыр-Дарье, например, затрудняют ирригационные работы. Местное население очень часто не считается с этими мероприятиями[178].

Н. А. Маев принимал активное участие в работе местных научных обществ, в частности Туркестанского статистического комитета. Им были разработаны программы статистических и медико-статистических исследований в Туркестанском крае. Под его редакцией вышли в свет четыре сборника «Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник» (1872—1876), в которых были опубликованы ценные этнографические материалы о народах Туркестана и переизданы наиболее важные этнографические статьи из «Туркестанских ведомостей». Этот сборник издавался Туркестанским статистическим комитетом, учрежденным в 1868 г. и проделавшим очень большую работу по изучению народов Туркестана, в том числе казахов Приуралья и Семиречья, их численности, родоплеменной структуры и расселения, расположения зимних и летних пастбищ, состояния скотоводческого и земледельческого хозяйства.

При самом основании Туркестанского статистического комитета С. А. Идаров, определяя задачи комитета, указывал на необходимость систематического сбора этнографических и географических сведений о крае и своевременного их опубликования, так как в прошлом «материалы громадной важности, неопубликованные вовремя, бесследно пропадали, подобно многим трудам Валиханова об этой же стране»[179].

Туркестанским ученым принадлежит инициатива этнографического изучения казахов Кызыл-Кумов. В 1872 г. здесь побывал этнограф А. П. Хорошхин. Он родился (ок. 1842 г.) и вырос на Нижнеуральской линии, пограничной с казахскими аулами, и в детстве изучил казахский язык. Образование он получил в Оренбургском кадетском корпусе, в котором воспитанников готовили к службе в колониальном аппарате, а затем в 1859—1865 гг. служил в Первом уральском полку. К этому времени относится одна из его первых работ, весьма любопытная в этнографическом отношении статья «На переправе (очерк быта прилиней-

---

[178] «Туркестанские ведомости», 1879, № 22.

[179] Отдельное мнение члена Туркестанского статистического комитета С. А. Идарова. «Ежегодник. Материалы для статистики Туркестанского края», вып. I. СПб., 1872, стр. 229.

ных киргизов»[180]. В 1865 г. А. П. Хорошхин перешел на службу в Туркестанский край и принимал участие в походах против среднеазиатских ханств. В 1875 г. он был убит в бою.

В «Русском инвалиде», «Военном сборнике» и в «Туркестанских ведомостях» в 1869—1874 гг. А. П. Хорошхин опубликовал около трех десятков статей, переизданных после его смерти, в 1876 г., отдельным сборником. Этнографии казахов уделено внимание в статьях: «От Оренбурга до Казалинска», «От Казалинска до Ташкента», «От Ташкента до Токмака», «Очерки Семиречья», «Народы Средней Азии», «Из дорожных заметок от Самарканда до Оренбурга», «По кочевьям киргизов на северо-восток и восток от Тамды», «Кызыл-Кумы», «Кызыл-кумский дневник».

Характеризуя свои работы, А. П. Хорошхин писал: «Заметки мои имеют характер по-преимуществу топографический, хотя местами касаются и этнографии края; впрочем, как в том, так и в другом случае, без малейших претензий на специальность...» В другом месте он отмечал: «Грустно сознаться в том, что мы плохо еще знаем киргизов, недостаточно сильны нашим нравственным на них влиянием, что мы не имеем хороших путей и вообще ходим по Средней Азии пока ощупью, отчего подчас и спотыкаемся»[181]. Что же касается кызыл-кумских казахов, то они были, по его мнению, совершенно неизвестны науке. Хорошхин неплохо знал историко-топографическую литературу о казахском народе. И хотя он подчеркивал, что не является специалистом-этнографом, интересные и ценные работы, написанные им, характеризуют его как исследователя и человека с прогрессивными взглядами, стоявшего в ряду лучших русских этнографов Средней Азии.

Для этнографии казахского народа наибольший интерес представляет «Кызыл-кумский дневник» А. П. Хорошхина, относящийся к 1872 г. В этом году в составе военного отряда Хорошхин сопровождал «Комиссию для организации управления кызыл-кумскими киргизами» и ежедневно «записывал все интересное, пополняя заметки расспросами более или менее компетентных туземцев». Этнографические сведения о казахах встречаются на протяжении всего дневника, а в конце выделены «исторический» и «этнографический» очерки. В историческом очерке автор привел казахские легенды о заселении Кызыл-Кумов, а в этнографическом — сведения о населении их, родоплеменной структуре,

---

[180] А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края СПб., 1876.

[181] А. П. Хорошхин. Указ. раб., стр. 2, 76.

расселении, численности и занятиях местных казахов. Отдельно описаны им колодцы, методы их строительства, очистки и использования, так как в Кызыл-Кумах снабжение водой населения и скота является жизненно важной проблемой.

Постоянным сотрудником «Туркестанских ведомостей» был знаток культуры и быта казахского народа Г. С. Загряжский (род. в 1838 г.), служивший с 1867 г. иссык-кульским, затем токмакским, а с 1870 г. перовским уездным начальником. Он был членом Среднеазиатского ученого общества и Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Им было написано несколько значительных работ по этнографии казахского и киргизского народов. Особенностью этих работ является глубокое освещение ряда важных этнографических вопросов, на которые другие авторы обычно не обращали внимания.

В обширной статье «Очерки Перовского уезда» Г. С. Загряжский показал, что казахи прекрасно знали режим Сыр-Дарьи и умело использовали разливы реки в интересах поливного земледелия[182]. Ценность другой статьи его «Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи» заключается в детальном описании техники и изделий домашних промыслов и некоторых ремесел казахского народа, а также других сторон его материальной культуры, занятий, нравов и обычаев[183]. Как указано выше, Г. С. Загряжский изучал и юридические обычаи казахского народа. Однако, посвятив свои труды казахам и киргизам, он дал им общую характеристику, не выделив их национальные и этнографические особенности. По-видимому, Загряжский не представлял себе достаточно четко, что казахи и киргизы являются двумя отдельными народностями, хотя и родственными и имеющими много общего в истории, культуре и быте.

В «Туркестанских ведомостях» печатались также интересные статьи Г. А. Арендаренко, служившего с 1867 г. джизакским, а затем самаркандским уездным начальником. Будучи знатоком местных обычаев и этнографии таджиков, узбеков и казахов, он пытался сопоставить культуру и быт этих народов и выяснить их взаимовлияния.

В статьях «Ирригация Туркестанского уезда», «К вопросу о киргизах» и «Кишлак Карнак» Г. А. Арендаренко охарактеризовал состояние поливного земледелия в Туркестанском уезде. По его свидетельству, казахи в 70-х годах для орошения полей проводили арыки и прокапывали кяри-

[182] «Туркестанские ведомости», 1871, № 29.
[183] «Туркестанские ведомости», 1874, № 25, 27—32.

зы. Но земельные споры между отдельными группами местного населения наносили ирригации большой вред, так как вследствие аграрных недоразумений ирригационные сооружения часто забрасывались и приходили в упадок[184].

Ученые Туркестана, изучавшие производительные силы края, обследовали и домашние промыслы, ремесла и промышленность населения Средней Азии. В анонимной статье «Заметки о производительности Туркестанского края по отношению к войскам, в нем расположенным» (1872) автор подробно описал производство в казахских аулах кож, овчин, войлока, армячины, циновок, вьючных седел, юрт[185].

Одним из ценных начинаний туркестанских ученых было составление «Туркестанского сборника». Известный библиограф В. И. Межов (1831—1894) с 1868 по 1887 год в 416 томах сборника переиздал русскую и иностранную литературу о Туркестане. В отдельных томах эти произведения располагались в хронологическом и по возможности тематическом порядке. В сборнике была представлена и основная русская литература о казахском народе. В результате составления сборника русская и местная интеллигенция получила в свое распоряжение прекрасный источник для изучения природы и населения Средней Азии и Казахской степи.

В 1872 г. в Ташкенте был подготовлен к изданию сборник «Русский Туркестан», в который вошли научные труды туркестанских ученых по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. Тогда же вышел в свет «Туркестанский альбом», изданный лишь в нескольких экземплярах. Издавая этот альбом, составители его М. И. Бродовский, А. Л. Кун и М. А. Терентьев преследовали цель: «наглядно представить а) прошедшую жизнь края в сохранившихся древних памятниках (археологическая часть), б) современную жизнь населения — типы, верования, обряды, обычаи, жилища, костюмы и виды более населенных местностей края (этнографическая часть), в) культуру страны в промышленном и техническом отношениях (промысловая часть) и г) движение русских в Туркестане (историческая часть)».

Туркестанские ученые участвовали в экспедициях, связанных с хивинским походом 1873 г. Хивинский оазис был в то время одним из наименее изученных уголков Туркестана. Поэтому было решено использовать сложившуюся исто-

---

[184] Там же, № 26, 29, 35; Г. А. Арендаренко. Досуги в Туркестане. (1874—1889), СПб., 1889.

[185] Сб. «Русский Туркестан», вып. III. СПб., 1872, приложение.

рическую обстановку, наступление русских войск на Хиву для организации научных экспедиций. П. И. Лерх разработал для них специальную инструкцию под названием «Вопросы, предлагаемые Русским географическим обществом при исследовании Хивинского ханства и сопредельных с ним степей в географическом, этнографическом и культурно-историческом отношениях» (1873).

Экспедиции в Хивинский оазис дали науке богатые материалы. Участники их изучали культуру и быт казахов Южного Приаралья и низовьев Аму-Дарьи. В этом отношении особенно ценны труды А. В. Каульбарса (род. в 1844). Он служил в Туркестане с 1869 г.

По материалам экспедиции 1873 г. Каульбарс написал большую монографию «Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г.» В ней два раздела — «Племя казаки [киргизы], населяющее дельту Аму-Дарьи» и «Условия жизни казаков, населяющих дельту Аму и ее окраины» — посвящены казахам. О казахах также говорится в двух других разделах: «Религиозные верования и взаимные отношения народностей, населяющих дельту» и «Владение землею как причина разлада народностей, населяющих дельту». Кроме того, в монографии описана ирригационная сеть, созданная казахами в низовьях Аму-Дарьи. Общая численность казахов дельты Аму-Дарьи определялась примерно в 43—45 тысяч человек.

В 1874 г. в Туркестане работала Аму-Дарьинская экспедиция Русского географического общества. Она руководствовалась особой программой. Для пятого этнографо-статистического отряда экспедиции программа предусматривала изучение племенного состава населения, языка и памятников народного творчества, наружности, физических свойств и состояния здоровья жителей, а также изучение их жилища, домашней утвари, одежды, обуви, оружия, пищи, занятий, ремесел, торговли, семейного быта, поземельных владений, народного образования, составление списка населенных мест.

Член этнографо-статистического отряда Аму-Дарьинской экспедиции художник Н. Н. Каразин (1842—1908) изучал культуру и быт казахского народа. В период завоевания Туркестана и подчинения России среднеазиатских ханств он принимал участие почти во всех походах русских войск. Кроме того, позднее, в 1879 г., в составе Самарской ученой экспедиции он побывал в Кызыл-Кумах и оттуда проехал в Казалинск.

Будучи этнографом, художником и писателем, Каразин делал зарисовки, характеризующие быт среднеазиатских

народов, писал очерки, повести и романы, собирал этнографические и фольклорные материалы. Этнографические рисунки иллюстрируют и украшают почти все его произведения. Из них особенно интересен альбом «От Оренбурга до Ташкента» (1886), снабженный подробными пояснениями художника. Многие рисунки Каразина увидели свет в журнале «Нива», где они снабжены любопытными с точки зрения этнографии пояснениями. Таковы его рисунки «Отдых киргизов после охоты», «Табун в степи во время бурана» и другие[186].

Туркестанскими деятелями во второй половине XIX в. было опубликовано немало трудов компилятивного характера. Правда, эти труды не имеют серьезного научного значения, но они сыграли определенную роль в пропаганде этнографических знаний и в истории ознакомления русского народа с народами Средней Азии.

Автором ряда наиболее известных компилятивных трудов, содержащих материалы по этнографии казахского народа, был Л. Ф. Костенко (1841—1891), типичный представитель монархическо-колонизаторского направления в историографии Средней Азии. Прослужив в Туркестане около двадцати лет, он детально ознакомился с русской литературой о крае и на основе ее написал монографии: «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности» (1871) и «Туркестанский край» (1880), в которых дал сравнительно полную этнографическую характеристику южных казахов.

Несмотря на компилятивный характер трудов А. Ф. Костенко, в них имеются оригинальные мысли. Так, во второй главе книги «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности» он говорил: «Мы (Россия. — *Э. М.*) до сих пор следовали по ложному пути относительно просвещения казахов. Мы старались развить в них магометанство, то есть силу диаметрально противоположную просвещению. Дело зашло, однако, не так далеко и легко поправимо, благодаря естественному отвращению казахов к магометанским обрядам и догматам. Русская гражданственность в казахских аулах может привиться скорее, чем в оседлых мусульманских странах». Так ярый монархист был вынужден критиковать наиболее реакционные стороны колониальной политики царизма, который более сотни лет опирался в Казахской степи на ислам и султанскую знать.

Развитие культуры, науки и просвещения в Туркестане способствовало росту рядов местной интеллигенции. Известно, что в 70-х годах в некоторых школах края преподавание

[186] «Нива», 1882, № 7, и 1883, № 3.

вели казахи, узбеки и представители других народностей, получившие русское образование. Как свидетельствует Н. П. Остроумов, в 1874 г. в русской школе в Чимкенте учителем русского языка был казах Хасанов[187].

В 1879 г. в Ташкенте была открыта учительская семинария. В ней должны были готовить учителей из местного населения. Но число нерусских воспитанников в семинарии было незначительным. За четверть века в ней обучалось всего пятьдесят четыре казаха. Наиболее одаренные из них интересовались изучением истории и этнографии своего народа.

В 1883 г. воспитанник семинарии казах Иш-Мухаммед Букин опубликовал статью «Физическое и умственное воспитание у киргиз»[188] и издал «Русско-киргизский и киргизско-русский словарь», получивший высокую оценку в печати. Ибрай Алтынсарин рекомендовал этот словарь русским учителям Тургайской области. В предисловии к словарю автор писал: «Выпуском в свет настоящего издания я желал облегчить как своим сородичам-киргизам, так и дорогим моим соотечественникам — русским возможность обмена мыслей на том и другом языках».

Другой воспитанник семинарии, Худабай Кустанаев, в 1894 г. опубликовал брошюру «Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов». В предисловии к ней Н. Воскресенского отмечалось: «Как этнографический этюд настоящие «Очерки» явились плодом наблюдательности воспитанника IV класса Туркестанской учительской семинарии Худабая Кустанаева в отношении быта киргиз. Не представляя законченного исследования и не претендуя, как ученическая работа, на особые научные достоинства, «Очерки» эти тем не менее в достаточной степени знакомят с некоторыми свойственными жизни киргиз характеристическими чертами, которые до сего времени по своей недостаточности были неизвестны европейцам-наблюдателям, изучавшим быт киргиз и писавшим специальные исследования по сему предмету (Левшин и другие)...».

На брошюру Худабая Кустанаева в русской прессе были опубликованы весьма положительные рецензии Н. Катанова, А. Липовского и Н. Лыкошина. Н. Ф. Катанов писал о необходимости нового издания.

Таким образом, туркестанские ученые в 1870—1880 гг. проделали значительную работу по изучению культуры и быта казахского народа. Ими были собраны интересные и

---

[187] Н. П. Остроумов. Сарты. «Этнографические материалы», вып. I. Ташкент, 1908, стр. 140.

[188] «Туркестанские ведомости», 1883, № 17.

важные научные материалы и исследованы некоторые актуальные этнографические проблемы. Историко-этнографическая литература, созданная туркестанскими учеными, составила десятки отдельных монографических, журнальных и газетных трудов, явившихся весомым вкладом в науку. Благодаря этим трудам русская и мировая общественность впервые получила некоторое представление о кызыл-кумских, хивинских и сыр-дарьинских казахах. И хотя работы туркестанских авторов носят преимущественно описательный характер, сведения, содержащиеся в них, представляют большую ценность для науки.

Многие русские авторы, посещавшие казахские аулы и жившие в них, затем точно и тщательно описывали результаты своих непосредственных наблюдений и впечатлений, не прибедняя и не приукрашивая действительность. Прогрессивно настроенные представители туркестанской интеллигенции с большой симпатией относились к нерусскому населению Средней Азии и выступали в печати с требованиями пресечения реакционного влияния ислама, развития русского просвещения, земледелия и оседлого образа жизни, улучшения благосостояния казахов и других местных народов. Эти авторы изучали национальный состав населения Туркестана, его численность, локальные особенности и специфические стороны культуры и быта, объективно относились к оценке этнографических явлений, старались изучить местные языки.

Вместе с тем господствовавшая полуофициальная этнография высокомерно и предвзято подходила к изучению культуры и быта туркестанских народов, пренебрежительно относилась к их нуждам, призывала власти отнимать у них ирригационные сооружения и наиболее плодородные пашни, усилить колониальный гнет и не различала казахов от киргизов и даже узбеков. Так, Е. Т. Смирнов в своей книге «Сыр-Дарьинская область» (1887) писал: «Узбеком можно назвать равно безошибочно и казанского или крымского татарина, и степного киргиза, и любое тюркское колено долины Зеравшана и берегов Аму-Дарьи»[189].

Власти Туркестана в известной степени поддерживали научные изыскания в крае, стремясь использовать их в интересах колониальной политики. Особенно много внимания они уделяли изучению местных юридических обычаев для усиления господства царизма и усовершенствования эксплуататорского аппарата.

К чести туркестанских ученых следует сказать, что в их среде раздавались протесты против монархическо-колониза-

[189] Е. Т. Смирнов. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887, стр. 46.

торского направления в историографии края. В 1894 г., когда С. А. Давыдова[190], после поездки в Туркестан, выступила за ликвидацию у казахов и других народов края тех видов кустарных промыслов и ремесел, существование которых представлялось невыгодным для российского капитализма, К. М. Оберучев, один из видных деятелей Туркестанского отдела Русского технического общества, резко осудил эти взгляды.

К. М. Оберучев, горячо доказывавший необходимость детального и основательного изучения прошлого и настоящего кустарных промыслов народов Средней Азии, писал, что авторы типа С. А. Давыдовой, «задавшись узкоутилитарными целями, — извлекать из местных промыслов выгоды для промышленности Европейской России», забывают культурное и экономическое значение для самих туземцев их промыслов, ставят крест над всем, до чего додумался и доработался ум туземца в области техники, рекомендуют оставить его на той же высоте, какой он достиг, и все свое внимание обращают на добывание сырья[191].

Образование и деятельность Западно-Сибирского отдела Русского географического общества

В Западной Сибири во второй половине XIX в. крупнейшими культурными центрами были города Омск, Семипалатинск, Тобольск и Томск. В них существовали научные учреждения, статистические комитеты, музеи, учебные заведения, библиотеки, типографии. В Тобольске и Томске с 1857 г. издавались губернские ведомости, а в Омске и Семипалатинске с 1871 г. — областные ведомости. Вокруг этих газет первоначально группировались научные силы края, на основании которых затем был создан самостоятельный отдел Русского географического общества.

Города Тобольск и Томск продолжительное время превосходили по своему экономическому, политическому и культурному значению Омск. Только с 1839 г., с превращением в резиденцию западносибирских генерал-губернаторов, Омск стал постепенно занимать ведущее положение в крае. Но в 70-х годах это был еще небольшой город.

---

[190] С. А. Давыдова. Кустарная промышленность Средней Азии «Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России». СПб., 1894, стр. 37—68.

[191] К. М. Оберучев. Изучение кустарных промыслов Туркестанского края. «Туркестанские ведомости», 1894, № 72; его же. Несколько слов о кустарных промыслах в Туркестане. «Туркестанские ведомости», 1894, № 41.

Представители западносибирской интеллигенции, увлекавшиеся изучением родного края, уделяли внимание и исследованию природы и населения Казахской степи. Известны имена Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, П. А. Словцова, С. И. Гуляева, А. Н. Абрамова, П. А. Золотова, И. Русанова, Н. Н. Балкашина.

Н. А. Абрамов (1812—1870) окончил Тобольскую семинарию, двадцать лет работал учителем, а затем с 1852 г. служил в Омске и Семипалатинске в колониальных учреждениях. Он изучал историю и этнографию народов Западной Сибири и Казахской степи. В его многочисленных мелких статьях и заметках, частью уже упомянутых выше, точно описаны ценные этнографические материалы, но отсутствуют обобщения. Работы Абрамова, описательные по своему характеру, отражают состояние сибирской историографии в середине XIX в.

Много писал о казахском народе И. Русанов. Биография его нам не известна. Почти все его научные труды были опубликованы в «Томских губернских ведомостях», которые он в 1862 г. подписывал как редактор. Из содержания работ Русанова видно, что он объездил с целью изучения местных архивов почти все города Западной Сибири и путешествовал в Казахской степи. Его статья «О ремесленности у киргиз» написана в станице Баян-Аул[192]. В 1866 г. Русанов объединил свои статьи в одну работу, но не опубликовал ее[193].

И. И. Завалишин является автором трехтомного «Описания Западной Сибири» (1862—1867), написанного на основе архивных литературных и полевых материалов. Он правильно указывал, что казахи стояли в то время на более высокой ступени культурного развития, чем другие нерусские народы Западной Сибири. Но он заблуждался, считая, что культурному развитию казахов способствовал ислам. Вместе с тем он верно указывал на большое значение русской культуры для казахского народа.

В середине XIX в. царское правительство предприняло широкое географо-статистическое обследование страны силами офицеров Генерального штаба. В связи с этим мероприятием в Области сибирских киргизов работал офицер Н. И. Красовский. В 1868 г. он опубликовал свой труд «Область сибирских киргизов», состоящий из трех частей.

Н. И. Красовский сделал попытку обобщить наряду с географо-статистическими и экономическими материалами и историко-этнографические, полевые, архивные, литературные. Ему удалось собрать богатые материалы и дать подроб-

---

[192] «Воронежский листок», 1863, № 10.
[193] ЦГИАЛ, ф. 853, оп. 1, д. 241.

ное описание материальной культуры казахского народа, его занятий и хозяйства, домашних промыслов и ремесел, быта, нравов, обычаев, верований. В историческом введении и во второй главе «Жители» он подробно проанализировал соответствующую русскую этнографическую литературу, поставил проблему этногенеза казахского народа и попытался разобраться в родоплеменной структуре и родорасселении Среднего жуза. К характеристике нравов и обычаев казахского народа Красовский подошел предвзято и не увидел в них ничего положительного. Он отрицал культурное влияние русского народа на казахов и, коснувшись взаимоотношений обоих народов, нелюбовь казахов к царским колонизаторам выдал за нелюбовь к русскому народу.

В Области сибирских киргизов, так же как и оренбургских, во второй половине XIX в. были этнографы-казахи. Сибиряком был Ч. Ч. Валиханов, о научной деятельности которого говорилось выше. Необходимо теперь сказать несколько слов о его отце Чингисе Валиханове и дяде М. Ч. Чорманове. В 1896 г. Г. Н. Потанин писал: «Султан Чингис, его сын Чокан и Муса Чорманов были самыми сведущими в степных обычаях людьми. В архивах омских канцелярий, вероятно, найдется немало трактатов и записок о киргизском хозяйстве или о киргизских судебных порядках и т. п., или составленных Чоканом по собранным им лично данным, или написанных под диктовку Мусы или султана Чингиса»[194]. Весьма характерно также сообщение А. К. Гейнса, что в 1865 г. в Области сибирских киргизов самые важные этнографические сведения могли сообщить степной комиссии только Чингис Валиханов и М. Чорманов[195].

Чингис Валиханов (род. в 1811) получил образование в училище Сибирского линейного казачьего войска, переименованного в 1845 г. в Сибирский кадетский корпус. Он и его семья были преданы России. В 1843 г. Чингис, как отмечено в его формулярном списке, «личным участием в экспедициях против мятежного султана Кенесары Касымова особенно содействовал успеху русских военных отрядов, за что был награжден золотой медалью...»[196]. По службе ему иногда приходилось исполнять различные поручения научного характера. В то время, как правило, многие научные мероприятия, например сбор материалов, осуществлялись по просьбе научных учреждений через колониальную администрацию. Известно, что в 40-х годах Чингис Валиханов в

---

[194] Г. Н. Потанин. В юрте последнего киргизского царевича. «Русское богатство», 1896, № 8, стр. 78.

[195] А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. I. СПб., 1897, стр. 328.

[196] ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1. д. 1932.

соответствии с указанием председателя Пограничной комиссии собирал произведения казахского фольклора.

Сам Чингис Валиханов не опубликовал ни одной работы. Но его материалы широко использовали Чокан Валиханов и Потанин. А. К. Гейнс в своих трудах полностью передал свою беседу с ним, в которой были охарактеризованы казахские ремесла[197] Чингис Валиханов принимал участие почти во всех русских выставках последней трети XIX в., посылая на выставки ценные экспонаты; некоторые из них до сих пор сохранились в музеях страны.

М. Чорманов еще при жизни прослыл известным знатоком культуры и быта казахского народа. Он был братом матери Ч. Ч. Валиханова. Его отец Чорман был прославленным бием. Да и сам он отличался незаурядными способностями. Не получив никакого образования и рано потеряв отца, он достиг больших успехов самообразованием. В 1833—1869 гг. Чорманов служил в колониальных учреждениях.

Ч. Ч. Валиханов называл Чорманова «на редкость чудесным человеком»[198], а Потанин — «одним из наиболее европеизированных киргиз»[199]. По словам автора его некролога Д. П. Путинцева, Чорманов был верен России и враждебно относился к реакционному движению Касымова. Он помогал русским людям бежать из плена на родину. С русским населением Баян-Аульского округа он поддерживал тесные дружественные отношения. Будучи убежденным сторонником русского образования и просвещения, он поощрял открытие русских школ и оказывал школам материальную помощь.

М. Чорманов испытал значительное влияние Валиханова, которое сказывалось как в его служебной, так и научной деятельности. Д. П. Путинцев писал: «Вся жизнь и цель Мусы Чорманова была исполнена забот и стремления ко благу киргизского народа, и много времени потратил он на составление различных проектов, с которыми и обращался к генерал-губернаторам»[200]. В этой характеристике несомненно содержится элемент идеализации личности Чорманова, который хотя и отличался прогрессивными взглядами, например понимал великое значение для казахов русской культуры и дружбы с русским народом, но оставался крупным феодалом и эксплуататором трудящихся масс. Однако, как свидетельствуют документы, Путинцев прав, утверждая,

---

[197] А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. I, стр. 254—263.

[198] Ч. Валиханов. Письмо отцу Чингису от 9 августа 1960. «Простор», 1960, № 9, стр. 143.

[199] В кн.: Ч. Ч. Валиханов. Соч., 1904, стр. V—VI.

[200] «Акмолинские областные ведомости», 1885, № 39.

что Чорманов был инициатором и автором ряда проектов улучшения положения казахского народа.

Один из первых и известных проектов, «Докладная записка подполковника Чорманова об упразднении Баян-Аульского приказа», был написан Чормановым совместно с Валихановым в 1864 г. Проект отстаивал интересы народа и вносил предложение о наделении казахов зимовками и лесными угодьями.

М. Чорманов вносил также предложения об установлении обязательного обучения детей казахской знати в русских учебных заведениях с правом поступления впоследствии на гражданскую службу; о замене выборов должностных лиц из казахов жеребьевкой с целью пресечения злоупотреблений; высказывался за переселение безземельных русских крестьян в Казахскую степь.

В период работы в Казахской степи Степной комиссии (1865—1866 гг.) Чорманов переписывался с членом комиссии Гейнсом и высказывал свои соображения о законодательных мероприятиях царизма. В некрологе Чорманова указывается также, что в 1884 г. он приехал в Омск с новым «проектом о нуждах любимого народа», но, не успев представить проект по назначению, скоропостижно скончался. Известно, кроме того, что Чорманов относился критически к деятельности колониальных учреждений. Он также хлопотал об увековечении памяти Валиханова.

Ч. Ч. Валиханов постоянно поручал Чорманову сбор этнографических материалов и требовал от него серьезного отношения к этому делу. Со временем Чорманов увлекся казахской этнографией. Первоначально он ограничивался передачей накопленных материалов Валиханову, Потанину[201] и Гейнсу[202]. Но уже в 1871 г. он передал «Семипалатинским областным ведомостям» свои законченные этнографические статьи, увидевшие свет в том же году[203]. Спустя двенадцать лет его статья появилась в столичном журнале. В ней подробно освещались хозяйство и производство из продуктов скотоводства различных предметов домашнего обихода, утвари, войлока для покрытия юрты[204] В семье Чорманова сохранились его обстоятельные ответы на семнадцать

---

[201] Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV, 1883.

[202] А. К Гейнс. Собрание литературных трудов, т. I, стр. 323—338.

[203] М. Чорманов. Поминки по усопшим. «Семипалатинские областные ведомости», 1871, № 32; его же. Зимовки, или зимние кочевки киргизов. Там же, 1871, № 37.

[204] М. Чорманов. О скотоводстве у киргиз Западной Сибири. «Сельское хозяйство и лесоводство», 1883, № 1.

вопросов этнографического характера, увидевшие свет лишь в 1905 г.[205]. Остается добавить, что Чорманов, как и Чингис Валиханов, участвовал в русских выставках[206].

Изучение вопроса об участии казахов в русских выставках имеет важное значение для этнографии, так как на них экспонировались многие предметы казахского быта и изделия народных мастеров, неизвестные или малоизвестные науке. Обычно в отчетах и других источниках о выставках даны более или менее подробные описания этнографических коллекций и отдельных экспонатов.

Во второй половине XIX в. казахские экспонаты демонстрировались на всех русских выставках, а также на всемирной 1867 г. В 1876 г. казахские экспонаты, предназначенные для демонстрации на Третьем Международном съезде ориенталистов в Петербурге, предварительно были выставлены в Омске и подробно описаны в печати[207].

По решению Главного управления Западной Сибири, в 1870 и 1880 гг. устраивались степные выставки на байгах «в видах улучшения хозяйства и промышленности киргизов». Эти выставки не оправдали возлагавшихся на них надежд, но сохранившиеся описания некоторых из них весьма интересны для изучения техники и изделий казахских домашних промыслов и ремесел[208].

В середине XIX в. научные силы Западной Сибири состояли в основном из действовавших в одиночку любителей-краеведов и собирателей естественно-исторических, географических, статистических, историко-этнографических материалов. Они были чиновниками и офицерами и занимались наукой лишь в свободное от службы время. Многие из них изучали природу и население края попутно с основным своим занятием и во время служебных поездок. При этом неизведанный досконально край часто ставил перед ними трудные задачи. Но в условиях отсутствия научных обществ, соответствующего печатного органа, средств, а также поддержки или даже просто одобрения властей активность краеведов-одиночек то усиливалась, то ослабевала и была малорезультативной.

В Западной Сибири уже в середине XIX в. ощущалась необходимость организации научного общества. Однако открытие в 1851 г. Сибирского отдела Русского географическо-

---

[205] М. Чорманов. Заметка о киргизах Павлодарского уезда. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. XXXII, 1906.

[206] ЦГА КазССР, ф. 460, оп. 1, д. 26.

[207] «Акмолинские областные ведомости», 1876, № 12, 14.

[208] «Акмолинские областные ведомости», 1876, № 15; ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4099.

го общества затормозило появление научных обществ в Западной Сибири. Первоначально предполагалось, что Сибирский отдел будет заниматься изучением природы и населения всей Сибири. Но последний сосредоточил свое внимание на Восточной Сибири. В 1868 г., когда превращение Сибирского отдела Русского географического общества в Восточно-Сибирский стало бесспорным фактом, в Омске было организовано «Общество исследователей Западной Сибири». Оно просуществовало около десяти лет и исчезло почти бесследно, не оставив никаких печатных трудов.

Западно-Сибирский отдел был открыт в 1877 г. при поддержке местных властей, заинтересованных в изучении края и организации более систематической эксплуатации его природных богатств и населения. Это обстоятельство четко изложено в ходатайстве генерал-губернатора Н. Г. Казнакова в Совет Географического общества об учреждении отдела в Омске Он писал: «Раскинутая на огромном пространстве Западная Сибирь, вследствие ее географического положения и разноплеменности обитателей, представляет во всех отношениях много различных, совершенно своеобразных явлений, изучение которых, кроме общего интереса, важно для местной администрации при решении разных, возникающих иногда, весьма существенных практических вопросов, по управлению краем. Имеющиеся в настоящее время скудные и недостаточные сведения о нем не составляют между собою ничего общего или представляют выводы и заключения, в основе которых лежат данные, иногда происхождения весьма сомнительного. Подобного рода сведения, конечно, не могут дать верного и всестороннего понятия ни о природе страны и ее естественных богатствах, ни о быте ее жителей, их хозяйстве, промыслах и торговле, тогда как подробное, научное исследование всего этого чрезвычайно важно, ибо оно может служить опорою во всех начинаниях, имеющих целью какие-либо улучшения в крае»[209].

В «Положении о Западно-Сибирском отделе РГО» задачи отдела были изложены следующим образом: «Западно-Сибирский отдел РГО, под ближайшим руководством генерал-губернатора Западной Сибири, занимается изучением как этого края, так равно и сопредельных с ним стран Средней Азии и Западного Китая, в отношениях собственно-географическом, геологическом, естественно-историческом, этнографическом, статистическом, археологическом и археографическом»[210].

---

[209] П. П. Семенов. История полувековой деятельности Русского географического общества 1845—1895, ч. II, 1896, стр. 490.

[210] «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. I, 1879, стр. 1.

Таким образом, территория Казахстана была включена в область деятельности Западно-Сибирского отдела с самого начала существования этого учреждения. Фактически же отдел изучал лишь восточную часть Казахской степи, которую составляли три области: Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, образовавшие в 1882 г. Степной край.

Среди первых членов отдела были известные сибиреведы Г. Е. Катанаев, М. В. Певцов, И. Я. Словцов, А. И. Сулоцкий. Затем к ним примкнули Н. Н. Балкашин, С. И. Гуляев, И. А. Козлов, Г. Н. Потанин, Н. Ф. Усов, Н. М. Ядринцев. Но были здесь и далекие от науки люди, которых привлекало лишь звание члена и покровительство отделу генерал-губернатора. Вообще же в отделе до конца XIX в. явно господствовало омское офицерство во главе с генштабистами и военными топографами, направлявшее его деятельность в угодное для властей русло.

Наиболее активные члены отдела по служебным причинам не могли систематически вести научные исследования и совершать экспедиционные поездки. В 1882 г. была сделана попытка привлечь к работе учителей с высшим образованием в надежде, что они в каникулярное время займутся полевыми исследованиями. Однако эта затея оказалась бесплодной. В результате научные материалы поступали в отдел спорадически, а экспедиции организовывались очень редко. Если бы не служебные поездки, которые обычно использовались и в научных целях, то деятельность отдела, по-видимому, заглохла бы совсем.

С 1877 по 1890 г. отдел не смог организовать ни одной экспедиции, в программе которой специально оговаривались бы этнографические задачи Г. Н. Потанин уже в первый год существования отдела сделал сообщение, посвященное казахским легендам, и высказал пожелание, чтобы отдел собирал эти легенды и содействовал экономическим и этнографическим исследованиям в Казахской степи[211]. В дальнейшем Потанин неоднократно напоминал об этом, но, по-прежнему, почти безрезультатно. Не дало заметных практических результатов и распространение составленной в 1880 г. Н. М. Ядринцевым «Программы для исследования инородцев Западной Сибири» и этнографической программы Потанина (1889 г.). Отсутствие необходимых средств и условий тормозило работу отдела.

Отдел не всегда шел навстречу пожеланиям русских ученых и даже тогда, когда для этого представлялась возможность. Так, например, он необоснованно отклонил просьбу

---

[211] «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. 3, 1881, извлечения из протоколов, стр. 4.

Потанина об опубликовании в «Записках» отдела двух небольших, но чрезвычайно важных научных работ Валиханова о древнем казахском вооружении и шаманстве; ответил отказом и на другую просьбу Потанина о выделении пятисот рублей на издание собрания сочинений Валиханова под редакцией Н. И. Веселовского.

Отделу часто предлагались для опубликования историко-этнографические труды о казахском народе. В 1878 г. Н. А. Золотов (1823—1879), собиравший архивные материалы по истории заселения Казахской степи, передал в отдел четыре старинные рукописные тетради, в частности «Дело о древнем родопроисхождении киргиз-кайсаков», в котором, между прочим, находилась подлинная записка по этому предмету капитана Андреева (1790 г.) и «Записка сведениям, требуемым Сибирским господином генерал-губернатором Сперанским в 1819 г.»[212]. Эти материалы также не увидели свет. Вместе с тем портфель редакции «Записок» был почти всегда пуст, и отдел неоднократно обращался к своим членам с просьбой писать статьи для «Записок».

В 1880-х годах Западно-Сибирский отдел, за исключением статьи Н. Зеланда, в которой казахский этнографический материал не локализован и не дифференцирован от киргизского, не опубликовал ни одной специальной работы по этнографии казахского народа[213]. Но сбору этнографических материалов, наряду с геоботаническими, географическими, статистическими, некоторые члены отдела, например В. К. фон-Герн, Н. Н. Балкашин, Р. М. Закржевский, А. М. Никольский, М. В. Певцов, И. Я. Словцов, В. Тихменев, В. Фишер, М. А. Шестаков, придавали важное значение и попутно изучали отдельные стороны культуры и быта казахского народа.

Особенно интересные этнографические материалы собрал И. Я. Словцов (ум. в 1906 г.), изучавший в 1878 г. флору и фауну Кокчетавского уезда. В тот год в Кокчетаве проводились конные состязания — байга и выставка продуктов казахского хозяйства. На выставке были представлены изделия казахских домашних промыслов и ремесел и присутствовали ремесленники, демонстрировавшие зрителям свое искусство. Воспользовавшись столь благоприятным случаем, Словцов подробно описал экспонаты выставки, технику производства различных ремесленных изделий и инструменты ремесленников. Он приветствовал открытие выставки, счи-

---

[212] «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. I, 1879, стр. 4—5.

[213] Н. Зеланд. Киргизы — этнографический очерк. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. 7, вып. 2, 1885.

тая, что «выставки вводят даровитую киргизскую народность в активное общение с народами оседлыми, ставят ее на одну колею, по которой движется культурная жизнь...»[214].

Этнографом по призванию был М. А. Шестаков. На заседаниях Западно-Сибирского отдела он выступил с несколькими этнографическими докладами из жизни казахского народа. Ему принадлежит неосуществленная отделом идея организации этнографической экспедиции в Казахскую степь. Сам же он часто посещал казахские аулы. При этом он не был беспристрастным наблюдателем. Его интересовали причины отсталости и тяжелого положения нерусских народов Западной Сибири. В отделе он выступил с докладом «Бедственное экономическое положение инородцев Сибири, как главнейшая причина их вымирания»[215].

Широко использовал казахские этнографические материалы в своих трудах Г. Е. Катанаев (1848—1922), возглавлявший распорядительный комитет и Западно-Сибирский отдел в 1891—1897 гг. Он изучал культуру и быт прииртышских казахов и сибирских казаков, сравнивал эти две группы населения Западной Сибири, пытаясь выяснить их культурное взаимовлияние и уровень культурного развития[216].

Г. Е. Катанаев поднял также архивные источники по истории Казахской степи XVII—XVIII вв. и ставил вопрос об этнических границах и этнической территории казахского народа. При этом вопреки историческим фактам он утверждал, что якобы до середины XVIII в. территория Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей почти пустовала и казахи «еще не ступали на нее даже ногой»[217].

С выходом в свет трудов Н. М. Ядринцева «Сибирские инородцы» (1891) и «Сибирь как колония» (1892, 2-е издание) прогрессивные тенденции в деятельности отдела стали проявляться заметнее. В «Записках» были опубликованы ценные труды П. Е. Маковецкого, В. П. Михайлова, В. Ос-

---

[214] И. Я. Словцов. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 г. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. 21, 1897.

[215] «Отчет Западно-Сибирского отдела РГО за 1886—1888 годы». Омск, 1888, стр. 5, 8—9, 19—21.

[216] Г. Е. Катанаев. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке (к вопросу о культурном взаимодействии рас). «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. XV, вып. 2, 1893.

[217] Г. Е. Катанаев. О поступательном движении киргиз Средней орды к границам Западной Сибири, его значении и вероятных причинах. «Акмолинские областные ведомости», 1885, № 14; «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. XVI. вып. 2—3. 1894, стр. 5.

тафьева, Ю. А. Шмидта, В. Шнэ[218]. Как правило, эти авторы не скрывали своих симпатий к казахскому народу.

П. Е. Маковецкий в статье «Юрта (летнее жилище киргизов)» смело осуждал шовинистические высказывания о казахском народе в русской литературе. Он писал: «Мы, европейцы, гордые сознанием превосходства своей культуры, свысока относимся к киргизам, считая их полудикарями, недостойными нашего внимания. Такое отношение несправедливо. Не говоря уже о практическом значении изучения жизни управляемого нами народа, ближайшее знакомство с бытом кочевников представляет значительный научный интерес». Оно «важно не только для понимания современного быта киргизов, но и ведет к уразумению истории развития человечества. В наших исследованиях степи мы допускаем именно ту ошибку, что при оценке явлений экономической и общественной жизни киргизов часто принимаем за критерий понятия, выработанные европейской наукой и жизнью. При таком отношении весьма естественно должны получаться неверные выводы»[219].

Сходные мысли высказывал и Ю. А. Шмидт. Он был также обеспокоен возможным отрицательным влиянием Сибирской железной дороги на казахский народ[220]. П. Е. Маковецкого поддерживали В. А. Остафьев, исследовавший влияние колонизации Казахской степи на кочевое хозяйство[221].

Однако внутри Западно-Сибирского отдела подчас раздавались и шовинистические и преувеличенно предвзятые высказывания о казахском народе. Так, в 1894 г. член отдела П. И. Соколов в докладе о лесах Петропавловского уезда необоснованно охарактеризовал казахов как хищных истребителей лесов и предложил «переместить все [казахские] зимовые стойбища, разбросанные в настоящее время в лесных местностях, в особые определенные пункты», или, иначе говоря, в своего рода резервации.

Доклад П. И. Соколова был подвергнут резкой и основательной критике. Г. Е. Катанаев, П. Е. Маковецкий, К. П. Михайлов, Д. Г. Розальон-Сошальский опровергали основ-

---

[218] В. Шнэ. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. 17, вып. 1, 1894.

[219] «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. XV, вып. 3, 1893, стр. 1.

[220] Ю. А. Шмидт. Очерк киргизской степи к югу от арало-иртышского водораздела в Акмолинской области. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. 17, вып. 2, 1894.

[221] В. А. Остафьев. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. 18, вып. 2, 1895, 62 стр.

ные выводы докладчика. К. П. Михайлов подчеркивал, что казахи не только не истребляют леса, но, напротив, берегут их. Предложение же о поселении казахов большими группами Маковецкий назвал крайне рискованным, опасным и совершенно неприемлемым[222]. По его мнению, этот эксперимент в тех условиях мог привести лишь к разрушению казахского хозяйства и к гибели народа.

Критика реакционной литературы и шовинистических взглядов, раздававшаяся в отделе, а также сочувственное и благожелательное отношение к казахскому народу многих его руководящих членов насторожили власти. Вместе с тем реакционно настроенные члены отдела, чиновники и офицеры, не имевшие ничего общего с наукой, но преобладавшие на общих собраниях, стали выражать открытое недовольство деятельностью распорядительного комитета. В результате в начале 1896 г. на общих собраниях произошли резкие столкновния, которыми поспешил воспользоваться генерал-губернатор. Он распустил распорядительный комитет, дела поручил единоличному ведению председателя и предложил провести своего рода «перерегистрацию» членов отдела. Фактически отдел в это время распался.

В начале 1897 г. председателем отдела был избран начальник Омского военно-топографического отдела Ю. А. Шмидт и работа возобновилась, но количество членов сократилось в несколько раз. Власти же уже не доверяли тем лицам, которые создали славу отделу и продолжали руководить им. Новое грубое вмешательство генерал-губернатора привело в 1900 г. к отставке Шмидта и к выходу из отдела видных ученых.

Таким образом, Западно-Сибирский отдел проделал определенную работу в области этнографического изучения казахов Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей. Он собрал ценные материалы, важные для исследования истории казахской культуры последней четверти XIX в. Многие видные деятели отдела были связаны с прогрессивными элементами русского общества. Они объективно, не приукрашивая действительности и не предвзято, описывали свои этнографические наблюдения. Некоторые из них понимали большое научное значение этнографических материалов как для изучения казахского народа, так и для решения общетеоретических этнографических проблем мировой науки.

Члены отдела поднимали голос в защиту казахского народа и смело писали о бедственном положении трудящих-

---

[222] «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. 17, вып. 2, 1894, стр. 4—7, протоколы.

ся масс. Царские власти всячески заглушали этот голос. Они препятствовали проведению объективных исследований, критике реакционных работ и появлению в печати трудов прогрессивного характера.

Однако Западно-Сибирский отдел ушел от специального и всестороннего обследования культуры и быта казахского народа. Собственно к организации этнографических экспедиций он и не стремился, хотя некоторые ученые ставили этот вопрос.

Для деятельности Западно-Сибирского отдела особенно характерна недифференцированность изучений. Этнографические материалы по существу собирали почти все члены отдела, посещавшие казахские аулы, несмотря на то, что в большинстве они были не этнографами, а геоботаниками, зоологами, географами, геодезистами, топографами, астрономами, статистиками. Это обстоятельство привело к тому, что собранные этнографические материалы носили случайный характер, изучение отдельных родоплеменных групп и различных сторон культуры и быта казахского народа отличалось неравномерностью, авторы поставляли научно необработанные и неисследованные полевые материалы. Вместе с тем, не владея научным методом познания и истолкования явлений жизни, при методологической незрелости, члены отдела, как и другие дореволюционные буржуазные авторы, не могли поднять этнографическое изучение на достаточную научную высоту.

Казахская этнографическая проблематика в периодической прессе

Во второй половине XIX в. этнографические сведения о казахском народе нашли широкое отражение в русской периодической прессе. В газетах, издававшихся в Оренбурге, Ташкенте, Семипалатинске, Омске и ряде других городов России, систематически печатались фольклорные произведения казахского народа и этнографические материалы, авторами которых были чиновники и офицеры, сотрудники местных отделов Русского географического общества, учителя, а также образованные казахи. Из центральных газет большое внимание казахской тематике уделяла газета Н. М. Ядринцева «Восточное обозрение», издававшаяся в Петербурге в 1882—1887 гг. В 1888 г. эта газета была переведена в Иркутск. Она ставила задачу: «дать, по возможности, правдивую картину жизни Востока в ее многообразных проявлениях, попытаться определить роль русской национальности на азиатском Востоке и ее общечеловеческое признание, а также выразить нужды и потребности русско-

го общества на окраине». В статье «Кочевой быт и исследования в степях» Ядринцев особо выдвигал задачу всестороннего антропологического и этнографического изучения казахского народа[223].

Ввиду отсутствия источников по многим важным разделам исторической этнографии казахов, газетные материалы, особенно те из них, в которых описываются результаты непосредственных наблюдений авторов, имеют определенную научную ценность и исследователям приходится принимать их во внимание.

Самой первой газетой на восточных окраинах России были «Оренбургские губернские ведомости». В 50-х годах, благодаря деятельному участию в работе редакции газеты В. Ханыкова, занимавшего в те годы пост гражданского губернатора Оренбурга, она прославилась как серьезное научно-литературное издание. Среди ее корреспондентов были большие знатоки истории, культуры и быта казахского народа: В. В. Вельяминов-Зернов, В. Завьялов, И. М. Казанцев и другие. По утверждению одного автора, «отношение к инородцам газета обнаруживала самое дружелюбное...»[224]. Однако с 60-х годов казахские этнографические материалы стали появляться в «Оренбургских губернских ведомостях» все реже и реже. Газета постепенно ограничила свои интересы одной только Оренбургской губернией. В последней трети XIX в. в ней было напечатано всего лишь несколько заметок о политических событиях в Казахской степи, о торговле с восточными народами и статья П. А. Юдина «Киргизы»[225].

Много внимания казахской этнографической тематике уделяла первая частная газета на востоке страны «Оренбургский листок», издававшаяся в 1876—1905 гг. Основателем этой либерально-прогрессивной газеты был правитель канцелярии попечителя Оренбургского учебного округа И. И. Евфимовский-Мировицкий (1839—1905). В своей программе редакция указывала, что она готова предоставить столбцы газеты для опубликования исторических, географических, статистических и этнографических материалов, посвященных народам Оренбургского края. В дальнейшем газета оправдала эту программу и получила известность общественно-литературного и научного издания.

---

[223] «Восточное обозрение», 1886, № 12.

[224] П. Н. Столпянский. Официальная и официозная пресса в Оренбургском крае. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии»; вып. XII. Оренбург, 1903, стр. 30.

[225] П. А. Юдин. Киргизы. Этнографический очерк. «Оренбургские губернские ведомости», 1890, № 52 и 1891, № 1—5.

В 90-х годах в Оренбурге появились и другие газеты. С 1891 г. издавались «Тургайские областные ведомости», которые в первые годы редактировал чиновник И. И. Крафт, автор научных трудов по истории казахского народа. Спустя четыре года неофициальная часть этой газеты, систематически печатавшая казахские этнографические и фольклорные материалы, стала выходить по воскресеньям под названием «Тургайская газета». Статьи по этнографии казахов печатала также частная газета «Оренбургский край», издававшаяся в 1893—1894 гг.

В Омске, как уже отмечалось, с 1871 г. выходили «Акмолинские областные ведомости». В Ташкенте с 1872 г. печатались «Туркестанские ведомости», в Семипалатинске с 1871 г. — «Семипалатинские областные ведомости» и в Уральске с 1868 г. — «Уральские войсковые ведомости». Все эти газеты печатались на русском языке и были доступны лишь лицам, служившим в колониальных учреждениях. Многие же представители так называемой туземной администрации, казахи по национальности, не знали или плохо знали русский язык. Владея арабской грамотой, они читали книжки, издававшиеся мусульманскими проповедниками. Колониальные власти, считая необходимым печатать правительственные и административные распоряжения на казахском языке и как-то противостоять мусульманской панисламистской пропаганде, стали издавать газеты на казахском языке. В Ташкенте в 1872—1883 гг. два раза в месяц на казахском языке печаталась «Туркестанская туземная газета», а в Омске в 1888—1902 гг. еженедельно выходила на русском и казахском языках (параллельно) газета «Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям», переименованная в 1894 г. в «Киргизскую степную газету».

Все эти газеты являлись рупорами идей местных властей и служили интересам колониальной политики. Ни одна из них не стояла, да и не могла стоять, на революционно-демократических позициях, хотя среди редакторов и корреспондентов этих газет встречались и передовые люди.

В то время русские колониальные власти были убеждены в том, что для успешного управления подвластными нерусскими народами надо знать эти народы, их обычаи и верования, особенности хозяйства и быта. Эта точка зрения была сформулирована в 1898 г. редакцией «Тургайской газеты», которая писала: «Знание бытовой жизни народа — одно из условий для управления этим народом. Каковы бы ни были штрихи их бытовой жизни, желательны ли или нет, они очень важны для этнографа и администратора. Первый, по этим штрихам, знакомится с жизнью народа, а второй,

кроме этого, усваивает все стороны этой жизни на случай борьбы с отрицательными, нежелательными явлениями»[226].

Поэтому все эти газеты и уделяли большое внимание этнографической тематике, излагая этнографические материалы в духе колониальной политики царизма. Но несмотря на неусыпное око колониальных властей, передовым представителям русской и казахской общественности удавалось в своих этнографических статьях и заметках выступать в защиту коренных интересов казахского народа и исторически прогрессивных путей его развития.

Реакционные круги России считали нежелательным и даже вредным публикацию материалов по истории происхождения казахского народа и освещение в газетах его культуры и быта, тем более с демократических позиций. Они встречали в штыки появлявшиеся в газетах политически заостренные публикации, которые содействовали подъему национального самосознания казахов. Но так как колониальной администрации не удавалось предупредить появление подобных публикаций, то реакционеры предлагали вообще прекратить печатание этнографических материалов. В конце 1889 г. Н. И. Ильминский в письме к обер-прокурору святейшего Синода К. П. Победоносцеву прямо потребовал прекратить издание неофициальной части «Особого прибавления к «Акмолинским областным ведомостям», печатавшей этнографические и фольклорные материалы.

Н. И. Ильминского особенно возмутила публикация отрывков из книги А. Вамбери «Тюрки (в этнологическом и этнографическом отношениях)», содержание которой, по его мнению, с одной стороны, будет непонятно, неинтересно и даже вредно основной массе казахского народа, а с другой — может подогреть националистические чувства казахской феодально-буржуазной интеллигенции[227].

Позицию Н. И. Ильминского разделяли и генерал-губернатор Г. А. Колпаковский и его преемник М. А. Таубе. В архиве Ильминского сохранилась до сих пор не изученная исследователями переписка этих колонизаторов, из которой видно, что оба они были недовольны содержанием «Особого прибавления к «Акмолинским областным ведомостям» и деятельностью редактора И. А. Козлова. В конце концов М. А. Таубе уволил последнего и потребовал от нового редактора К. Михайлова печатать преимущественно материалы законодательного и административного характера[228].

---

[226] «Материалы по этнографии киргиз Тургайской области». Приложение к «Тургайской газете». Оренбург, 1898, стр. 1.

[227] «Письма Николая Ивановича Ильминского». Казань, 1895, стр. 322—323.

[228] ЦГА КазССР, ф. 825, оп. 1, д. 13, лл. 61—65, 87, 88.

Таким образом, власти вмешивались бесцеремонно в деятельность газет, издававшихся колониальными учреждениями и определяли их политическое направление. Что же касается частных газет, то власти или попросту закрывали неугодные им газеты, или при помощи цензуры добивались их лойяльного отношения к царизму.

Особенно настойчиво преследовалась основанная в 1881 г. «Сибирская газета», в которой часто печатались казахстанские материалы[229]. Цензура вырезала целые полосы этой газеты, несколько раз приостанавливала ее издание, а затем и вовсе закрыла ее. В мае 1881 г. газета вышла с пустыми местами, текст которых был запрещен цензурой. Власти преследовали «Сибирскую газету» за сотрудничество в ней политических ссыльных, за выступления в защиту нерусских народов от произвола царских чиновников.

К концу XIX в. казахская этнографическая тематика заметно вытесняется со страниц периодических изданий. Но в некоторых газетах, например, в «Уральских войсковых ведомостях», это произошло еще раньше. В 1878 г. в одной из рецензий на эту газету указывалось: «Просматривая «Уральские ведомости» за истекший год, мы положительно озадачены их бессодержательностью по отношению к местным интересам края»[230].

Из всех газет, издававшихся колониальной администрацией, самыми реакционными были «Семиреченские областные ведомости». Неофициальная часть этой газеты редактировалась священником, который вообще не пропускал в газету публицистические или научные материалы. «Семиреченские областные ведомости» по существу были полицейской газетой, которая и подписывалась чинами местной жандармерии.

В области этнографии деятельность вышеуказанных газет, за исключением «Семиреченских» и «Уральских ведомостей», в основном сводилась к расширению круга этнографических источников, путем публикации новых материалов. Для достижения этой цели печатались этнографические программы и обращения о присылке в газеты этнографических заметок, сообщений и образцов произведений казахского фольклора.

Среди корреспондентов газет было немало казахов нередко выступавших с заметками и статьями этнографического характера и проявлявших большой интерес к изучению культуры и быта своего народа. Однако в идейном

---

[229] Джайляу. (Из киргизского опыта). «Сибирская газета», 1881, № 51.

[230] «Оренбургский листок», 1878, 8 января.

отношении печатные выступления казахских корреспондентов не достигли той высоты и размаха, которые были характерны для трудов Ч. Ч. Валиханова и И. Алтынсарина. Среди них были и авторы, занимавшие откровенно реакционные позиции.

Заслугой газет является пропаганда трудов русских этнографов и востоковедов В. В. Вельяминова-Зернова, А. И. Левшина, Г. Н. Потанина, В. В. Радлова, А. Н. Харузина, писавших о казахах. В газетах были опубликованы интересные очерки о жизни и деятельности И. Алтынсарина, Ч. Валиханова, П. И. Рычкова.

На страницах газет часто появлялись статьи о казахском хозяйстве. В них, наряду с характеристикой состояния казахского кочевого и полукочевого скотоводства и его значения для страны, подробно говорилось об умении казахов рационально использовать пастбища и луга в разные времена года, о способах выпаса скота и борьбы с гололедом, о трудовом опыте табунщиков и пастухов, о перекочевках, о значении верховой езды[231].

Всесторонне освещалось в газетах развитие казахского земледелия и переход казахов к оседлости. В статьях, посвященных этим вопросам, описывались казахские земледельческие орудия труда, примитивные ирригационные сооружения, методы обработки пашни и уборки урожая[232]. При этом на страницах «Киргизской степной газеты» разгорелась острая дискуссия о перспективах развития казахского оседлого хозяйства. Реакционные авторы, представители и идеологи феодальной верхушки казахского общества, восхваляли кочевой образ жизни и патриархальную старину, пророчили бедствия оседлому хозяйству и предостерегали казахов от занятия земледелием. В то же время передовые русские и казахские публицисты и этнографы в развитии оседлого земледельческого хозяйства видели будущее казахского народа и неустанно пропагандировали свои идеи.

---

[231] Киргизы-пастухи. «Оренбургский край», 1893, № 97; Простой способ борьбы с джутом. «Киргизская степная газета», 1897, № 46; Среди киргизов. На зимовках. «Оренбургский листок, 1879, № 15; Обеднение киргизов. «Акмолинские областные ведомости», 1890, № 37; Наблюдения и заметки о киргизском хозяйстве. «Киргизская степная газета», 1897, № 45.

[232] О земледелии Каркаралинского уезда. «Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям», 1889, № 41, 42; Заметка о земледелии в Тургайской области. «Тургайские областные ведомости», 1893, № 28; По вопросу о хлебопашестве в киргизских степях. «Киргизская степная газета », 1894, № 3; Оседлые поселения киргизов. «Киргизская степная газета», 1898, № 26.

В газетах публиковались ценные материалы о различных видах охоты, о домашних промыслах и ремеслах казахского народа[233], о его нравах и обычаях. Было опубликовано значительное количество заметок и статей о бесправии казахской женщины, о ее положении в обществе и семье, обязанностях, занятиях, о воспитании ею детей[234]. В газетных статьях описаны верования казахов, остатки языческих обрядов, распространение ислама, различные обычаи и особенно те, которые касались похорон и поминок[235].

Ознакомление читателей с духовной культурой казахского народа направляло общественное внимание против проявлений невежества и нелепых суеверий. Вместе с тем в газетах, например в «Киргизской степной газете», в завуалированной форме проскальзывала пропаганда ислама, за что газета в 1896 г. подверглась критике со стороны А. Васильева[236].

В газетах печатались статьи о родоплеменной структуре и родорасселении казахов, о национальном составе населения, о культурном влиянии русского народа на казахский[237]. Описывались также народные средства лечения больных, способы приготовления продуктов питания, игры и развлечения[238]. Произведения казахского фольклора печатались во всех газетах. Казахские легенды, предания, эпические произведения, генеалогии насыщены историческим материалом и имеют важное значение для изучения, в совокупности с другими источниками, проблемы этногенеза казахского народа.

---

[233] У. М. Асавов. Житье-бытье киргизов. «Оренбургский листок», 1888, № 47; О соколиной охоте и ловчих птицах. «Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям», 1889, № 22, 23; Охота у киргиз. «Киргизская степная газета», 1895, № 2, 3, 19, 20.

[234] О киргизских браках. «Оренбургский листок», 1886, № 23; «Женщина в кочевом быту». «Туркестанские ведомости», 1889, № 33, 34; К характеристике обычаев киргизского народа. «Оренбургский край», 1892, № 88; Свадебные обычаи киргизов. «Степной листок», 1893, № 36—37; По поводу ранних браков у киргизов. «Киргизская степная газета», 1895, № 20; Женщина-киргизка. «Тургайская газета», 1896, № 86.

[235] Заметка о религии киргиз. «Акмолинские областные ведомости», 1880, № 45; Киргизские памятники на могилах. «Оренбургский листок», 1881, № 34, 37; Похороны у киргизов. «Степной листок», 1893, № 27; Ас (поминки) в Каркаралинском уезде. «Киргизская степная газета», 1894, № 47.

[236] А. Васильев. О киргизском языке и его транскрипции (По поводу издания «Киргизской степной газеты»). Оренбург, 1896.

[237] «Тургайские областные ведомости», 1894, № 38; «Киргизская степная газета», 1894, № 2; «Степной листок», 1893, № 42.

[238] «Киргизская степная газета», 1895, № 36 и 1896, № 28—30; «Оренбургский край», 1893, № 82, 83; «Оренбургский листок», 1892, № 9 и 1893, № 2; И. Безверхов. Степные уленчи и акыны. «Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям», 1893, № 16.

Глава 4

РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Особенности и результаты этнографического изучения казахского народа в столичных научных обществах и учреждениях

В 90-х годах, с началом эпохи империализма и ленинского этапа в развитии исторической науки, этнографическая наука России вступила в новый и последний период своего развития перед Октябрьской революцией. В эту эпоху нарастание революционной борьбы пролетариата и угнетенных народов против царизма и империализма вызвало в области политики и идеологии поворот к реакции. Составным элементом идеологической реакции и отражением борьбы пролетариата и его марксистско-ленинской революционной партии с царизмом и империализмом явился кризис буржуазной исторической науки[1].

Этот кризис есть «сложный *процесс* научного развития (именно развития, а не прекращения движения), идейный перелом, отмеченный усиленной работой буржуазных историков, активными поисками выхода из создавшегося идеалистического тупика, идейной дифференциацией историков, из которых часть скатывается на реакционные позиции и идет назад, часть мечется в поисках других решений. Наиболее же передовая часть ученых под влиянием идейных побед марксизма тянется к историко-материалистическим решениям, движется — иногда впотьмах и ощупью — к материалистическому пониманию истории, к марксизму, к историко-материалистической методологии. В этом напряженном, живом научном движении, насыщенном острой идейной борьбой, встречается немало конкретных завоеваний исторической науки, правильных частных решений отдельных вопросов или приближений к ним»[2].

Особенности кризиса русской буржуазной историографии определялись конкретными условиями социально-политической и идейной обстановки в России эпохи империализма. Возникновение и развитие ленинского направления в историографии и борьба его против буржуазной и мелко-

---

[1] «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III. М., 1963, стр. 293.

[2] Там же, стр. 6—7.

буржуазной историографии подрывала основы и влияние буржуазной исторической науки, обостряла ее кризис[3].

В русской этнографической науке в начале XX в. сложилось своеобразное скептическое направление, выразившееся в стремлении к критике и опровержению привычных, казавшихся незыблемыми схем. Наблюдался также отход части русских этнографов от некоторых значительных научных достижений конца XIX в., например, в области изучения первобытно-общинного строя, семьи и семейных отношений и происхождения ряда важнейших социальных институтов. Передовая часть русских буржуазных этнографов топталась на месте, продолжая придерживаться эволюционизма, ограниченность которого становилась все более очевидной. Тем не менее русская этнографическая наука занимала более прогрессивные позиции и была заражена реакцией слабее, нежели зарубежная. Влияние на нее различных западноевропейских «школ» и направлений, включившихся в борьбу против марксизма, оказалось сравнительно незначительным[4]. Расистские идеи она никогда не проповедовала. Многие русские ученые видели недостатки развития этнографической науки в России, правильно понимали ее задачи и верили в ее расцвет в будущем. Сказывалось положительное влияние марксизма.

Идеи К. Маркса стали оказывать свое воздействие на русскую этнографию еще в последние десятилетия XIX в. Одними из первых русских ученых, испытавших влияние марксизма, были Н. И. Зибер (1844—1888) и М. М. Ковалевский (1851—1916), которые по русским источникам хорошо знали этнографию казахского народа.

Н. Зибер в своей книге «Очерки первобытной экономической культуры» (1883), написанной на основе обобщения мировой этнографической литературы и, в частности, литературы о казахах, сформулировал подлинно марксистский тезис, что общинно-родовая организация является прежде всего экономической, а потом уже родовой организацией, и выдвинул задачу разъяснения экономической основы различных родовых союзов[5]. Это положение имело важное значение для изучения казахской родовой организации, на экономическую основу которой многие авторы обычно не обращали внимания. Поставив цель исследовать общественные формы первобытного общества, Зибер, в частности,

---

[3] Там же, стр. 239.

[4] С. А. Токарев. Этнография. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III, стр. 602—603.

[5] Н. И. Зибер. Избранные экономические произведения в двух томах. М., 1959, т. 2, стр. 273; М. О. Косвен. Матриархат. История проблемы М. — Л., 1948, стр. 201.

охарактеризовал общинные работы по орошению и эксплуатации систем орошения у казахов[6]. Здесь, однако, как и в ряде других случаев, проявилась некоторая его бессистемность в распределении этнографического материала по историческим эпохам[7]

Труды Зибера и Ковалевского[8], несмотря на имеющиеся в них недостатки, оказали значительное влияние на русскую и мировую этнографическую науку в области разработки проблем первобытно-общинного строя и поныне сохраняют известное научное значение.

Этнографическое изучение казахского народа в эпоху империализма продолжалось, но роль Русского географического общества в изучении казахов несколько снизилась и оно утратило свою монополию в этой области. В конце XIX — начале XX в. этнографией казахов занимались и сотрудники Академии наук, и Восточное отделение Русского археологического общества, и этнографические музеи, и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, и другие научные учреждения. Царизм поощрял и усиленно насаждал казенное востоковедение, стремясь подчинить научное изучение Казахстана задачам освоения края как колонии.

Сократилось в этот период и количество научных экспедиций Общества в Казахскую степь. После экспедиций в Семиречье в 1886 г. А. Н. Краснова и в 1891—1892 гг. Н. Ф. Катанова, в казахские аулы были командированы Обществом лишь Г. Н. Потанин (1895) и С. Г. Рыбаков (1896).

Со второй половины XIX в. внимание Русского географического общества приковано к Центральной Азии. В 70—900-х годах в эту еще неизведанную часть земного шара Общество организует многочисленные экспедиции Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, В. И. Роборовского, М. В. Певцова, П. К. Козлова, Г. Е. Грумм-Гржимайло, сделавшие выдающиеся научные открытия.

Географическое изучение Центральной Азии, как правило, сопровождалось и этнографическим. Тесная связь географических исследований с этнографическими продолжала составлять характерную черту деятельности крупных русских путешественников. В то же время географическое изучение Казахской степи, в связи с известными успехами в этой области, достигнутыми к середине XIX в., к концу

---

[6] Н. И. Зибер. Избранные экономические произведения..., т. 2, стр. 63—65, 134—135, 146, 152, 199—200, 231—232.

[7] С. А. Токарев. Этнография, т. II, стр. 645.

[8] М. Ковалевский. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения, ч. I. М., 1879.

того же века резко замедлилось. Существовало мнение, что общегеографическое изучение Казахской степи уже закончено. Познав в определенной степени эту территорию, русские географы перенесли свою деятельность на ее окраины и близлежащие страны. Русское географическое общество учитывало и существование Оренбургского и Западно-Сибирского отделов и возлагало на них задачу дальнейшего изучения Западной Сибири и Казахской степи.

Русские путешественники хорошо понимали и видели тесную связь исторического развития народов Сибири, Средней и Центральной Азии. Они постоянно ставили вопрос о культурных, экономических и политических взаимоотношениях тюркских и монгольских народов и интересовались их происхождением. Поэтому они серьезно изучали и историю, и культуру, и быт казахского народа. Почти во всех трудах вышеупомянутых путешественников казахам уделено определенное внимание.

Особенно большое внимание казахам уделяли Г. Н. Потанин и Г. Е. Грумм-Гржимайло (1860—1936). Последний в нескольких работах, опубликованных в конце XIX в. и в первых десятилетиях XX в., изложил результаты своих путешествий. Однако будучи крупным естествоиспытателем и географом, он был посредственным историком и этнографом. Опубликованный им в третьем томе книги «Западная Монголия и Урянхайский край» (1930) обширный очерк истории и культуры казахского народа носит несамостоятельный, компилятивный характер. Не имея специального историко-этнографического образования и не зная восточных языков, он не мог внести что-либо новое в разработку проблем истории и этнографии народов Средней и Центральной Азии. К тому же он поддался влиянию реакционной западноевропейской историографии и проповедовал расистские теории. А. Ю. Якубовский указывал, что «рассуждения Г. Е. Грумм-Гржимайло по социальным вопросам беспомощны не только с точки зрения марксизма, но даже и буржуазной историографии»[9].

Несмотря на тенденцию свертывания полевых исследований в Казахской степи, Русское географическое общество охотно предоставляло страницы своих изданий для научных трудов по этнографии казахов и поддерживало оживленные связи с местными краеведами и этнографами. Особенно значительной заслугой Общества перед казахской культурой является издание в 1904 г. в отдельном томе

---

[9] А. Ю. Якубовский. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. «Очерки из истории русского востоковедения». М., 1953, стр. 78.

«Записок РГО» по Отделению этнографии собрания основных трудов Ч. Ч. Валиханова.

В 1913 г. Отделение этнографии Географического общества опубликовало «Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России», охвативший 1700—1910 гг. Автор, Д. К. Зеленин, крупный русский этнограф, изучавший непосредственно культуру и быт казахского народа, включил в указатель и труды по этнографии казахов.

На заседаниях Отделения этнографии по-прежнему ставились на обсуждение доклады, посвященные казахам. В 1907 г., например, заслушивался доклад В. А. Дубянского «О кочевниках Устюрта», а еще через два года состоялось исключительно интересное выступление С. Г. Рыбакова на тему «Киргизы Тургайской области и их песенное и музыкальное творчество»[10].

Отделение этнографии Русского географического общества в 1887—1910 гг. возглавлял академик В. И. Леманский. Ему был присущ широкий взгляд на задачи русской этнографии. В вводной статье журнала «Живая старина» за 1890 г. он выдвигал задачу полного этнографического описания всех народов страны и составления этнографической карты всей России, а также отмечал, что желательно появление в печати «историко-критических обзоров литературы по каждому инородческому племени...» Но полагая, что эти задачи выполнимы лишь в будущем, он указывал на необходимость проводить предварительные работы и разыскания совместными усилиями многих ученых, распространять этнографические программы для накопления недостающих материалов и организовывать научные исследования отделами Русского географического общества, университетами, Академией наук, научными обществами.

Принципиальное значение для дальнейшего развития науки о человеке имели следующие положения В. И. Ламанского, высказанные в той же статье: «1. Издавна и непрерывно совершался... процесс общения, скрещивания и смешения рас и племен, а с ним и неизбежный процесс взаимного обмена внешних и внутренних свойств разных рас и племен и их разнообразных заимствований друг от друга. 2. Не глядя на все внешнее и внутреннее разнообразие человеческих рас и племен, во всех разновидностях семьи человеческой имеется много общего, родственного и сходного по существу, а не по одной наружности»[11].

---

[10] «Этнографическое обозрение», 1909, № 1, стр. 140—142.

[11] В. И. Ламанский. От редактора. «Живая старина», 1890, вып. 1, стр. XXXIX.

В. Ламанский высказал местным этнографам пожелание «самого бесхитростного и лукаво не мудрствующего проникновения в окружающую их народную жизнь» и подчеркнул, что таким путем «они принесут великую пользу и себе, и отечественной науке, и самому народу»[12].

Журнал «Живая старина», основанный по инициативе В. И. Ламанского и издававшийся в 1890—1916 гг., сыграл большую роль в истории русской этнографии вообще и в истории этнографического изучения казахов в частности. В нем печатались многочисленные этнографические исследования, статьи и заметки, программы, критико-библиографические материалы, протоколы Отделения этнографии Русского географического общества и сообщения о деятельности научных учреждений и отдельных ученых России. В журнале были опубликованы труды Н. А. Аристова, Г. Н. Потанина, А. Н. Самойловича и других авторов по этнографии казахского народа, рецензии на книги и статьи, в которых освещались культура и быт казахов. Журнал в известной мере направлял занятия этнографов, ставил перед ними очередные задачи, способствовал распространению о народах России верных сведений и представлений, вызывал к ним определенный интерес русского общества.

Члены Общества создали ряд монументальных научных трудов, в которых дана этнографическая характеристика казахского народа и показана история изучения в России его культуры и быта. П. П. Семенов-Тян-Шанский, после завершения пятитомного издания «Географо-статистического словаря Российской империи», в 1896 г. опубликовал свой следующий крупный научный труд — «Историю полувековой деятельности Русского географического общества» в трех томах. В этой книге изложены результаты научных исследований русских ученых в Казахстане и всесторонне освещена деятельность Отделения этнографии Оренбургского и Западно-Сибирского отделов Русского географического общества в области изучения казахов.

Под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского и В. И. Ламанского в 1898—1914 гг. выходило многотомное издание «Россия», каждый том которого строго приурочивался к определенной «естественной и культурно-исторической области» и давал ее полное географическое и этнографическое описание. Из всей серии «Россия» было издано лишь одиннадцать томов, в том числе восемнадцатый — «Киргизский край» (1903) и девятнадцатый — «Туркестанский край» (1913), написанные специалистами-краеведами. Структура серии, разработанная П. П. Семеновым-Тян-Шанским, бы-

[12] Там же, стр. XI.

ла следующей: I. Природа, II. Население (1. Исторические судьбы области и культурные ее успехи, 2. Распределение населения области по территории, его этнографический состав, быт и культура, 3. Промыслы и занятия населения, 4. Пути сообщения). III. Замечательные населенные места и местности.

Авторами 18 и 19 томов «России» были представители буржуазной историографии, приукрашавшие колониальный режим. Свою главную цель они видели в выяснении значения Туркестана и Казахской степи для экономической жизни капиталистической России. Но при всей тенденциозности книг, в них собран ценный фактический и иллюстративный материал, сохранивший отчасти свое значение и поныне. Вторые разделы этих книг написаны на основе историко-этнографических источников и в известной степени дают представление о результатах этнографического изучения казахского народа в начале XX в. в России.

В. Бартольд, высоко оценивший девятнадцатый том серии «Россия», автором которого был специалист в области сельского хозяйства Туркестана В. И. Масальский, указывал, что этнографическая часть книги написана слабее географической и что автор несколько преувеличил разрушительные наклонности кочевников. Масальский считал, что «для кочевника непонятна и ненужна вся оседлая культура. Если бы кочевники могли, они весь мир обратили бы в пастбище»[13]. Вместе с тем Бартольд неправомерно упрекал Масальского в преувеличении значения местных традиций в культурном развитии Туркестана и недооценке культурного влияния Передней Азии[14].

В 1915 г. по инициативе отделения этнографии Русского географического общества была образована комиссия по орнаменту народов России. В протоколе организационного заседания говорилось: «Цель комиссии — изучение орнаментов народов, населяющих Россию; конечный результат работ — составление этнографической карты орнаментов России; ближайшей задачей комиссии является приведение в известность как общественных, так и частных хранилищ и собраний орнаментов». Внутри самой комиссии тогда же было образовано бюро по орнаменту народов Сибири, которое выработало проект руководства к составлению карточного каталога книг по орнаменту и проект программы

---

[13] В. И. Масальский. Туркестанский край. «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», т. XIX. СПб., 1913, стр. 351.

[14] В. Бартольд. Рецензия на книгу В. И. Масальского «Туркестанский край». «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XXII, 1915, стр. 198—206.

для собирания орнаментов. Вся эта работа была только начата и не доведена до конца.

Много лет без ощутимых результатов работала также комиссия по составлению этнографических карт России. Отделение этнографии в 1910—1912 гг. возглавлял С. Ф. Ольденбург, затем в течение одного года В. М. Миллер, в 1913—1915 гг. А. А. Шахматов и в 1915—1931 гг. вновь С. Ф. Ольденбург.

Большой вклад в изучение культуры, быта и происхождения казахов внесли русские востоковеды, объединившиеся в середине XIX в. вокруг Восточного отделения Русского археологического общества. До сих пор не потеряли своего значения многие труды И. Н. Березина, В. В. Вельяминова-Зернова, В. В. Григорьева, Н. И. Ильминского, В. В. Радлова, В. Г. Тизенгаузена, в большинстве своем изданные в «Трудах» и «Записках» Отделения. Во главе Восточного Отделения стоял крупный организатор русского востоковедения академик В. Р. Розен (1849—1908). После его смерти Отделение возглавил профессор Н. И. Веселовский. Следует отметить, что Розен превратил «Записки» отделения в подлинный археолого-этнографический востоковедческий орган. В конце XIX — начале XX в. почти в каждом номере журнала помещались статьи, заметки, критико-библиографические очерки по истории и этнографии казахского народа, фольклорные материалы, авторами которых были В. Бартольд, Н. И. Веселовский, П. М. Мелиоранский, В. Р. Розен, А. А. Диваев и другие известные ученые.

В конце XIX в. развернулась научная деятельность крупнейшего историка Востока, создателя русской востоковедной исторической школы В. В. Бартольда (1869—1930). Хотя круг его научных интересов охватывал историю всего Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии, он до конца своей жизни оставался «преимущественно историком Средней Азии»[15]. При этом большая часть его произведений относится к периоду не позднее XVIII в. и имеет исключительно важное значение для изучения этногенеза казахов. В своих трудах «О христианстве в Туркестане в домонгольский перид» (1894), «Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг.» (1897), «Очерк истории Семиречья» (1898), «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (1898—1900), написанных на основе изучения ранее неизвестных науке ценных восточных источников, автор впервые обстоятельно изложил историю древних племен и народностей Южного и Юго-Восточного Казахстана.

---

[15] Автобиография проф. В. Бартольда. «Огонек», 1927, № 40, стр. 14.

В. Бартольд доказал, что народы Средней Азии и Южного Казахстана имеют свою многовековую историю и культуру. Его работы нанесли сокрушительный удар буржуазной западноевропейской историографии, третировавшей эти народы как неисторические и некультурные. А. Ю. Якубовский, давший характеристику Бартольду как ученому, писал: «Наследие В. В. Бартольда, его многочисленные работы, проникнуто прогрессивными идеями. Он сумел преодолеть отсталые теории буржуазной исторической мысли, и в первую очередь расовую теорию..., а также пренебрежительное отношение к народам Востока и их истории...»[16]. Однако, находясь в плену идеалистической методологии, Бартольд объяснял исторические факты и явления, как результат влияния более культурного народа на менее культурный, что особенно сказалось в оценке значения иранской культуры для народов Средней Азии.

В 1902 г. выдающиеся русские востоковеды В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, И. М. Мелиоранский, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов и другие основали Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. В сферу деятельности Комитета входила и Казахская степь. В 1903 г. по предложению П. М. Мелиоранского Комитет направил в Каракалпакию студента И. А. Беляева, хорошо знавшего казахский язык. В своем отчете Беляев писал, что на Мангышлаке и Устюрте он собрал казахские рассказы о каракалпаках[17]. Большое внимание члены Комитета, особенно Н. И. Веселовский и А. В. Адрианов уделяли изучению археологических и эпиграфических памятников. В целом деятельность Комитета, имевшая важное научное значение, не приобрела широкий размах и прекратилась в 1919 г.

Еще меньший след в науке оставило Общество востоковедения, возникшее в 1900 г. «с целью распространения среди восточных народов точных и правдивых сведений о России, а также ознакомления русского общества с материальными нуждами и духовной жизнью Востока, содействовать сближению России с восточными странами и служить проводником русской культуры и производительности среди восточных народностей, как в пределах России, так и вне ее»[18]. По существу деятельность этого общества свелась

---

[16] А. Ю. Якубовский. Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда. «Вестник Ленинградского университета», 1947, № 12, стр. 78.

[17] «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии...». СПб., 1904, № 2, стр. 17.

[18] «Мир ислама», т. I. СПб., 1912, № 1, стр. 138.

к подготовке кадров востоковедов для практической деятельности в странах зарубежного Востока. В 1912—1913 гг. Общество издавало журнал «Мир ислама», в котором печатались научные и критико-библиографические материалы, имеющие значение для изучения исторической этнографии казахов.

Казахская проблематика занимала видное место, особенно в конце XIX в., в деятельности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Президентом этого Общества в 1890—1923 гг. бессменно был выдающийся русский ученый Д. Н. Анучин (1843—1923), оказавший огромное влияние на развитие этнографической науки в России, на превращение этнографии в подлинно историческую науку, какой она стала после Октябрьской революции. Им был разработан утвердившийся в русской науке комплексный метод изучения антропологo-этнографических, археологических и исторических проблем. В своих трудах «О древнем луке и стрелах» (1887) и «Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда» Анучин установил единообразие культурного развития вопреки установкам эволюционной школы, господствовавшей в то время в этнографии. На его труды не оказала влияния и модная за рубежом школа «культурных кругов». «Этнография для него была отраслью исторической науки, и методы, которыми он работал в области этнографии, были методами историческими»[19].

В 1889 г. в статье «Задачи русской этнографии», опубликованной в первом выпуске журнала «Этнографическое обозрение», Анучин подвел итоги и наметил пути дальнейшего развития русской этнографии. Он указывал, что этнографам пора перейти к всестороннему исследованию накопленных материалов и к написанию обобщающих монографий, посвященных отдельным народам России.

Во главе этнографического отдела Общества любителей естествознания, атропологии и этнографии стоял известный этнограф-фольклорист и кавказовед В. Ф. Миллер (1848—1913). Его имя тесно связано с историей русской этнографии конца XIX — начала XX в. Он был крупным организатором этнографической науки в России. С его участием создавались этнографические программы и анкеты, рассылавшиеся во все уголки России, а также обращения к этнографам об оживлении этнографической работы. В качестве одного из основателей и редакторов журнала «Этнографи-

---

[19] С. П. Толстов. Дмитрий Николаевич Анучин — этнограф. «Труды Института этнографии. Новая серия», т. I. М.—Л., 1947, стр. 19.

ческое ооозрение» он значительно способствовал изучению культуры и быта народов страны. В 1912 г. он был избран академиком и переехал из Москвы в Петербург, где возглавил этнографическое отделение РГО, сменив на этом посту С. Ф. Ольденбурга.

Важной заслугой Миллера является организация подсекции этнографии XII съезда естествоиспытателей и врачей, состоявшегося в 1909 г. Благодаря его энергии в работе подсекции участвовали видные русские этнографы. В своем вступительном слове при открытии подсекции он охарактеризовал достижения и недостатки русской этнографии.

В. Миллер указывал, что русская этнография не имеет благоприятных условий для своего развития. Кафедры этнографии не существует ни в одном учебном заведении и подготовка этнографов для самостоятельных научных исследований не производится. Этнографические экспедиции, научные общества и их издательская деятельность почти не субсидируются правительством. И если тем не менее русская этнография имеет свои достижения, то ими она прежде всего обязана глубокому интересу русского общества к изучению культуры и быта народов России и готовности русских ученых трудиться безвозмездно, за счет своих средств, несмотря на трудности и лишения. Русские журналы «Живая старина» и «Этнографическое обозрение» существуют «исключительно трудом даровых сотрудников». «Спросим себя, — говорил Миллер, — откуда берутся эти многочисленные работники в области этнографии, эти лица, присылающие ученым обществам свои наблюдения, записи, коллекции, обогащающие наши музеи. Эти скромные труженики, рассеянные по всему лицу русской земли, эти добровольцы науки, совершающие добровольные, нередко недобровольные, поездки в самых отдаленных захолустьях России,— принадлежат просвещенному классу народа, так называемой интеллигенции. Интерес к этнографическим наблюдениям поддерживается и питается в этом классе работников не одним научным влечением, а, главным образом, глубоким сочувствием к жизни низших слоев народа, сохраняющих в своем быту много переживаний старины, и высоко гуманным отношением нашего общества к инородческому населению России. Этой духовной работой нашей интеллигенции мы имеем полное право гордиться. Едва ли в какой-либо другой культурной стране мы найдем такие кадры тружеников, работающих безвозмездно, ради идеи и поставленных притом в тяжелые материальные, иногда — нравственные условия»[20].

[20] «Этнографическое обозрение», 1909, № 4, стр. 5.

Отсутствие подготовленных кадров этнографов, особенно в провинциальных городах и окраинах страны, имело своим следствием невысокий научный уровень этнографических публикаций. Этнографы «редко покушались на суммирование и систематизацию наблюдений», на изучение эволюции этнографических явлений.

Выдвигая этнографические задачи, Миллер стремился мобилизовать на решение этих задач историков, антропологов, географов, лингвистов, фольклористов. Он верил, что в будущем в стране будут открыты кафедры этнографии, что этнографическая наука в России получит более благоприятные условия для своего развития, что «закончится героический период русской этнографии и начнется новая, спокойная, правильно организованная работа...»[21] Но этим мечтам суждено было сбыться только после свержения царизма и победы Советской власти.

Ближайшее участие в работе этнографического отдела Общества и редакции журнала «Этнографическое обозрение» принимал этнограф Н. Н. Харузин (1865—1900). Вместе со своим братом Алексеем и сестрой Верой Харузиной он был сторонником эволюционной школы в этнографии. Вокруг него группировались многие московские этнографы, особенно молодые, под его влиянием они изучали обычное право.

Н. Харузин первым в России стал читать курс этнографии в Московском университете, хотя этнография как наука не была еще представлена университетской кафедрой и не была введена в число обязательных факультетских предметов. Историко-филологический факультет Московского университета в знак уважения к научным трудам Харузина разрешил ему в 1896 г. чтение лекций по этнографии. В 1901—1905 гг. В. Н. Харузина опубликовала его лекции в четырех выпусках. В своих трудах и лекциях, написанных с позиций эволюционизма, он широко использовал казахские этнографические материалы[22].

В «Очерках первобытного права» (1898) и лекциях «Семья и род» Харузин остановился на характеристике малоисследованных вопросов первобытнообщинного строя у казахов. Он одним из первых в истории этнографического изучения казахов указал на следы матриархата в казахском обычном праве. Однако его определение матриархата было неверным и отражало по этому вопросу правые взгляды в русской эт-

---

[21] «Этнографическое обозрение», 1913, № 3—4, стр. 34.

[22] Н. Н. Харузин. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. «Этнографическое обозрение», 1896, № 1, 2—3.

нографии[23]. Он различал счет родства по женской линии, «основанный исключительно на тотемизме религиозный союз» и не играющий какой-либо существенной роли в жизни общества материнский род, как самостоятельную социальную или хозяйственную единицу, и, наконец, матриархат, т. е. организацию, в которой преобладающая роль принадлежала роду жены, иногда самой жене, матери. При этом, по его мнению, счет родства по материнской линии не обязательно и не везде вел к возникновению материнского рода, а «тем менее к матриархату, который встречается только в качестве более или менее редкого исключения»[24]. Таким образом, это определение противоречит советской исторической науке, считающей матриархат универсально-исторической стадией развития всего человечества[25].

Н. Харузин, установив некоторые реальные следы материнского рода у казахов и других народов, подчеркивал, что эти данные не служат доказательством существования у них «материнского рода, как самостоятельной социальной или хозяйственной единицы, и тем менее системы матриархата»[26]. Вместе с тем обычай избегания у казахов, свидетельствующий о бытовавшей некогда матрилокальности брака и замене ее патрилокальным поселением[27] он рассматривал как «реакцию против практиковавшегося снохачества»[28]. Эту же ошибочную теорию разделял С. Швецов, изучавший брачные и семейные отношения казахов Семипалатинской области[29].

Первую конкретную попытку изучения обычая избегания у казахов сделал другой активный деятель Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете А. Н. Максимов, который хорошо знал по литературным источникам казахские свадебные и семейные обычаи и ценил труды казахских ученых И. Алтынсарина и Х. Кустанаева по этим вопросам.

---

[23] М. О. Косвен. Матриархат. История проблемы. М. — Л., 1948, стр. 258—259.

[24] Н. Н. Харузин. Этнография. СПб., 1903, вып. 2, стр. 130—131.

[25] М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 108.

[26] Н. Н. Харузин. Этнография. СПб., 1903, вып. 2, стр. 160.

[27] Н. А. Кисляков. Некоторые брачные церемонии у народов Средней Азии и проблема материнского рода. М., 1964, стр. 5—8.

[28] Н. Н. Харузин. Этнография. СПб., 1903, вып. 2, стр. 83.

[29] С. Швецов. Обычно-правовые воззрения алтайцев (калмык) и киргиз. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», вып. XXV. Омск, 1898.

А. Н. Максимов (1872—1941), автор ряда работ о браке, семье и роде, не отличался последовательностью взглядов и постепенно скатился на реакционные позиции. Он подвергал сомнению существовавшие в науке представления по семейно-брачным вопросам и в то же время нерешительно высказывал свое собственное мнение[30]. В его статье «Из истории семьи у русских инородцев» (1902) собраны почти все литературные источники об обычае избегания у казахов и других нерусских народов России и отмечено, что эти данные являются «следами прежней организации семьи, когда замужняя женщина не покидала своей собственной семьи»[31]. Спустя семь лет он возвратился к этому вопросу и в статье «Ограничения отношений между одним из супругов и родственниками другого» подверг критике точку зрения Н. Харузина и С. Швецова, которую поддерживали и некоторые другие русские ученые. Однако на этот раз у него оказались и некоторые аргументы против теории возникновения обычая избегания в реальных условиях совместного проживания одного из супругов в роде другого[32].

Этнографией казахов интересовались и многие другие члены Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В журнале «Этнографическое обозрение» наиболее активные деятели Общества В. В. Богданов, Е. Н. Елеонская, А. А. Ивановский, А. Н. Максимов, В. Н. и Н. Н. Харузины систематически печатали критические статьи и сообщения о результатах и деятельности научных обществ России и отдельных ученых в области изучения культуры и быта и происхождения казахского народа. Кроме трудов В. Н. и Н. Н. Харузиных и А. Н. Максимова, в которых рассматривались вопросы этнографии казахов, в «Этнографическом обозрении» были опубликованы работы А. А. Диваева, Б. А. Куфтина, Н. Изразцова, Г. Н. Потанина, С. Сабатаева[33].

Тот же круг вопросов из области казахской этнографии, который изучал Н. Харузин, привлекал внимание М. Ковалевского, в ранний период своей деятельности являвшегося

---

[30] М. О. Косвен. Матриархат. М. — Л., 1948, стр. 292; С. А. Токарев. Этнография. М., 1960, стр. 602—603.

[31] «Этнографическое обозрение», 1902, № 1, стр. 41—42.

[32] «Этнографическое обозрение», 1908, № 1—2, стр. 1—77.

[33] Б. А. Куфтин. Календарь и первобытная астрономия киргиз-кайсацкого народа. «Этнографическое обозрение», 1916, № 3—4, стр. 123—155; Н. Изразцов. Обычное право (адат) киргизов Семиреченской области. «Этнографическое обозрение», 1897, № 3, стр. 67—94; С. Сабатаев. Суд аксакалов и суд третейский у киргизов Тургайской области. «Этнографическое обозрение», 1900, № 3, стр. 66—72; о трудах А. А. Диваева см. ниже.

профессором Московского университета. Вопросы эти он затронул в книге «Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом» (1905). Однако конкретные его суждения относительно казахов представляются неприемлемыми. Так, возражая Н. Харузину, по мнению которого тотемизм предшествовал экзогамии, Ковалевский ошибочно утверждал, что казахи вообще не знали тотемизма и что последний не был общим явлением. Он преувеличивал роль и значение пережитков первобытно-общинного строя в казахском обществе конца XIX в. и считал, что в нем «родовое начало еще выступает во всей своей силе»[34] Точнее говоря, он здесь просто повторил мнение Н. Харузина[35]. Можно отметить также его некритическое отношение к работам Н. Харузина, в которых рассматривается этногенез казахов. Киргизы, по его мнению, составляли всего-навсего четвертую ветвь казахского народа, вслед за родами Старшего, Среднего и Младшего жузов[36].

Таким образом, М. Ковалевский, находясь в тот период под сильным влиянием идеологии либералов, «давным-давно стоявших уже одной ногой в реакционном лагере»[37], не только не внес ничего нового в разработку проблем казахской этнографии, но даже сделал шаг назад по сравнению с русскими учеными середины и второй половины XIX в.

В конце XIX— начале XX в. ценные этнографические материалы собрали экспедиции статистиков и переселенческие организации, которые на основе изучения кочевого и полукочевого хозяйства должны были в интересах колонизации Казахской степи определить земельные излишки у казахов. Первая экспедиция статистиков работала в 1896—1902 гг. и обследовала Тургайскую, Акмолинскую и Семипалатинскую области, т. е. по дореволюционному административному делению всю северную половину современного Казахстана. Ее возглавлял известный русский статистик и этнограф Ф. А. Щербина (1849—1936), написавший впоследствии несколько работ, посвященных казахам[38]. Этнографами были и некоторые другие участники экспедиции. За шесть лет работы экспедиция собрала громадный научный материал, составивший при опубликовании в 1898—1909 гг. тринадцать капитальных трудов (по одному тому на каждый уезд указанных областей и один том общий).

---

[34] М. М. Ковалевский. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. СПб., 1905, стр. 130—132, 256.

[35] Н. Н. Харузин. Этнография, 1902, вып. 2, стр. 231—234.

[36] М. М. Ковалевский. Родовой быт..., стр. 247—256.

[37] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 245.

[38] Ф. Щербина. Киргизская народность в местах крестьянских переселений. СПб., 1905.

Изучение казахского хозяйства экспедицией велось по единому плану, разработанному Щербиной и легшему в основу расположения материалов в каждом томе. Отсюда и этнографические материалы в отдельных томах по содержанию идентичны. Они прежде всего подробно освещают способы ведения скотоводческого хозяйства и все занятия населения кочевого аула. Большое внимание уделено вопросам развития оседлости и земледелия, системе агротехники, описанию орудий труда, примитивных средств орошения и возделывания пашни. Экспедицией были собраны интересные сведения о жилище казахов, их одежде, домашней утвари и обстановке. При этом было дано описание не только внешнего вида и назначения этнографического объекта из области материальной культуры, но и способа его изготовления. Охарактеризованы также условия труда и бытовой уклад скотоводов, земледельцев, ремесленников и приведены подробные сведения о родоплеменной структуре и родорасселении казахов по каждому уезду.

Этнографические материалы, собранные экспедицией Щербины, имеют важное научное значение для исследования многих проблем исторической этнографии казахского народа. В. И. Ленин, как известно, резко критиковавший Щербину за злоупотрбление «средними величинами»[39] при изучении крестьянских хозяйств Воронежской губернии, писал: «...А вообще говоря, данные у г. Щербины так обширны и ценны, что дают возможность сделать правильные выводы»[40] Это мнение вполне справедливо и для оценки исследований Щербины в Казахской степи.

В начале XX в., особенно в годы проведения столыпинской аграрной политики (1906—1916) обследование казахского хозяйства с целью изъятия «свободных» земель стало осуществляться в более широких масштабах чем прежде, но сбор этнографических материалов экспедициями статистиков и переселенческими организациями сократился. Преследуя узкоутилитарные цели, подхлестываемые царским правительством и наплывом переселенцев, статистики и землеустроители под видом «излишков» отбирали у казахов лучшие земли, не обращая внимания на нужды казахского хозяйства, не вникая в его особенности, не интересуясь жизнью народа[41] Тем не менее в многочисленных изданиях переселенческих организаций можно найти некоторые имеющие научное значение этнографические материалы.

---

[39] В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 203—208 и т. 3, стр. 120, 138—140.

[40] В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 429.

[41] Отчуждение киргизских орошаемых пашен для образования переселенческих участков. «Сибирские вопросы», СПб., 1908, № 16.

В 1906—1912 гг. статистическими экспедициями под руководством П. А. Скрыплева (умер в 1913 г.) и П. П. Румянцева были обследованы казахские хозяйства в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях. Материалы этих экспедиций, опубликованные в 1908—1913 гг., сравнительно неплохо освещают занятия населения, но почти не содержат сведений о материальной культуре казахов[42]. Такой же характер носят материалы повторного обследования (1904—1911 гг.) казахских хозяйств Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей статистическими экспедициями П. А. Хворостанского, В. К. Кузнецова и А. В. Переплетчикова[43].

Переселенческое управление Министерства внутренних дел перед мировой войной сделало попытку обобщить накопленные переселенческими учреждениями научные материалы, а заодно и возвеличить колониальную политику царизма, опубликовав в 1914 г. трехтомный сборник «Азиатская Россия» с атласом географических карт, в первый том которого вошли статьи этнографического характера. В. В. Бартольд в своей рецензии, дав положительную оценку фактическим материалам этого издания, выразил сожаление, что «к участию в составлении и редактировании книги не был привлечен ни один из русских ориенталистов». «Вследствие этого, — указывал он, — те места, где говорится об этнографическом составе, духовном быте и прошлом народов Туркестана, не всегда к сожалению удовлетворяют даже требованиям элементарной грамотности»[44].

С колонизацией Казахской степи связано появление массы различных по уровню и значению книг и журнальных статей о казахском хозяйстве, о переселенческом движении, авторами которых были статистики, землеустроители и другие чиновники переселенческих учреждений. Особенно много материалов на эту тему было опубликовано в журнале «Во-

---

[42] «Материалы по киргизскому землепользованию в Сыр-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П. А. Скрыплева в 1906—1912 гг.» тт. I—IV. Ташкент, 1908—1913; «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области», тт. I—IV, СПб., 1911—1913.

[43] «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района», тт. I—V. Оренбург, 1909—1912; «Киргизское хозяйство в Акмолинской области по данным повторного статистического исследования в 1907—1909 гг. под руководством статистика В. К. Кузнецова», тт. I—V. СПб., 1909—1910; «Материалы по повторному обследованию в 1910—1911 гг. хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области под руководством статистика А. В. Переплетчикова», тт. I—III. Семипалатинск — СПб., 1912—1913.

[44] «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. 22, 1915, стр. 337—340.

просы колонизации», издававшемся в Петербурге в 1907—1916 гг. Вся эта литература была призвана представить колониальную политику как некую культурную акцию, несущую цивилизацию и благосостояние местному населению, а также содействовать успеху этой политики. Но тем не менее угодные царизму выводы в той или иной степени опирались на определенную совокупность статистических, экономических и этнографических фактов, имеющих научное значение.

Чиновники переселенческих учреждений, посещая казахские аулы, непосредственно наблюдали жизнь казахского народа и зачастую вольно или невольно правдиво изображали ее в своих публикациях. Будучи обязанными содействовать развитию земледельческого хозяйства в переселенческих пунктах, природные и климатические условия которых были непривычны для русских крестьян, они приходили к выводу о необходимости изучения и использования опыта казахского земледелия. Это мнение особенно подтверждалось в отношении орошаемого земледелия, требовавшего значительных затрат человеческого труда для возведения и эксплуатации ирригационной сети. Поэтому почти каждый автор, писавший о колонизации Казахской степи, в определенной степени освещал и вопросы развития казахского земледелия[45].

Среди этих авторов следует выделить Л. К. Чермака (род. в 1862 г.), оставившего ряд ценных исследований, основанных на изучении этнографических материалов[46]. Как видно из архивных документов, Чермак, выпускник Петровской сельскохозяйственной академии (1885), служил заведующим статистическим отделением Петербургской губернской земской управы и в 1896 г. был выслан в Степной край на три года под гласный надзор полиции «за участие в противозаконном сообществе, именовавшемся Санкт-Петер-

---

[45] В. А. Васильев. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915; Пространство, население и размеры киргизского землепользования в Туркестанском крае. «Вопросы колонизации», 1910, № 7; П. П. Румянцев. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910; Т. И. Седельников. Борьба за землю в Киргизской степи. СПб., 1907; П. А. Хворостанский. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи. «Вопросы колонизации», 1907; № 1; его же. Эволюция киргизского хозяйства в Тургайской области. «Вопросы колонизации», 1915, № 18.

[46] Л. К. Чермак (в соавторстве). Об арычном земледелии в Каркаралинском уезде. «Восточное обозрение», 1903, № 76, 80; его же. Формы киргизского землепользования. «Сибирские вопросы», 1908, № 23—24, 39—40, 41—42; 43—44; его же. Оседлые киргизы-земледельцы на р. Чу и заметки о пути через Голодную степь. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. XXVII, 1900.

бургскою группою народовольцев»[47] В Омске он, по ходатайству Ф. А. Щербины, был зачислен в состав экспедиции по исследованию степных областей и руководил отдельным отрядом, имевшим самостоятельные задачи[48].

В 1903 г. Л. К. Чермак сменил Ф. А. Щербину на посту заведующего экспедицией и в том же году был арестован. Полиция проводила дознание о «вредном направлении» его деятельности как заведующего экспедицией. Утверждалось, что Чермак «пользовался популярностью среди членов образовавшегося в Омске преступного сообщества» железнодорожных рабочих и низших служащих экспедиции, что в помещении последней «шли разговоры и даже происходили совещания по делам противоправительственного характера», что благодаря подбору служащих Чермак «обратил экспедицию как бы в притон для лиц нелегальных»[49]. В 1904 г. он был выслан из Степного края на пять лет. Дальнейшие сведения о его жизни нам не известны. В 1928 г. он жил в г. Нахичевани[50].

В 1906 г. в статье «Вымирают ли киргизы?» Л. К. Чермак, вопреки весьма распространеному мнению, доказывал, что казахи вовсе не представляют вымирающего племени[51]. Кроме занятий казахов, он изучал также быт и духовную культуру казахского народа[52]. Накануне первой мировой войны Л. К. Чермак принимал активное участие в деятельности Отделения этнографии по составлению этнографической карты Казахской степи и считался большим знатоком культуры и быта казахского народа.

С колонизацией Туркестанского края, частью которого являлись южно-казахстанские земли, была связана ревизия края сенатором К. К. Паленом в 1908—1909 гг. Наряду с ревизией управления краем, изучалось и состояние хозяйства местного насления и собирались этнографические данные. В 1910—1911 гг. материалы ревизии были опубликованы в восемнадцати томах и в приложении к отчету К. К. Палена.

Таким образом, в ходе колонизации Казахской степи в конце XIX— начале XX в. были собраны значительные на-

---

[47] ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 2, д. 300, лл. 1—29.

[48] ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 2, д. 300, 336, 337.

[49] Н. К о н ш и н. Материалы к истории русской административно-политической ссылки в Степной край (архивный очерк). «Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО», вып. XIV. Семипалатинск, 1923, стр. 53.

[50] «Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда». Л., 1923, стр. 468.

[51] «Сибирские вопросы». СПб., 1906, кн. 2.

[52] Л. К. Ч е р м а к. Кзыл-кенчь (киргизская легенда). «Записки РГО по отделению этнографии», вып. XXXIV, 1909.

ученые материалы, имеющие большое значение для изучения культуры и быта казахского народа дореволюционной эпохи.

Известную роль в истории изучения культуры и быта казахского народа сыграли столичные этнографические музеи, которые в конце XIX — начале XX в. стали уделять сравнительно большое внимание сбору казахских этнографических предметов. Старейший из них Музей антропологии и этнографии Академии наук (МАЭ), праздновавший в 1964 г. свое 250-летие, в 1890-х годах решил иметь постоянную экспозицию казахских этнографических предметов. Академик В. В. Радлов, возглавивший в 1894 г. этот музей, чтобы обеспечить успешное выполнение решения, в 1895 г. опубликовал особую «Инструкцию для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов Степного генерал-губернаторства». Кроме того, он обратился ко всем генерал-губернаторам, в том числе к оренбургскому, степному и туркестанскому, в ведении которых находилась Казахская степь, с письменной просьбой снабжать музей коллекциями этнографических предметов из быта всех народов России.

В настоящее время в музее имеется большая коллекция казахских этнографических предметов, значительную часть которой собрали в 1898 г. лепсинский уездный начальник К. Н. де-Лазари, в 1898—1902 гг. художник С. М. Дудин, в 1908—1910 гг. К. В. Щенников, а также в разные годы до Октябрьской революции Л. С. Берг, Д. Беркинбаев и Иманбаев, А. Воронина-Уткина, Г. Е. Грумм-Гржимайло, С. Е. Малов, Н. Нурсеитов, К. М. Рычков. В 1891 г. в музей поступили этнографические коллекции Русского географического общества, среди которых были и казахские предметы.

Не менее богатой по тем временам коллекций казахских этнографических предметов располагал этнографический отдел петербургского Русского музея, основанного в 1895 г. по инициативе Русского географического общества. Русские ученые хотели, чтобы музей давал посетителям «ясное понятие о художественном и культурном состоянии России». Но так как правительство разрешило открытие музея лишь для демонстрации величия царской империи, то дискуссия о назначении музея продолжалась несколько лет. В конце концов, в 1901 г. особая комиссия большинством голосов решила, что в музее будет представлена этнография всех народов России, а также славян и тех народов сопредельных стран, «взаимное культурное влияние которых несомненно сказалось на культурном облике как народа русского, так и различных мелких племен и народностей, Россию населяю-

щих»[53]. Таким образом, этот музей в отличие от МАЭ, музея общей антропологии и этнографии, должен был стать, по мысли русских ученых, преимущественно музеем этнографии всех народов России, каким он и стал после Октябрьской революции. Ныне он носит название Государственного музея этнографии народов СССР.

В 1902 г. музей разослал «Программу для собирания этнографических коллекций, с краткой общепонятной инструкцией и указанием приемов собирания и сохранения материалов». В последующие годы программа была дополнена и переиздана дважды. Хотя этнографический отдел музея оставался закрытым для публики до 1923 г., сбор экспонатов осуществлялся весьма интенсивно. В музее были выделены лица, ответственные за сбор этнографических коллекций, и отпущены средства на командировки в разные области России. В казахских аулах этнографические коллекции для музея собирали в 1901—1902 гг. С. М. Дудин и С. Г. Рыбаков, в 1905 г. П. Е. Островских, в 1906 г. А. В. Адрианов, П. Н. Бекетов, Н. А. Комаров и Д. Д. Педашенко, в 1908 г. Ф. Ф. Караваев, в 1911 г. К. В. Кузнецов, в 1913 г. В. Н. Васильев, в 1914 г. М. А. Круковский и Ф. М. Плюшкин, в 1916 г. Д. С. Большаков.

Казахские этнографические коллекции имелись также в музее Русского археологического общества, в Дашковском этнографическом музее в Москве, в музеях Верного, Екатеринбурга (ныне Свердловск), Казани, Омска, Оренбурга, Саратова, Семипалатинска, Ташкента.

Музеи России, демонстрировавшие казахские этнографические экспозиции, привлекали внимание ученых кругов страны к культуре и быту казахского народа, способствовали распространению достоверных сведений о жизни казахов. В музеях сохранились весьма ценные предметы дореволюционного казахского быта, не потерявшие своего научного значения и в настоящее время, так как многие вопросы исторической этнографии казахов еще ждут своего исследования.

Оренбургские научные общества и учреждения

В конце XIX — начале XX в. одним из крупных центров научного изучения природы и населения Казахской степи продолжал оставаться Оренбург, в котором находились ад-

[53] Н. М. Могилянский. Этнографический отдел Русского музея императора Александра III. «Живая старина», 1911, вып. 3—4, стр. 495.

министративные учреждения Тургайской области, объединявшей территорию нынешних Актюбинской, Гурьевской и Кустанайской областей. Наряду с отделом Русского географического общества здесь находились Тургайский областной статистический комитет и Ученая архивная комиссия, членами которых были местные краеведы. Эти учреждения проделали значительную научную работу, особенно в области изучения истории Оренбургского края. Они опубликовали многочисленные архивные материалы, освещающие события, связанные с присоединением к России казахских жузов, с развитием казахско-русских отношений, с деятельностью колониальной администрации в XVIII—XIX вв.; ими производились археологические раскопки и изучались флора, фауна и памятники древности Казахской степи. Внимание же к этнографическим исследованиям ослабевало с каждым годом. Наибольшее количество научных изданий по этнографии казахского народа было опубликовано в 90-х годах, а в дальнейшем их публикация непрерывно и резко сокращалась. Усиление колониального гнета и наступление реакции по всему фронту в эпоху империализма наложили свой отпечаток на развитие этнографической науки. Царизм не был заинтересован в расширении и поддержке этнографических исследований, вскрывавших неприглядную картину культурной отсталости, забитости, нищеты и тяжелого положения колониальных народов.

В истории оренбургских научных обществ и учреждений 90-е годы являются переломным этапом. В эти годы наблюдается резкое оживление их деятельности. Ликвидация в 1881 г. генерал-губернаторского управления краем, как уже отмечалось, вызвала значительный отлив научных сил из Оренбурга, некоторое запустение города и замедление местной жизни. Оренбургский отдел Русского географического общества, внесший значительный вклад в науку в первое десятилетие своего существования, в 80-х годах почти полностью свернул свою работу и прекратил издание «Записок». Огромный генрал-губернаторский архив, в котором в течение XVIII—XIX вв. скопилось свыше ста тысяч исключительно ценных с точки зрения истории и этнографии края дел, находился в безнадзорном состоянии и в неблагоустроенном помещении. Это положение мало изменилось и после энергичного вмешательства видного русского архивиста, инициатора учреждения в России губернаторских учебных архивных комиссий Н. В. Калачева (1819—1885), который в 1882 г. приезжал в Оренбург и на месте ознакомился с архивом. Царские же чиновники, чтобы избавиться от хлопот, даже предлагали расчленить архив между другими архивохранилищами. Против таких предложений выступили

местные прогрессивные круги, состоявшие в основном из учителей. В конце концов восторжествовала идея Калачева об организации в городе центрального архива на основе архива бывшей генерал-губернаторской канцелярии.

В 1887 г. была учреждена Оренбургская ученая архивная комиссия, которая, однако, в силу указанных обстоятельств, многие годы бездействовала и только в 1896 г. развернула свою работу. Своей основной задачей комиссия считала упорядочение архивного дела, изучение исторического прошлого края и сбор археологических и этнографических материалов[54]. Комиссия имела свой печатный орган «Труды». В 1897—1917 гг. было опубликовано 34 выпуска этого издания.

Несколько раньше оживилась деятельность Оренбургского отдела Русского географического общества, приступившего в 1893 г. к публикации «Известий» отдела вместо «Записок». Всего вышло в свет 25 выпусков «Известий». Во главе отдела стояли реакционно настроенные чиновники колониального аппарата. Они не поощряли участия в научных исследованиях представителей национальной интеллигенции и вообще не были склонны расширять состав отдела. Такие старые члены отдела, как Т. А. Сейдалин и Б. Даулбаев, создавшие ранее ценные этнографические труды, в 90-е годы только числились в составе отдела. После первой русской революции в отделе не осталось ни одного казаха, а общее количество его членов значительно уменьшилось. В 1916 г. в отделе было всего 17 действительных членов. Отдел растерял свою былую славу и лишился поддержки местного общества. На его редких заседаниях обсуждались административные вопросы и лишь иногда научные доклады. Ввиду того, что отдел перестал оправдывать свое назначение, некоторые его члены неоднократно ставили вопрос об оживлении деятельности отдела, но никаких результатов не добились[55].

Многие оренбургские краеведы были членами и местного отдела Русского географического общества и Ученой архивной комиссии, которые тесно соприкасались в своей научной деятельности. Так, разработкой архивных материалов и изучением палеоэтнографии, археологических и архитектурных памятников Казахской степи занимались оба учреждения Исследования и документы по истории и этнографии Оренбургского края печатались и в «Известиях»

---

[54] Протокол заседания Оренбургской ученой архивной комиссии 5 октября 1889 г. «Оренбургский листок», 1889, № 44.

[55] Протокол заседания Оренбургского отдела РГО, 7 декабря 1913 г. «Известия Оренбургского отдела РГО», 1916, вып. XXV, стр. 9.

отдела, и в «Трудах» комиссии. Ввиду общности научных интересов, оба учреждения часто проводили совместно и свои заседания. В 1911 г., например, они провели шесть совместных заседаний, большинство из которых было посвящено обсуждению докладов о надгробных сооружениях в Казахской степи и связанных с похоронами казахских обычаях, обрядов и суеверий. Авторами докладов и исследований на эту тему были А. Л. Аниховский, И. В. Аничков, И. А. Кастанье, А. Матов, Я. Я. Полферов, А. В. Попов, Н. Соколов, И. С. Шукшинцев. Консультации им давал В. В. Бартольд, который в 1904 г. даже присутствовал на заседании Оренбургской ученой архивной комиссии и участвовал в прениях при обсуждении археолого-этнографического отчета Кастанье о поездке в Актюбинские степи.

Первым краеведом, обратившим внимание на необходимость изучения собственно казахских надгробных сооружений, был член комиссии И. С. Шукшинцев. В 1903 г. по его докладу комиссия приняла решение разработать особую программу для изучения этого вопроса[56]. Наиболее последовательный интерес к изучению археологических памятников, казахских надгробных сооружений, обычаев и обрядов при похоронах проявил преподаватель французского языка И. А. Кастанье. В 1901—1912 гг. он почти ежегодно ездил в Казахскую степь и собрал интересные материалы, вошедшие в его труды[57]. Но, как выяснилось впоследствии, ценные археологические находки он сбывал за границу. Кроме того, он выполнял задания французской разведки, а после Октябрьской революции и английской[58].

Оренбургская ученая архивная комиссия, как и отдел Русского географического общества, почти не уделяла внимания изучению современной ей этнографии казахского народа, хотя и ставила такую задачу. Попытки отдельных членов комиссии обратиться к этой проблеме не только не встречали должной поддержки, но наталкивались на решительное сопротивление как со стороны руководства самой комиссии, так и со стороны местных властей. В 1909 г., например, власти совершенно необоснованно отказались предоставить известному этнографу С. Г. Рыбакову (род. в 1867)

[56] «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», 1905, вып. 14, стр. 158—159.

[57] И. Кастанье. Развалины Балгасын и Челкарская степь. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», 1907, вып. 19; его же. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», 1910, вып. 22; его же. Надгробные сооружения киргизских степей. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», 1912, вып. 26.

[58] Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958, стр. 257—258, прим. 122.

отпуск для поездки в казахские аулы с научной целью, несмотря на личную просьбу главы Русского географического общества П. П. Семенова-Тян-Шанского. В письме же П. П. Семенова-Тян-Шанского на имя тургайского губернатора (письмо до сих пор не публиковалось) говорится следующее: «Крестьянский начальник Тургайской области Сергей Гаврилович Рыбаков, находящийся в настоящее время в Петербурге, занимающийся много лет изучением быта киргиз и вообще их этнографией, имеет крайнюю необходимость для окончания начатых им научных работ совершить несколько поездок по Тургайской, Сыр-Дарьинской и Акмолинской областям, для чего ему потребуется времени не менее четырех месяцев... Ввиду того, что работы С. Г. Рыбакова имеют очень серьезное научное значение и Русское географическое общество весьма заинтересовано в результате начатых исследований, я, как вице-председатель императорского Русского географического общества, позволяю себе обратиться к вашему превосходительству с усердным ходатайством не отказать в вашем содействии и откомандировании С. Г. Рыбакова с сохранением содержания на указанный срок. Я обращаюсь также по этому поводу и к господину товарищу министра внутренних дел. Исполнением возложенного ходатайства ваше превосходительство окажет большую услугу науке и Географическому обществу, одна из задач которого изучение народов, населяющих империю...»[59].

Нельзя, однако, не отметить, что оренбургские краеведы интересовались казахским обычным правом и практикой суда биев[60]. Это обстоятельство соответствовало политике колониальных властей, стремившихся реформировать казахский суд. Кроме того, на одном из заседаний Оренбургской ученой архивной комиссии обсуждался доклад А. В. Попова о барымте, который определил ее как юридическую норму — «приведение в исполнение исполнительного листа, выданного словесно из народного киргизского суда». Его оппонент Н. Н. Модестов, напротив, считал барымту простым разбоем и грабежом[61]. Серьезный подход к изучению данной проблемы здесь натолкнулся на колонизаторскую точку зрения.

---

[59] ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 2, д. 748, л. 143.

[60] А. И. Мякутин. Юридический быт киргизов. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», 1911, вып. 25; Б. Н. Дельвиг. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев в Степном крае. Уральск, 1910.

[61] «Отчет и протоколы Оренбургской ученой архивной комиссии за 1914 и 1915 годы». Оренбург, 1917, стр. 138.

Своеобразные задачи решал Тургайский областной статистический комитет. Известно, что некоторые статистические комитеты России, занимаясь сбором статистических данных и сопоставлением обзоров губерний и областей и «всеподданнейших» отчетов, весьма узко понимали свои задачи. При выполнении своих функций они оперировали лишь сухими цифрами и минимумом сведений, удовлетворяя только узкоутилитарные интересы царизма. Но Тургайский областной статистический комитет так же, как, например, Семипалатинский на первом этапе его деятельности (1878—1902), собирал и этнографические материалы, которые использовались для составления обзоров и отчетов, а также в научно-исследовательских трудах членов комитета. Обзоры Тургайской области публиковались ежегодно. Более ценные в этнографическом отношении уездные отчеты оседали в архивах[62].

В Тургайском областном статистическом комитете работали В. Бенькевич, В. В. Катаринский, И. И. Крафт, Б. А. Скалов, И. С. Хохлов, которые интересовались казахской этнографической тематикой. В 1899 г. комитет издал «Сборник киргизских пословиц», подготовленный В. В. Катаринским. А. Максимов в своей рецензии указывал, что в этих пословицах отражены общие черты кочевого быта и, особенно, отношение казахов к разного рода социальным установлениям, в частности резко отрицательное отношение к полигамии[63]. Но комитет, разумеется, ни одной казахской этнографической проблемы не решил, да и не ставил такой задачи. Заслуга его заключается лишь в накоплении некоторых этнографических материалов в период, когда колониальные власти препятствовали этому.

А. Е. Алекторов (1861—1918) получил образование в Оренбургском учительском институте, работал в области народного просвещения. В 1886—1908 гг. он занимал должности инспектора и директора народных училищ сначала в Букеевской орде, затем, последовательно, в Астраханской губернии, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях. Научная его деятельность всецело была связана с изучением истории и этнографии казахского народа, который при первом же знакомстве в 1882 г. произвел на него «чрезвычайно приятное впечатление». А. Е. Алекторов свободно владел казахским языком, часто бывал в казахских аулах и непосредственно изучал жизнь казахов.

---

[62] Б. А. Скалов. Строй жизни южных кочевников. Оренбург, 1907; И. С. Хохлов. Тургайская область. СПб., 1906; ЦГА КазССР, ф. 318, оп. 1, д. 73, 76, 303.

[63] «Этнографическое обозрение», 1900, №3, стр. 147—148.

А. Е. Алекторов был наиболее известным знатоком русской научной литературы о казахском народе и Казахской степи. Созданный им «Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах» (1900) объемом около тысячи страниц содержит огромное количество библиографических названий и является наиболее полным из всех существующих изданий подобного рода. Ценность этого уникального труда заключается также в том, что библиографические названия в нем сопровождаются критическим разбором, аннотациями и подробными выписками из книг и статей, многие из которых ныне недоступны исследователям. Указатель содержит также биографо-библиографические примечания и справки о серийных и периодических изданиях. Этот труд, таким образом, имеет не только справочное, но и самостоятельное научное значение.

А. Е. Алекторов является автором почти двухсот научных работ, опубликованных в различных журналах и газетах, в «Известиях» и «Трудах» научных обществ и учреждений. Большинство его трудов посвящено изучению и освещению исторического прошлого казахов, их культуры и быта, развития просвещения в Казахской степи. Этнографические же работы носят описательный характер и, как правило, объективно излагают результаты личных наблюдений автора. Вот далеко не полный перечень названий этих работ, имеющих большое источниковедческое значение: «Имена киргизов», «Основание брака и свадебные обычаи у киргизов», «Праздничные игры и забавы киргизов», «Чем питаются киргизы», «Образ жизни киргизов», «Болезни киргизов и средства врачевания их», «О рождении и воспитании детей у киргизов, о правах и власти родительской», «Киргизы», «Бакса».

Капитального этнографического исследования Алекторов не написал. Собранные им научные материалы рассеяны в многочисленных статьях и заметках, которые в свое время способствовали ознакомлению читателя с казахским народом и разработке проблем казахской этнографии. Он был объективным и беспристрастным исследователем и боролся с высокомерным и предвзятым отношением к казахам. В аннотациях своего «Указателя» и в статье «Как мы пишем теперь ученые книги» он вполне определенно высказал свое отрицательное отношение к таким авторам, отмечая каждый раз, когда считал нужным, что тот или иной автор тенденциозен, субъективен или некомпетентен. Так, опус В. Д. Тронова «Материалы по антропологии и этнографии киргизов» он очень справедливо охарактеризовал как

«довольно печальный труд»[64]. Аннотируя шовинистическую книжку С. В. Максимова «Край крещенного света», (1878), Алекторов пришел к выводу, что казахов автор «не особенно жалует». На утверждение Максимова, что якобы «любой из киргизов предпочитает жить пастухом, чем трудиться», он отвечал: «Труд пастуха, особенно в зимнее буранное время, заметим от себя г. Максимову, самый тяжелый и в пастухи нанимаются только бездомники»[65].

В статье «Чем и как мы способствуем укреплению мусульманства в киргизах» Алекторов критиковал колониальную администрацию за поддержку мусульманского духовенства, за что подвергся резким нападкам со стороны идеолога панисламизма И. Гаспринского[66].

Другим плодовитым исследователем культуры и быта казахского народа был член Оренбургского отдела Русского географического общества и Ученой архивной комиссии А. И. Добросмыслов (1854—1915)[67] Занимая в 1888—1901 гг. должность ветеринарного врача Тургайской области, он постоянно разъезжал по казахским аулам. Не ограничиваясь борьбой с эпизоотиями, он старался найти причины их возникновения и познакомиться с казахскими народными средствами лечения больных домашних животных. Поиски причин распространения эпизоотий на большие пространства привели его к необходимости изучения всей практики кочевого хозяйства, путей перегона скота, движения аулов на летние и зимние пастбища, способов утилизации продуктов скотоводства: мяса, молока, шерсти, шкур[68] Постепенно он ознакомился со всеми сторонами кочевого скотоводческого хозяйства, а результаты своих наблюдений изложил в многочисленных статьях, брошюрах и книгах. В них хорошо описаны способы ухода за скотом, приготовления пищи, техника и продукция казахских домашних промыслов и ремесел, назначение и использование этой продукции в хозяйстве и быту[69].

Круг наблюдений Добросмыслова был гораздо шире интересов его специальности. Писал он и о нравах и обычаях казахов, их родоплеменной структуре и родорасселении, о жилище и одежде. Он опубликовал архивные материалы о

---

[64] См.: А. Е. Алекторов. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань, 1900, стр. 62, 855.

[65] Там же, стр. 506—507.

[66] Там же, стр. 663.

[67] ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 2, д. 268, 269, 270.

[68] А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895.

[69] А. И. Добросмыслов. Киргизские изделия из шерсти и волоса. «Известия Оренбургского отдела РГО», Оренбург, 1899, вып. 13.

их, экономических и культурных взаимоотношениях, написал историю Тургайской области, собирал казахские этнографические предметы и археологические находки для своего домашнего музея, открытого для публики[70].

Разысканием, публикацией и исследованием архивных материалов по этнографии казахов занимался и советник Тургайского областного правления И. И. Крафт (род. 1861), который в 1900 г. издал сборник своих трудов «Из киргизской старины». В этнографическом отношении в сборнике наиболее интересны статьи: «Султаны, тарханы и бии», «Уничтожение рабства в Киргизской степи», «К вопросу о телесном наказании», «Киргизские легенды, басни и сказки».

В 1896 г. Оренбургский отдел Русского географического общества и Ученая архивная комиссия приняли участие в подготовке и проведении Всероссийской художественной и промышленной выставки в Нижнем Новгороде. Образованный ими Выставочный комитет проделал большую работу по сбору казахских экспонатов. Среди членов комитета были А. И. Добросмыслов, А. В. Васильев, Я. Я. Полферов, хорошо знавшие этнографию казахского народа.

А. В. Васильев (род. в 1861) был инспектором школ после смерти И. Алтынсарина, а затем советником Тургайского областного правления, изучал казахский фольклор и историю развития просвещения и образования среди казахов Оренбургского края[71]. Вместе с А. И. Добросмысловым он отвечал за сбор казахских этнографических экспонатов для выставки.

Третий член комитета Я. Я. Полферов (род. в 1868), также чиновник колониального учреждения, был автором книг «Охота в Тургайской области» (1896) и «Земледелие в Тургайской области» (1896). Он сопровождал казахские экспонаты в Нижний Новгород и выступил экскурсоводом на выставке. Кроме того, для посетителей выставки он прочитал лекцию о казахском эпосе. В брошюре «Тургайская область на Всероссийской художественной и промышленной выставке в Нижнем Новгороде» (1896) Полферов подробно описал казахские экспонаты и способы их изготовления народными мастерами. Впоследствии он опубликовал книгу «Среди инородцев» (1903). В своих работах,

---

[70] А. И. Добросмыслов. Заметки о народонаселении Тургайской области. «Оренбургский край», 1893, № 17, 18; его же. Салы у киргизов. «Известия Оренбургского отдела РГО», 1901, вып. 16; его же. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII—XIX вв. Казань, 1904; «Туркестанские ведомости», 1909, № 144.

[71] «Известия Оренбургского отдела РГО», 1897, вып. 11, стр. 93—128; ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 5, д. 30—31.

носящих описательный характер, Полферов выступал в защиту интересов казахского народа. В частности он отмечал, что аграрная политика царизма не учитывает бытовые и национальные условия жизни этого народа[72].

Казахские экспонаты собирали для выставки уездные и волостные чиновники, среди которых особенно выделялись Дербисалий Беркинбаев (1838—1913), Сеид-Батал Нурмухамедов (1847—1905) и Иманбаев. Первый известен как знаток культуры и быта своего народа, он являлся сотрудником Оренбургского отдела Русского географического общества, был грамотным человеком и хорошо понимал, что русская культура играет большую прогрессивную роль в истории казахов.

Д. Беркинбаев побывал в обеих столицах России и переписывался с русскими учеными. Для них он собирал этнографические сведения и экспонаты. Вместе с Иманбаевым он подарил Музею антропологии и этнографии Академии наук и Оренбургскому краеведческому музею сотни казахских этнографических предметов. Положительное значение имела и его служебная деятельность. Он участвовал в осуществлении таких мероприятий, как профилактика против распространенных здесь глазных болезней, строительство школ, перепись населения в 1897 г. Вместе с тем он, как представитель феодальной знати, верно служил царизму, участвовал в хивинском походе 1873 г., организовал регулярное снабжение русских войск транспортными средствами, проводил в жизнь законодательные и административные распоряжения правительства[73].

Беркинбаев, Иманбаев и Нурмухамедов представили для демонстрации на выставке ценную этнографическую коллекцию, снабдив ее подробным описанием отдельных предметов[74]. Отсутствовавшие же в коллекции предметы они настоятельно советовали Выставочному комитету найти в других казахских аулах. Так, Нурмухамедов писал, что казахский «женский седельный прибор (ат-турман и уртукмедер) имеет совершенно особую форму от мужского седельного прибора, все его составные части: ленчик, потники, попоны, стремена, узда, нашейник, нагрудник и пахвы резко отличаются от мужских, а подушку заменяют бархатные одеяла... Я отыскивал женское седло у себя в волости и, к сожалению, его не оказалось. Это седло, хотя выводится из моды между киргизами, которых более или

---

[72] Я. Я. Полферов. О колонизации киргизских степей. «Санкт-Петербургские ведомости», 1906, № 43.

[73] ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 2. д. 104, 105, 106 и оп. 5, д. 249.

[74] ЦГА КазССР, ф. 318, оп. 1, д. 19, 23, 24.

менее коснулась цивилизация, но, несмотря на это... будет выдающимся экспонатом... Необходимо отыскать его у богатых киргизов, более отдаленных от Оренбурга»[75].

Не менее богатая этнографическая коллекция от Тургайской области демонстрировалась на Второй кустарной всероссийской выставке в Петербурге (1913)[76]. Другие области с казахским населением в выставке не участвовали. Архивные материалы о проведении и организации выставок, описи экспонатов и переписка о сборе этнографических предметов являются важным научным источником для изучения дореволюционной культуры казахского народа и истории ознакомления с ней русской общественности.

Усиление реакции во внутренней жизни России сказалось и на развитии периодической прессы. Казахская тематика быстро и неуклонно вытесняется. Если в 90-х годах XIX в. и в самом начале XX в. оренбургские газеты часто печатали этнографические статьи и заметки о казахском народе[77], то в период первой русской революции и особенно после ее подавления они не только перестали уделять место этому материалу, но встречали в штыки его появление в других изданиях. «Тургайская газета», которая в 90-х годах, когда ее редакторами были И. И. Крафт и А. И. Добросмыслов, опубликовала многочисленные казахские этнографические материалы и широко сотрудничала с авторами-казахами, в начале XX в. изменила своим традициям. Газетой стали руководить чиновники, не интересовавшиеся жизнью местного населения. В ответ на критику «Оренбургского листка» «за полный отрыв от окружающей действительности и демонстративное пренебрежение интересами киргизского населения», редакция «Тургайской газеты» в 1904 г. заявляла, что она не будет печатать «всякие побасенки, которые киргизское население знает и без того и которые для русского населения совершенно не интересны»[78].

Другая же газета, «Оренбургский листок», оставшаяся верной казахской тематике, в 1906 г. после смерти издателя И. И. Евфимовского-Мировицкого прекратила свое существование. Газета с прогрессивных позиций освещала жизнь

---

[75] ЦГА КазССР, ф. 318, оп. 1, д. 23, л. 26.

[76] ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 31—39.

[77] Т. И. Тихонов. Хозяйственный быт киргизов Степного края. «Тургайская газета», 1901, № 11, 12; А. В. Васильев. Народные способы и средства, употребляемые при лечении болезней киргизами Тургайской области. «Тургайская газета», 1901, № 4, 6, 8, 10, 47—50 и 1902, № 13, 20; Г. Балгимбаев. От колыбели до могилы. «Тургайская газета», 1904, № 48, 50.

[78] Цит. по кн.: М. И. Фетисов. Зарождение казахской публицистики. Алма-Ата, 1961, стр. 404—405.

казахского народа и проявляла заботу о его будущем. Она способствовала укреплению дружбы местных народов, много писала о их просвещении, обращала внимание читателя на тяжелое положение казахской женщины, поддерживала переход казахов к оседлости[79]. В одной из корреспонденций газеты говорилось, что казахи Кустанайского уезда стараются перенять у русских крестьян передовые достижения земледелия, строят мельницы, что они не любят «бражничать, а трудятся и в русскую книгу смотрят», что «работы по части просвещения киргизов — гора! Нива просторная, да сеятелей мало»[80].

Таким образом, значительные достижения оренбургских краеведов, членов отдела Русского географического общества, Ученой архивной комиссии, статистического комитета и корреспондентов местных газет в области этнографического изучения казахского народа относятся к концу XIX в. В начале XX в. многие из них, создавшие прежде ценные научные труды, под давлением реакции или изменили своей тематике, или же вовсе отошли от научной деятельности. Так, например, А. Е. Алекторов в годы господства реакции написал лишь несколько незначительных работ по истории просвещения казахского народа, а А. И. Добросмыслов, оставив этнографию, увлекся исторической проблематикой. Руководство указанными организациями захватили реакционно настроенные чиновники, которые повели дело к снижению их роли в общественной жизни края, к сужению состава действительных членов и членов-сотрудников, к свертыванию этнографических исследований. Накануне Октябрьской революции этнографическое изучение казахского народа оренбургскими краеведами почти полностью прекратилось, а местные научные организации, особенно отдел Русского географического общества, влачили жалкое существование.

Западно-Сибирский отдел Русского географического общества

Еще более печальная картина наблюдалась в деятельности Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, находившегося в административном центре

---

[79] О музыке киргизов. «Оренбургский листок», 1897, № 19; Киргизские поминки (ас). «Оренбургский листок», 1898, № 20; Белая и черная кость у киргизов. «Оренбургский листок», 1901, № 33; Женщина у киргизов. «Оренбургский листок», 1901, № 32; О жизни киргизской девушки. «Оренбургский листок», 1902, № 27.

[80] «Оренбургский листок», 1899, № 3.

Степного края в г. Омске. Здесь, впрочем, как и в других значительных городах Западной Сибири, реакция после поражения первой русской революции достигла широкого размаха. В декабре 1906 г. местные ученые ввиду сложившейся неблагоприятной обстановки даже не смогли послать своего представителя в Москву на юбилей председателя этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии В. Ф. Миллера. Г. Н. Потанин писал Миллеру: «Из-под льдов военного положения, царящего в Томске, шлю Вам самый горячий привет. Военное положение сокрушило нашу общественную жизнь; оно убило некоторые просветительные и ученые организации и все остальное заморозило, так что никакой возможности не представило университетскому центру Сибири фигурировать на Вашем торжестве»[81].

Опасаясь преследований царизма, западносибирские краеведы предпочитали не обращаться к этнографической тематике, которая требовала открытого высказывания о тяжелом положении народных масс, о равнодушии государства к коренным интересам трудящихся, об усилении их эксплуатации, о колониальном и национальном гнете. Краеведы старались уйти от изучения даже такой актуальной темы, как переселенческое движение, ибо оно имело, своим последствием нечеловеческие страдания и бедствия, которые выпали на долю как самих переселенцев, так и местного населения. Честный ученый, обращаясь к этой теме, неминуемо должен был осудить переселенческую политику царизма, что значило навлечь на себя недовольство властей. Такие авторы, конечно, были, но они были в меньшинстве. Западносибирские краеведы помнили, как в 1898 г. раздался грозный окрик степного генерал-губернатора М. А. Таубе в адрес семипалатинского краеведа Н. Я. Коншина, посмевшего опубликовать правдивую статью о переселенческом движении.

Стремление избежать столкновения с начальством, уйти от политики, от изучения неугодных царизму научных проблем, обращение к естественно-научной проблематике становится характерной чертой деятельности Западно-Сибирского отдела Русского географического общества и объединявшихся вокруг него краеведов Западной Сибири и Степного края. На протяжении последних двух десятилетий перед Октябрьской революцией отдел не организовал в казахские аулы ни одной этнографической экспедиции. Члены отдела изучали геоботанику, географию, метеорологию,

---

[81] «Этнографическое обозрение», 1907, № 1—2, стр. 270.

зоологию. Недифференцированность исследований, характерная для науки XIX в. и способствовавшая накоплению этнографических материалов в начале XX в., быстро изживалась и исчезала. Местные географы почти перестали уделять внимание задачам этнографии.

Некоторые этнографические проблемы изучались членами Западно-Сибирского отдела Русского географического общества лишь по инициативе или с благословения властей. Так, в 90-х годах ставился вопрос об изучении и издании свода казахского обычного права, что соответствовало стремлению царизма прибрать к своим рукам суд в казахских аулах[82]. Но при этом отстаивалось мнение, что обычное право следует изучать по литературным источникам, не обращаясь к полевой этнографии. С. Швецов, между прочим, так и поступил в своей статье «Обычно-правовые воззрения алтайцев (калмык) и киргиз»[83].

На заседаниях Западно-Сибирского отдела обсуждались доклады о переходе казахов к оседлости, о водном хозяйстве Акмолинской области, о содержании казахского скота, о нормальном количестве сена и сенокосных угодий, необходимых для обеспечения казахского хозяйства. Авторами этих докладов были С. Велецкий, В. Владимирский, А. И. Корнеев[84]. Один из наиболее деятельных членов отдела учитель А. Н. Седельников (1876—1919) в соавторстве с другими краеведами написал для серии «Россия» восемнадцатый том — «Киргизский край» (1903), в котором использованы некоторые новые для того времени материалы и дана довольно всесторонняя этнографическая характеристика казахского народа.

В 90-х годах члены Западно-Сибирского отдела Русского географического общества стали собирать казахские этнографические предметы. Это занятие власти считали безвредным для своего благополучия и степной генерал-губернатор Таубе даже соизволил лично обратить внимание отдела на просьбу Академии наук усилить «сбор этнографических предметов, относящихся до домашнего обихода, одежды, оружия и разного рода ремесленных орудий, носящих самобытный характер»[85]. В 1895—1896 гг. отдел собрал около двух тысяч самых разнообразных казахских этнографических предметов, из которых около трехсот экс-

---

[82] «Отчет Западно-Сибирского отдела РГО», Омск, 1897, стр. 9—12.

[83] «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. XXV, 1898.

[84] «Отчет Западно-Сибирского отдела РГО», 1898, стр. 22—27; «Отчет Западно-Сибирского отдела РГО», 1900, стр. 12; «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. XXXII, стр. 1—27.

[85] Омский областной государственный архив, ф. 86, д. 41, л. 17.

понировалось на выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде[86]. Часть экспонатов затем была подарена отделу и на их основе был открыт в 1897 г. Омский краеведческий музей, сохранивший до настоящего времени эту ценную коллекцию. Еще через год «предметы, характеризующие быт киргизов», были отправлены на Парижскую выставку 1900 года.

Отдел Русского географического общества экспонировал казахские этнографические предметы и на других выставках. Но особо следует отметить Омскую выставку 1911 г., для которой были собраны инструменты казахских ремесленников по производству юрты, орудий труда, телег, мебели, одежды, обуви, домашней утвари[87] Полное описание этих инструментов, как и других этнографических предметов, демонстрировавшихся на выставках России, сохранилось в Омском архиве и имеет важное источниковедческое значение.

Деятельность Западно-Сибирского отдела Русского географического общества за период от его основания до 1917 г. получила отражение в 38 томах «Записок» и в трех томах «Известий», издававшихся в 1913—1915 гг., а также в некоторых изданиях справочного характера[88].

Некоторые краеведы, изучавшие культуру и быт и положение казахского народа, не входили в состав научных обществ. К числу их относится Г. М. Головачев, автор историко-экономических трудов, в которых широко использованы казахские этнографические материалы[89].

Богатые этнографические материалы по вопросам, интересовавшим колониальную администрацию, были собраны уездными начальниками. Так, в архиве степного генерал-губернатора сохранилось большое дело «Сведения, касающиеся религии и быта киргиз Степного края»[90]. Оно состоит из поуездных ответов на вопросы, разработанные колониальной администрацией. Ответы в объеме до трех печатных листов, были составлены уездными начальниками и их помощниками на основе опроса местного населения. В них, кроме религиозных верований, обрядов и суеверий, особенно подробно освещены казахские семейные отношения и обычаи.

---

[86] Омский областной государственный архив, ф. 86, д. 59, 60, 66, 70, 114; Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отдел XIII — Степной край. М., 1896.

[87] Омский областной государственный архив, ф. 86, д. 139.

[88] А. Н. Седельников. Справочник к обзору деятельности Западно-Сибирского отдела РГО за 1877—1910 гг. Омск, 1911.

[89] Г. М. Головачев. Сибирь. М., 1905.

[90] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5085.

Не менее ценными являются архивные материалы, собранные в «Деле о литературно-общественном и национально-религиозном движении среди казахского населения 1900—1902 гг.»[91].

Большой интерес представляют также поуездные ежегодные статистические отчеты, в которых давалась этнографическая характеристика населения уездов.

Семипалатинский областной статистический комитет и подотдел Русского географического общества

В конце XIX в. заметную роль в истории этнографического изучения казахского народа в России стали играть семипалатинские краеведы.

Город Семипалатинск, основанный еще в 1718 г., продолжительное время являлся лишь военно-административным и торговым пунктом царизма в Казахской степи. Но во второй половине XIX в., в связи с усилившейся колонизацией края, город становится областным центром, а появление в нем значительного количества политических ссыльных, основание типографии, газеты (1871), способствует росту его культурного значения. В местной газете, уже в первые годы ее существования, были опубликованы интересные научные материалы по истории, этнографии и статистике края.

В 1878 г. в Семипалатинске возник Областной статистический комитет, явившийся первым местным учреждением, заинтересовавшимся изучением культуры и быта населения края. В работе комитета вопреки воле царизма самую активную роль играли политические ссыльные — народовольцы, так как образованных людей в городе было очень мало.

Первым секретарем и фактическим руководителем Семипалатинского статистического комитета был политический ссыльный, последователь и ученик Н. Г. Чернышевского, участник студенческих волнений в Петербургском университете (1861) Е. П. Михаэлис[92]. В Семипалатинске он служил с 1869 по 1882 г. и прекрасно изучил историю и культуру казахского народа. Он часто по служебным делам посещал казахские аулы, присутствовал на многочисленных съездах казахских биев и старшин, посредничал между враждующими партиями, вел переписку с туземной администрацией, а также со своими друзьями-казахами, которых у него было немало. В 1875—1882 гг. Михаэлис ежегодно составлял проекты постановлений администрации и отчетов

[91] ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 780.
[92] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 358, лл. 299—324.

о состоянии области. По его инициативе и при его деятельном участии в 1881 г. был издан юридический сборник «Степное положение о киргизах», в который вошли многие документы, написанные им лично. Он был также одним из инициаторов основания в Семипалатинске в 1883 г. общественной библиотеки и краеведческого музея. Последний был образован на основе его собственных археологических коллекций. Большой заслугой Михаэлиса является открытие поэтического таланта Ибрагима (Абая) Кунанбаева, бережное отношение к нему и содействие его духовному просвещению и воспитанию.

После отъезда Михаэлиса из Семипалатинска активную роль в комитете стал играть местный судья П. Е. Маковецкий, уделявший много времени этнографическому изучению казахского народа. Он также дружил с Абаем, являвшимся членом комитета с 1886 г., и со многими политическими ссыльными, среди которых выделялись своими незаурядными способностями А. Л. Блек, С. С. Гросс, Н. И. Долгополов, А. А. Леонтьев, П. Д. Лобановский. Маковецкий привлекал ссыльных к участию в статистических исследованиях и разрешал им заниматься в библиотеке комитета. Под его же руководством Блек, Гросс и Леонтьев изучали обычное право казахов и в 1886 г. издали сборник «Материалы для изучения юридических обычаев киргизов».

П. Е. Маковецкий принадлежал к тем ученым, которые прекрасно понимали задачи науки по изучению колониальных окраин России. В 1887 г. на общем собрании Статистического комитета он выдвинул целую программу научных этнографических исследований в Семипалатинской области. Общее собрание комитета одобрило его предложения и предложило ему обратиться к чиновникам и частным лицам области с просьбой заняться сбором научных материалов по его программе[93]. Однако вскоре он, как и некоторые ссыльные, интересовавшиеся изучением населения области, уехал из Семипалатинска, а их дело никто не продолжил.

При Маковецком Статистический комитет уделял большое внимание сбору предметов казахского быта для Семипалатинского музея. В 1887 г. ценная коллекция из тридцати казахских этнографических экспонатов демонстрировалась комитетом на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге. В особой описи этой коллекции указывались казахские названия каждого предмета, их назначение, происхождение и степень распростра-

---

[93] Протокол общего собрания Семипалатинского областного статистического комитета. Заседание 7 ноября 1887 года. Семипалатинск, 1888, стр. 9—15.

нения в казахских аулах[94]. Кроме того, политический ссыльный П. Д. Лобановский представил четырнадцать таблиц рисунков мужчин и женщин разных возрастов в национальных костюмах.

Научная деятельность комитета, замершая в конце 80-х годов, оживилась лишь в 1894—1898 гг., когда секретарем комитета стал В. П. Никитин, а затем Н. Я. Коншин. Под влиянием этих лиц комитет стал регулярно издавать свои годовые отчеты, протоколы заседаний и «Памятные книжки Семипалатинской области», вторые разделы которых отводились для опубликования краеведческих материалов. Отдельным членам комитета предоставлялись научные командировки для сбора сведений по экономике, статистике и этнографии Семипалатинской области. Было опубликовано также обращение «Ко всем учреждениям и лицам, кому дорого дело изучения наших окраин, с просьбой о присылке в комитет своих сочинений и изданий».

Основное внимание комитета на рубеже двух последних столетий было обращено на изучение положения переселенческой деревни и взаимоотношений пришлого и коренного населения. Эти проблемы особенно глубоко изучал секретарь комитета, политический ссыльный Н. Я. Коншин (род. в 1863). Он объездил почти все переселенческие участки, а также побывал в казахских аулах на казачьих землях. Собрав обширный материал, характеризующий экономические и культурные взаимоотношения русского и казахского народов, Коншин опубликовал серию значительных по объему статей, излагающих только то, что он «лично видел и слышал, без всяких литературных справок, пояснений и т. п.»[95].

Н. Я. Коншин, присутствуя, как заметил Н. Харузин[96], «при зачатках непосредственного взаимного влияния народностей», не вынес в те годы окончательного своего мнения по этому вопросу. Он писал: «... чем больше вы знакомитесь

---

[94] Опись вещам, отправленным Семипалатинским областным статистическим комитетом на Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку 1887 года из областного музея. В кн.: «Протокол общего собрания Семипалатинского областного статистического комитета. Заседание 7 ноября 1887 года». Семипалатинск, 1888, приложение № 1, стр. 1—5.

[95] Н. Я. Коншин. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г». Семипалатинск, 1898; его же. Переселенческие поселки в Усть-Каменогорском уезде. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1899 г.»; его же. По Усть-Каменогорскому уезду. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г.» Семипалатинск, 1900.

[96] «Этнографическое обозрение», 1899, № 4, стр. 143.

с киргизами, тем крепче делаются ваши симпатии к ним, тем тверже становится убеждение, что, несмотря на многие темные стороны их быта, это здоровый физически и нравственно народ, вполне способный, по своим природным качествам, к восприятию более высокой, чем теперь, культуры». А колонизаторская политика царизма «не только ставит преграды к такому развитию, но в будущем грозит принять еще более тяжелый характер». Аграрная политика, утверждал он, должна проводиться «с соблюдением законных интересов» казахского народа[97].

Изучая экономическое положение казахского народа, Коншин пришел к заключению, что в экономической жизни казахов произошли глубокие перемены, захватившие все стороны жизни казахского общества, вызвавшие разложение крестьянства и быстрое развитие оседлого земледелия. Казахи, по его мнению, как и другие «народы низшей культуры, должны считаться за равноправных собратий культурных народов; они остались на низшей степени культуры, только благодаря тяжелому сцеплению географических и исторических условий»[98].

Во всех статьях «Памятных книжек Семипалатинской области», опубликованных в 1897—1902 гг. и посвященных различным краеведческим проблемам, имеются богатые данные, характеризующие культуру и быт казахского народа. При этом некоторые из них имеют чисто этнографическое содержание. Так, в ряде статей рассматривается вопрос о происхождении отдельных компонентов казахской народности и родоплеменном составе казахов Семипалатинской области.

Этот вопрос впервые был выдвинут на обсуждение Абаем, который в 1900 г. опубликовал статью «Заметка о происхождении родов Средней киргизской орды». Автор следующей статьи «Материалы для родословной киргиз» В. И. Маевский подчеркивал, что он не собирался публиковать свою статью, но «вызвала ее к жизни «Заметка о происхождении родов Средней киргизской орды», помещенная в «Памятной книжке за 1900 год»[99]. Статья поэта была опубликована за подписью Коншина и только М. И. Фетисов установил авторство Абая[100].

---

[97] Н. Я. Коншин. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. «Семипалатинск», 1901, стр. 181—182.

[98] «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г». Семипалатинск, 1898, стр. 29.

[99] «Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г.» Семипалатинск, 1901, стр. 4.

[100] М. И. Фетисов. Зарождение казахской публицистики. Алма-Ата, 1961, стр. 235—242.

Статья Абая была встречена научной общественностью с большим интересом. Она не повторяла известные истины и отличалась оригинальностью. Русский антрополог и этнограф А. А. Ивановский, автор этнографических работ, посвященных казахам, в рецензии на эту статью особо отметил новизну ее сведений[101]. Вторым достоинством статьи Абая являются подробные примечания, прекрасно объясняющие происхождение и смысл родоплеменных названий Среднего жуза.

Абай Кунанбаев был выдающимся знатоком культуры и быта казахского народа и пользовался славой общепризнанного авторитета в области толкования казахских обычаев, древних законов, генеалогий, легенд, преданий и этнографической терминологии. Он неоднократно участвовал в работе чрезвычайных съездов биев и оказывал решающее влияние на их решения. В 1885 г., когда областная администрация предприняла попытку издать общее Эреже, т. е. свод обычного права, съезд биев принял 96 статей Эреже в редакции Абая. О глубоких этнографических знаниях Абая говорят и его литературные произведения.

В. И. Маевский (ум. в 1908), автор упомянутой статьи «Материалы для родословной киргиз», около трети века служил в колониальных учреждениях и хорошо знал казахов. Материалы для своей статьи он собрал в казахских аулах в 1870-х годах. Из других членов Семипалатинского статистического комитета родоплеменную структуру казахов изучали Н. Я. Коншин и В. П. Никитин[102]. Все они понимали научное значение поднимаемого вопроса. Коншин в предисловии к статье «Заметка о киргизских родах и султанах в Каркаралинском крае» выразил надежду, что быть может его статья «вызовет поправки и объяснения со стороны сведущих людей, особенно киргиз, и тем будет способствовать к выяснению общего вопроса о киргизских родах». Далее, он подчеркнул значение разработки этого вопроса для изучения всей истории казахов, «в жизни которых родовое начало всегда имело громадное значение»[103].

Члены комитета разрабатывали также проблему рабства в Казахской степи. В 1902 г. Ф. К. Зобнин опубликовал исключительно интересное исследование «К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в Киргизской степи», напи-

---

[101] «Русский антропологический журнал». М., 1900, № 2, стр. 108.

[102] В. П. Никитин. Исторический очерк Семипалатинской области. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 г.» Семипалатинск, 1897.

[103] «Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 г». Семипалатинск, 1901, стр. 41—54.

санное на высоком научном уровне[104]. В нем он поставил задачу выяснить, из каких социальных слоев населения происходили невольники, рабы и тюленгуты, что они собой представляли и как к ним относилась русская администрация. Придя к выводу, что к концу XIX в. остатки рабства в Казахской степи исчезли, автор считал условия существования бедноты, ряды которой росли с каждым годом, близкими к «положению в крепостном состоянии». Он выдвигал на первый план вопрос об улучшении экономического быта казахов, характеризовавшегося «разложением устоев прежней кочевой жизни и попытками перехода на новую колею». Казахи, «способные к восприятию высшей культуры», нуждаются в создании условий для «своего нравственного и экономического преуспеяния». Необходимо «признание того, что и степные аборигены могут быть не только объектами усмирения и платежными единицами», что у них имеются свои «нужды, требующие своевременного и правильного удовлетворения и разрешения»[105].

Активные члены Семипалатинского статистического комитета — В. К. фон-Герн (ум. 1905), Н. Я. Коншин, Г. А. Сопетов, В. И. Маевский — изучали нравы и обычаи казахов, изделия и технику домашних промыслов и ремесел, развитие оседлости и орошаемого земледелия[106]. Не все из них правильно освещали эти вопросы, допускали ошибки, закрывали глаза на колонизаторскую политику царизма, но тем не менее им нельзя отказать в сочувственном отношении к казахам, в признании положительных качеств казахского народа и его прав на лучшую участь. Преобладание в рядах комитета политических ссыльных, господство традиций Михаэлиса, Абая, Маковецкого обеспечили комитету плодотворные результаты в области изучения казахов и утверждения гуманного отношения к ним. Однако комитет был казенным учреждением и связывал инициативу семипалатинских краеведов. Царские сатрапы косо поглядывали на научные занятия его членов. Более того, выдвигалось требование ограничить деятельность комитета сбором статистических сведений. Ограничению, например, была подвергну-

---

[104] Там же.

[105] Там же, стр. 98—99.

[106] В. К. фон-Герн. Из записной книжки. Этнографические заметки. «Памятные книжки Семипалатинской области на 1898, 1899 и 1902 гг.»; Н. Я. Коншин. От Павлодара до Каркаралинска. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г.»; Г. А. Сопетов. Податное и хозяйственное устройство киргиз Семипалатинского уезда. «Семипалатинские областные ведомости», 1901, № 16—28, 1902, № 9—15, 17—19, 20—24, 25—35; В. И. Маевский. Материалы к изучению юридических обычаев киргиз. «Семипалатинские областные ведомости», 1906, № 28, 29.

та в 1898 г. газета «Семипалатинские областные ведомости»: губернатор потребовал, «чтобы редактор строго руководствовался инструкциями относительно неофициальной части Областных ведомостей, изложенными во II томе Свода законов». Несмотря на то, что эта газета была единственной в области, она, по мнению губернатора, не могла «быть более или менее полным отражением местной жизни, со всеми ее светлыми и темными сторонами» и от нее «нельзя требовать того свободного отношения не только к крупным, но и мелким явлениям общественной жизни, той прямолинейности, какие требуются от общественной газеты». Согласно программе, одобренной властями, газета могла поднимать лишь вопросы местной жизни, разработка которых «преимущественно с научной точки зрения» вызывалась потребностями успешного управления колониальным краем[107].

В силу этих обстоятельств семипалатинские краеведы в конце XIX в. решили добиваться открытия в городе подотдела Географического общества и перенесения в него своей научной деятельности. В 1898 г. Н. Я. Коншин изложил это решение в печати и встретил поддержку со сторны губернатора, который открытие подотдела считал удобным предлогом для прекращения издания «Памятных книжек» и научной деятельности Статистического комитета, находившегося под его прямым подчинением. После открытия подотдела в 1902 г. власти осуществили свое намерение и тогда из комитета ушли все лучшие силы. Комитет перестал играть какую бы то ни было роль в научном изучении Семипалатинского края.

Семипалатинский филиал Географического общества был основан как подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, но работал он вполне самостоятельно. Проблематика его деятельности определялась, с одной стороны, властями, с другой — наличием лиц со специальным образованием. Этнография, например, почти не изучалась специально, так как в составе подотдела не было этнографов. Изучение же других научных проблем края часто прерывалось и не возобновлялось из-за отъезда тех или иных членов подотдела и отсутствия продолжателей их дела. Ни о каком планировании научных исследований, хотя бы на один год, не могло быть и речи. Те или иные проблемы обычно выдвигались на обсуждение подотдела лишь по инициативе его сотрудников. Правда, на общих собраниях подотдела и заседаниях его руководящих органов

---

[107] «Отчет Семипалатинского областного статистического комитета за 1898 г.» Семипалатинск, 1899, стр. 5—6.

иногда высказывалось мнение о необходимости изучения определенного круга научных проблем, но потом к этому никто не возвращался.

На протяжении всего существования Семипалатинского подотдела в дореволюционный период в его составе числилось в среднем около ста человек. Но подавляющее большинство никакого участия в научной работе не принимало. Не мог уделять много времени научной работе подотдела и его актив, так как был занят в колониальных учреждениях. Наукой здесь занимались лишь в случае благоприятного стечения обстоятельств (предоставление командировки, наличие необходимых средств, литературы, архивных материалов). При этом поднимавшиеся проблемы не подвергались систематическому изучению. Очень часто, опубликовав интересную статью, лишь намечавшую пути исследования проблемы, автор уже не возвращался к ней. Впрочем, все сказанное является характерной чертой деятельности и других научных обществ царской России, не только не встречавших должной государственной поддержки, но и вынужденных преодолевать препятствия, чинимые властями. И если тем не менее русские ученые немало потрудились для науки, то это прежде всего благодаря их самоотверженности и пониманию ими своего высокого долга перед Родиной.

Согласившись на открытие Семипалатинского подотдела Русского географического общества, местные власти старались ограничить его деятельность лишь интересами колониальной политики. Эта цель достигалась посредством, во-первых, установления строгой цензуры за изданиями подотдела, во-вторых, отказа от финансирования неугодных царизму исследований и, в-третьих, назначения на пост председателя подотдела одного из высших чиновников колониальной администрации.

Семипалатинским краеведам уже в самом начале своей деятельности пришлось испытать на себе грозные окрики и опеку царских сатрапов. Так, например, А. А. Леонтьеву был воспрещен доступ к архивным документам для научной разработки их. Степной генерал-губернатор М. А. Таубе не раз выражал открытое недовольство деятельностью Семипалатинского статистического комитета, а в 1899 г. угрожал прекратить издание «Памятных книжек» из-за опубликования статьи Н. Я. Коншина «Переселенческие поселки в Усть-Каменогорском уезде».

Первым председателем Семипалатинского подотдела был вице-губернатор области Н. Ф. Ницкевич, полностью оправдывавший доверие царизма. При нем члены подотдела занимались комплектованием библиотеки, организацией работы музея, разработкой архивных материалов, но не изучением

актуальных проблем современности. Никто не осмеливался выступить против такого порядка. Но вот грянула революция 1905 г., заставившая кое-кого подумать об окружающей действительности. Н. Я. Коншин 3 марта 1905 г. на заседании руководства выступил со специальным заявлением, в котором деятельность подотдела назвал «крайне узкой». Он говорил: «Жизнь давно выдвинула на первый план много вопросов первостепенной важности, от того или иного разрешения которых надолго определится весь ход развития нашего края, а между тем подотдел ничем решительно не выразил своего отношения к подобным вопросам, став, таким образом, совершенно в стороне от местной жизни». Понимая невозможность открытой постановки таких проблем, которые явно противоречили интересам царизма, Коншин призывал приступить к изучению на основании данных истории, этнографии и статистики хотя бы вопросов «о введении в степных областях земских учреждений, о народном киргизском суде, о постановке у киргиз начального образования и пр. и пр.»[108]. Заявление Коншина следовало обсудить на общем собрании членов подотдела, но председатель Ницкевич решительно воспрепятствовал этому.

В период наивысшего подъема первой русской революции в конце 1905 г. революционные настроения охватили и некоторых сотрудников подотдела. В конце 1905 г. на торжественном собрании в честь 70-летия Г. Н. Потанина в Семипалатинске впервые раздались речи о необходимости свержения самодержавия[109]. Однако послушное царизму подавляющее большинство подотдела быстро заглушило недовольные голоса и подотдел покорно продолжал выполнять волю колониальной администрации.

В 1906 г. Коншин вновь выдвинул на обсуждение подотдела некоторые злободневные вопросы местной жизни, но не встретил сочувствия и отошел тогда от активной деятельности в Обществе.

В 1903—1916 гг. Семипалатинский подотдел опубликовал одиннадцать выпусков своих «Записок», в которые вошли и научные работы, освещающие результаты изучения культуры и быта казахского народа. В большинстве из них на основе обобщения этнографических материалов дана характеристика состояния казахского хозяйства.

Интересно отметить, что некоторые авторы этих работ, по-видимому, были неплохо знакомы с марксизмом. Так, П. И. Пахомов, производитель работ Семипалатинского пе-

[108] «Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО». Семипалатинск, 1905, вып. 2, стр. 22—23.

[109] «Очерк деятельности Семипалатинского отдела РГО за 25 лет его существования». Семипалатинск, 1927, стр. 10.

реселенческого района, в своей статье «Киргизское хозяйство на Ак-Кабе и на верховьях Курчума» подчеркнул исключительную важность изучения экономического строя общества. Он писал: «В настоящее время можно считать общепризнанным, что для понимания истории какого-нибудь народа необходимо знать историю его экономического состояния. Есть немало людей, утверждающих даже, что развитие производительных сил или средств производства есть основа, базис всего совершающегося в человеческом обществе. И несмотря на это, для изучения экономического строя и эволюции его сделано очень мало. Особенно плохо выяснено положение обществ, стоящих на сравнительно низкой ступени социального развития»[110].

В своих работах семипалатинские краеведы старались дать объективную оценку описываемым явлениям и опровергнуть шовинистические высказывания реакционных авторов о казахском народе. Так, В. И. Бенкевич в статье «Киргизское степное скотоводство и меры к его улучшению» утверждал, например, что причины господства кочевого скотоводства в Казахской степи «кроются не в каких-либо влечениях и симпатиях киргиз, в их сильно раздутой лености и проч., а лишь в прямом приспособлении к свойствам климата, почвы, растительности и орошения степей...». В другом месте, в противовес мнению реакционеров, Бенкевич писал: «Кочевать — это не значит вести бродячий образ жизни, кочевки — это вещь регламентированная и явление, правильно совершающееся...»[111]

В Семипалатинском подотделе часто высказывалось мнение о необходимости детального изучения казахского обычного права, практики суда биев и решения на этой основе с участием самих казахов вопроса о проведении судебной реформы. Однако в этом отношении ничего определенного сделано не было. Обсуждался только реферат П. В. Вдзенконского «О киргизском народном суде», в котором был изложен кабинетный проект судебной реформы, нисколько не учитывавший особенности казахской действительности.

В 1903 г. на общем собрании подотдела некий адвокат Р. М. Марсеков, впоследствии активный алашордынец, прочитал реферат «О выборном начале у киргиз», показав полное незнание жизни собственного народа. Референт предложил паллиативные меры для ликвидации партийной вражды в казахском обществе. Оторванность от своего народа и

---

[110] «Записки Семипалатинского подотдела...», 1911, вып. 5, стр. 1.

[111] «Записки Семипалатинского подотдела...», 1903, вып. 1, стр. 1, 9.

попытки завоевания дешевого авторитета посредством демагогии были характерными чертами деятельности той части казахской буржуазной интеллигенции, которая после Октябрьской революции выступила против Советской власти.

Активными деятелями Семипалатинского подотдела были братья В. Н. Белослюдов (ум. в 1916) и А. Н. Белослюдов (1887—1939). Первый из них был художником-этнографом и создал многочисленные рисунки, которые ныне хранятся в рукописном фонде библиотеки Академии наук Казахской ССР, а второй собирал произведения казахского фольклора. Казахские сказки из собрания А. Н. Белослюдова, как и некоторые другие фольклорные материалы были опубликованы в «Записках» подотдела[112].

Семипалатинский подотдел вел большую работу по пропаганде этнографических знаний и организации работы краеведческого музея. Устраивались этнографические вечера, читались лекции по этнографии казахского народа. Особенно интересно был проведен вечер, посвященный памяти Абая. Кроме доклада о поэте, на вечере «певец А. Капселямов исполнил под аккомпанемент домбры три стихотворения Абая в его напевах и четыре песни старинного киргизского мотива. Н. С. Кульджанова (докладчица) прочитала на киргизском и русском языках образец заклинательной песни баксы. Бакса Беликпай Сатиев (80 лет) исполнил с кобызом сеанс призывания духов. В заключение были показаны живые картины из киргизской жизни: а) типы киргиз, б) киргизы за питьем кумыза и в) приготовление охоты с ястребом»[113]. В 1915 г. на этнографическом вечере демонстрировались казахские национальные костюмы разных местностей. Было высказано мнение, что тургайский казахский женский костюм является самым красивым[114].

Семипалатинский краеведческий музей и частный музей братьев Белослюдовых располагали ценной коллекцией казахских этнографических предметов. Коллекции для музея собирались по программе, разработанной Н. Я. Коншиным. Значительную работу в краеведческом музее вели братья Белослюдовы, Коншин и К. М. Рычков. Последний несколько лет работал в Музее антропологии и этнографии Академии наук под руководством Штернберга и был опытным

---

[112] А. Белослюдов. Сказания и сказки киргиз. «Записки Семипалатинского подотдела...», 1915, вып. 10, стр. 1—47; его же. Заметки по истории и этнографии киргиз. «Записки Семипалатинского подотдела...», 1914, вып. 8, стр. 1—16.

[113] «Отчет о деятельности Семипалатинского подотдела... за 1914 год». Семипалатинск, 1915, стр. 3, прим. 1.

[114] «Сибирская жизнь», 1915, № 52, стр. 2—3.

музееведом. Этнографический отдел музея одно время возглавлял член подотдела казах Н. Кулжанов.

Таким образом, вопросы о судьбах казахского кочевого хозяйства, о развитии оседлости и земледелия, о влиянии переселенческого движения на жизнь казахского народа, об изменении его быта под воздействием экономических факторов и русской культуры заняли ведущее место в деятельности Семипалатинского подотдела. Уделялось некоторое внимание и изучению духовной культуры казахов. И хотя исследование поднятых проблем не всегда доводилось до конца, семипалатинские краеведы собрали ценные этнографические сведения и несомненно внесли известный вклад в науку. Одним из самых крупных недостатков в их деятельности было почти полное отсутствие интереса к изучению материальной культуры казахского народа. Но не следует забывать, что Семипалатинск в то время был небольшим провинциальным городом, в котором не было ни научных учреждений, ни высших учебных заведений. Указанная небольшая группа местных краеведов, пожалуй, сделала почти все, что было в ее силах.

Труды туркестанских ученых и краеведов

Определенный вклад в историю этнографического изучения южных казахов в конце XIX — начале XX в. внесли туркестанские ученые и краеведы, объединившиеся вокруг научных обществ и учреждений Ташкента. Здесь функционировали Сыр-Дарьинский областной статистический комитет, Туркестанское общество сельского хозяйства, Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917), Туркестанский отдел Русского географического общества (1897—1917), Отделение общества востоковедения (1901—1913)[115]. В них работали И. В. Аничков, Г. А. Арендаренко, М. И. Бродовский, И. И. Гейер, А. А. Диваев, А. И. Добросмыслов, Я. Я. Лютш, Н. Н. Пантусов, Ф. В. Поярков, А. А. Семенов, изучавшие в разные годы историю, культуру и быт казахского народа.

Историю этнографического изучения южных казахов туркестанскими учеными можно подразделить на три этапа. В первые десятилетия после образования Туркестанского генерал-губернаторства, когда интересы успешного управления новым колониальным краем потребовали всестороннего изучения местной природы и населения, туркестанские ученые и краеведы проделали большую работу и создали

[115] Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958.

ценные этнографические труды, о которых говорилось уже весьма подробно. Затем, с середины 80-х годов, наступил период резкого ослабления интереса к этнографическим исследованиям. Туркестанский отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, возникший в 1870 г. и оставивший, по мнению исследователей, «глубокий след в начальной истории научных изысканий в Туркестанском крае»[116], в эти годы по воле генерал-губернатора почти бездействовал и, наконец, около 1894 г. прекратил свое существование.

Петербургский рецензент А. Липовский, часто выступавший на страницах «Живой старины» с критическими заметками об этнографических работах туркестанских авторов, в 1893—1894 гг. неоднократно упрекал «туркестанскую интеллигенцию за ее равнодушие к изучению местной жизни»[117]. Он, в частности, отмечал, что «число напечатанных в 1893 г. материалов по туземной этнографии крайне невелико» и значение их, вследствие случайности, бессистемности собирания, не особенно высоко[118].

С образованием указанных обществ наступает третий этап, когда в конце 90-х годов этнографические исследования несколько расширились, но затем стали постепенно сокращаться и уже никогда не достигали прежнего размаха. Уже в 1902 г. в печати отмечалось, что «за последнее время исторические и этнографические исследования стали уступать место экономическим, юридическим, статистическим»[119]. Но, разумеется, дело заключалось не в отсутствии подлинного интереса к этнографии и не в нежелании местных краеведов изучать культуру и быт казахского народа. Как справедливо пишет один из современных авторов, «много хороших планов передовой русской интеллигенции было погребено в условиях колониального царского режима. Царским сатрапам чужды были прогрессивные цели, они стремились подчинить своим интересам деятельность научных обществ», ставя перед ними задачу «изучения Востока не для Востока и науки, а для слияния народностей с Россией — обрусения»[120]. Экономические, юридические и статистические исследования, естественно, больше интересовали царизм, политика которого была направлена на усиление

[116] Б. В. Лунин. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент, 1962, стр. 102.

[117] «Живая старина», 1893, вып. 2, стр. 257—263 и 1894, вып. 3—4, стр. 540—542.

[118] «Живая старина», 1894, вып. 3—4, стр. 540.

[119] И. В. Аничков. Упадок народного хозяйства в киргизских степях. «Русская мысль», М., 1902, стр. 50.

[120] А. Савицкий. Ташкент — один из центров русского востоковедения. «Звезда Востока», 1957, № 5, стр. 118.

эксплуатации края и законодательное обоснование в нем своего господства.

В эпоху империализма в местной историографии Туркестана существовало два основных направления, близких в идейном и методологическом отношении, но различных по научному подходу к изучаемым проблемам и глубине исследования, знанию источников[121]. Ведущим из них являлось так называемое академическое направление, представленное такими учеными, как В. В. Бартольд, М. С. Андреев, В. Л. Вяткин, А. А. Диваев, Н. С. Лыкошин, Н. Г. Маллицкий, В. Ф. Ошанин, Н. Н. Пантусов, А. А. Семенов. Второе направление представляли реакционно настроенные офицеры и чиновники колониальных учреждений, выражавшие интересы царизма и русской буржуазии (М. А. Миропиев, Н. П. Остроумов). Они подходили к изучению природы и населения Туркестана с колониальных позиций[122]. Для них не существовало этнографической специфики населения края, которое они подразделяли лишь на оседлое и кочевое.

Деятели «казенной» этнографии утверждали, что у казахов нет национального самосознания и что пробуждение его «равносильно самоубийству для России»[123]. Закрывая глаза на господство в казахском обществе социального неравенства, они идеализировали патриархально-феодальные отношения и доказывали, что казахи довольны своей судьбой[124].

Под давлением царизма оба направления в туркестанской историографии почти не обращали внимания на исследование этнографических проблем современности. Они изучали археологические и архитектурные памятники края, различные формы древней религии, древнюю культуру, историю, устное народное творчество, занятия местного населения. Уход в древность от острых проблем окружающей действительности, аполитизм, обращение к определенной тематике, позволявшей воздержаться от осуждения царизма и высказывания своего мнения о положении трудящихся масс местного населения, являлись характерными чертами деятельности большинства туркестанских ученых и краеведов. Некоторые же из них, хотя и писали о неприглядной картине в казахских аулах и выражали сочувствие казах-

---

[121] «Очерки истории исторической науки в СССР». М., 1963, стр. 730, 731.

[122] М. Бродовский. Колониальное значение наших среднеазиатских владений для внутренних губерний. М., 1891.

[123] М. А. Миропиев. Русско-инородческие школы системы Ильминского. «Журнал Министерства народного просвещения», 1908, № 2.

[124] Ф. Михайлов. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк. Ашхабад, 1900.

скому народу, ничего не говорили о колониальной политике, направленной на консервацию отсталых форм хозяйства, социальных отношений, культуры и быта.

И. В. Аничков в статье «Забытый край» писал: «Цель настоящего очерка возбудить интерес к Киргизской степи, который несколько ослаб после наших последних успехов в Средней Азии, и обратить внимание правящих сфер и общества на этот край..., занятый кочевьями киргиз Средней и Малой орды, быт которой, предоставленный почти на произвол судьбы, может дойти до полного упадка, после чего, разумеется, трудно будет его поднять; это, конечно, не может входить в намерения правительства, тем более, что весьма симпатичный и мирный киргизский народ, отдавшийся под верховенство России, ничем не заслужил такого забвения своей судьбы»[125]. Выход из создавшегося положения Аничков видел не в революции, а лишь в возбуждении интереса и внимания правящих сфер и общества, в осуществлении паллиативных мер колониальной администрацией, в переходе к оседлости, в развитии земледелия при помощи царизма.

Многие авторы относились к казахам с искренней симпатией, говорили о необходимости их просвещения, оказания им помощи со стороны русского народа, пресечении влияния на них реакционной пантюркистской и панисламистской идеологии. По тем этнографическим проблемам, которые они изучали, туркестанские авторы дали науке ценные, преимущественно в источниковедческом отношении, труды. Эти труды были опубликованы как в изданиях туркестанских научных обществ и учреждений, так и петербургских, московских, казанских.

Сыр-Дарьинский областной статистический комитет с 1891 г. издавал «Сборники материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», в которых были опубликованы материалы и исследования по этнографии казахов И. В. Аничкова, И. И. Гейера, А. А. Диваева. В своей рецензии на первые выпуски «Сборника...» Бартольд отмечал, что это издание в известной степени превратилось в орган этнографической науки, что Сыр-Дарьинский областной статистический комитет, расширив программу своей деятельности, стал уделять большое внимание этнографии и истории Сыр-Дарьинской области и что труды комитета стали ожидаться с интересом русскими ориенталистами[126].

В «Протоколах заседаний и сообщениях членов Туркес-

---

[125] «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. V. Ташкент, 1896, стр. 234.

[126] «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. IX, 1896, стр. 297—299.

танского кружка любителей археологии» печатались труды И. В. Аничкова, А. А. Диваева, Н. Г. Маллицкого, Н. Н. Пантусова, Ф. В. Пояркова, посвященные изучению археологических, архитектурных и этнографических памятников Казахской степи и фольклора казахского народа.

Туркестанский отдел Русского географического общества не уделял внимания этнографии казахов. В «Известиях» отдела материалы по этому вопросу почти не печатались[127] В 1899—1902 и 1907 гг. на Аральском море и его берегах работала физико-географическая экспедиция отдела. Руководитель экспедиции Л. С. Берг (1876—1950), «смотритель рыбных промыслов», самостоятельно изучал казахское рыболовство и устное народное творчество, а также историю научного изучения и картографии Аральского моря[128].

Этнографические труды туркестанских ученых также печатались в журналах: «Туркестанское сельское хозяйство», «Этнографическое обозрение», «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», «Записки Восточного отделения Русского археологического общества» и в газетах: «Туркестанский курьер», «Семиреченские областные ведомости», «Туркестанские ведомости». Последние вплоть до Октябрьской революции продолжали оставаться почти единственной газетой, из номера в номер печатавшей казахские этнографические материалы. Один из ее редакторов Н. Г. Маллицкий (ок. 1873—1947), возглавлявший газету в 1901—1906 гг., в своей автобиографии писал: «Я старался придать ей серьезный краеведческий характер»[129].

Крупным исследователем и собирателем казахских этнографических материалов был А. А. Диваев (1856—1933). В Туркестане он служил с 1876 г., после окончания Неплюевского кадетского корпуса в Оренбурге. Начало его научной деятельности относится к 1883 г. В дореволюционные годы им было издано около 130 публикаций казахских этнографических и фольклорных материалов, сыгравших особенно большую роль в истории изучения духовной культуры казахского народа и ознакомления русских читателей с его нравами.

А. А. Диваев был частым гостем в казахских аулах. Он свободно разговаривал по-казахски, превосходно знал нравы

---

[127] А. А. Диваев. Киргизская колыбельная песня. «Известия Туркестанского отдела РГО», 1900, т. II, вып. I.

[128] Л. С. Берг. Рыбы и рыболовство в устьях Сыр-Дарьи и Аральском море. СПб., 1900; его же. Аральское море. СПб., 1908; его же. Киргизское предание о циклоне. «Этнографическое обозрение», 1915, № 3—4.

[129] Цит. по книге: Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. 1958, стр. 83—84.

и обычаи казахов и проявлял, по выражению Бартольда, «горячую симпатию к бедному люду»[130]. В казахских аулах он завязывал многочисленные знакомства и поддерживал дружественные отношения с носителями и творцами народной поэзии, знатоками народных обычаев, преданий и легенд, с должностными лицами, оказывавшими ему помощь в работе по сбору научных материалов. Среди его информаторов и корреспондентов известны имена Иркембека Ахенбекова, Кожабая Амалдыкова, Иш-Мухаммеда Букина, Пир-Мухаммеда Тойтанова, Майла-Ходжа Султанходжина.

Достоинством трудов Диваева является тщательное обоснование документами научных материалов, публикация подлинников преданий, легенд, сказок, поговорок, пословиц, колыбельных песен, причитаний на казахском языке, бережное отношение к казахской этнографической терминологии и сохранение ее в русских переводах, а также авторские комментарии и примечания, содержащие ценные этнографические материалы. В последних поясняются этнографические термины, особенности духовной и материальной культуры, быта и хозяйства населения казахских аулов, раскрывается неразрывная связь этнографических явлений с жизнью народа. Способ комментирования научных материалов, примененный Диваевым, по справедливому замечанию современного исследователя, является справочно-этнографическим по преимуществу[131].

Справедливо также мнение, что в трудах Диваева, наряду с подлинно научными наблюдениями, встречаются, вследствие отсутствия у него академической подготовки, необоснованные гипотезы и утверждения[132]. Но в целом его труды, которые высоко ценили выдающиеся русские востоковеды В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов, А. Н. Самойлович, занимают видное место в истории этнографического изучения казахского народа.

Интересные работы по этнографии казахов написал И. В. Аничков (род. в 1863). Он окончил в 1888 г. факультет восточных языков Петербургского университета, а служил в судебных органах. В 1894—1899 гг. он был вначале помощником судьи, а затем мировым судьей в Казалинске и в Аулие-Атинском и Ташкентском уездах. Затем он жил в Новгороде и Петербурге, работал в системе Министерства внутренних дел. В 1902—1904 гг. Аничков занимал долж-

---

[130] «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. IX, 1896, стр. 299.

[131] Н. С. Смирнова. А. А. Диваев — фольклорист. «Вестник АН КазССР», 1957, № 1, стр. 36.

[132] Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, стр. 83.

ность непременного члена Тургайского областного правления[133]. Он активно сотрудничал в туркестанских и оренбургских научных обществах и учреждениях. Впоследствии, живя в Ковно и Новгороде (1916), он поддерживал тесные связи с Оренбургской ученой архивной комиссией и приезжал на ее заседания.

И. В. Аничков одинаково увлекался и археологическими и этнографическими исследованиями. В изданиях Туркестанского кружка любителей археологии и Оренбургской ученой архивной комиссии было опубликовано множество его сообщений, заметок, докладов и рефератов. Его этнографические работы печатались в научных и общественно-литературных журналах и газетах. Монография «Очерки народной жизни Северного Туркестана» была издана отдельной книгой (1899). Он искренне сочувствовал казахам и много писал об отсталости казахского хозяйства, о тяжелом положении трудящихся масс, о необходимости оказания им помощи. Пытаясь привлечь внимание общества к безрадостной судьбе казахского народа, он давал своим работам характерные названия: «Забытый край», «Упадок народного хозяйства в киргизских степях».

И. В. Аничков высказал ряд верных наблюдений о перспективах казахского хозяйства в условиях дореволюционной России. Он разоблачал реакционную роль ислама и мусульманского духовенства, отмечал, в частности, что «с прекращением военного быта утратили свое прежнее значение крупные группы родов, но не мелкие родовые единицы»[134]. После посещения казахских поминок Аничков вынес впечатление, что поминки имеют важное общественное значение, они сближают народ и используются для решения многих общественных дел, а этнографам «дают возможность видеть огромную толпу народа, услышать ее взгляды, наблюдать за ее настроением и встретить много своеобразного»[135].

Активным деятелем туркестанских ученых обществ был Н. Н. Пантусов (1849—1909). В 1871 г. он окончил восточный факультет Петербургского университета с золотой медалью и был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории Востока. Но уже через год этот талантливый и близкий ученик В. В. Григорьева уехал в Ташкент и поступил на службу в военно-народ-

---

[133] ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 2, д. 44, 45.

[134] И. В. Аничков. Присяга киргиз перед русским судом. «Журнал Министерства юстиции», 1898, № 9, стр. 42.

[135] И. В. Аничков. Поездка на киргизские поминки в 1892 г. «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», 1897, т. XIV, вып. 2, стр. 203—218.

ное управление Туркестанского генерал-губернаторства. Он отказался от блестящей профессорской карьеры, чтобы жить и работать в Средней Азии. Полевая этнография, археологические раскопки, непосредственное и длительное наблюдение за изучаемыми объектами интересовали его куда больше, нежели кабинетная деятельность.

В 1874 г. Пантусова перевели на службу в г. Верный и там он оставался до середины 1908 г. Только болезнь заставила его выйти в отставку и уехать из Верного всего лишь за год до смерти. Он занимал ответственные должности в Семиреченском областном правлении, руководил работой административных комиссий, съездов казахских биев, учебных заведений, библиотек, типографий, литографий, книжной торговлей, был членом Туркестанского и Семиреченского статистических комитетов, Русского археологического общества, Археологической комиссии, Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете[136].

Н. Н. Пантусов играл большую роль в культурной жизни г. Верного. Он фактически возглавлял в 1896—1907 гг. Семиреченский областной статистический комитет и направлял его деятельность по изучению населения области. После отъезда из Верного в 1890 г. Н. А. Аристова, с которым он работал совместно около двадцати лет, Пантусов был единственным в городе крупным ученым, с одинаковым успехом изучавшим археологию, этнографию, фольклористику и географию Семиречья. В 1898 г. по его инициативе был организован Семиреченский музей с историческим и археологическим отделами, в который с первых же лет его существования стали поступать и казахские этнографические предметы. Пантусов проявлял большую заботу о работе музея. Он подарил ему собственные археолого-этнографические коллекции, 151 оттиск с несторианских надгробных камней, рукописи своих научных работ и книги из личной библиотеки[137].

Первой научной работой Пантусова было студенческое сочинение «Как далеко простирались сведения арабских географов в глубь Средней Азии?», увидевшее свет в год его смерти. В дальнейшем он продолжал изучение письменных источников по истории Средней Азии, но археологические исследования в Семиречье заняли ведущее место в его научной деятельности. Им были обследованы несторианские кладбища, древние и собственно казахские архитектурные

---

[136] Формулярный список о службе старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области Н. Н. Пантусова. Рукопись Государственной республиканской библиотеки КазССР, инв. № 357.

[137] ЦГА КазССР, ф. 822, оп. 1, дд. 1, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18 и ф. 64, оп. 1, д. 5033.

памятники, производились археологические раскопки. Вместе с тем он уделял большое внимание собиранию и изучению преданий и легенд среднеазиатских народов и вообще произведений устного творчества и особенно тех из них, которые были связаны с археологическими и архитектурными памятниками Семиречья. Он опубликовал семь выпусков «Материалов к изучению казак-киргизского наречия» (1899—1903), в которые вошли казхские пословицы, былины, сказки и назидательные песни. В его второе собрание «Образцы киргизской народной литературы» (1909) вошли собранные им другие казахские сказки, приметы, поверья, благопожелания, заклинания, песни. Он издал текст легенды «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», описал могилу героев легенды, а также могилу Ч. Ч. Валиханова[138]. Известны также его статья «Киргизская игра тогуз-кумалак» и отчеты о съездах казахских биев, весьма интересные в этнографическом отношении[139]. Многочисленные работы Пантусова не имеют непосредственного отношения к казахам, но весьма важны для изучения древней истории и палеоэтнографии Семиречья.

В одно и то же время с Пантусовым в Семиречье жил и работал Ф. В. Поярков (1851—1910). Он получил образование в Московском университете, в котором в 1879 г. окончил медицинский факультет и, будучи мобилизованным в армию, был направлен в войска Туркестанского края. Почти вся его жизнь прошла в Семиречье[140]. Врач по образованию и служебным обязанностям, он глубоко интересовался археологией, этнографией и антропологией народов Семиречья и был членом туркестанских научных обществ. Ему принадлежит приоритет открытия в Семиречье несторианских памятников (1885). Большинство его работ посвящено дунганам и киргизам. Среди казахов он производил антропологические измерения и изучал их верования и устное народное творчество[141].

---

[138] Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, 1899, год 4.

[139] «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1906, т. XXII, вып. 4; «Туркестанские ведомости», 1887, № 14, 37.

[140] ЦГА КазССР, ф. 46, оп. 1, д. 283 и ф. 61, оп. 1, д. 45; биографию Ф. В. Пояркова см. в кн.: С. М. Ахинжанова. «Аннотированный указатель рукописей государственной Республиканской библиотеки КазССР им. А. С. Пушкина» (в печати).

[141] Ф. В. Поярков. Из области киргизских верований. «Этнографическое обозрение», 1891, № 4 и 1894, № 1; его же. Сказание о двух охотниках. «Козы-Курпечь и Баян-Слу». Рукопись Республиканской библиотеки КазССР им. А. С. Пушкина, инв. № 444; его же. Киргизские пословицы и песни. Рукопись, там же, инв. № 367.

Научные труды Пантусова и Пояркова привлекли внимание многих русских востоковедов к истории Семиречья. Их исследованиями заинтересовались Д. Н. Анучин, В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, Н. Я. Марр, В. Р. Розен, Н. М. Ядринцев. Бартольд посетил в Пишпеке Пояркова, чтобы лично познакомиться с ним и с его трудами. Оживление культурной жизни и археолого-этнографических исследований в Семиречье в конце XIX — начале XX в. связано с именами этих двух самоотверженных русских ученых. Они были прогрессивными и плодотворными исследователями. Как деятели колониальной администрации, Пантусов и Поярков проявили себя с лучшей стороны и относились к местным народам с большим сочувствием. Их имена прочно вошли в историю укрепления дружбы русского, казахского, киргизского, уйгурского и дунганского населения Семиречья.

Наряду с И. В. Аничковым, А. А. Диваевым, Н. Н. Пантусовым и Ф. В. Поярковым этнографию казахов изучали и другие ученые и краеведы, оставившие отдельные книги, статьи и сообщения научного характера. В целом работы всех туркестанских авторов довольно подробно освещают хозяйство казахов, их домашние промыслы и ремесла, народные знания, нравы, обычаи, верования, игры, устное народное творчество.

В числе работ о казахском хозяйстве преобладают журнальные статьи. Новое в них, по сравнению с работами на эту тему предыдущей эпохи, заключается в том, что дается не только простое описание кочевого скотоводства, но ставится вопрос о его будущем, на конкретных примерах рассматривается практика сочетания кочевого хозяйства с оседлым, с земледелием, изучаются взаимоотношения казахов с переселенцами, заимствование ими друг у друга лучшего из опыта ведения хозяйства[142].

На основе глубокого изучения историко-этнографических материалов часть авторов опровергала имевшееся в литературе необоснованное утверждение, что казахи в недалеком прошлом вообще не знали земледелия. Так, Аничков писал: «Большая ошибка представлять себе киргиз исключительно скотоводами и кочевниками; может быть это было бы верно лет 50 тому назад, да и то нет, потому что уже тогда, т. е. еще до прихода русских, киргизы на

---

[142] А. А. Диваев. Из области киргизского скотоводческого хозяйства. «Туркестанские ведомости», 1904, № 112 и 1905, № 4; С. Здзеницкий. Животноводство в Сыр-Дарьинской области. «Туркестанское сельское хозяйство», 1915, № 6, 7; И. В. Аничков. Оседание кочевников и наше законодательство. «Окраина», 1896, № 62.

Сыре занимались земледелием, частью пользуясь заброшенными каракалпаками арыками, частью проводя свои»[143].

Другие авторы указывали, что русские переселенцы в Семиречье, «не имевшие никакого представления об искусном орошении и работе плугом на глинистых и лессовых полях новой родины..., оказались в смысле знания условий местной культуры ниже туземцев и попали к ним до некоторой степени в науку»[144]. Более внимательное изучение орошаемого земледелия у казахов позволило опровергнуть мнение, что казахи якобы не возводили ирригационные сооружения, а лишь использовали построенные до них каналы и арыки. Исследование показало, что, хотя казахское земледелие не достигло масштабов, например, узбекского, там, где оно существовало, практика ирригации находилась примерно на одинаковом уровне со среднеазиатской. В начале же XX в. казахи построили в Казалинском, Перовском и Чимкентском уездах новые каналы и арыки. Освещалось состояние орошаемого земледелия и в Семиреченской области[145].

Домашние промыслы и ремесла у казахов описали в своих работах И. И. Гейер и А. А. Семенов. В большой статье «Ковровые изделия Средней Азии» (1911) А. А. Семенов (1873—1958) показал некоторые особенности казахского ковроткачества, описал его технику, указал районы распространения ковроткачества в Сыр-Дарьинской области, определил причины падения этого ремесла в Средней Азии в начале XX в.[146] И. И. Гейер (ум. в 1908) изучал почти все отрасли казахского ремесла. Результаты своих наблюдений он изложил в книге «Туркестан» (1909).

Туркестанские авторы в статьях с весьма красноречивыми заголовками — «К вопросу об улучшении положения киргизской женщины», «Бесправность киргизских молодух», «В защиту угнетенной туркестанской туземной женщины», «Женский вопрос в Киргизской степи» — дали подробную характеристику положения казахской женщины в семье, ее прав, занятий, обязанностей. Они отмечали, что усиление

---

[143] И. В. Аничков. Забытый край. 1896, стр. 188.

[144] Н. З. Леденев. История Семиреченского казачьего войска, 1909, стр. 73.

[145] Н. Н. Александров. Земледелие в Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1916, ч. 1 и 2; Из Казалинского уезда. «Туркестанские ведомости», 1915, № 59; Ю. Бонч-Осмоловский. Обводнение старого русла Янги-Дарьи в пределах Перовского и Казалинского уездов. «Туркестанские ведомости», 1910, № 3, 5, 6; В. Каллаур. Ирригационные нужды течения Сыра. «Туркестан» 1902, № 7. В. А. Васильев. Орошение земель Семиречья. «Туркестанские ведомости», 1911, № 188, 189, 191, 192.

[146] «Этнографическое обозрение», 1911, № 1—2.

влияния ислама привело к принижению ее человеческого достоинства. Постановка данного вопроса, выступление в печати в защиту казахской женщины — одна из положительных сторон деятельности русских ученых в Туркестане[147]

Вопрос о происхождении казахов почти не ставился туркестанскими учеными. В отдельных работах повторялись лишь ранее высказанные гипотезы. Многие авторы или избегали изучения этнографических проблем или касались только частных вопросов, как, например, происхождения названия «казах», отдельных мелких родоплеменных подразделений, выясняли их родословные[148].

После появления в печати капитальной книги Н. И. Гродекова о казахском обычном праве интерес к этой проблеме значительно снизился. В предреволюционную эпоху были напечатаны лишь мелкие заметки, не имевшие серьезного научного значения. Внимание некоторых исследователей привлекали такие вопросы, как связь казахских тамг с орхонской письменностью, казахский календарь, народная медицина, игры[149]

Казахские свадебные и семейные обычаи изучали И. Андреев, А. Диваев, Н. Калмаков. Они обратили внимание на некоторые малоизвестные детали свадебного ритуала и напечатали образцы свадебных песен[150]. Диваев придавал большое значение установлению связи народной поэзии с трудом и бытом. Собирая произведения устного народного творчества, он старался выяснить их происхождение и от-

---

[147] «Туркестанский курьер», 1908, № 132; «Туркестанские ведомости», 1902, № 19; «Туркестанские ведомости», 1916, № 194; «Православный благовестник», 1894, № 23; «Туркестанские ведомости», 1911, № 62, и 1912, № 214.

[148] М. Бродовский. Очерк Киргизской степи. Происхождение киргиз и их прежнее и нынешнее управление. «Землеведение», 1913, кн. 3; М. Бекимов. Значение названий некоторых народностей в Средней Азии. «Туркестанский курьер», 1909, № 246; Косщугулов. О названии «казак» (киргиз). «Туркестанская туземная газета», 1907, № 14; 15, 17; А. А. Черновский. Родословная киргиз-казаков, живущих в районе р. Чу и низовьев р. Таласа, Аулие-Атинского и Черняевского уездов. Ташкент, 1915.

[149] Н. Г. Маллицкий. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами. Протоколы... Туркестанского кружка любителей археологии, 1897—1898, год 3; А. Диваев. Месяцы по киргизскому стилю с обозначением народных примет. «Известия Общества археологии, истории и этнографии», Казань, 1896, т. XIII, вып. 4; его же. Киргизские болезни и способы их лечения. «Туркестанские ведомости», 1902, № 80 и 1903, № 43; А. А. Диваев. Игры казахских детей. «Туркестанские ведомости», 1905, № 48, 152 и 1907, № 54.

[150] А. Диваев. О свадебном ритуале киргизов Сыр-Дарьинской области. Казань, 1900; Н. Калмаков. Некоторые семейные обычаи киргизов. «Кауфманский сборник». М., 1910; И. Андреев. Что думает наша северная степь. «Туркестанские ведомости», 1912, № 225.

ношение к народной жизни. Например, записывая похоронные причитания, он расспрашивал казахов, как они хоронят покойников и какое место занимают причитания в казахском похоронном обряде[151] Предания и легенды религиозного содержания записывались им и другими авторами вместе со сведениями о казахских верованиях, суевериях и вообще религии[152]. Если же верования и суеверия были связаны с какими-нибудь могилами, легендарными лицами, явлениями природы, событиями, то записывались сведения об этих могилах, лицах, событиях, явлениях природы[153].

Известный интерес для этнографии представляют картины художников на этнографические темы. Наибольшее количество картин, отражающих быт казахов, создал член Туркестанского кружка любителей археологии Н. Г. Хлудов (1850—1935). В 1877 г. он приехал в г. Верный и остался в нем на всю жизнь, работая в разное время то учителем рисования, то межевщиком межевого отделения Семиреченского областного правления[154]. Он часто ездил в казахские аулы и много рисовал. В его этнографически ценных картинах особенно хорошо показаны занятия казахов («Казашка со снопом», «Пахота весной», «Поливщик пашни», «Молотьба», «Страда», «Жатва», «Собирают зерно», «Пастух в степи», «За дровами», «Казашки фильтруют поташ для изготовления мыла») и приготовление ими пищи («Заготовка жареной пшеницы», «За приготовлением пищи», «Домашняя мельница», «Доение кобыл», «Доение овец», «Доение козы», «Беш-бармак», «Толчение пшеницы», «Веют пшеницу», «Сорпа — приготовление пищи»). Интересны также отдельные картины: «Похищение невесты», «Певец в кругу казахов», «Казах — музыкант на домбре», «Траурное кочевание», «Тогуз-кумалак — национальная игра», «Барантачи на

---

[151] А. А. Диваев. Древнекиргизские похоронные обычаи. «Известия Общества археологии, истории и этнографии», Казань, 1897, т. XIV, вып. 2; его же. Киргизские причитания по покойнику. «Известия Общества археологии, истории и этнографии», Казань, 1898, XIV, вып. 5.

[152] И. И. Гейер. Материалы к изучению бытовых черт мусульманского населения Туркестанского края. «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. I, 1891; А. А. Диваев. Из области киргизских верований. «Известия Общества археологии, истории и этнографии», Казань, 1899, т. XV, вып. 3.

[153] И. В. Аничков. Памятники киргизского народного творчества. Казань, 1896; А. А. Диваев. Киргизский заговор против укуса ядовитых насекомых и пресмыкающихся. «Этнографическое обозрение», 1910, № 1—2; Н. С. Лыкошин. Суеверия киргиз, связанные с туркестанской мечетью Хазрет Султана. «Туркестанские ведомости», 1902, № 17; А. Нестеров. Прошлое приаральских степей в преданиях киргиз Казалинского уезда. СПб., 1900.

[154] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 21, д. 619, 620, 621, 622.

слежке», «Охотник в горах». Эти картины, в большинстве своем написанные в 1886—1913 гг., находятся в Центральном музее Казахской ССР. Картины художника имеются также в музеях Москвы. Все картины Хлудова написаны с большим мастерством и реалистичны. Они интересны как для изучения дореволюционного быта казахов, так и как иллюстрации этнографических и исторических исследований. Их значение также заключается в том, что в них представлен быт казахов Семиречья, о которых в начале XX в. писали очень мало.

Следует также отметить, что проведенные в 1902 и 1913 гг. в г. Верном областные промышленные и сельскохозяйственные выставки дали интересные материалы о казахской одежде, домашней утвари, о промыслах и ремеслах, которые до сих пор не исследованы. В сохранившихся в архиве описях предметов выставок подробно перечислены все казахские экспонаты, дано их краткое описание, указаны их стоимость, национальное название, назначение каждого предмета, приведены сведения об инструментах и трудовых навыках ремесленников[155]. Выставки сыграли значительную роль в пополнении этнографических коллекций музеев России, так как многие экспонаты со стендов выставок часто передавались в собственность музеев.

Труды некоторых ученых по этнографии казахов, как уже говорилось, были опубликованы в «Известиях» Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Это общество возникло в 1878 г. и ставило задачу изучения археологии, истории и этнографии различных народностей Поволжья. С приходом к руководству в 1898 г. проф. Н. Ф. Катанова (1862—1922), сфера деятельности Общества значительно расширилась и в определенной степени охватила территорию почти всей Азиатской России. С Обществом завязали тесные связи А. Е. Алекторов, А. А. Диваев, А. И. Добросмыслов, Н. Н. Пантусов. Они переписывались с ним, изредка присутствовали на его заседаниях и печатали свои труды в изданиях Общества.

Историю, культуру и быт казахского народа хорошо знал и сам Катанов, который посещал казахские аулы и изложил свои наблюдения в ряде научных работ[156]. Его курс лекций на историко-филологическом факультете Казанского университета частично был построен на основе обобщения казахских этнографических материалов, опублико-

---

[155] ЦГА КазССР, ф. 311, оп. 1, д. 1, 2, 3, 15, 16.

[156] Н. Ф. Катанов. Среди тюркских племен. СПб., 1893; его же. О погребальных обрядах у тюркских племен Центральной и Восточной Азии. Казань, 1894; его же. Киргизы и их религия. СПб., 1907.

ванных в русской литературе[157]. Он часто выступал с рецензиями на этнографические работы, посвященные казахам, и подготовил к печати некоторые труды Алекторова, Диваева, Добросмыслова и Пантусова. Эти труды были опубликованы в «Известиях» Общества и в «Ученых записках» Казанского университета при его содействии и помощи. Особенно большой заслугой общества и его председателя Катанова следует считать издание капитальной работы Алекторова «Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах» (1900). Как отмечал С. Е. Малов, Н. Ф. Катанов был верен своему обещанию заботиться о редакции и продвижении в печать сочинений, касающихся «инородцев» и любимой им Сибири»[158]. Чтобы обеспечить непрерывное поступление рукописей научных работ по этнографии казахов, в 1908 г. Катанов опубликовал «Краткую программу для описания киргизского аула», составленную М. Филипповым.

Краткие выводы

В конце XIX — начале XX в. этнографическое изучение казахского народа в России, как это видно из вышеизложенного, в значительной степени сосредоточилось в областных и краевых центрах тех административных единиц, в состав которых входили казахские аулы. Центром Тургайской области был Оренбург, Степного края — Омск и Туркестанского — Ташкент. Степное генерал-губернаторство подразделялось на Акмолинскую и Семипалатинскую области. Центром последней был Семипалатинск, а административные учреждения первой, как и Степного края, находились в Омске. В 1882—1900 гг. в состав Степного края входила и Семиреченская область. Южные казахи в составе Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей входили в Туркестанский край.

Филиалы Русского географического общества и другие научные общества и учреждения, изучавшие Казахскую степь и ее население, находились в Оренбурге, Омске, Семипалатинске и Ташкенте. Отличительной особенностью их деятельности являлся локальный, краеведческий характер их исследований и трудов. Это обстоятельство, мешавшее изучению научных проблем в широком аспекте, объясняется многими объективными причинами. Деятели указанных

---

[157] Н. Катанов. Этнографический обзор турецко-татарских племен. Казань, 1894.

[158] С. Е. Малов, Н. Ф. Катанов — проф. Казанского университета (1862—1922 гг.). «Вестник АН КазССР», 1958, № 5, стр. 93.

обществ в большинстве своем не имели специального образования и были чиновниками и офицерами колониальных учреждений. Они не могли посещать с научными целями соседние области или же заниматься в архивах и библиотеках других городов страны, а собирали этнографические материалы урывками, во время служебных командировок, и лишь в свободное от службы время работали в своих областных и краевых архивах и библиотеках, в которых откладывались документальные материалы и собиралась литература преимущественно краеведческого характера. В то же время перед оренбургскими, омскими, семипалатинскими и ташкентскими научными обществами и учреждениями ставились конкретные задачи по разработке местных архивов и изучению географии, истории, археологии и этнографии каждой данной области или края. Они собственно для этого и создавались. Поэтому их руководство не поощряло изучения природы и населения соседних областей. Кроме того, они не имели достаточно средств для развертывания многолетних и капитальных исследований. Те незначительные средства, которыми они располагали, едва-едва покрывали расходы на некоторые иследования в пределах своей области или своего края.

Краеведческий метод исследований, вообще говоря, преобладал в русской этнографической науке конца XIX — начала XX в. В то время повсюду расширялась собирательская деятельность местных любителей-краеведов и краеведческих музеев[159]. Но все же следует отметить, что не было особого недостатка в проектах организации и проведения крупных научных мероприятий в области этнографического изучения казахов, в понимании их необходимости. Например, Н. Васильев писал: «Необходима дружная работа многих лиц, работа мелочная, кропотливая, невидная; необходимы многолетние наблюдения в разных пунктах страны, производимые по одной общей программе, — и только тогда возможно уловить связь между отдельными явлениями и придти к мало-мальски точным и правильным заключениям»[160]. Однако отсутствие необходимых средств и поддержки со стороны колониальной администрации, а во многих случаях ее прямое противодействие препятствовали подобной организации научных исследований.

В 1915 г. В. В. Бартольд, разделяя мнение авторов книги «Азиатская Россия» о том, что дальнейшее изучение Азиатской Росси должно происходить на основе «совре-

---

[159] С. А. Токарев. Этнография. В кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 3. М., 1963, стр. 596.

[160] Н. Васильев. Кочевники Туркестана. 1890, стр. 15—16.

менных научных знаний и указаний истории и научного опыта», с горечью замечал: «Надо надеяться, что эта точка зрения когда-нибудь будет распространена и на ту отрасль русской науки, с которой до настоящего времени едва ли не меньше всего считались представители русского правительства и общества: на русское востоковедение»[161]. В России далеко не каждый автор осмеливался заявить в печати, что царское правительство пренебрегало интересами науки и не способствовало решению научных задач.

Некоторые авторы, пытаясь как-то объяснить отставание этнографической науки, выискивали «объективные» причины лишь бы избежать осуждения царизма. Так, по словам В. Харузиной, простое собирание и описание этнографических материалов, бессистемное и неполное, а также пренебрежение современной проблематикой, господствовало до начала XX в. потому, что этнографы подчинили свою деятельность спасению для науки быстро исчезавших остатков старины и задача обобщения собранных материалов еще не созрела в то время[162]. В некоторой степени в этом рассуждении отразилась также деятельность тех этнографов, для которых изучение старины превратилось в самоцель и оторвалось от окружающей действительности.

Русское географическое общество и его Отделение этнографии в конце XIX — начале XX в. утратили свое главенствующее положение в деле этнографического изучения народов Средней Азии и Южной Сибири. В эту эпоху другие организации, например, Переселенческое управление, приступают к полевой исследовательской работе и добиваются определенных научных результатов[163]. Руководство Русского географического общества принадлежало к либерально-буржуазному лагерю России. Деятельность Общества, хотя и не была оппозиционной правительству, но и не носила характер официальной, казенной науки, Общество руководствовалось высокими гуманитарными началами[164]. Плодотворно работали в области этнографического изучения казахов ученые-востоковеды Бартольд, Мелиоранский, Пантусов, Катанов. Однако, вследствие историко-филологического направления своей деятельности, многие русские востоковеды

---

[161] В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I. М., 1963, стр. 646.

[162] В. Харузина. К вопросу о почитании огня. «Этнографическое обозрение», 1906, № 3—4, стр. 68—69.

[163] Л. С. Берг. Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.—Л., 1946, стр. 222.

[164] Н. Н. Степанов. Русское географическое общество и этнография. «Труды Второго всесоюзного географического съезда», т. III. М., 1949, стр. 292.

ограничились изучением духовной культуры казахского народа, что далеко не исчерпывало всего многообразия научных проблем казахской этнографии.

История этнографического изучения казахского народа в России представляет сложный и противоречивый по своему характеру процесс, развитие которого было связано и с политико-экономическими интересами царизма в Казахской степи и с социально-экономической историей самих казахов. Успехи и достижения русской науки непосредственно предопределяли успехи и достижения в изучении казахов. Образование Русского географического общества, четкое определение задач этнографической науки, деятельность Отделения этнографии, основание этнографических журналов двигали развитие этнографической науки вперед и способствовали изучению культуры и быта казахского народа.

Русские ученые справедливо считали Казахскую степь частью России, а этнографическое изучение казахского народа непосредственной и актуальной задачей русской этнографии. Мучительный путь русской науки от описательной этнографии к этнографии исторической отразился и на изучении казахов. Немногочисленные казахские этнографы были подготовлены и воспитаны русскими учеными и вся их деятельность была неразрывно связана с историей русской этнографии. Будучи казахами по национальности, они работали на поприще русской науки под руководством русских научных обществ. Даже свои научные труды они писали по-русски. Сотрудничество казахских ученых с русскими было плодотворным и исключительно полезным для науки. Вопреки попыткам царизма использовать достижения этнографической науки лишь в интересах колониальной политики, русские ученые предлагали ввести в казахской школе преподавание казахской этнографии, чтобы школа «сделалась истинным рассадником знания среди киргизов, возбудителем их мысли и лучших человеческих чувств, двигателем по пути к культуре и цивилизации»[165]. Таким образом, этнографическое изучение казахского народа русские ученые связывали с его просвещением и развитием национальной культуры.

К сожалению, с конца XIX в. в силу усиления реакции в России, с одной стороны, и усиления национализма среди большей части дореволюционной казахской интеллигенции, с другой, наблюдается недопонимание последней задач этнографической науки и ее отход от участия в работе

[165] Недостатки народного образования в киргизских степях. «Народ». СПб., 1897, № 230.

научных обществ. После поражения первой русской революции в научных обществах почти не осталось казахов.

Казахская интеллигенция формировалась в основном из феодальной знати и в большинстве своем была заражена пантюркизмом и панисламизмом, ей были чужды прогрессивные устремления передовой части русских ученых. Она мечтала об удовлетворении своих националистических и честолюбивых эгоистических замыслов, стремилась заняться политической деятельностью и меньше всего думала об интересах народа и задачах науки. Буржуазно-националистические элементы казахской интеллигенции (А. Букейханов, А. Байтурсунов, М. Дулатов) группировались вокруг газеты «Казах» и проповедовали через нее свои идейки. Они часто выступали с благими пожеланиями, с проектами судебных и административных реформ, не учитывая при этом интересы народа, не основываясь на глубоком изучении фактов. Стремясь оказаться на гребне событий, они прикидывались «защитниками» народа. Они опасались укрепления дружбы русского и казахского народов и строили планы выселения из Казахской степи русских и украинских переселенцев. Политиканство задолго до революции являлось основным содержанием их деятельности и не удивительно, что впоследствии они оказались в лагере врагов Советской власти.

Центром прогрессивной мысли в 1911—1915 гг. был журнал «Айкап» (вышло 88 номеров), в котором поднимались такие вопросы, как оседание и землеустройство казахов, пережитки патриархально-родовых отношений, эмансипация женщины, овладение культурой, просвещение трудящихся масс. Вокруг журнала объединялись немногочисленные представители прогрессивной части казахской интеллигенции: М. Сералин (1872—1929) — издатель и редактор журнала, С. Торайгыров (1893—1920) — секретарь редакции, С. Донентаев (1894—1933) — автор и другие. Журнал занимал общедемократические и просветительные позиции, но не отличался идейной последовательностью и не мог успешно развивать традиции Ч. Валиханова, И. Алтынсарина и А. Кунанбаева в изучении положения, культуры и быта казахского народа. В журнале были напечатаны интересные историко-этнографические статьи, продолжавшие собственно казахскую историографию, но по своему содержанию далекие от марксизма. Марксистская историография Казахстана начала формироваться после Октябрьской революции.

Деятельность филиалов Русского географического общества и других научных учреждений, носившая в целом

ограниченный и замкнутый характер, должна была служить интересам успешного управления колониальным краем и эксплуатации природных богатств Казахской степи. Только при соблюдении этого условия колониальные власти, вообще не склонные поддерживать изучение казахов, терпели научные общества. В руководстве их преобладали консервативно настроенные элементы, доверенные лица царизма, чиновники и офицеры. Существовала, таким образом, прямая связь между намерениями властей и результатами деятельности научных обществ. Имея в виду узкоутилитарной подход правящих кругов России к вопросам изучения истории и культуры народов Азиатской России, неизвестный автор статьи «Какая нам нужна победа», писал: «Отсутствие просвещенного интереса к Азии повело к тому, что мы потеряли ключ к сердцу ее народов. Мы совершенно отстали от изучения сложного и крайне своеобразного азиатского мира, с которым отцы и деды наши органически были связаны»[166].

Реакционные авторы пытались научно обосновать попытки колониальной администрации использовать в интересах царизма пережитки родоплеменных институтов в казахском обществе. Им импонировало мнение степного генерал-губернатора Г. А. Колпаковского, считавшего, что «родовое начало безопасно в политическом отношении и само по себе полезно». Ю. Южаков в статье «Итоги 27-летнего управления нашего Туркестанским краем» (1891) восхвалял устои старины в казахском обществе и доказывал, что родоплеменные институты сыграли решающую роль в умиротворении Казахской степи и что при помощи их можно успешнее бороться с влиянием ислама и «насаждать русскую грамотность и гражданственность»[167] Авторы типа Южакова писали о господстве в казахском обществе родового строя, о родовой мести, родовой борьбе, об отсутствии социального неравенства, идеализировали патриархально-феодальные отношения, не подкрепляя своего мнения сколько-нибудь серьезными аргументами.

Не менее ложной в реакционной литературе была теория вымирания казахской народности, беспочвенность которой была вполне очевидной для передовых представителей русской исторической и этнографической науки. Идеологи колониальной политики вообще отрицали существование казахской культуры и проповедовали великодержавно-шовинистические идеи. Они стремились посеять в русском народе ненависть к казахам и не допустить даль-

[166] «Санкт-Петербургские ведомости», 1905, № 54.
[167] «Русский вестник», 1891, № 7, стр. 49—52; № 8, стр. 3—51.

нейшего их сближения и сплочения. Некий В. Васильев в книжке «Три вопроса» (1878) писал: «Поймем ли мы, что номад есть враг и природы, и цивилизации, что он разрушитель богатств, созидаемых только трудами оседлости и земледелия? Кому мы обязаны происхождением тех сыпучих песков, которые завалили внутренность Азии, как не номадам?»

Но все же научные общества и учреждения России проделали большую работу в области изучения культуры и быта казахского народа, а также способствовали распространению передовой русской культуры в казахских аулах. Передовые русские ученые проявляли подлинный интерес к казахскому народу и бескорыстно изучали его культуру и быт. Их энтузиазм и энергия, преданность интересам науки и дружественное отношение к казахам, «прогрессивная роль по отношению к Востоку», которую, по точному определению Ф. Энгельса, играла Россия, обеспечили появление в печати многочисленных исследований и публикаций научных материалов, посвященных казахскому народу. В. В. Бартольд писал: «Из всех народов турецкого (тюркского. — *Э. М.*) происхождения особенное внимание исследователей обращали на себя, по своей многочисленности и по обширности занимаемой ими территории, киргиз-кайсаки; об этом народе на русском языке существует обширная литература, рассеянная по различным периодическим изданиям»[168].

Мнение Бартольда весьма справедливо. Русская научная литература о казахском народе, в значительной части которой содержатся этнографические материалы и прямо или косвенно рассматриваются этнографические проблемы, действительно обширна и насчитывает тысячи библиографических названий. Они раскрывают историю научного изучения казахского народа в России, служат основой для дальнейших исследований и сохраняют известное научное значение до настоящего времени. В них особенно подробно освещаются нравы и обычаи казахов, их образ жизни, верования, устное народное творчество и некоторые аспекты хозяйства и быта. Основной их недостаток заключается в слабой изученности социального строя казахов и в неравномерности освещения других научных проблем, особенно происхождения казахов, системы родства, многих видов ремесла (производство изделий из дерева, кузнечное и ювелирное; камнерезное и костерезное, шитье обуви и одежды). Обнаруживаются досадные пробелы даже по тем вопросам,

---

[168] В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. 1925, стр. 250.

которым уделялось наибольшее внимание. Объясняя это обстоятельство, Н. Васильев писал: «В отдельных случаях, даже отдавая все свое внимание туземцу, наблюдатель невольно останавливался на внешне-декоративной стороне его быта, на этнографических особенностях, привлекательных для глаза по своей новизне и ясности. Эти внешние стороны быта заслоняли собою многое другое, особенно для человека непривычного»[169].

Русская дореволюционная этнографическая наука не могла организовать всестороннее изучение казахского народа и преодолеть свойственную ей методологическую слабость, буржуазную ограниченность и формализм. В конце XIX — начале XX в. русскую науку захлестнула волна реакции, и она переживала идейно-методологический кризис. Тем не менее в русской этнографии были сильны гуманитарные начала, антирасистские тенденции, она относительно слабее, чем западноевропейская этнография, подверглась влиянию реакции и продолжала проявлять глубокий интерес к народу.

---

[169] Н. Васильев. Кочевники Туркестана, стр. 14—15.

III РАЗДЕЛ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КАЗАХСКОГО НАРОДА В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

С победой Великой Октябрьской социалистической революции в истории этнографического изучения казахского народа в СССР начался качественно новый, советский период, период углубленного и систематического исследования культурных традиций и этнографических особенностей в области материальной и духовной культуры и быта казахов на базе марксистско-ленинской методологии.

Социалистическая революция поставила перед этнографической наукой важные и большие задачи. Мероприятия партии и правительства по осуществлению ленинской национальной политики и социалистического переустройства хозяйства, быта и культуры всех народов страны, всего уклада их жизни, с первых же дней революции потребовали серьезного и всестороннего изучения расселения и численности советских народов, особенностей их социального строя, быта и культуры. Решение этой весьма ответствен-

ной задачи в первую очередь было возложено на представителей этнографической науки и не только в научном, но и в практическом отношении. Так, в резолюции X съезда РКП(б) подчеркивалось, что советскую государственность следует укреплять и развивать при помощи людей, «знающих быт и психологию местного населения»[1]. В 1919 г. В. И. Ленин указывал, что «конкретные вопросы каждой нации» Востока должны разрешаться «сообразно ее степени развития, ее особенностям и т. д.»[2]. Естественно, сведения о степени развития восточных наций и их особенностях должна была поставлять государственной власти в первую очередь этнографическая наука. И она справилась с этой задачей, несмотря на большие трудности.

В Средней Азии, где вначале была образована Туркестанская республика, включавшая территорию Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана и Южного Казахстана, особенно актуальной являлась задача изучения этнического состава местного населения и составления этнографической карты, необходимой для проведения национально-государственного размежевания республики. Эта чрезвычайно важная задача была поставлена непосредственно самим В. И. Лениным. В 1920 г. в заметках на проект туркестанских коммунистов и Комиссии по делам Туркестана (Туркомиссии), которую возглавляли В. В. Куйбышев и М. В. Фрунзе, о дальнейшем развитии государственности народов Туркестана, Ленин писал: «1. Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана, с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению. 2. Детально выяснить условия слияния или разделения этих трех частей»[3]. В том же году на заседании Политбюро ЦК РКП(б) по предложению Ленина обсуждался широкий круг вопросов о советском и партийном строительстве в Туркестане, в том числе и вопрос о воссоединении казахской территории Туркестанской АССР с Казахской республикой. Тогда же этот вопрос был решен положительно. Таким образом, в трудах В. И. Ленина, имеющих методологическое значение, содержатся важные положения и указания, в которых ставились актуальные задачи перед этнографической наукой и направлялось ее развитие.

В подготовке и проведении национально-государственного размежевания Средней Азии большую роль сыграл такой крупный этнографический центр страны, как Комиссия по

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1963, стр. 559.

[2] «Ленинский сборник», XXIV, стр. 194.

[3] «Ленинский сборник», XXXIV, стр. 326.

изучению племенного состава России (КИПС, с 1922 г. — СССР). Созданная Академией наук в 1917 г. Комиссия работала над составлением этнографической карты и выяснением этнического состава Средней Азии, основываясь при этом на материалах, собранных как сотрудниками Комиссии (С. Е. Малов, Ф. А. Фиельструп), так и туркестанскими государственными и научными учреждениями и этнографами (М. С. Андреев, А. А. Диваев, М. Ф. Гаврилов, В. Н. Кун, П. Г. Маллицкий, Э. А. Шмидт)[4].

В КИПС большую роль играл академик В. В. Бартольд. Он возглавлял туркестанский отдел Комиссии, который в 1916, 1920, 1924 и 1925 гг. собирал национально-статистические материалы по отдельным народностям и обрабатывал их, составлял библиографию, организовывал этнографические экспедиции для изучения племенного состава и расселения населения Туркестана. Сам Бартольд значительно способствовал развитию высшего образования и востоковедческих исследований в Туркестане, принимал активное участие в работе туркестанских научных учреждений и обществ. В 1922 г. в Научном обществе при гуманитарных факультетах Туркестанского университета им был сделан доклад «Ближайшие задачи изучения Туркестана». Он постоянно читал лекции по востоковедению в ташкентских вузах[5]. В 1926—1927 гг. он прочитал курс лекций в Казахском высшем педагогическом институте по истории турко-монгольских народностей. Эти лекции были опубликованы в 1928 г. В то же время Бартольд не оставлял свои научные занятия. В эти годы он опубликовал такие интересные работы, как «К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов» (1921), «История культурной жизни Туркестана» (1927), «Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов» (1929). В его последних трудах сказывалось уже влияние марксизма.

Сибирский отдел КИПС изучал численность и расселение казахов в Северном Казахстане. Соответствующие данные были указаны в «Этнографической карте Сибири»[6]. Казахи вошли в «Список народностей Сибири», изданный в 1923 г. С. К. Патковым. В дальнейшем изучение этих вопросов сотрудниками отдела продолжалось. В 1927 г., например, научный сотрудник КИПС С. П. Швецов был

---

[4] И. И. Зарубин. Список народностей Туркестанского края. Л., 1925; М. Ф. Гаврилов. Этнографический обзор Туркестана. В кн.: «Очерки хозяйственной жизни Туркестана». Ташкент, 1921.

[5] В. В. Бартольд. История Туркестана (конспект лекций). Ташкент, 1922.

[6] Объяснительная записка к «Этнографической карте Сибири». Л., 1929.

занят выяснением распределения казахского и пришлого населения на территории Северного Казахстана, в губерниях Уральской, Актюбинской, Кустанайской, Акмолинской и Семипалатинской, а также установлением пределов передвижений казахского кочевого населения в течение года. В 1928 г. КИПС опубликовала на казахском и русском языках «Этнографическую карту Казахской АССР».

В 1930 г. КИПС была преобразована в Институт по изучению народов СССР (ИПИН). Уже в 1931 г. сотрудники института вели полевые исследования в скотоводческих колхозах Казахской ССР.

Другим крупным научным учреждением в стране был Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока СССР, возникший в 1926 г. на основе созданного годом раньше Комитета по изучению языков и этнических культур восточных народов СССР. Большая заслуга этого института прежде всего заключается в подготовке и воспитании кадров этнографов из числа представителей восточных народов страны. На пленумах и секциях института обсуждались важные вопросы национального строительства в СССР. В 1926—1928 гг. работала среднеазиатская экспедиция института, собиравшая данные для разрешения ряда мероприятий культурного строительства в Казахстане и Средней Азии.

Важным мероприятием Академии наук СССР явилось основание в 1926 г. совместно с Наркомпросом РСФСР журнала «Этнография», переименованного в 1931 г. в связи с коренной реорганизацией его структуры и направления в «Советскую этнографию». До тех пор советские этнографы не имели единого общесоюзного органа печати. Издание «Этнографического обозрения» и «Живой старины» прекратилось в 1916 г. Между тем ощущалась необходимость издания такого журнала, который бы взял на себя задачу содействовать разработке методологических и методических проблем «перестройки этнографического исследования на основе марксистско-ленинского метода и в тесной увязке с социалистическим строительством среди многочисленных народов Советского Союза», объединения советских этнографов и улучшения для них информации о развитии этнографии как в нашей стране, так и за рубежом[7]. Решение этих задач и взял на себя журнал «Советская этнография». Первым ответственным редактором журнала был академик С. Ф. Ольденбург. На протяжении многих

[7] «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 5—6; «Советская этнография», 1931, № 1—2, стр. 1.

последних лет работой журнала руководил член-корреспондент Академии наук СССР С. П. Толстов. Со времени основания журнала прошло сорок лет. Журнал проделал огромную работу в области развития советской этнографической науки, в частности — этнографического изучения казахского народа и становления собственно казахской этнографии, а также советской антропологии и фольклористики. Авторитет журнала исключительно велик. Невозможно даже представить себе ныне советскую этнографическую науку без этого журнала.

В 1920 г. этнографическая работа продолжалась и в старейшем этнографическом учреждении, в Отделении этнографии Русского географического общества. На заседаниях Отделения нередко ставились доклады по этнографии казахов. Слушался, например, доклад Швецова «Кочевой быт и интенсификация хозяйства у казахов». Возникшая в 1925 г. в составе Отделения Комиссия по изучению народной музыки, в том же году заслушала доклад А. Э. Бимбоэса «Киргизские народные песни». В следующем году обсуждались доклады А. Э. Бимбоэса «О киргизской (казахской) музыке» и А. В. Затаевича о собранной им тысяче песен казахского народа. Сведения о казахской музыке собирались и экспедициями комиссии, например, в Джетысу в 1928 г.

Следует отметить, что изучению музыкальной культуры казахов в то время вообще уделялось большое внимание. В 1920 г. музыкальный отдел художественного сектора Наркомпроса обязал отделы народного образования собирать сведения «О всех выдающихся а) народных певцах и певицах, б) игроках на домбре и других народных инструментах и в) сочинителях народной музыки». Предлагалось также сообщать сведения о лицах, изучающих музыкальный фольклор, и известных мастерах, изготовляющих музыкальные инструменты. При Туркестанском Наркомпросе в 1921—1924 гг. существовала музыкально-этнографическая комиссия, записавшая казахские песни и подготовившая для издания сборник казахских, узбекских и афганских песен.

В первые годы существования Советской власти, в Казахстане не было единого научного центра, в деятельности которого этнографическая тематика занимала бы ведущее или видное место. Целый ряд научных учреждений, большинство которых возникло после революции и находилось в Оренбурге и Ташкенте, в той или иной степени уделяли внимание разработке проблем казахской этнографии. Советское государство предоставило этим учреждениям большие возможности для развертывания этнографической

работы и решения новых задач в интересах построения социализма.

В 1918 г. в Ташкенте, в Народном университете и в Восточном институте впервые были открыты кафедры казахской этнографии и казахского языка для подготовки кадров этнографов-казаховедов. Лекции на этих кафедрах читал известный этнограф и фольклорист А. А. Диваев, разработавший специальную программу по казахской этнографии[8]. Университет издавал свою газету «Народный университет» и журнал «Еженедельник Народного университета», в которых были опубликованы указанная программа, лекции и статьи А. А. Диваева, а также работы Н. С. Лыкошина и других авторов, писавших о казахах[9].

В 1920 г. Народный университет был преобразован в Туркестанский государственный университет. В том же году возник Научный совет Наркомпроса Туркестанской республики, переименованный позднее в Государственный Ученый совет. При нем были образованы национальные (в том числе казахские) и специальные комиссии (педагогическая, театральная, музыкально-этнографическая и комиссия по исследованию быта коренного населения Туркестана).

В 1920—1922 гг. в казахских аулах Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей работала этнографическая экспедиция, организованная Казахской комиссией и Комиссией по исследованию быта коренного населения Туркестана. Экспедицию возглавлял А. А. Диваев и в ней принимали участие его студенты, с интересом изучавшие казахскую этнографию. Основной задачей экспедиции было выяснение расселения местных народов, сбор материалов для составления этнографических карт и проведения национально-государственного размежевания, а также широкое изучение культуры и быта и устного народного творчества казахского народа. Работа экспедиции в общей сложности продолжалась около восьми месяцев. Ею был собран колоссальный научный материал (5500 листов), значительную часть которого составили фольклорные тексты, сведения о родоплеменных и национальных отношениях, семейном быте и материальной культуре. Экспедиция при-

---

[8] А. А. Диваев. Программа киргизской этнографии. «Народный университет», 1918, № 3; его же. К первой лекции киргизской этнографии. «Народный университет», 1918, № 12.

[9] А. А. Диваев. Небесные планеты по воззрениям киргиз. «Народный университет», 1918, № 13; его же. Материалы для киргизского народного календаря с обозначением примет. «Народный университет»; 1918, № 46; Н. С. Лыкошин. Музыка среднеазиатских туземцев. «Ежегодник Народного университета», 1918, № 2.

обрела также 277 этнографических предметов, которые ныне находятся в Музее истории Узбекской ССР[10].

Научную комиссию по исследованию быта коренного населения Туркестана возглавлял проф. В. Н. Кун, который некоторые результаты работы комиссии в 1921—1923 гг. изложил в статье «Изучение этнического состава Туркестана»[11]. А. А. Диваев на основе материалов комиссии и экспедиций подготовил к печати большую статью «Этнографическое жизнеописание казахов Казалинского уезда». Статья не увидела света[12], но рукописные материалы экспедиций о расселении народов Туркестана, их численности и хозяйстве были использованы советскими органами власти при решении сложных государственных и народно-хозяйственных задач среднеазиатских республик.

В первые годы Советской власти научные труды туркестанских авторов преимущественно печатались в журналах «Наука и просвещение», «Военная мысль» и в «Известиях» Туркестанского ЦИК, издававшихся в Ташкенте, а также в московских журналах «Жизнь национальностей», и «Новый Восток»[13].

Другим центром этнографического изучения казахского народа был Оренбург, где до 1925 г. находилась столица Казахской республики. Здесь уже в 1919 г. при штабе Казвоенкомата был основан историко-статистический отдел со «строго научной целью изучения давнего и недавнего прошлого Киргизского края и киргизского народа в географическом, историческом и этнографическом отношении». Сотрудниками отдела были историк А. П .Чулошников, филолог и этнограф А. А. Четыркина, юрист Е. А. Яковлева и статистик К. П. Шагаев[14].

---

[10] Работа этнографической экспедиции. «Военная мысль», 1921, № 3; А. А. Диваев. Этнографические материалы по казах-киргизам Туркестана. Опись этнографических материалов, собранных в Семиреченской области. «Наука и просвещение», 1922, № 1; его же. Материалы по казаховедению. Опись этнографических материалов, собранных в Сыр-Дарьинской области. В кн.: «Год работы Казахского высшего педагогического института». Ташкент, 1928; А. Шмидт. Материалы по родовому составу казахского населения юго-западной части Чимкентского уезда. В кн.: «В. В. Бартольд». Ташкент, 1927.

[11] «Новый Восток», 1924, № 6.

[12] Рукопись Центральной научной библиотеки АН КазССР, № 1164.

[13] Киргизы. «Журнал национальностей», 1919, № 21, 22; Изучение киргизской музыки. «Журнал национальностей», 1922, № 13: Пробуждение женщин Востока. «Журнал национальностей», 1922, № 16.

[14] ЦГА КазССР, ф. 81, оп. 1, д. 16, л. 23; Х. Бисенов. Из истории развития науки в Советском Казахстане (начало 20-х годов). «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1961, вып. 3, стр. 45.

В конце 1920 г. в Оренбурге возникло Общество изучения Киргизского края (с 1925 г. Казахстана), продолжившее деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии и Оренбургского отдела Русского географического общества. Своей задачей оно считало всестороннее изучение Казахстана в историко-археологическом, естественно-географическом и этнографическом отношениях и в соответствии с этим образовало три основных отдела.

В обязанности этнографического отдела Общества входило этнографическое и антропологическое изучение Казахстана посредством выявления, систематизации и публикации письменных источников, сбора и разработки полевых материалов, а также рассылка инструкций, анкет и программ, открытие этнографических отделов в музеях и библиотеках, привлечение внимания общественности к актуальным проблемам этнографии, координирование и направление деятельности этнографов и антропологов. Членами отдела были А. Л. Мелков, А. В. Затаевич, Н. В. Мелкова, А. А. Четыркина, А. П. Чулошников и другие лица, всего около пятидесяти человек.

На открытии Общества, помимо выступлений, посвященных организационным и программным вопросам, был прочитан доклад А. П. Чулошникова «Вопрос о происхождении киргиз-казахской народности в исторической науке и народные казахские предания, как источник дальнейшего его освещения». Впоследствии этот доклад был опубликован[15]. Выступила с докладом «Образцы киргизского орнамента» и А. А. Четыркина. Как видим, этнография казахов и важнейшие ее проблемы заняли ведущее место в деятельности Общества с первых же дней его существования. Научные работы членов Общества печатались в «Трудах», издававшихся в 1921—1929 гг. (всего вышло десять томов).

На состоявшемся в конце 1920 г. заседании этнографического отдела выступили А. А. Четыркина и Н. В. Мелкова. Они рассказали о результатах своей летней поездки в казахские аулы, о собранном этнографическом материале[16]. Из докладов, прочитанных в последующие годы, написанных на основе исследования этнографических, а также историко-архивных материалов, следует отметить доклады А. П. Чулошникова «Основные черты кочевого быта и общее экономическое состояние края с половины XV до начала XVIII в.», «Казак-киргизская кочевая община и ее внутреннее устройство с половины XV до начала XVIII в.»[17],

---

[15] «Труды общества изучения Киргизского края», 1924, вып. 5.
[16] Там же, 1921, вып. 1.
[17] Там же, 1924, вып. 5.

«Общее состояние духовной культуры края с половины XV до начала XVIII в.», Д. Букинича «Архитектурные параллели киргизских надгробных сооружений и могил в Тургайском и Кустанайском уездах», Х. Алиева «Состояние киргиз к другим тюркским народам». Обсуждение этих докладов, дискуссии и полемика на заседаниях Общества и отдела значительно способствовали правильной разработке важных проблем казахской этнографии.

В 1922 г. А. А. Четыркина в составе экспедиции «Красный караван» побывала в глубинных аулах, отдаленных от городских центров. Она записала много песен, сказок, легенд, выполнила зарисовки орнамента и приобрела некоторые этнографические предметы для Оренбургского музея. В 1923—1924 гг. казахские аулы посещал А. Л. Мелков. Он записывал фольклорные материалы и собирал изделия народных художественных промыслов для выставок в Москве и Париже[18]. На основе его коллекций Общество организовало на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве отдел быта народностей Казахстана. После закрытия выставки эти коллекции были переданы московскому Музею народоведения.

Композитор А. С. Затаевич (1869—1936), начиная с 1920 г., стал записывать казахские песни и мелодии[19]. В опубликованных им сборниках казахских песен большой интерес представляют образцы трудовых, бытовых и обрядовых песен и песен социального протеста. Затаевич был не только первооткрывателем многочисленных произведений казахской народной музыки, но и замечательным исследователем самобытного и яркого музыкального творчества казахского народа.

Этнографические работы в этот период вели в Казахстане и музеи Оренбурга, Омска, Семипалатинска, Алма-Аты и Общество изучения Семиречья, Отделы Географического общества в Алма-Ате, Омске и Семипалатинске, отделения Общества изучения Казахстана в Уральске, Кустанае, Петропавловске, Кокчетаве. Но все же этнографии эти учреждения уделяли мало внимания. Музеи, в том числе открытый в 1923 г. Центральный краевой музей Казахстана, занимались преимущественно коллекционированием этнографических экспонатов, а отделы Географического общества все более и более склонялись к исследованию только

---

[18] А. Л. Мелков. Материалы по киргизской этнографии. «Труды Общества изучения Казахстана», 1922, вып. 3, и 1925, т. V, вып. 2.

[19] А. В. Затаевич. 1000 песен киргизского народа. Напевы и мелодии. Оренбург, 1925; его же. 500 казахских песен и кюйев (напевы и инструментальные пьесы), 1930.

экономико-географической проблематики. Значительное место этнография занимала лишь в деятельности музея и отдела Географического общества в Семипалатинске, которые организовали несколько экспедиций для изучения культуры и быта казахов, а также делали этнографические доклады и вечера для населения[20]. Членами отдела в то время были известные знатоки казахской этнографии М. О. Ауэзов, А. А. Адрианов, А. Н. и Н. И. Белослюдовы, Б. Г. Герасимов, И. А. Чеканинский. Что же касается Западно-Сибирского отдела Географического общества в Омске, то он в 1920 г. принимал большое участие в работах комиссии по размежеванию Сибири с Казахстаном. Обильный материал для этнографических исследований дала перепись казахского населения в 1926 г.[21] Заметное влияние на развитие научных изысканий в Казахстане оказал Первый Всесоюзный тюркологический съезд в Баку (1926).

Таким образом, после Октябрьской революции наблюдается значительный рост научных учреждений, изучающих казахскую этнографию; возникло Общество изучения Казахстана с сетью отделений на местах, были созданы научные комиссии и открыты новые музеи, а в Ташкенте — кафедры казахской этнографии; расширили свою работу и некоторые старые краеведческие учреждения. Этнография должна была объяснять социалистическое переустройство жизни советских народов и национально-государственное строительство. Но отсутствие подготовленных кадров этнографов-марксистов, а также достаточных средств тормозило еще широкое развертывание этнографических исследований. То же самое наблюдалось и в развитии других отраслей науки.

Аналогичным было положение науки и в других республиках. Поэтому правительства некоторых из них, в том числе Казахской, обратились в Академию наук СССР с просьбой помочь им в организации всестороннего изучения естественно-производительных сил и населения своих республик. Академия наук пошла им навстречу и образовала Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик, разработавший в начале 1926 г. пятилетний план комплексного обследования Казахской ССР в статис-

---

[20] Б. Герасимов. Двадцатипятилетие Семипалатинского отдела Русского географического общества (1902—1927). Кзыл-Орда, 1927; его же. Этнографическая работа Семипалатинского отдела РГО за период с 1917—1925 гг. «Этнография», 1926, № 1—2. См. также: «Записки Семипалатинского отдела РГО», вып. XV и XVIII, 1925—1929.

[21] А. Н. Донич. Народонаселение Казахстана. Кзыл-Орда, 1926; его же. Новые поселения в Казахстане. Кзыл-Орда, 1929.

тико-экономическом, антрополого-этнографическом, медико-санитарном, животноводческом, почвенно-ботаническом, геологическом и гидрогеологическом отношениях. Выполнение этой программы было возложено на Казахстанскую экспедицию Академии наук СССР, которая подразделялась на несколько самостоятельных отрядов.

Антропологический отряд экспедиции, общее руководство которым осуществлял С. И. Руденко, состоял из этнологического и медико-антропологического подотрядов, подразделявшихся в свою очередь на несколько партий. Члены отряда в большинстве своем были сотрудниками Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и этнографического отдела Русского музея в Ленинграде. Этнологическим подотрядом руководил Ф. А. Фиельструп (род. в 1889), хорошо знавший казахов и ранее посещавший казахские аулы с научной целью.

В 1926 г. антропологический отряд работал в западной части Актюбинской области, а в следующем году — на востоке Казахстана. Партия Ф. А. Фиельструпа прошла по маршруту Павлодар — Баянаул — Аягуз, А. Л. Мелкова — Усть-Каменогорск — Зайсан, Тарбагатай — Лепсинск — Алма-Ата, С. И. Руденко — по Иртышу, р. Бухтарме — Зайсан. Эти партии изучали казахское население, а две другие — украинское, казачье и старообрядческое население Алтая. Отряд собрал и опубликовал большой и ценный научный материал, не утративший своего значения до сих пор[22]. Авторы научных публикаций С. Ф. Баронов, А. Н. Глухов, А. Х. Маргулан, С. И. Руденко, А. Н. Самойлович, А. И. Трофимук, Ф. А. Фиельструп, Е. Р. Шнейдер особенно подробно описали хозяйство казахов, их быт, материальную культуру, медико-санитарные условия жизни, народное прикладное и декоративное искусство, промыслы и ремесла и некоторые вопросы духовной культуры. Обычное право, религиозные верования и обряды почти не изучались. Участники экспедиции приобрели много уникальных этнографических предметов для музеев Ленинграда и Казахстана, а также сделали многочисленные зарисовки и фотоснимки. А. Л. Мелков, например, занес в свой альбом рисунки предметов домашнего обихода, утвари и рабочих инструментов казахских ремесленников[23]. Следует подчеркнуть, что работы участников экспедиции и, прежде всего, самого С. И. Руденко подверглись вначале 30-х годов сильной критике, особенно за недостаточно четкий классовый и

---

[22] Материалы антропологического отряда были опубликованы в сб. «Казаки», 1927—1930, вып. 3, 11 и 15.

[23] Музей антропологии и этнографии АН СССР, инв. № 11—1659.

формальный подход к объектам этнографического исследования[24].

В 20-х годах по инициативе Академии наук СССР было организовано составление биологических указаний по этнографии казахов. В 1927 г. Комиссия по изучению племенного состава издала книгу «Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и среднеазиатских республик» (авторы Е. А. Вознесенская и А. Б. Пиотровский), а в 1928 г. Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик опубликовал «Указатель литературы по ирригации и мелиорации среднеазиатских республик и Казахстана» (автор М. А. Савицкая). Ценность этих трудов велика. Достаточно сказать, что подобные специализированные библиографии никогда не издавались в отечественной литературе и до сих пор являются незаменимыми пособиями для каждого исследователя, изучающего этнографию казахского народа. Известное значение для этнографа имеет также «Указатель литературы по колониальной политике царизма в Средней Азии», изданный в 1929 г. научно-исследовательской ассоциацией при Коммунистическом университете трудящихся Востока. В Средней Азии библиографию по этнографии казахов составлял А. В. Панков[25]. Все эти указатели сыграли положительную роль в становлении и развитии этнографической науки в Казахской республике.

В 20-х годах в музеях Москвы, Ленинграда, Казани, Омска были открыты экспозиции, посвященные казахам, и велась некоторая исследовательская работа, нашедшая свое отражение в трудах И. В. Старынкевича, Ф. А. Фиельструпа, Б. А. Куфтина, С. М. Дудина[26]. Сотрудники музеев А. Г. Данилин, А. Давлет, А. П. Булгаков, Ф. А. Фиельструп часто ездили в казахские аулы для сбора этнографических материалов и приобретения экспонатов. В этом деле большую помощь центральным музеям страны оказывали казахстан-

---

[24] См.: «Советская этнография», 1931, № 1—2, стр. 25—27 и 167—169; А. Н. Бернштам. Идеализм в этнографии (Руденко и руденковщина). «Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры», 1932, № 1.

[25] «Выставка культуры народов Востока». Казань, 1920; Выставка казахского быта в Омске. «Советская степь», 1926, 5 и 25 апреля; И. В. Старынкевич. Формы заключения брака у турецких племен Сибири и у кочевников Средней Азии. Л., 1930; Ф. А. Фиельструп. Свадебные жилища турецких племен и народностей. Л., 1926; Б. А. Куфтин. Киргиз-кайсаки. Культура и быт. М., 1926; О работах С. Дудина см. ниже.

[26] «Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях». М., 1926; А. Штуссер. Пережитки родового быта в Казахстане. «Новый Восток», 1928, № 26—27.

ские этнографы и краеведы братья Белослюдовы, Д. Д. Букинич, А. Л. Мелков, подарившие музеям ценные казахские этнографические коллекции, фотоколлекции и альбом рисунков.

Несколько экспедиций в Казахстан организовали в 1925—1928 гг. Особая комиссия ВЦИК по землеустройству кочевых районов Киргизии и Южного Казахстана и Комиссии по улучшению труда и быта женщины Востока при ВЦИК. Эти экспедиции изучали хозяйство и экономику казахских аулов, использование кочевок, а также правовое положение женщины. Эмансипации казахской женщины и вовлечению ее в социалистическое строительство в те годы вообще уделялось большое внимание[27]. Полевые исследования в аулах Семиречья в 1925 г. вел А. Гаев[28].

В работах исследовательского характера, особенно в казахстанских изданиях, первое место занимало в 20-е годы изучение состояния казахского хозяйства и перспектив его дальнейшего развития. Эти работы были написаны на основе исследования интересных научных, в том числе этнографических, материалов. Так, например, Д. Д. Букинич, М. М. Давыдов, Н. О. Первышев, С. Потоцкий дали оригинальные наблюдения о технике казахского орошаемого земледелия и об ирригационных сооружениях в бассейнах рек Центрального и Южного Казахстана[29]. В. Бенькевич, А. Ашмарин и другие авторы изучали кочевое хозяйство и все вопросы, связанные с ним[30].

Во всех работах указанных авторов имеется немало ценных выводов, наблюдений и сведений, которые были успешно использованы в повседневной практике социалистического строительства и в развитии советской науки. Но в работах некоторых шовинистически настроенных авторов доказывалась извечность отсталых форм хозяйства, быта и куль-

---

[27] «Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях». М., 1926; А. Штуссер. Пережитки родового быта в Казахстане. «Новый Восток», 1928, № 26—27; «Женщины Джетысу». Оренбург, 1922; С. Мендешев. Ко дню освобождения киргизской женщины от калыма. «Советская Киргизия», 1925, № 1.

[28] А. Гаев. Обследование казахского аула. «Правда Востока», 1925, № 152, 156—158.

[29] Д. Букинич. Задачи мелиорации в центральном районе Киргосреспублики. «Советская Киргизия», 1924, № 1—2 и № 5—6; М. Давыдов. Водное хозяйство в туркестанских областях Казахской АССР. «Советская Киргизия», 1925, № 3—4 и 1926 № 3; Н. Первышев. Ирригация и ее значение в Туркестане. Ташкент, 1923; С. Потоцкий. Южная Киргизия. «Советская Киргизия», 1925, № 2.

[30] В. Бенькевич. Животноводство в Тургайской области и его экономическое и хозяйственное значение для населения. Оренбург, 1918; А. Ашмарин. Кочевые пути, зимовые стойбища и летовки (историческое описание). «Советская Киргизия», 1925, № 5—6.

туры казахов и невозможность осуществления социалистических преобразований в казахской деревне. М. Г. Сириус, например, описывая отсталое кочевое хозяйство, закрывал глаза на огромную работу партии и правительства по социалистическому переустройству его, на достигнутые уже успехи. Он не верил в силы и способности казахского народа и делал предвзятый вывод: «Так было и так будет», т. е. казахское хозяйство было отсталым и таким же останется несмотря ни на что[31]. Д. Букинич, который правильно критиковал казахских националистов типа А. Байтурсунова за идеализацию социального строя казахов, поддерживал, однако, мнение Сириуса. Он писал: «В силу подчиненности стихийным факторам киргизское хозяйство в своей основе является скотоводческо-кочевым и таковым вынуждено остаться долгое время (по-видимому, и навсегда)»[32]. Р. Аболин на основе почвенно-ботанических «исследований» доказывал, что единственно возможным хозяйством в Южном Казахстане является только пастбищное животноводство[33]. Таким образом, эти люди старались, вольно или невольно, подорвать веру казахского народа в советский строй, в задачи, поставленные партией и, как и буржуазные националисты, считали, что марксизм неприменим в условиях Казахстана.

Эти вымыслы Букинича, Кондратьева, Сириуса, Швецова и других «спецов», обосновавшихся в органах Госплана и Наркомзема Казахской республики, встретили достойную отповедь в печати[34]. Разумеется, в период становления марксистско-ленинской историографии и воспитания новой советской интеллигенции, в сложной обстановке идеологической борьбы ошибки допускали и преданные Советской власти люди. Интерес к жизни казахской деревни со стороны партии и правительства привлек к ней внимание самых широких общественных кругов. О казахском ауле писали многие авторы, не имевшие специального образования, но ко-

---

[31] М. Г. Сириус. Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана. «Народное хозяйство Казахстана», 1926, № 3; его же. К вопросу о более рациональном направлении сельского хозяйства в Северном Казахстане. «Народное хозяйство Казахстана», 1928, № 6—7.

[32] Д. Букинич. «Номадизм», киргизский народ и высшие формы культуры. «Советская Киргизия», 1924, № 8—9; «Советская Киргизия», 1924, № 1—2.

[33] Р. Аболин. Экспедиция по исследованию кочевых районов Киргизии и Южного Казахстана. «Бюллетень Среднеазиатского университета», 1927, вып. 15.

[34] Л. Карвин. О стихийном переходе киргиз-кочевников Уральской губернии к оседлости. «Советская Киргизия», 1924, № 1—2; Л. Кенарский. Дифференциация киргизского хозяйства. «Советская Киргизия», 1924, № 3—4 и 5—6.

ротко знакомые с его экономикой и социальной структурой. При этом они зачастую игнорировали этнографические материалы, что приводило к ошибочным выводам.

Т. Рыскулов, например, в книге «Казахстан» (1927) писал, что якобы «к 1900 г. в связи с усилением колонизации и внедрением торгового капитала... не только идет полным ходом разложение родового строя, но окончательно ликвидируются первоначальные зачатки феодальных моментов казахской жизни». Г. Тогжанов, также не давший себе труда исследовать эту проблему с этнографической точки зрения, придерживался противоположного мнения, считая, что проникновение торгового капитала в кочевой аул вообще не вызвало каких-либо изменений в социально-экономических отношениях[35]. Характерно, что в 20-х годах было немало людей, непонимавших значения этнографических исследований, но с апломбом говоривших о неактуальности этнографии и даже отождествлявших ее с фольклористикой.

Буржуазные националисты, лидерами которых были А. Байтурсунов и А. Букейханов, проповедовали антинаучные, идеалистические концепции, извращали национальную политику партии и вели антисоветскую борьбу. При помощи этнографических материалов они пытались обосновать националистические идейки о бесклассовом, патриархально-родовом характере общественных отношений у казахов. Байтурсунов писал, что у казахов отсутствует классовая дифференциация, что у них существует «своеобразный социализм и коммунизм», общность имущества[36]. Националисты доказывали, что колхозы необходимо строить в Казахстане лишь на основе родового принципа. Они распространяли пантюркистские и панисламистские идейки о единой культуре Востока, о единой тюркской нации, о едином Туркестане.

В период проведения национально-государственного размежевания Средней Азии М. Тынышпаев и другие националисты намеренно раздували пределы этнической территории казахов и выражали недовольство установленной линией границ между Казахстаном и среднеазиатскими республиками. Тот же Тынышпаев непомерно возвеличивал все, что было связано с историей казахов: расселял их на огромной территории от Алтая до Молдавии, образование казахской народности относил к глубокой древности и утверждал, что от казахов произошли многие другие народы[37] К сожале-

---

[35] Г. Тогжанов. О казахском ауле. Кзыл-Орда, 1927.

[36] «Известия Кирревкома», 1920, № 161.

[37] См. критику работ М. Тынышпаева в статье: С. Асфендиаров. О некоторых основных вопросах истории казахов. «Большевик Казахстана», 1934, № 10.

нию, националистические идейки байтурсуновых, букейхановых и тынышпаевых оказали некоторое влияние на авторов, не имевших с ними ничего общего. Так, А. Чулошников придерживался мнения о древнем происхождении казахов и считал, что даже в XVIII в. у казахов господствовал бесклассовый общинно-родовой строй[38].

Буржуазные националисты не просто проповедовали свои антинаучные взгляды, они навязывали их всеми доступными средствами. Занимая ответственные должности в органах просвещения, науки и культуры, они забирали в свои руки издание учебников по гуманитарным наукам, составление руководящих распоряжений, инструкций, программ. Всюду: в институтах, научных обществах, редакциях, издательствах, культурно-просветительных учреждениях — они насаждали свои кадры. Националисты всячески противились осуществлению в Казахстане решительных мероприятий Советской власти в области просвещения и образования. Так, например, они возражали против основания в 1926 г. первого казахского вуза, заявляя устами своего лидера А. Байтурсунова, что «казахи еще не доросли до открытия своего национального вуза» и что якобы открытый вуз «будет навязывать казахскому народу чужую ему культуру». Антинародная сторона их деятельности, которую они пытались скрыть, особенно ярко проявилась в борьбе за введение в казахскую письменность латинского алфавита, развернувшейся в 1922—1930 г. В течение всего этого времени националисты яростно сопротивлялись реформе алфавита, пытаясь сохранить в казахской письменности сложный и недоступный широким массам народа арабский алфавит. Захватив все делегатские мандаты от Казахской республики на Первый тюркологический съезд, казахские националисты во главе с Байтурсуновым заявили с трибуны съезда, что казахи выступают против латинского алфавита и что реформированный Байтурсуновым арабский алфавит является самым идеальным в мире[39]. В острой борьбе за новый алфавит, новое прогрессивное направление столкнулось лицом к лицу с реакционным, консервативным и одержало решительную победу, означающую начало радикального преодоления буржуазно-националистической идеологии и окончательного утверждения марксистско-ленинского учения в области культуры, просвещения и науки. В то время как националистические элементы в науке противились ее

[38] А. Чулошников. Очерки истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, ч. I. Оренбург, 1924.

[39] Г. Тогжанов. История движения и победы нового алфавита среди казахов. «Большевик Казахстана», 1933, № 6.

успешному развитию, ее активному служению народу, советские этнографы принимали деятельное участие в строительстве новой культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, самоотверженно трудились на всех фронтах культурной революции.

В научно-исследовательских работах 20-х годов по этнографии Казахстана значительное внимание было уделено изучению казахского прикладного и декоративного искусства, преимущественно казахской орнаментики. В этих работах содержатся ценные сведения и интересные мысли. Но на некоторых из них сказалось влияние дореволюционной и буржуазной историографии, считавшей казахскую орнаментику по происхождению иранской. Это мнение, впервые высказанное в советской литературе в 1924 г. А. Миллером[40], попытался обосновать в 1927 г. научный сотрудник этнографического отдела Русского музея, член антропологического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР Е. Р. Шнейдер в статье «Казахская орнаментика». Но мысль эта не нашла широкой поддержки. А. А. Мелков в докладе «Казахский стиль в орнаменте» (1928) одним из первых конкретно показал несостоятельность взглядов Е. Р. Шнейдера, в целом отражавших сильное влияние буржуазной культурно-исторической школы в этнографии[41]. М. Ф. Гаврилов тогда же подвел итоги изучения казахской орнаментики и, отметив различные точки зрения, высказался за продолжение исследований по этому вопросу[42].

В 1929 г. заведующий Джетысуйским областным музеем В. Дублицкий выступил с программой возрождения казахского прикладного и декоративного искусства и всестороннего изучения казахской орнаментики[43]. Для сбора образцов орнамента музей в том же году отправил в казахские аулы 20 молодых художников.

Глубоко изучала казахский орнамент А. А. Четыркина (род. в 1894). Она была членом-учредителем Общества изучения Казахстана и возглавляла историко-этнографический отдел Центрального музея Казахстана. Ее считали наиболее авторитетным знатоком казахской орнаментики, но рукописи ее исследований не были опубликованы и, по-видимому, утеряны. Сохранилась только рукопись разработанной ею «Инструкции по собиранию казахского орнамента», в кото-

---

[40] А. Миллер. Ковровые изделия Востока. Выставка этнографического отдела Русского музея. Л., 1924, стр. 23.

[41] «Советская степь», 1928, № 12.

[42] М. Ф. Гаврилов. Орнамент киргиз Сусамыра. Ташкент, 1929.

[43] Б. Дублицкий. Казахский народный орнамент и его будущее. «Джетысуйская искра», 1929, № 72.

рой дана высокая оценка казахского декоративного искусства[44]. Подобная инструкция не разрабатывалась другими этнографами и искусствоведами за всю историю изучения казахской орнаментики.

Важное значение имели работы С. М. Дудина (1863—1929), в которых сформулированы некоторые особенности казахской орнаментики и описана техника производства художественных промыслов[45]. Но автор смешивал данные казахской и киргизской этнографии, по-видимому, не видя особой разницы между обоими народами, путал национальную терминологию и ошибочно считал казахское прикладное искусство обреченным на быстрое и полное вытеснение фабричным производством декоративных изделий.

Таким образом, сразу же после Октябрьской революции, несмотря на огромные социально-экономические, политические и военные трудности, проблемам развития науки, в том числе и этнографии, стало уделяться Советской властью исключительно большое внимание. В 20-х годах наблюдается быстрый рост научных учреждений, расширяется научно-исследовательская и издательская работа, организуются экспедиции, развертывается широкая подготовка научных кадров, в вузах впервые возникают кафедры казахской этнографии и вводится преподавание этого предмета, этнографическая наука принимает самое активное участие в национально-государственном строительстве и социалистическом преобразовании хозяйства, культуры и быта советских народов. Но теоретический уровень этнографической науки по существу не повышался. Марксистская методология еще не стала тогда безраздельной теоретической основой научного исследования, а научные кадры только овладели марксистско-ленинским учением. Еще сохранялись традиции дореволюционной русской этнографии, еще довольно сильно было влияние реакционной зарубежной этнографии и буржуазно-националистической идеологии.

Начиная с конца 20-х годов, когда усилилась борьба за преодоление теоретического отставания этнографии, и до середины 30-х годов происходят бурные теоретические дискуссии о предмете и задачах этнографической науки, закончившиеся разгромом антинаучных и антимарксистских школ и концепций в этнографии, преодолением теоретической неразберихи, признанием марксистской методологии единственной теоретической основой научного, этнографического

---

[44] Рукопись Республиканской библиотеки КазССР, инв. № 163.

[45] С. М. Дудин. Киргизский орнамент. «Восток», М.—Л., 1925, кн. 5; его же. Ковровые изделия средней Азии. «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. VII. Л., 1928.

исследования[46]. Советские этнографы, твердо ставшие на позиции марксистско-ленинского учения, образовали единую советскую школу в этнографии[47] Этнографическая наука подверглась глубокому преобразованию и оформилась как самостоятельная отрасль марксистско-ленинского знания.

С преодолением теоретических шатаний в этнографической науке на первое место выдвинулась проблема социальной культуры, проблема общественных отношений у ранее отсталых народов азиатской части страны. Нужно было решить задачу социалистического переустройства их экономики и быта. Правильное решение этой проблемы было найдено советскими этнографами в результате серьезного изучения учения В. И. Ленина о возможности перехода отсталых народов от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм[48].

Постановка и решение московскими и ленинградскими учеными проблем социалистического строительства на востоке страны, в том числе в Казахской республике, явилось огромной практической помощью ранее отсталым народам, научным подвигом русских ученых, направлявшим по верному пути как социалистическое строительство, так и развитие науки в восточных районах Советского Союза и этнографическое изучение их населения.

Указанный период горячих споров и дискуссий о предмете и задачах этнографии в Казахстане характеризуется резким упадком научно-исследовательских и экспедиционных этнографических работ. Даже опубликование в 1928 г. статьи В. Н. Куна «Задачи этнологического изучения казахов» и в 1929 г. «Программы по изучению быта казахов» А. Л. Мелкова не вызвало оживления этнографических исследований. Сказывалось отрицательное влияние нигилистического отношения к этнографии, «теорий» о бесперспек-

---

[46] С. П. Толстов. Сорок лет советской этнографии. «Советская этнография», 1957, № 5, стр. 36—37; С. П. Толстов, Т. А. Жданко. Пути развития и проблемы советской этнографии. «Вопросы истории». 1964, № 7, стр. 8; С. И. Токарев. Советская этнография за сорок лет. «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 2, стр. 82—83.

[47] С. П. Толстов. Советская школа в этнографии. «Советская этнография», 1947, № 4.

[48] А. Н. Бернштам. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии. «Советская этнография», 1934, № 6; М. О. Косвен. Аталычество. «Советская этнография», 1935, № 2; Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Бахио-Боло. Л., 1936; Л. П. Потапов. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. Л., 1935; С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л., 1936; С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. «Известия Государственной академии истории материальной культуры», 1934, № 103.

тивности развития этнографической науки в союзных республиках, сужение задач этнографических исследований, прекращение преподавания этнографии в вузах. К числу внутренних причин кризиса этнографии в Казахстане следует отнести низкий теоретический уровень подготовки местных этнографов и краеведов, реорганизацию Общества изучения Казахстана в Оргбюро краеведения, в котором этнографической проблематике было отведено одно из последних мест, отсутствие в республике других учреждений, заинтересованных в этнографических исследованиях, и почти полное невнимание к делу подготовки национальных кадров этнографов.

Правда, в начале 30-х годов в Казахстане наблюдается некоторое оживление краеведения, происходят съезды, конференции, совещания, горячо обсуждаются теоретические проблемы и вопросы широкого развертывания краеведческой работы, предпринимаются попытки централизации и координации научно-исследовательской работы и более тесной увязки ее с практикой социалистического строительства.

В 1930 г. был созван Первый всеказахстанский краеведческий съезд. Работа съезда носила научно-исследовательский характер, в ней принимали участие ученые Москвы и Ленинграда. На секциях съезда были заслушаны и обсуждены доклады С. Д. Асфендиарова «Из истории развития общественных форм на Востоке», В. Н. Куна «О систематическом изучении жизненного режима казахов в связи с проблемами этнографии казахов», С. И. Руденко «Итоги и перспективы научно-исследовательской работы АН СССР в Казахстане», М. Л. Цвибака «Марксизм и этнография». В. Н. Кун правильно ставил вопрос о необходимости монографического и систематического изучения быта казахского народа. Но его доклад носил явные следы гробнеровской «культурно-исторической школы». Он отрицал значение теории в этнографии и не видел классового расслоения в казахском обществе.

В 1930 г. был проведен также Всеказахстанский съезд краеведческих музеев, а через два года состоялась краеведческая конференция. Эти съезды и конференции способствовали разоблачению антинаучных шовинистических и националистических концепций и укреплению молодой советской этнографической науки. Заметно вырос теоретический уровень научных кадров. Крах шовинистов и буржуазных националистов, разгром их антимарксистских концепций ускорили успешное завершение планов социалистического преобразования казахского аула и культурной революции.

В начале 30-х годов, несмотря на проведенные съезды и конференции, в области живой этнографической работы деятельность существовавших краеведческих учреждений дальше более интенсивного сбора экспонатов и обновления музейных экспозиций по существу не пошла. В 1935 г. один из немногих казахстанских этнографов П. А. Хохолко вполне справедливо писал: «Научно-исследовательская работа по этнографии в Казахстане пока не получила сколько-нибудь заметного развития. В настоящее время можно говорить лишь об этнографическом материале, который в той или иной мере используется историками, фольклористами, языковедами, писателями...»[49]. Этнографические экспедиции в начале 30-х годов вообще не работали. Можно указать лишь на экспедицию Московского научно-исследовательского колхозного института, изучавшего в 1932 г. процесс оседания в казахском ауле[50].

Обсуждение в 1933 г. на пленуме Государственной академии истории материальной культуры основных проблем генезиса и развития феодализма и опровержение мнения, что кочевые народы, в силу специфических особенностей кочевого хозяйства, не поднялись в своем социально-экономическом развитии до уровня классового общества имело огромное значение для развития исторической и этнографической науки в Казахстане. Оно не только нанесло решительный удар по националистическим «теориям» бесклассового родового строя у кочевников и ошибочным концепциям о казахском или азиатском способе производства как особой общественно-экономической формации отличной от европейского феодализма, но и расчистило путь для дальнейшего изучения патриархально-феодальных отношений у казахов с позиций марксистско-ленинского учения и в интересах социалистического строительства.

С середины 30-х годов начинается новый период развития советской исторической науки, совпавший в основном с завершением строительства социализма и началом постепенного перехода к коммунизму. Этот период длился до XX съезда КПСС (1956) и был временем консолидации марксистско-ленинских сил и укрепления ленинской концепции[51]. С началом его восстанавливается преподавание исторических дисциплин в вузах, открываются исторические факуль-

---

[49] П. А. Хохолко. Научно-исследовательская работа в Казахстане по этнографии, фольклору и истории. «Советская этнография», 1935, № 6, стр. 139.

[50] Ф. Сластухин. Социалистическая перестройка кочевого казахского аула. «Советская этнография», 1933, № 1.

[51] «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». М., 1962, стр. 17.

теты, создаются учебники по истории для вузов и средних школ, в которых, в соответствии с требованием партии и правительства, история Великороссии не отделяется от истории других народов страны, что стимулирует изучение истории этих народов. В 1933 г. Институт по изучению народов СССР слился с Музеем антропологии и этнографии и образовал Институт антропологии и этнографии, который с 1937 г. стал называться Институтом этнографии АН СССР. В 1939 г. в Московском университете была открыта кафедра этнографии.

В Казахстане в середине 30-х годов также наблюдается рост сети научных учреждений. В 1934 г. были основаны Казахский университет и Казахский научно-исследовательский институт национальной культуры. В 1936 г. при Казахстанской базе АН СССР, возникшей в 1932 г., организована аспирантура, а на основе института национальной культуры открыты отделы и секторы: историко-археологический, литературы и фольклора, языка и музыкально-театрально-хореографический. К 1935 г. относится кратковременное возрождение Общества изучения Казахстана.

Развитию исторической науки в Казахстане стала уделять большое внимание республиканская парторганизация, при которой в 1936 г. под председательством первого секретаря Л. Мирзояна была создана комиссия по истории казахского народа. Еще через два года Казахстанская база АН СССР была преобразована в Казахский филиал АН СССР. Все эти мероприятия создали необходимые условия для нового подъема научных исследований в Казахской республике, для подготовки национальных кадров историков, археологов, этнографов. Но необоснованные репрессии, проведенные в 1937—1938 гг., вырвали из рядов казахстанских ученых многих видных историков (С. Д. Асфендиаров, У. Джандосов, И. Кабулов, А. Самойлович, С. Сейфуллин, Г. Тогжанов), которым была не чужда и этнографическая проблематика. Тем самым исторической науке республики был нанесен большой урон.

Этнографическая наука в СССР и во второй половине 30-х годов продолжала переживать кризисные явления. Наблюдалось сужение ее профиля: изучение лишь пережитков первобытнообщинного строя методом этнографического наблюдения, отрыв от насущных жизненных проблем и свертывание этнографических учреждений[52]. Эти кризисные явления были связаны с культом личности Сталина. Они отрицательно сказались и на развитии этнографических ис-

[52] С. П. Толстов. Сорок лет советской этнографии. «Советская этнография», 1957, № 5, стр. 39.

следований в Казахстане. Здесь преимущественное внимание уделялось казахскому фольклору и искусству, изучению феодально-родовых пережитков и сбору музейных экспонатов[53]. Лишь в 1935 г. этнограф М. Ф. Гаврилов в течение одного полевого сезона изучал современный быт казахских колхозников[54]. В то время как по сбору произведений устного народного творчества работало несколько экспедиций (1934—1940), систематически изучался музыкальный фольклор (Б. Г. Брусиловский, Б. Г. Ерзакович, А. Жубанов). Экспонаты для музеев собирали московские, ленинградские и казахстанские этнографы (А. И. Булгаков, Е. Т. Воеводская, О. А. Корбе, Ф. А. Султанов, П. А. Хохолко). В 1936 г. в Москве была устроена выставка казахского искусства, а через год Казахстан принимал участие в Выставке музыкальных инструментов народов СССР. В. Чепелев на основе материалов московской выставки написал статью «Об искусстве казахского народа», в которой подверг критике теорию иранского происхождения казахской орнаментики, считая, что она имеет местную многовековую традицию[55]. Он же опубликовал со своим предисловием альбом Е. А. Клодта «Казахский народный орнамент», явившийся итогом работы автора в районах Северного Казахстана в 1934—1935 гг.

Материальная культура казахского народа и многие стороны его духовной жизни в предвоенные годы почти не изучались. Немногие этнографы, работавшие в Казахстане, были подготовлены для изучения этих вопросов. Специальное образование имел только П. А. Хохолко, интересовавшийся общественными отношениями и духовной культурой казахов. Ленинградский этнограф К. Задыхина, приезжавшая в Алма-Ату в 1934 г. для ознакомления с местной работой по истории и этнографии казахов, а также для того, чтобы непосредственно включиться в эту работу и участвовать в сборе материалов по сельской общине, свое основное внимание обратила на изучение феодального института тюленгутства[56]. Между прочим, эта проблема в те годы занимала и других исследователей[57]

---

[53] И. И с а к о в. О некоторых феодально-родовых пережитках в колхозах Шаульдерского района. «Большевик Казахстана», 1936, № 5.

[54] М. Ф. Г а в р и л о в. Быт казахов-колхозников Шаульдерского района Южно-Казахстанской области. «Советское краеведение», 1935, № 10.

[55] «Искусство», 1936, № 4.

[56] К. З а д ы х и н а. О командировке в Казахстан. «Советская этнография», 1935, № 1.

[57] М. В я т к и н. Казахское общество в середине XVIII в. «Известия Государственной академии истории материальной культуры», 1934, № 103.

Вопрос о характере общественных отношений у казахов продолжал привлекать внимание многих ученых. Некоторые авторы пересмотрели свои прежние взгляды[58]. Видный казахский историк С. Д. Асфендиаров (1889—1939) в своей книге «История Казахстана» (1935) подверг резкой критике антинаучные шовинистические и националистические взгляды о сущности патриархально-феодальных отношений у казахов. Но правильно считая общественно-экономическую структуру казахского общества классовой и феодальной, он допускал возможность выделения ее в особую формацию, отличную от европейского феодализма. Эта ошибка, которую разделяли и некоторые другие историки, говорила в пользу необходимости более основательного изучения общественных отношений у казахов, но в то время к этому вопросу никто специально не возвращался. Поэтому многие важные аспекты проблемы оставались неразработанными, что отрицательно сказалось на подготовке к изданию первого варианта «Истории Казахской ССР», в которой патриархально-феодальные отношения оказались приукрашенными.

С. Д. Асфендиаров высказал некоторые верные мысли о происхождении казахской народности и делении ее на три жуза, а также одним из первых утверждал, что предки казахов миновали рабовладельческую формацию[59]. В 1935—1936 гг. Асфендиаров совместно с проф. П. А. Кунте впервые в советской литературе опубликовал сборник источников и материалов по истории и этнографии казахского народа «Прошлое Казахстана» в двух томах, сохранивший свое значение по настоящее время. Вообще круг научных интересов ученого был обширен. Он одинаково интересовался проблемами истории; этнографии, фольклористики, экономики и политики казахского народа[60]. Его жизнь трагически оборвалась в конце 30-х годов в результате необоснованного обвинения.

С началом Великой Отечественной войны этнографическое изучение казахского народа замедлилось, но не прекратилось. Казахские этнографические материалы были использованы при написании «Истории Казахской ССР», увидевшей свет в 1943 г. Продолжали полевые исследования фольклористы и работники Центрального музея Ка-

---

[58] А. П. Чулошников. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв. «Известия АН СССР», 1936, № 1.

[59] С. Д. Асфендиаров. О некоторых основных вопросах истории казахов. «Большевик Казахстана», 1933, № 10.

[60] С. Д. Асфендиаров. О казахском эпосе. «Труды Казахского научно-исследовательского института национальной культуры», т. I, 1935; Р. Сулейменов. О научной деятельности С. Д. Асфендиарова. «Вестник АН КазССР», 1959, № 12.

захской ССР, изучалось научное наследие и творчество выдающегося казахского ученого, замечательного этнографа Ч. Ч. Валиханова[61].

После Великой Отечественной войны начинается новый и значительный подъем советской этнографической науки. Ее задачи и перспективы были намечены в работах С. П. Толстова «Этнография и современность» и «Советская школа в этнографии»[62]. В Казахстане этнографическая работа в послевоенный период сосредоточилась преимущественно в Институте истории, археологии и этнографии, организованном в 1945 г. В составе Института был открыт под руководством видного казахского этнографа и фольклориста Н. С. Сабитова отдел (первоначально сектор) этнографии, что явилось признанием большой важности развития этнографической науки в республике.

В период с 1946 по 1948 г. основное внимание отдела этнографии было обращено на сбор полевых материалов по дореволюционной этнографии казахского народа. С этой целью в 1946 и 1948 гг. производились экспедиционные работы в Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областях, а в 1947 — в Алма-Атинской и Талды-Курганской. В результате были собраны значительные материалы, характеризующие в основном духовную культуру казахского дореволюционного аула[63].

В 1947 г. казахстанские этнографы принимали участие в работах Комплексной антрополого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством Н. Н. Чебоксарова в Алма-Атинской, Джамбулской и Талды-Курганской областях. Сотрудники этой экспедиции — москвичи собирали этнографические данные преимущественно по материальной культуре, а казахстанцы — главным образом по общественному и семейному быту, родовым отношениям и фольклору казахов и уйгур. Материалы экспедиции охватывали почти все стороны культуры и быта населения Юго-Восточного Казахстана, но по отдельным темам распределялись неравномерно[64].

Помимо сбора и предварительной обработки экспедиционных материалов казахстанские этнографы составили об-

---

[61] Х. Айдарова. Чокан Валиханов. Алма-Ата, 1945.

[62] «Советская этнография», 1946, № 1 и 1947, № 4.

[63] Н. С. Сабитов. Об итогах работы этнографической экспедиции 1946 г. Сектора этнографии. «Известия Академии наук КазССР, серия историческая», 1948, вып. 4; его же. Некоторые итоги этнографического изучения восточных и юго-восточных областей Казахстана. «Вестник Академии наук КазССР», 1949, № 8.

[64] Н. Н. Чебоксаров. Комплексная антрополого-этнографическая экспедиция в Казахстане. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», 1949, вып. VI.

ширную рабочую библиографию по этнографии Казахстана. Однако к исследованию накопленных материалов по дореволюционной этнографии они так и не перешли, ошибочно считая, что «старый быт нужно изучать только для сопоставления его с новым бытом»[65].

В то же время изучение современной культуры и быта народов Казахстана было начато лишь в 1949 г., с организацией Объединенной экспедиции Института этнографии АН СССР, Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР и Центрального музея Казахской ССР во главе с О. А. Корбе для работы в Кегенском районе Алма-Атинской области и в Чуйском районе Джамбулской области. Члены экспедиции С. А. Корбе и Е. И. Махова обратили особое внимание на изучение современного декоративного искусства казахского аула[66]. Экспедиция собрала также интересные сведения о хозяйстве казахов и материальной и духовной культуре как дореволюционного, так и современного периода[67]. Руководитель экспедиции Корбе написала «Программу этнографического изучения казахского колхозного аула»[68], которая отличалась от ранее опубликованных тем, что основное внимание исследователей она фиксировала на изучении процессов, возникающих и развивающихся в связи с победой социализма в нашей стране и дальнейшим успешным продвижением к коммунизму.

В последующие годы (1950—1953) казахстанские этнографы продолжали экспедиционное обследование Алма-Атинской и Джамбулской областей, изучая культуру и быт казахского колхозного аула[69], а московские ученые Корбе и Махова по той же теме в 1950 г. работали в Абаевском районе Семипалатинской области и в Кугалинском районе Талды-Курганской области[70].

Результаты экспедиций 1950—1953 гг. обобщили этно-

---

[65] Н. С. Сабитов. Об этнографической экспедиции 1949—1950 гг. по изучению культуры и быта казахского колхозного аула. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1949, вып. 5, стр. 73.

[66] О. А. Корбе и Е. И. Махова. Декоративное искусство колхозниц Казахстана. «Краткие сообщения института этнографии АН СССР», 1950, вып. XI.

[67] О. А. Корбе. Культура и быт казахского колхозного аула. «Советская этнография», 1950, № 4. Н. С. Сабитов. Культура и быт казахского колхозного аула. «Вестник АН КазССР», 1950, № 10.

[68] «Краткие сообщения института этнографии АН СССР», 1949, вып. 6.

[69] Н. С. Сабитов. Работа по изучению культуры и быта казахского колхозного аула. «Вестник АН КазССР», 1952, № 3; его же. Этнографическая экспедиция в Меркенский район Джамбулской области. «Советская этнография», 1953, № 3.

[70] О. А. Корбе и Е. И. Махова. Экспедиция в Казахстан. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», т. XIV, 1952.

графы Н. С. Сабитов и И. В. Захарова. Н. С. Сабитов в статье «Общественная жизнь и семейный быт казахов-колхозников» дал яркую картину современной культурной жизни казахского колхозного аула, а Захарова в статье «Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана» в историческом введении охарактеризовала некоторые особенности хозяйства и быта казахов дореволюционного периода, а затем на большом конкретном этнографическом материале рассмотрела процесс социалистической перестройки хозяйства и сложения новых форм быта казахских колхозников[71].

В 1950—1952 гг. современный быт казахского колхозного аула изучали также Г. Н. Валиханов в Кокчетавской области и В. В. Востров в Джаныбекском районе Западного Казахстана. Работа Вострова была опубликована в 1956 г.

К сожалению, в работах Сабитова, Захаровой, Вострова и Валиханова выявился ряд серьезных недочетов, в значительной степени обусловленных слишком односторонним подходом к изучению вопросов культуры и быта. Из-за недостаточного изучения авторами дореволюционной этнографии казахов описание преобладало над исследованием. Авторы не разрешили стоявшей перед ними задачи конкретного показа путей формирования современной культуры и быта казахского народа[72].

Положительным фактором в истории этнографического изучения казахского народа в послевоенные годы следует считать широкое и непосредственное участие видных московских и ленинградских этнографов (Н. Н. Чебоксарова, Е. И. Маховой, О. А. Корбе и других) в исследовании важных проблем казахской этнографии. Материалы, собранные ими, их научно-исследовательские работы, инструкции и программы заметно двинули вперед науку и значительно помогли казахстанским этнографам. Кроме названных работ, необходимо еще отметить ценную статью Л. П. Потапова «Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни», написанную по этнографическим коллекциям Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде[73].

С 1946 г. известную этнографическую работу в Казахстане развернул Центральный музей Казахской ССР, организовавший в 1946—1951 гг. экспедиции в Семипалатинскую,

---

[71] См.: «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. III, 1956.

[72] И. Захарова, Р. Ходжаева. Состояние и задачи изучения этнографии Казахстана. «Советская этнография», 1960, № 2, стр. 180.

[73] «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. 12, 1949.

Павлодарскую, Карагандинскую и Кустанайскую области. Главной целью экспедиций было пополнение экспонатов музея и создание полноценных экспозиций культуры и быта казахов XVIII—XIX вв. и эпохи социализма[74]. В этом же направлении вели свою работу и остальные музеи республики. В декабре 1949 г. в Алма-Ате состоялись республиканский семинар музейных работников и научная сессия Ученого совета Центрального музея Казахской ССР, указавшие на ошибки в работе краеведческих музеев и наметившие задачи коренного улучшения краеведения[75].

Однако эти задачи не осуществились. В последние полтора десятилетия этнографическая работа в краеведческих музеях находится в запущенном состоянии. Коллекции во многих музеях республики очень бедны и почти не пополняются новыми экспонатами.

В 1955 г. в связи с утверждением новой тематики на 1955—1965 гг. Отдел этнографии института истории, археологии и этнографии АН КазССР приступил к подготовке материалов для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, крупного обобщающего труда, разрабатываемого совместно с Институтом этнографии АН СССР и академиями наук среднеазиатских республик[76]. С этого времени главным в научной деятельности казахстанских этнографов стало всестороннее исследование традиционной культуры казахского народа в историческом развитии путем организации сплошного экспедиционного обследования территории республики, систематизации и введения в научный оборот всех накопленных материалов, восполнения пробелов в этнографической изученности дореволюционного Казахстана. Отсюда видно, что новой тематикой не предусматривалось дальнейшее изучение советской действительности, современных культурно-бытовых преобразований и этнических процессов. Такое отношение к современной проблематике основывалось на неправильном убеждении части казахстанских этнографов, что только в результате всестороннего исследования дореволюционной культуры «можно перейти к подлинно научному и глубокому изучению закономерностей преобразования быта и культуры в эпоху социализма и перехода к коммунизму»[77].

---

[74] А. М. Жиренчин. Проблема этнографии и задачи музеев Казахстана. «Вестник АН КазССР», 1949, № 11; его же. Работа научной экспедиции Центрального музея Казахстана в 1947 г. «Вестник АН КазССР», 1948, № 2.

[75] «Задачи краеведческих музеев Казахстана». Алма-Ата, 1950.

[76] Т. А. Жданко. Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана. «Советская этнография», 1955, № 3.

[77] И. Захарова, Р. Ходжаева. Состояние и задачи изучения этнографии Казахстана. «Советская этнография», 1960, № 2, стр. 180.

В послевоенные годы совместными усилиями историков и этнографов проделана большая работа в области изучения этногенеза казахского народа. Для разработки этой проблемы имели значение труды московских ученых, посвященные обоснованию теоретических основ этногенетических исследований[78]. Впервые верный путь изучения происхождения казахов указал член-корреспондент АН СССР С. П. Толстов. В статье «Основные вопросы древней истории Средней Азии» он еще в 1938 г. выступил против традиционной концепции этногенеза народов Средней Азии и Казахстана, разрывавшей историю древних народов этой территории и народов средневековья и нового времени. Он отмечал, что узбеки, туркмены, киргизы, каракалпаки, казахи необоснованно и неизменно «рассматриваются как потомки поздних пришельцев с востока, оттеснивших и лишь частично ассимилировавших древних «иранских» кочевников среднеазиатских степей и «иранское» оседлое население оазисов». На большом фактическом материале С. П. Толстов показал несостоятельность этой концепции и сделал правильный обобщающий вывод большой научной значимости: «История согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев, массагетов, саков, усуней, эфталитов, тюрков древней Средней Азии — это история прямых предков народов цветущих республик Советского Востока, народов, показавших на деле, что в их лице мир имеет достойных потомков создателей блестящей культуры среднеазиатской античности»[79].

С тех пор проблема этногенеза казахов стала тесно увязываться с проблемой происхождения и историей массагетов, саков, усуней и других древних племен казахских степей, среднеазиатского Междуречья и Семиречья. В республике в широком масштабе развернулись археологические исследования, позволяющие лучше изучить материальную культуру предков казахского народа, их историю, взаимоотношения с оседлыми народами и связь с казахской народностью. Для изучения этногенетического процесса в Казахской степи стали также широко привлекаться данные антропологии, этнографии, лингвистики, фольклористики.

Большинство историков и этнографов пришло к мнению, что процесс этногенеза казахской народности начался еще в начале первого тысячелетия до н. э., в основе своей он был

---

[78] Н. И. Кушнер. К методологии определения этнографической территории. «Советская этнография», 1946, № 1; С. А. Токарев. К постановке проблем этногенеза. «Советская этнография», 1949, № 3; А. Д. Удальцов. Теоретические основы этногенетических исследований. «Известия АН СССР, серия истории и философии»,1947, № 6.

[79] «Вестник древней истории», 1938, № 1, стр. 196, 203.

автохтонным и завершился в XV — начале XVI в.[80]. Однако детально этот процесс еще не исследован и представлен схематично. Многие важные аспекты его остаются неясными. Плохо известна история отдельных крупных компонентов казахской народности и даже их этническая принадлежность (аргын, алшын, дулат, кыпшак, найман, уйсун). Некоторые авторы подменяют процесс этногенеза казахской народности вопросом о времени ее окончательного сложения, или решающее значение в этногенетическом процессе придают политическим факторам, или же преувеличивают значение миграций.

Недостаточная разработанность вопроса о патриархально-феодальных отношениях у казахов и других кочевых народов вызвала новое обсуждение его в 1954 г. на Объединенной научной сессии в Ташкенте. Сессия не согласилась с мнением некоторых историков, что патриархально-феодальные отношения представляют собой особый, присущий только кочевым народам, «тип» феодализма, основой которого является собственность на скот[81]. На сессии утвердилось мнение, что по своему существу патриархально-феодальные отношения являются отношениями феодальными, развивавшимися под воздействием общих закономерностей феодальной формации, на основе возникновения и упрочения феодальной собственности на землю.

С XX съезда КПСС начинается новый период развития советской исторической науки. Решения съезда имели громадное значение для советской науки, как и для всей жизни нашей страны. В них была изложена боевая программа действий, нацелившая историческую, и в том числе этнографическую, науку на решение актуальных и ответственных задач социалистического и коммунистического строительства. Ликвидация последствий культа личности открыла перед советскими учеными ясные перспективы, широкое поле научной деятельности, создала все условия для нового подъема и расцвета советской науки.

После XX съезда КПСС еще более повысилась роль Института этнографии АН СССР, как всесоюзного центра советской этнографической науки, разрабатывающего теоретические основы этнографических исследований, их проблема-

---

[80] Х. М. Адильгиреев. К истории образования казахского народа «Вестник АН КазССР», 1951, № 1; М. Ақынжанов. Қазақтын тегі туралы. Алматы, 1957; «История Казахской ССР», т. 1. Алма-Ата, 1957.

[81] «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955; Г. П. Васильева, Т. А. Жданко. Актуальные вопросы дооктябрьской истории народов Средней Азии и Казахстана. «Советская этнография», 1954, № 2.

тику, и направляющего усилия советских этнографов на активное и плодотворное участие в разработке основных проблем развития культуры и быта народов СССР в период развернутого строительства коммунизма. Институт полностью справляется с этой ролью. Ученые Института на каждом этапе жизни нашей страны своевременно и точно определяют основные задачи и направления развития советской этнографии, которые обоснованно излагаются в редакционных статьях журнала «Советская этнография». Особенно большое значение имели редакционные статьи: «Основные проблемы этнографических исследований в текущем семилетии» (1959, № 3) и «Основные задачи советской этнографии в свете решений XXII съезда КПСС» (1961, № 6), наметившие путь развития советской этнографической науки на предстоящие годы и показавшие огромное теоретическое и практическое значение решений и документов XXII съезда КПСС для развертывания этнографических исследований в нашей стране.

Огромный интерес для советских ученых представляют также статьи С. П. Толстова «Основные теоретические проблемы современной советской этнографии» (1960, № 6), В. Ю. Крупянской, Л. П. Потапова и Л. Н. Терентьевой «Основные проблемы этнографического изучения народов СССР» (1961, № 3), Л. П. Потапова «Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР» (1962, № 2), А. И. Першица «Актуальные проблемы советской этнографии» (1964, № 4), С. П. Толстова и Т. А. Жданко «Пути развития и проблемы советской этнографии» («Вопросы истории», 1964, № 7). В этих статьях определены не только основные задачи советской этнографии, но дана и теоретическая разработка их, обоснована важность каждой из них, намечены пути их решения, а также проведен анализ проделанной в нашей стране работы и выявлены достижения и недостатки этнографических исследований.

Институт этнографии АН СССР поддерживает тесные связи со всеми этнографическими учреждениями страны, принимает непосредственное участие в их работе, всесторонне помогает им, разрабатывает руководящие материалы. Сектор Средней Азии и Казахстана Института совместно с среднеазиатскими Академиями наук ведет работу над созданием «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана». Учеными Института этнографии разработаны структура атласа, программы сбора научных материалов для отдельных его выпусков[82]. Большую помощь республи-

[82] Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М., 1961.

канским академиям наук оказывает Институт и в деле подготовки научных кадров. Аспирантуру Института окончили почти все этнографы, работающие в Казахстане (Г. Валиханов, В. Востров, И. Захарова, Э. Масанов, Р. Ходжаева). В подготовке кадров для Казахской республики особенно значительную роль сыграли Т. А. Жданко, Л. П. Потапов, С. П. Толстов.

Московские и ленинградские этнографы в течение последних десяти лет почти не принимали непосредственного участия в этнографических экспедициях, работавших в Казахстане. Но казахский этнографический материал исследовался ими довольно широко. В изучении ряда важнейших вопросов казахской этнографии они даже опередили казахских этнографов.

Многое сделано советскими учеными в области изучения проблемы национальной консолидации, развития социалистических наций и народностей СССР. Вопросы развития казахской социалистической нации и сближения ее с другими затронули и изучили в определенной степени С. М. Абрамзон, Т. А. Жданко и другие[83]. На VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, на котором проблеме формирования социалистических наций было уделено большое внимание, о казахской нации говорили Т. А. Жданко, К. Х. Ханазаров, Л. Шинло[84]. Т. А. Жданко в опубликованном докладе «Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций СССР», имеющем большое теоретическое и методологическое значение, выделила главные направления изучения национальных отношений в нашей стране в этнографическом аспекте. Она подвергла острой критике социологические концепции буржуазной науки, изложила марксистскую трактовку понятия *нация,* охарактеризовала особенности и пути формирования социалистических наций, методику изучения современных этнических процессов и описала современные этнические процессы, происходящие в СССР.

Ученые центральных научных учреждений приступили

---

[83] С. М. Абрамзон. Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана. «Советская этнография», 1962, № 3; Т. А. Жданко. Ленинская национальная политика на новом историческом этапе. «Советская этнография», 1960, № 2; В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко. Основные направления этнических процессов у народов СССР. М., 1961; А. И. Нарынбаев. К вопросу сближения наций (на примере республик Средней Азии и Казахстана). Фрунзе, 1963.

[84] К. Х. Ханазаров. Сближение наций и развитие языков народов СССР. М., 1964; Л. Шинло. Изменения в национальной культуре дунган в процессе их сближения с другими народами Средней Азии и Казахстана. М., 1964.

к изучению культуры и быта рабочего класса Казахской республики раньше казахстанских этнографов[85]. Они дали интересные исследования по вопросам семьи и быта у народов Средней Азии и Казахстана как дореволюционной, так и советской эпохи[86]. Появились интересные работы о географо-этнических особенностях сельского расселения в Южном Казахстане[87] Сектором этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР изданы этнографические карты Средней Азии и Казахстана. С. А. Токарев в книге «Этнография народов СССР» (1958) дал этнографическую характеристику казахского народа. Т. А. Жданко изучала проблему полуоседлого населения в истории Казахстана[88].

Значительным событием в истории этнографической науки явился VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, состоявшийся в Москве в 1964 г. На конгрессе, его секциях и симпозиумах обсуждались важные проблемы современной этнографической науки. Для казахстанских этнографов, присутствовавших на конгрессе, особенно большое значение имела работа секции «Западная Азия», тематических секций, симпозиумов, особенно на тему «Взаимоотношения кочевого и оседлого населения». Казахстанцами были представлены два доклада: А. Х. Маргулана «Казахская юрта и ее убранство» и Э. А. Масанова «Из истории этнографического изучения казахского народа в России (XV — XVIII)», опубликованные затем отдельными брошюрами. Кроме вышеназванных докладов, в которых освещаются некоторые проблемы казахской этнографии, назовем еще два опубликованных доклада: С. М. Абрамзона «Патриархально-общинный уклад и пути его изживания у народов среднеазиатских республик и Казахстана» и У. Х. Шалекенова «К вопросу о взаимоотношениях казахских племен с оседлым и полуоседлым населением Хорезма в XVIII—XIX вв.».

После XX съезда КПСС, призвавшего советских ученых вести решительную борьбу с догматизмом и начетничеством, творчески разрабатывать наиболее актуальные проблемы

---

[85] А. С. Морозова. Опыт изучения рабочего класса Казахстана. «Советская этнография», 1962, № 6.

[86] Г. Васильева, Н. Кисляков. Вопросы семьи и быта народов Средней Азии и Казахстана в период строительства социализма и коммунизма. «Советская этнография», 1962, № 6; Н. А. Кисляков. Некоторые брачные церемонии у народов Средней Азии и проблема материнского рода. М., 1964.

[87] О. Р. Назаревский. Географо-этнические особенности сельского расселения в республиках Средней Азии и Южного Казахстана. М., 1964.

[88] Т. А. Жданко. Проблема полуоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана. М., 1960.

науки, крепить связь с жизнью, с коммунистическим строительством, общее собрание Отделения общественных наук АН КазССР в ноябре 1956 г. обсудило в свете решений съезда итоги и перспективы развития этнографической науки в республике. Собрание вскрыло серьезные недостатки в научной деятельности этнографов и отметило, что ведущей задачей должно стать изучение современных процессов в жизни народов Казахстана.

За прошедшее после XX съезда КПСС десятилетие этнографическая работа в Казахстане заметно оживилась. Экспедиционным этнографическим обследованием охвачены многие районы Актюбинской, Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской, Гурьевской, Джамбулской, Карагандинской, Кзыл-Ординской, Кокчетавской, Кустанайской, Уральской, Чимкентской и Целиноградской областей. В экспедициях принимали участие этнографы Х. Аргынбаев, Г. Н. Валиханов, В. В. Востров, И. В. Захарова, Э. А. Масанов, М. С. Муканов, Р. Д. Ходжаева. В результате накоплен большой и интересный этнографический материал[89].

В 1959 г. казахстанские этнографы, руководствуясь историческими решениями XX и XXI съездов КПСС приступили к изучению современного быта казахского колхозного аула с целью создания коллективного труда, отражающего глубокие и принципиальные изменения в культуре и быте казахского крестьянства в эпоху развернутого строительства коммунизма.

Одновременно исследовались и другие важнейшие проблемы этнографии Казахстана. Этнографы В. В. Востров и И. В. Захарова завершили работу «Развитие современного жилища и изучение домашнего быта казахов-колхозников», в которой они рассматривают историю развития казахского оседлого жилища от средневековья до современности и специфические особенности жилища и домашнего быта, связанные с различными социально-экономическими формациями[90] Х. Аргынбаев исследовал историко-культурные связи казахского и русского народа и их влияние на материальную культуру казахов[91]. В. В. Востров и И. В. Захарова приняли участие в написании статьи «Казахи» для книги «Народы Средней Азии и Казахстана», изданной Инсти-

---

[89] Отчеты о работах экспедиций см.: «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. VI, VIII и XII, 1959—1961; «Известия АН КазССР, серия истории», 1961, вып. 2.

[90] В. В. Востров. К истории развития оседлого жилища у казахов. «Труды Института этнографии АН СССР», т. 48, 1961.

[91] Х. Аргынбаев. Историко-культурные связи русского и казахского народов. «Труды института истории, археологии и этнографии», т. 6, 1959.

тутом этнографии АН СССР в 1963 г. Автор настоящей работы подробно изучил домашние промыслы и ремесла казахского народа и обосновал выдвинутый им тезис о перерастании на рубеже XIX—XX вв. ряда отраслей казахского ремесла в кустарно-ремесленные промыслы[92].

Всестороннему изучению подверглось казахское прикладное и декоративное искусство. Этнографы на основе обобщения совершенно новых и ценных материалов описали казахское ювелирное искусство, резьбу по дереву, кости и камню, ковроткачество, производство узорной кошмы и других предметов из войлока, а также исследовали казахскую орнаментику[93]. Ученые республики изучили также орнаментику архитектурных памятников[94]. Таким образом, богатое прикладное и орнаментальное искусство казахского народа, имеющее многовековые традиции, к которым буржуазная наука относилась пренебрежительно, впервые в годы советской власти стало предметом специальных и многочисленных исследований и получило довольно полное освещение в печати. Ныне в республике принимаются меры к возрождению народного искусства. В 1957 г. состоялся республиканский слет мастеров народного прикладного и художественно-декоративного искусства, а в 1960 г. была организована выставка прикладного искусства в Алма-Ате.

Значительным успехом казахстанских этнографов явилось издание в 1964 г. монографии И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой «Казахстанская национальная одежда». Книга получила высокую оценку в республиканской печати. В ней уделено большое внимание описанию комплексов казахской национальной одежды и отдельных ее частей, изменениям в одежде, происходившим в связи с изменением хозяйства и условий жизни казахского народа, выявлению местных и специфических особенностей одежды, ее древних и новых форм, воспринятых казахами элементов современного по-

[92] Э. А. Масанов. Из истории ремесла казахов. «Советская этнография», 1958, № 5; его же. Условия труда и бытовой уклад казахских ремесленников. «Известия АН КазССР, серия истории», 1961, вып. 1.

[93] В. Востров. Некоторые изделия казахских мастеров зергеров, 1959; М. Муканов. Ковровое производство и его орнаментика, 1959; его же. Резьба по дереву у казахов, 1959; Э. Масанов. Кузнечное и ювелирное ремесла в казхском ауле, 1961; его же. Заметки о резьбе по кости и камню у казахов, 1963. Эти работы опубликованы в «Трудах Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 6, 12, 18, 1959—1963; Е. Микульская. Заметки об орнаментальном искусстве Гурьевской области. «Известия АН КазССР, серия филологии», 1960, вып. 1.

[94] Т. К. Басенов. Орнамент Казахстана в архитектуре. Алма-Ата, 1957; М. М. Мендикулов. Памятники архитектуры полуострова Мангышлака и Западного Устюрта. Алма-Ата, 1956.

кроя и костюма, а также истории изучения казахской одежды. Книга написана на основе богатых материалов, музейных и полевых, собранных во многих областях республики, и хорошо иллюстрирована.

Этнографы В. В. Востров и М. С. Муканов изучают родоплеменную структуру и родорасселение казахов в дореволюционную эпоху.

Они увязывают свою тему с проблемой землепользования казахов на рубеже двух последних веков, а также с проблемой происхождения казахского народа. Некоторые результаты исследования авторы опубликовали в отдельных статьях[95].

Казахстанские этнографы изучали народную ветеринарию казахов, их верования, преобразования национального быта и культуры казахского крестьянства в годы Советской власти[96]. Много внимания уделили ученые республики проблеме перехода казахов и других отсталых народов к социализму, минуя капитализм, закономерностям и особенностям социалистического и коммунистического строительства в Казахстане[97].

В 1964 г. коллектив этнографов Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР завершил монографию «Культура и быт казахского колхозного аула». Монография написана на основе изучения культуры и быта казахского населения колхозов «Жетысу» имени XXII съезда КПСС Талды-Курганского района Алма-Атинской области. Авторы (Х. Аргынбаев, В. Востров, И. Захарова, Д. Кармышева, А. Маргулан, Э. Масанов, М. Муканов, Р. Сулейменов, Р. Ходжаева) стремились показать глубокие изменения, происшедшие за годы Советской власти в жизни казахского крестьянства, социалистическое преобразование его культуры и быта, активное участие колхозного крестьянства в социалистическом и коммунистическом строительстве. Монография выйдет в свет в 1966 г.

Казахстанские этнографы широко изучали историографическую тематику. Г. Н. Валиханов, И. В. Захарова и Э. А.

---

[95] См.: «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. XII, XVI, 1961—1962.

[96] Х. Аргынбаев. Народная ветеринария у казахов. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. XVI, 1962; В. В. Востров. К вопросу о пережитках древних верований у казахов. «Известия АН КазССР, серия истории», 1959, вып. 2; И. Захарова. Преобразование национального быта и культуры казахского крестьянства за 40 лет Советской власти. «Известия АН КазССР, серия истории», 1958, вып. 2.

[97] См.: «История Казахской ССР», т. II, Алма-Ата, 1963. См. также книгу: «Минуя капитализм (О переходе к социализму республик Средней Азии и Казахстана)». М., 1961.

Масанов в своих работах охарактеризовали выдающийся вклад русских ученых в историю этнографического изучения казахского народа, зарождение и развитие местной этнографии, наметили принципы ее периодизации, показали роль русской науки в развитии казахской этнографической мысли[98]. Этнографы участвуют в редактировании и подготовке к печати Собрания сочинений крупнейшего казахского ученого, замечательного этнографа и путешественника Ч. Ч. Валиханова[99]. Издание трудов Валиханова подняло казахскую этнографию на новую ступень, так как предоставило в ее распоряжение ценные исследования и материалы, которые ранее не были известны науке.

Ученые Казахской республики ведут неослабеваемую борьбу с реакционной буржуазной идеологией, своевременно разоблачают измышления фальсификаторов истории, пытающихся очернить великие достижения казахского народа в экономическом и культурном строительстве и доказать, что Казахстан якобы является колонией[100].

Чтобы создать необходимую научно-техническую базу для развертывания этнографических исследований, при отделе этнографии Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР в 1958 г. был создан научный кабинет, в котором ныне сконцентрированы многочисленные экспедиционные материалы, собранные за последние 20 лет, полевые записи, рисунки, фотоснимки, негативы и десятки уникальных высокохудожественных предметов прикладного и декоративного искусства казахского народа, приобретенные в различных районах Казахстана.

---

[98] Г. Н. Валиханов. Этнография казахского народа в трудах А. А. Диваева. «Советская этнография», 1958, № 5; его же. Изучение этнографии дореволюционного Казахстана русскими учеными. «Известия АН КазССР, серия истории», 1959, вып. 1; И. В. Захарова. Этнографическое изучение Казахстана за годы Советской власти. «Известия АН КазССР, серия истории», 1956, вып. 3; Э. А. Масанов. Об этнографическом изучении Казахстана в России до 1845 г. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. VI, 1959; его же. Труды Г. Н. Потанина — важный источник по этнографии казахского народа. «Известия АН КазССР, серия истории», 1960, вып. 3; его же. Ибрай Алтынсарин как этнограф казахского народа. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. XVI, 1962.

[99] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I—III. Алма-Ата, 1961—1965.

[100] А. Турсунбаев. Против буржуазной фальсификации истории Казахстана. Алма-Ата. 1963; А. Нусупбеков, Х. Бисенов. Фальсификация истории и историческая правда. Алма-Ата, 1964; Н. Сагиндыков. Мистер Биннер наводит тень на ясный день. «Простор», 1960, № 2; см. также: Т. А. Жданко. Демагогические измышления и историческая правда. «Советская этнография», 1958, № 4; Х. Ш. Иноятов. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962.

В настоящее время казахстанские этнографы, руководствуясь историческими решениями XX и XXII съездов КПСС, успешно и творчески повышают научно-теоретический уровень своей работы. Решения съездов партии оказали положительное воздействие на этнографическую науку Казахстана. Как и вся советская наука, она многого достигла. За последние годы казахстанские этнографы подготовили к печати пять томов своих трудов, которые получили высокую оценку, выпустили монографию «Казахская национальная одежда» и много отдельных статей, что значительно превышает научные издания по этнографии республики за весь предшествующий десятилетний период с 1946 по 1956 г.[101]. При этом исследован целый ряд ранее совершенно неизученных кардинальных проблем, например, многовековые русско-казахские культурные связи, родоплеменная структура и родорасселение, домашние ремесла и промыслы, прикладное и декоративное искусство, культура и быт современного колхозного аула. Этнографы стали глубже изучать жизнь народа. В эти же годы появились и первые историографические работы. Неизмеримо вырос размах экспедиционных исследований. Если до 1956 г. этнографы побывали лишь в нескольких районах республики, то ныне они уже близки к завершению сплошного экспедиционного этнографического обследования всего Казахстана. Этнографами изучены и взяты на учет литературные, архивные и музейные материалы. Значительно расширена и упрочена, таким образом, источниковедческая база этнографических исследований.

В работе казахстанских этнографов, кадры которых весьма незначительны, имеются и серьезные недостатки. До сих пор ими почти не изучалась духовная культура казахов, быт рабочих, современные этнические процессы, семейные отношения, религиозно-бытовые пережитки, а также этногенез казахов. Этнографические исследования недостаточно увязывались с насущными потребностями государства, с программой коммунистического строительства. Многие исследователи уделяли внимание преимущественно дореволюционной этнографии.

Эти исследования теперь следует основывать на более широких по территориальному охвату данных, перейти к изучению культуры и быта колхозного населения районов и областей со смешанным национальным составом, что поможет выявить взаимовлияния и проследить сближение народов. Вместе с тем должны исследоваться и проблемы исторической этнографии казахского народа.

---

[101] См., например: «Советская этнография», 1958, № 2, и 1962, № 6.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора 3
Введение 5

I раздел

Этнографическое изучение казахского народа в эпоху феодализма 17

Глава 1. Начало накопления этнографических знаний о казахском народе (XV — начало XVIII века) —
Появление в русских литературных источниках XVI в. первых этнографических сведений о казахском народе 18
Дальнейшее накопление этнографических сведений в XVII в. 27
Пополнение и углубление этнографических знаний о казахах в конце XVII — начале XVIII в. 33
Глава 2. Развитие этнографических исследований в период присоединения Казахстана к России (вторая четверть XVIII — середина XIX века) 42
Разработка проблем казахской этнографии в трудах И. К. Кирилова, В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера (вторая четверть XVIII в.) —
Донесения и отчеты русских людей о поездке в Казахскую степь. Труды П. И. Рычкова 55
Этнографические работы Второй академической экспедиции (третья четверть XVIII в.) 65
Поездки русских людей в Казахскую степь в последней трети XVIII в. Труды И. Г. Андреева 75
Этнографические исследования конца XVIII — начала XIX в. 84
Декабристы о казахах 92
Накопление этнографических материалов в 20—40-х годах XIX в. 98
Труды Г. И. Спасского, Н. Я. Бичурина, С. Б. Броневского, А. И. Левшина, В. И. Даля 112
Краткие выводы 124

II раздел

Этнографическое изучение казахского народа в эпоху капитализма и его высшей стадии — империализма 127

Глава 3. Развитие этнографических исследований в середине и во второй половине XIX века —

Образование Русского географического общества и его деятельность в 1845—1861 гг. —
Роль научных обществ второй половины XIX в. в изучении этнографии казахского народа 158
Образование и деятельность Оренбургского отдела Русского географического общества 168
Изучение южных казахов и деятельность туркестанских ученых и краеведов 178
Образование и деятельность Западно-Сибирского отдела Русского географического общества 196
Казахская этнографическая проблематика в периодической прессе 208
Глава 4. Развитие этнографических исследований в конце XIX — начале XX века 215
Особенности и результаты этнографического изучения казахского народа в столичных научных обществах и учреждениях —
Оренбургские научные общества и учреждения 235
Западно-Сибирский отдел Русского географического общества 246
Семипалатинский областной статистический комитет и подотдел Русского географического общества 250
Труды туркестанских ученых и краеведов 261
Краткие выводы 275

III раздел

Этнографическое изучение казахского народа в годы Советской власти 283

Масанов Эдиге Айдарбекович

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАЗАХСКОГО НАРОДА В СССР

Редактор *З. Н. Пальгова*
Худ. редактор *И. Д. Сущих*
Тех. редактор *П. Ф. Алферова*
Корректор *Н. Г. Кон*
Обложка художника *М. А. Хоменко*

* * *

Сдано в набор 26/II 1966 г. Подписано к печати 19/IV 1966 г.
Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Печ. л. 20,13. Бум. л. 10,7. Уч.-изд. л. 21.
Тираж 1410. УГ 03377. Цена 1 р. 46 к.

* * *

Типография изд-ва «Наука» КазССР. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28.
Зак. 25.